

МЭРИ РЭДКЛИФФ

**Тайна
Скарлетт О'Хара**

Роман о юности Скарлетт,
до встречи с Батлером

Это роман-повествование о тех днях жизни Скарлетт О'Хара и Рэтта Батлера, когда они еще не знали друг друга. Они сами раскроют читателям сокровенные тайны своей жизни, помогут понять причины их поступков во время кровопролитной войны Севера и Юга, о которых так красочно поведала в своем романе Маргарет Митчелл.

- [Мэри Рэдклифф](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 -
-

Мэри Рэдклифф

Тайна Скарлетт О'Хара

Роман о юности Скарлетт, до встречи с Батлером

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗВЕЗДА ШЕРИФА

Наконец-то мечта Рэтта Баттлера сбылась. Он и в самом деле был богат. Конечно, какие-то семьдесят тысяч долларов не каждого встречного приведут в трепет. Особенно, если у тебя нет своего дома, ни даже определенных планов на будущее. И твой багаж состоит всего лишь из небольшого кожаного саквояжа...

Правда, и от этих семидесяти тысяч долларов осталось чуть больше пятидесяти, после того как Рэтт Баттлер справил себе новый костюм, приобрел новый черный плащ и обзавелся шикарным черным скакуном.

Теперь он не позволял себе, чтобы его щеки покрывала щетина. Знакомство с полковником Чарльзом Брандергасом явно пошло ему на пользу. Рэтт понял, что даже, ночуя в пустыне, можно найти время и место побриться и вычистить одежду.

Первое желание, возникшее в душе Рэтта Баттлера, как только он понял, что стал богат — вернуться на родину, в Чарльстон — через несколько дней улетучилось.

Конечно, с такими деньгами можно было явиться в Чарльстон — но стать средней руки торговцем, которого уважали бы лишь неудачники.

А Рэтт Баттлер хотел быть первым везде.

Его манило сейчас другое: магическое число — миллион.

«В этом нет ничего невозможного! — уговаривал сам себя Рэтт Баттлер. — Скажи мне кто-нибудь год тому назад, что у меня будет пятьдесят тысяч долларов, я бы не поверил такому предсказателю. А теперь я уже верю в то, что стану миллионером».

Живя на Диком Западе, Рэтт чувствовал себя одним из первых. Тут уважали деньги, но еще больше уважали умение выжить при любых обстоятельствах.

А у него на родине, в Чарльстоне, время тянулось вдвое медленнее, и мгновенный переход от существования на краю пропасти к степенной и размеренной жизни не мог произойти вот так сразу.

«Если бы деньги делались сами...» — не раз вздыхал Рэтт Баттлер, понимая, что ему еще не раз придется подвергнуть свою жизнь опасности, выдумать не одну хитроумную комбинацию, чтобы разбогатеть окончательно и бесповоротно.

Не привыкший считать наличные, когда они водятся в каждом кармане, Рэтт Баттлер к собственному ужасу убедился однажды, что его запасы быстро тают.

А новых поступлений в ближайшее время не предвиделось. Из такого положения существовало два выхода — оба были просты и, в одинаковой мере, невыполнимы.

Можно было вложить деньги в какое-нибудь надежное предприятие, что принесло бы вполне приличные доходы, и жить на эти деньги почти ни о чем не думая.

Но настоящим мужчинам свойственно рисковать, и Рэтту Баттлеру не хотелось превратиться в этакое законопослушного гражданина, чей унылый вид навевает на горожан скуку, а вдохновляет лишь приходского священника.

Второй вариант был еще проще — не думать ни о чем и ждать, когда все деньги кончатся. И тогда жизнь сложится сама собой...

И Рэтт Баттлер, чьи годы уже неотвратимо приближались к тридцати, понял, что ему не обойтись без мудрого совета своего старого друга, полковника Чарльза Брандергаса.

Конечно же, разыскать человека при той любви жителей Запада к перемене мест, было практически невозможно. А если полковник продолжал заниматься ловлей бандитов, то

вряд ли проводил в одном отеле больше недели.

Но с другой стороны, полковник был очень приметным человеком и даже его мимолетное появление в каком-нибудь из городков оставляло в памяти жителей неизгладимый след...

Аккуратно упаковав свои немногочисленные пожитки, Рэтт Баттлер облачился во все новое и встал перед большим зеркалом в номере гостиницы.

На лице мужчины при виде своего отражения появилась улыбка. Только сейчас Рэтт заметил, насколько он хочет подражать полковнику Брандергасу — такой же черный плащ, черный костюм, даже взгляд сделался более рассудительным и спокойным. А главное, револьвер из кобуры на бедре перекочевал на живот.

В дверь робко постучали, и Рэтт бросил через плечо:

— Войдите.

Старый коридорный был поражен торжественным нарядом постояльца: таких людей не часто заносило в здешние края.

— Дилижанс отправляется через час, сэр. Прикажете донести багаж до станции?

— Я сам.

Рэтт подхватил саквояж и расплатился с коридорным за услуги. Маленькая блестящая монета тут же была проверена на подделку и бесследно исчезла в кармане поношенных штанов. Конечно же, проверять монету в присутствии того, кто ее дал, было неприлично, но старый коридорный придерживался в жизни нескольких железных правил, которые помогли ему продержаться до столь преклонного возраста. Одно из них было — «никогда и никому не доверяй».

Рэтт Баттлер спустился в салун и, поскольку до отправления дилижанса оставалось еще порядочно времени, заказал себе виски. Он сидел за угловым столиком, попивая спиртное, и следил за происходящим в зале.

Возле самого окна стоял небольшой, обитый зеленым сукном стол с разложенными на нем фишками и колодами карт.

Скучающий банкомет от нечего делать готовился к вечеру, тренируясь банковать колоду самыми невообразимыми способами. В его руках карты змеились, колода то разъединялась на две части, то карты сдвигались и тут же начинали перепрыгивать из одной руки в другую. Он действовал, словно умелый фокусник. И его нисколько не волновало, смотрит ли на него сейчас кто-нибудь или нет.

Этот человек с короткой бородкой и аккуратными усиками мог сделать с игральной колодой буквально все, что с ней только можно было сделать...

Взгляд Рэтта Баттлера скользнул дальше, и он увидел мирно спящего под столом фермера, заботливо уложенного туда хозяином, чтобы тому не докучали мухи и солнечный свет. Сердобольный хозяин прикрыл посетителю, не рассчитавшему своих сил, лицо шляпой. И если бы не вздымающаяся от вздохов грудь, то его можно было бы принять за покойника.

За фортепиано со снятой крышкой сидел долговязый пианист и извлекал из инструмента дребезжащие, немного развязные звуки, отдаленно напоминавшие польку.

Хозяин салуна протирал влажной тряпкой дубовую стойку, переставлял стаканы, рассматривал этикетки бутылок.

Каждый был занят своим делом, и лишь только у Рэтта Баттлера дела не было, словно, получив в свои руки деньги, он выбыл из игры, никто не хочет с ним играть по старым

правилам, а новые он еще не придумал...

Как медленно ни пить виски, они все равно когда-нибудь кончатся, и Рэтту пришлось заказать себе еще.

Крепкий напиток согревал тело, но не душу. Мерный шелест карт, позвякивание стаканов и бутылок, дребезжание струн, и даже пьяный сон фермера — все имело свой смысл.

«Ну, хорошо, — сказал сам себе Рэтт Баттлер, — вернешься ты, Рэтт, в Чарльстон, войдешь в дом отца... И как ты сможешь посмотреть ему в глаза после стольких лет отсутствия? Ведь ты не удосужился даже написать письмо. Неужели же обида была настолько большой? Неужели ты до сих пор не научился прощать?»

Нет, — тут же возразил себе Рэтт, — в мыслях я не раз обращался к тебе, отец, не раз вспоминал тебя, мать. Но дело в том, что существует гордость, и плох тот сын, который не считает себя лучше своего родителя. Ведь ты же давно простил меня, отец? Ведь ты простил меня в тот самый день, когда я покинул город?"

Мысли об отце навеяли на Рэтта Баттлера тоску и заставили вспомнить Чарльза Брандергаса.

Он и в самом деле был Рэтту Баттлеру кем-то вроде дяди, отца или же старшего брата, потому что полковник был одним из тех немногих людей, перед которыми Рэтт Баттлер терялся. И не потому, что умел делать меньше, чем они, а потому что чувствовал, что те лучше знают жизнь. И многие вещи, казавшиеся Рэтту никчемными, внезапно приобретали смысл, стоило о них заговорить полковнику.

Рэтт Баттлер с надеждой подумал, что, возможно, Чарльз Брандергас тоже не забыл его и, встретившись вновь, они придумают, как быть Рэтту дальше, какой дорогой двинуться к своей заветной цели — к богатству.

Рэтт взглянул на большие настенные часы, покачивающиеся маятником над самой головой бармена. В запасе еще оставалось три четверти часа.

Он прихватил свой недопитый стаканчик и отправился к обитому зеленым сукном столу, за которым разместился банкOMET. Тот, не прекращая своих манипуляций с картами, указал глазами на стул напротив.

— Во что? — спросил банкOMET, и Рэтт Баттлер готов был поклясться, что у того с губ не сорвалось ни единого слова — говорили одни глаза.

Рэтт уселся на далеко отодвинутый от стола стул и, забросив ногу за ногу, ответил:

— В покер.

Захрустела бумажная обертка, срываема с новой колоды, и перед Рэттом тут же легли одна за другой пять карт.

И ему вспомнилось, как он любил в детстве загадывать всякие странные вещи. Например, спускаясь по лестнице, он загадывал, что если количество ступеней будет четное, то ему повезет, а если — нечетное... А лестницы в Чарльстоне были почему-то большей частью с нечетным количеством ступенек.

И вот теперь, держа в руках еще не раскрытый веер карт, Рэтт Баттлер решил загадать:

«Если у меня на руках окажется пиковый туз, то умру, так и не вернувшись домой».

Одна за другой карты показывали свои изображения, но пикового туза среди них не было, зато присутствовали три остальных — крестовый, бубновый и червонный. И черные разных мастей девятка с десяткой.

— Сколько? — спросил банкOMET, мельком взглянув в свой веер.

— Две, — произнес Баттлер, полуприкрыв глаза и сбрасывая карты, оставив у себя на руках трех тузов.

Он сел за этот карточный стол не с мыслью выиграть деньги и даже не с мыслью убить время. Он только сейчас понял, что в очередной раз испытывает судьбу, пытаясь предугадать свое будущее.

И, как всегда в последние годы, жизнь его застыла на краю пропасти. Единственное, что могло дать в руки Рэтту Баттлеру хорошую комбинацию — это пиковый туз. Тогда, располагая тузовым каре, он почти наверняка забрал бы банк. Но существовало и придуманное самим роковое условие: если пиковый туз окажется на руках — значит я умру, не вернувшись на родину.

Можно было отложить карты в сторону, сдавшись без спора. Десять долларов, поставленных Рэттом на кон, ничего для него не решали, но он не хотел увиливать от судьбы.

В нем вновь проснулась детская уверенность в том, что расположение вещей, порядок слов оказывают на ход жизни куда большее воздействие, чем ход мыслей.

Банкомет положил перед Рэттом две карты. Рэтт смотрел на них, боясь притронуться к их бумажным спинам.

— Какие-нибудь проблемы? — осведомился банкомет, хотя в его обязанности не входило расспрашивать про состояние души противника.

— Все в порядке, — опомнился Рэтт Баттлер, поднимая две карты, одной из которых оказался пиковый туз.

«Тузовое каре! — вспыхнуло в мозгу Рэтта, — Тузовое каре. А значит, и пиковый туз. А значит, я...»

Ему не хотелось додумывать.

— Повышаете ставку? — спросил банкомет бесстрастно глядя на свой веер карт.

— Пасую, — Рэтт Баттлер отложил карты в сторону, — чертовски не везет. Не сложилось вообще, никакой комбинации.

— Такое бывает очень редко, даже, наверное, реже, чем тузовое каре, — сказал банкомет, забирая банк. — И честно говоря, я бы признавал такую комбинацию, когда на руки не пришло ну совсем ничего, никак не меньше, чем флеш-рояль.

Рука банкомета потянулась к пяти картам, отложенным Рэттом Баттлером.

— Я хотел бы взять их на память, — улыбнулся Рэтт.

Банкомет пожал плечами.

— Если бы я знал, что игра будет недолгой, то не распечатывал бы колоду.

— Я могу ее откупить, — предложил Рэтт.

— Да нет, вы и так проиграли, — ответил мужчина с бородкой, пододвигая к Рэтту колоду.

Поняв, что дальнейшей игры не будет, банкомет разоткровенничался.

— А вот у меня была стрит и, честно признаюсь, уже подумал — плакали мои денежки, если не отыграюсь в следующем коне. Мне почему-то никогда не везет с самого начала.

— Но теперь же повезло, — возразил Рэтт.

— Извините, сэр, но у меня чувство, что меня обманули, хоть я выиграл.

— Такое бывает, — Рэтт Баттлер поднялся из-за стола.

— Уезжаете? — с сожалением в голосе спросил банкомет, понимая, что одним богатым любителем игры в карты станет меньше.

— Уезжаю, — неопределенно ответил Рэтт.

Но на этом любопытство банкомета не окончилось.

— А нельзя ли узнать, куда?

Такой вопрос не показался Рэтту странным, ведь почти все банкометы знали друг друга. Не так уж много людей, способных скопить солидный капитал, занимаясь столь рискованным делом, ведь проигравшийся соперник мог со злостью разрядить свой револьвер в победителя. Банкометов всегда боялись, но почти никто не уважал. Нельзя было сказать, чтобы все банкометы поголовно были нечисты на руку, но ангелов среди них не встречалось.

— Так вы едете домой, сэр?

— У меня нет дома, — с грустью ответил Рэтт.

Собеседник недоверчиво посмотрел на дорогой костюм, шикарный плащ. Ведь только то, что было надето на Рэтте Баттлере, стоило немногим меньше половины дома.

— А вам не встречался полковник Чарльз Брандергас? — в свою очередь спросил Рэтт Баттлер.

— Игроки редко представляются, — развел руками банкомет.

Но тут полы плаща Рэтта колыхнулись, когда он нагнулся, чтобы подхватить саквояж, и на его животе сверкнул рукояткой револьвер.

— Это такой весь в черном, и носит револьвер на животе? — обрадовался банкомет, что вспомнил.

Рэтт Баттлер знал за полковником Брандергасом разные удивительные способности, но не предполагал, что тот вдобавок ко всему и хорошо умеет играть в карты, о чем ему не преминул рассказать собеседник.

— Он выиграл у меня целых триста долларов. Именно поэтому я его и запомнил.

— Давно вы встречались? — спросил Рэтт.

— Нет, всего лишь на прошлой неделе. И я припоминаю, что спутник называл его полковником.

— Полковником Брандергасом, — уточнил Рэтт Баттлер.

— Да-да, полковником Брандергасом. Это именно тот человек.

— Полковник не говорил, куда собирается направиться?

— А тут дорога, вообще-то, одна, — принялся объяснять словоохотливый собеседник, — людям с деньгами отсюда одна дорога в Кластер-Таун.

Рэтт Баттлер задумался: вряд ли у Чарльза Брандергаса были с собой большие деньги. Хотя... кто знает, жизнь изменчива, и за то время, что они не виделись, многое могло измениться.

Банкомет, словно бы перехватив мысль Рэтта Баттлера, предложил свое умозаключение.

— Если человек абсолютно безразлично берет выигрыш в триста долларов, значит в кармане у него, как минимум, раз в сто больше. Во всяком случае, я так и поступаю.

— Кластер-Таун... — проговорил Рэтт Баттлер, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему собеседнику.

Он уже слышал где-то это название, знал, что этот город находится где-то неподалеку. Но чем он знаменит, Рэтт Баттлер не мог припомнить.

— Кластер-Таун — чудесный город, — принялся объяснять банкомет. — В его окрестностях заложены целых три шахты по добыче серебра.

Обычно в этих краях на устах было слово «золото», здесь о золоте говорили все, начиная с маленьких детей и кончая дряхлыми стариками. И каждый мечтал разбогатеть, намыв себе

как можно больше золота.

Но серебро можно было добывать лишь промышленным способом и поэтому в кругах, где привык вращаться Рэтт Баттлер — а они относились явно не к высшему свету Запада — слово «серебро» звучало не так уж часто.

— Он и возник на серебре, этот город, — продолжал банкOMET. — Это, наверное, единственное место на Диком Западе, куда привозят платья прямо из Парижа целыми фургонами. И у местных проституток, — тут глаза банкOMETа блаженно вознеслись, — нет проблем с деньгами. На наряды они не жалеют ничего. За полгода Кластер-Таун стал самым большим городом в окрестности.

— Так почему же ты сидишь в этом захолустье? — спросил Рэтт.

БанкOMET приуныл.

— На это есть много причин. Главная — у меня не хватает денег занять место за обитым зеленым сукном столом в Кластер-Тауне.

— Все связано одно с другим, — философски заметил Рэтт Баттлер, — займешь место — и появятся деньги.

— Я понимаю, — вздохнул банкOMET. — Но в Кластер-Тауне не все решает удача и умение играть в карты. Вы бы только видели, сэр, с какой охраной едут фургоны, груженные добытым серебром.

— Драгоценности и положено охранять.

— Да, но раньше охраны было в пять раз меньше.

БанкOMET воровато огляделся по сторонам, словно боясь, что его могут подслушать, и перешел не еле различимый шепот.

— Это было чудесное место, сэр. До того, как там появились желтые.

— Желтые? — с недоумением переспросил Рэтт Баттлер.

— Да, — прямо-таки зашипел банкOMET, — они возникли словно на пустом месте. А виной всему братья Баллоу — Фрэд и Ричард. Это они приехали в Кластер-Таун на запах денег.

— Их что? Целая банда? — спросил Рэтт Баттлер.

— Не то слово. У братьев Баллоу настоящая армия. Никто толком не знает, сколько у них человек.

— А почему их называют желтыми?

— Каждый член банды обязательно носит что-нибудь желтое — или повязку, или желтый пояс. Их сразу можно заприметить в барах, в салунах. Они ведут себя нагло, ведь чувствуют за собой поддержку братьев Баллоу.

— И местные власти, конечно же, не в силах с ними справиться, — вздохнул Рэтт Баттлер.

— У меня такое чувство, — продолжал шептать банкOMET, — что те запугали не только шерифа, но и всю полицию, всех жителей города. Они ходят по Кластер-Тауну совсем не прячась, нагло. А если кого-то убивают, то никогда не находят свидетелей. Даже если убьют в упор выстрелом из карабина на рыночной площади в воскресный день. Все боятся расправы и никто не хочет связываться с бандитами.

— Так ты уверен, что полковник Брандербас отправился в Кластер-Таун? — спросил Рэтт.

— Я не могу поручиться, — пожал плечами банкOMET, — но это вполне возможно. Во всяком случае, девять из десяти человек, останавливавшихся в нашем городке, отправляются

туда — всех манит запах денег.

Рэтт Баттлер посмотрел на пухлый мясистый нос банкомета и понял, что говоря так о других, тот скорее всего, имеет в виду самого себя.

До отправления дилижанса оставалось меньше четверти часа и нужно было спешить.

Но тут Рэтт Баттлер вспомнил, что банкомет говорил о каком-то попутчике полковника. Конечно, это мог быть случайный человек, присевший сыграть партию в покер за карточный стол.

Но случайные сведения, добытые от собеседника, могли пригодиться Рэтту Баттлеру в будущем.

— Ты не помнишь, кто был с полковником? — спросил Рэтт.

— Тоже очень видный человек, одет также, как вы, сэр. Но, скорее всего, денег у него в настоящее время мало.

— Он что, радовался, когда срывал банк?

— Нет, тут дело в другом, — принялся объяснять, демонстрируя свой жизненный опыт, банкомет, — он никогда не играл по-крупному.

— Может быть, слишком осторожный?

— Такое тоже бывает. Но я же все понимаю по глазам игрока, иначе не сидел бы за этим столом с колодой в руках.

И банкомет взял потрепанную колоду, которой уже никто не стал бы играть, разве что изрядно запьянев, поскольку в ней все карты можно было узнать со стороны рубашки, и принялся вновь тренироваться в умении тасовать.

Рэтт Баттлер покинул салун и через пять минут был на почтовой станции. Он переменял свои планы и, вместо того, чтобы двигаться на запад, избрал путь на восток — к молодому процветающему городку Клостер-Тауну.

Привыкший путешествовать в седле, Рэтт несколько неуютно чувствовал себя в дилижансе. Но положение обяывает. Мальчишка, нанятый Рэттом Баттлером, ехал верхом на его коне, сопровождая дилижанс. В дороге у пассажиров только и было разговоров, что о банде желтых, терроризировавших окрестности. Все боялись того, что бандиты могут напасть на дилижанс, хотя улов для них был бы тут более чем скромным.

Рэтт Баттлер на взгляд прикинул, что, даже собрав все драгоценности с пассажиров, бандиты вряд ли выручат с них больше десяти тысяч долларов. А свои деньги он отдавать не собирался.

Грохотали обитые железом колеса дилижанса, сам экипаж плавно покачивался на рессорах. И Рэтт Баттлер как ни старался, все равно прикрыл глаза и задремал. Но он не провалился в сон, до его слуха доносились обрывки разговора. Сосед справа, скорее всего врач, не переставая восхищался прелестями Клостер-Тауна. Он рисовал своей спутнице, скорее всего племяннице, радужные перспективы их будущей жизни в городе.

— Там, Эмми, фонари горят целую ночь и есть даже театр.

Девушка, никогда не бывавшая дальше порога своего дома, явно имела превратное представление о мире. Главную угрозу своей жизни она видела в существовании мужчин.

— Но, дядя, там, говорят, девушке одной нельзя появляться на улице!

Рэтт Баттлер, не открывая глаз, улыбнулся, но все-таки поленился посмотреть на свою попутчицу, хотя и успел призабыть ее лицо.

А врач принялся ее утешать:

— У тебя, Эмми, будет своя служанка, и вы будете выходить только вместе.

— А если на нас нападут?

— Неужели, Эмми, ты думаешь, что бандитам нечего больше делать, как только грабить тебя на виду у всего города?! Ведь там есть шериф, есть полиция, они найдут управу на бандитов.

— Но ты же сам слышал, желтые в самом городе и никого не боятся.

— Все это ерунда! — заверил ее дядя.

Тут в разговор вступил торговец скотом, сидящий напротив Рэтта Баттлера.

— Ваша племянница абсолютно права, мистер, и на вашем месте я оставил бы ее дома.

Врач, недовольный тем, что в правдивости его слов кто-то сомневается, отрезал:

— А вам откуда знать?

— Я каждую неделю бываю там и насмотрелся всякого. Вот две недели тому назад прямо на площади застрелили полицейского, а шериф, прекрасно зная, кто его убил, даже не пошевелил пальцем, чтобы наказать преступника.

— Я не верю этим рассказам! — высокомерно заявил врач.

— Можно не верить, но я видел это собственными глазами. Я видел, как при всех у дверей салуна бандит с желтой повязкой на шее всадил три пули в полицейского, а после даже к не подумал убежать. И знаете, мистер, самое странное то, что эту картину видело по меньшей мере двадцать человек — и никто из них не пожелал давать показания.

Рэтт Баттлер слушал вполуха, как препираются торговец скотом и врач, как ни один из них не может доказать другому своей правоты. Он, склонив голову набок, приоткрыл один глаз и увидел, как его конь без устали перебирая копытами, следует рядом с экипажем. Всадник, двенадцатилетний мексиканский мальчишка, даже не доставал ногами до стремян, которые, широко раскачиваясь, тихонько позванивали.

Девушка, явно испугавшись, что ее дядя так рассердился, ввязавшись в спор, принялась его успокаивать.

— Я не пробуду у тебя долго. И если в Кластер-Тауне в самом деле творятся такие дела, то вернусь домой.

— Почему мы должны бояться каких-то бандитов? — негодовал врач. — Почему шериф к полиция ничего не могут поделать? Ведь мы исправно платим деньги.

— Вы просто не были в Кластер-Тауне, — резонно заметил торговец, — желтые — это целая армия, они прячутся повсюду, нападают на фургоны, бесчинствуют в городе...

— Но, может быть, — со слабой надеждой в голосе спросила Эмми, — они не трогают тех, кто не обращает на них внимания, кто не пробует вмешиваться в их дела?

— Если бы это было так! — вздохнул торговец скотом. — В начале они вели себя так, а потом вконец обнаглели. Если так пойдет дальше, то Кластер-Таун придет в упадок, многие приличные семьи уже покинули город, оставив вести свои дела поверенным. Но вы же сами понимаете, что долго так продолжаться не может, кто-то должен взять верх. И по-моему, кончится тем, что город опустеет, а братья Баллоу станут заправлять всем.

Рэтту Баттлеру не хотелось вмешиваться в разговор, но все же ему стало жаль наивную Эмми, напуганную рассказом торговца скотом. Он сдвинул шляпу на затылок и посмотрел на девушку.

Та не знала, улыбаться ей или смутиться. На всякий случай она наклонила головку и стала рассматривать плетеную сумку, стоящую у нее на коленях. Ее пальцы нервно теребили край вышитой салфетки, губы подрагивали. Девушка готова была вот-вот

расплакаться.

— Так вы, мистер, утверждаете, что желтые никого и ничего не бояться? — немного надменно спросил Рэтт Баттлер торговца.

— А вы что, сами не боитесь бандитов? — раздраженно ответил тот.

Ведь было понятно, что Рэтт Баттлер приезжий и не знает всех тонкостей местной жизни.

— Не бояться одни дураки, — заметил Рэтт Баттлер. — Но одно дело бояться и ничего не делать — и совсем другое — бороться со злом. Я бы на вашем месте, мистер, выбрал второй путь.

— Смириться со злом иногда дешевле, — снова вздохнул торговец скотом. — Я бы дорого отдал за то, чтобы братьев Баллоу не было тут и в помине, но я, мистер, реалист и предпочитаю реальную выгоду. Если мне дешевле мириться с существованием братьев Баллоу и всей желтой банды, то я буду мириться. Я был на площади, когда застрелили полицейского и тоже не стал давать показаний. Мне моя жизнь дороже. А если вы, мистер, хотите бороться с бандитами, то — пожалуйста, становиться на вашей дороге я не стану. Но когда ваш труп найдут на улице Клостер-Тауна, я не стану делать из этого трагедии. Были смельчаки до вас, наверное, будут и после.

— По-моему, — ответил Рэтт Баттлер, — я не говорил, что буду бороться с бандитами. Это ваши проблемы, вам здесь жить, бояться за своих жен, дочерей. И если вы согласны терпеть издевательства, то терпите. А я всего лишь ищу одного своего друга и надеюсь, надолго задерживаться в здешних местах не буду.

— Вы хотите сказать, мистер, что я трус, — торговец, явно гордившийся своим блестящим револьвером, иначе бы он не торчал так далеко из кобуры, надул губы.

Его оружие в глазах Рэтта Баттлера было бесполезной игрушкой, дорогой, сверкающей, но игрушкой. И оно не могло сравниться с простым удобным револьвером, покоившемся у Рэтта за спиной в небольшой кобуре, прикрепленной к поясу.

— Вы, может быть, и порядочный человек, — Рэтт Баттлер смерил взглядом торговца скотом, — но заслуживаете издевательств, если согласны их безропотно сносить.

— Эти бандиты стоят мне уйму денег, — выходя из себя почти кричал торговец. — И все время их аппетиты растут. Раньше я мог откупиться от них сотней долларов, а теперь на это уходят тысячи.

— Самый дешевый способ — это взять оружие и выяснить, кто же из вас сильнее. Это самый дешевый способ, но, я понимаю, не самый легкий.

Эмми с восхищением смотрела на Рэтта Баттлера. Девушка, жившая до сих пор на ферме, отстоявшей от дороги на десять миль, можно сказать, в глаза не видела настоящего мужчину. Наверное, Рэтт Баттлер казался ей героем, сошедшим со страниц книги. Она теперь уже не отводила взгляда, а жадно всматривалась в глаза Рэтта Баттлера.

И в ее глазах читалась какая-то просьба.

Эмми была миловидна, хотя и некрасива. Ее лицо невозможно было изобразить на портрете, не утратив всей его привлекательности, заключавшейся в движении, в том, как она скидывала взгляд, в том, как она наивно приоткрывала рот, слушая очередную отповедь Рэтта Баттлера торговцу скотом.

И Рэтту было жаль эту наивную девушку, ничего не понимавшую в жизни. Казалось, она готова поверить всему, чего бы не сказал сейчас Рэтт Баттлер.

Скажи он, что по приезде в Клостер-Таун он перестреляет всю банду братьев Баллоу,

она бы поверила и этому.

Скажи даже, что он собирается на ней жениться, она бы и в этом не усомнилась.

Но Рэтт вместо этого, резко закончил спор, спросив:

— Какая станция следующая?

— Сан-Диего, — так же быстро успокоившись, как и разволновавшись, ответил торговец скотом.

Но потому, как он кривил губы, произнося испанское название, было видно, что он не очень любит мексиканцев.

— Спасибо, сеньор, — ответил Рэтт Баттлер специально, чтобы позлить убежденного англосакса.

Эмми чуть заметно улыбнулась и румянец залил ее щеки.

— Вам, мисс, я советую не волноваться. Если что, вы всегда сможете обратиться ко мне за помощью. И думаю, тогда вашему обидчику придется плохо.

Рэтт Баттлер понимал, что дает пустое обещание, ведь он не собирался оставаться в Клостер-Тауне, если не отыщет там полковника Брандергаса.

И поэтому он почувствовал себя не очень ловко, увидев, что Эмми полна к нему благодарности.

Рэтт Баттлер сдвинул шляпу на лицо и сделал вид, что дремлет. Его острый слух выделил из общего шума звуки далеких выстрелов. Но Рэтт, убедившись, что никто из пассажиров дилижанса явно не слышит их, не стал привлекать к этому внимания: мало ли что могло случиться где-то вдалеке от дороги? Ведь в самом же деле, нельзя вмешиваться во все подряд, всем помогать, нельзя избавлять мир от зла, забывая при этом творить добро. А для себя Рэтт Баттлер твердо решил: с прошлой жизнью нужно кончать и браться за что-то более определенное.

Звуки далеких выстрелов смолкли, но прошло несколько минут и послышалось еще два выстрела, за ними еще один. Больше ничего не нарушало спокойствия.

Мальчишка, сидевший верхом на коне, тоже услышал эти выстрелы и постарался приподняться в седле. Но каждый раз, уцепившись руками за луку, соскальзывал, ведь его босые ноги не доставали до стремян.

Рэтт Баттлер, хоть и делал вид, что спит, но был весь в напряжении. Ведь он прекрасно знал нравы местных бандитов, и поэтому его рука как бы невзначай, словно случайно сброшенная во сне, легла на рукоять револьвера.

Выстрелы, услышанные Рэттом Баттлером, не были плодом его фантазии, они в самом деле прозвучали на центральной площади Сан-Диего. Это был городок, построенный еще в семнадцатом веке испанскими переселенцами, и он сохранил весь свой колорит.

На центральной площади пыльного Сан-Диего извергал свою теплую воду небольшой фонтан. Струи ударялись в наполненную до краев каменную чашу и стекали к поилкам для коней.

Через всю площадь тянулась косая тень огромного собора. Казалось, внутри храма мог поместиться весь Сан-Диего.

Стоявший когда-то на бойком месте, городок постепенно пришел в упадок, и теперь в нем насчитывалась от силы тысяча жителей. Это были мексиканцы, и о былом их достатке говорили лишь украшения на поношенных платьях.

Все было приготовлено к празднику. На фасаде собора ветер развевал цветные ленты. Под навесом возле харчевни выстроились длинные столы, заставленные яствами и оплетенными лозой бутылками с вином.

В храме только что кончилось венчание. Младший представитель рода Корда Хуан наконец-то обрел себе спутницу жизни. Парень и девушка собирались обвенчаться давно, но Хуана сдерживало отсутствие средств. И вот наконец, ему повезло. Он сумел подстрелить двух человек из банды желтых, за что и получил награду, выплаченную ему властями.

Теперь жизнь представала перед ним в радужных красках.

Невеста держала его под руку, когда он выводил ее из собора. Яркое солнце обрушило на них весь свой жар. После торжественных звуков органа немного неуместными показались бренчание гитар и хриплые голоса музыкантов.

«Но почему так пустынна площадь? — подумал Хуан Корда, глядя на пыль, подхваченную ветром. — Почему нас никто не встречает?»

И тут он заметил испуганные лица горожан, выглядывавших из боковых улиц. Сердце Хуана сжалось в предчувствии недоброго.

Дверь одного из домов отворилась и на крыльцо ступил старший из братьев Баллоу, Фрэд. Из-за его плеча выглядывал Ричард. Оба они сжимали в руках карабины.

И тут же появились прятавшиеся до этого бандиты, на каждом из них горела желтым цветом повязка. Послышался лязг взводимых курков и одновременно дюжина стволов нацелилась на Хуана Корда и его жену.

Старший брат Фрэд Баллоу в красной, пропитанной потом рубашке и широкополом мексиканском сомбреро медленно спустился с крыльца. На его губах застыла зловещая улыбка.

— Может, оставишь его мне? — бросил Ричард.

— Нет, — не оборачиваясь, ответил старший брат, — это моя добыча.

Бандиты гнусно улыбались в предчувствии расправы.

Хуан Корда рванулся было назад в храм, в надежде, что там бандиты не осмелятся стрелять, но его остановил грозный окрик Фрэда.

— У меня есть к тебе разговор, Хуан, и думаю тебе придется меня выслушать.

В подтверждении своих слов Фрэд взвел курок.

Хуан Корда попробовал оттолкнуть от себя жену и крикнул ей:

— Беги в храм, прячься там!

Но она, словно не слыша его слов, вцепилась в рукав свадебного костюма и с ужасом смотрела на братьев Баллоу.

А Фрэд сунул руку за пазуху и извлек оттуда две желтых повязки, он раскрутил их и они, как два флага, затрепетали на ветру.

— Узнаешь их, Хуан?

Парень ничего не ответил. И тогда Фрэд разжал пальцы, повязки, как две большие птицы, пронеслись на площадью и упали к ногам окаменевшего от ужаса Корды.

— Ты убил двух моих людей, — мрачно сказал Фрэд.

Хуан, уже не в силах сдерживать страх, с силой оттолкнул от себя невесту, но та снова бросилась к нему и в отчаянии закричала:

— Не трогайте его!

— А кто тебе сказал, что мы собираемся его трогать? — спросил Ричард Баллоу, подходя к своему брату.

Тут Фрэд уловил слабый шорох, долетевший из-за повозки рядом с ближайшим домом. Это один из друзей Хуана попытался вытащить из кобуры свой револьвер. Почти не глядя, Фрэд дважды выстрелил и парень с простреленной головой рухнул на пыльную площадь.

Оцепенение словно слетело с жителей городка.

Люди, вышедшие из храма вместе с новобрачными, бросились бежать, но их встретил плотный огонь бандитов. Один за другим падали мужчины, вскидывая руки... Кричали женщины. Перепуганные выстрелами, рвались из конюшни кони. Плакали дети. Кровь, льющаяся из простреленных тел, быстро спекалась в пыли.

Священник, выбежавший из храма, увидел площадь, на которой лежало уже два десятка убитых. Все, кто мог убежать, убежали.

И лишь Хуан Корда со своей невестой стояли, прижавшись к стене храма.

Священник, воздев руки к кебу, прокричал:

— Остановитесь!

Но вместо ответа прозвучал выстрел, и пуля отколов щебенку от ворот, ведущих в собор, засела в толстой доске.

Фрэд Баллоу поднял вверх руку.

— Остановитесь! — еще раз прокричал священник.

И его грозный голос, перекрывая хохот бандитов, все же заставил смолкнуть оружие.

Фрэд, смущенный тем, что призыв священника был услышан его людьми, наигранно весело прокричал:

— Ну что ж, можно и остановиться. Ведь наша взяла.

Он несколько раз перекрутил карабин в руках и перезарядил оружие.

Священник приблизился к Хуану Корда и его невесте. В глазах старика была мольба, словно бы Хуан мог оживить погибших.

А братья Баллоу и его банда не спеша подходили к храму, переступая через тела убитых мексиканцев. Кое-кто из бандитов нагибался, чтобы снять с убитого приглянувшуюся вещицу. В карманах исчезали часы, перстни, табакерки.

Ричард Баллоу остановился возле мертвого брата Хуана и неподвижно лежащих в пыли двух его друзей.

— Ну что, Хуан? Не повезло ребятам? Хотя праздник начался хорошо.

Хуан Корда только зло сверкал глазами, пытаясь прикрыть своим телом невесту от

пристальных взглядов бандитов. А те вели себя уже совсем развязно, они понимали, что дать им отпор никто не сможет.

К Хуан, и его друзья оставили оружие перед тем, как войти в храм. И теперь братья Баллоу могли делать со своими пленниками все, что угодно.

Хуан Корда понимал, что братья Баллоу оставили его в живых не для того, чтобы отпустить, а с целью растянуть удовольствие мести.

— На колени, — спокойно сказал Фрэд Баллоу, обращаясь к Хуану Корда.

Но тот не моргнув смотрел в лицо бандиту.

— На колени! — рявкнул бандит.

Хуан не пошевелился. Тогда, думая, что жених не понимает по-английски, Фрэд бросил своему помощнику мексиканцу:

— Скажи, чтобы стал на колени.

— На колени, — по-испански повторил помощник Фрэда, и лицо его сделалось строгим.

— На колени! — еще раз выкрикнул он по-испански.

Но к на этот раз Хуан не сдвинулся с места.

— Не желает, — подобострастно улыбаясь, обратился бандит-мексиканец к своему главарю.

— Да он от страха оглох, — рассмеялся Ричард, — сейчас я ему объясню, как нужно становиться на колени.

И он выхватил из кобуры револьвер. Прогремело два выстрела. Пули вошли в колени Хуана, раздробив кости, и тот рухнул на землю. Он приподнялся на руках и с ненавистью посмотрел в грязное лицо Ричарда Баллоу.

— Молодец, хороший выстрел, брат, — похвалил брата Фрэд.

— Спасибо, — пожал плечами младший, — у тебя получилось бы не хуже.

И несколько раз перекрутив револьвер на пальце, не глядя опустил его в кобуру.

Хуан хрипел, пытаясь уцепиться руками за каменные блоки, из которых были сложены стены храма. Он не мог позволить себе даже раненному стоять на коленях перед бандитами.

Невеста, пачкая белое свадебное платье кровью, перебросила правую руку Хуана через свою шею и помогла ему подняться. Тот встал, истекая кровью и скрежеща зубами от боли. Но своего добился — он стоял, несмотря ни на что, и смотрел в лицо своим убийцам.

В окне дома напротив мелькнуло лицо перепуганной черноволосой девушки. Мелькнуло и тут же исчезло. А Фрэд, ослабившись, крикнул в открытое окно:

— Не высовывай нос на улицу, когда слышишь выстрелы, иначе в следующий раз я прицелюсь в твоё окно.

Из глубины дома послышался сдавленный крик ужаса. А Фрэд громко расхохотался.

Священник, все еще не пришедший в себя после увиденного, растерянно смотрел на мертвые тела, на подкашивающиеся, залитые кровью ноги Хуана Корды, на выпачканное в кровь белое платье невесты.

Солнце клонилось к западу, и косая тень собора накрывала собой площадь. А Фрэд все не спешил расправляться со своей жертвой. Ему доставляло удовольствие смотреть, как мучается Хуан.

Вот уже тень от крестов на высоких башнях собора легла на стену противоположного дома, вот стих дневкой ветер...

Священник, глубоко вздохнув, сделал шаг вперед и, протянув руки к бандитам, громко начал говорить по-испански.

Фрэд сморщился, не понимая смысла сказанного. Наконец, один из бандитов, поняв затруднение главаря, стал переводить ему.

— Он говорит, что кто-нибудь потом придет и отомстит тебе за Хуана Корда к его людей.

— А поточнее нельзя? — сквозь зубы процедил Фрэд Баллоу, понимая, что пространная речь священника не могла уложиться в одну фразу.

— Ну, он говорит довольно туманно, — развел руками бандит-мексиканец, — что-то вроде того, как стая мстит за убитого волка.

— Так что, наш Хуан понимает только по-испански? Так пусть он и слушает священника, а мне эта тарабарщина ни к чему, — и Фрэд сплюнул в пыль.

Но его помощник поспешил уточнить:

— Хуан Корда прекрасно понимает и по-английски. Я сам как-то с ним говорил.

— И он не захотел встать передо мной на колени? — выдавил из себя Фрэд.

— Иди ты к черту! — отчетливо по-английски выкрикнул Хуан Корда. — Будьте вы прокляты, братья Баллоу!

И вновь Фрэд сплюнул сквозь зубы.

— Это ты, сейчас, Хуан, отправишься к черту. Я всегда уступаю дорогу друзьям, — к, сверкнув на солнце выхваченным из кобуры револьвером, выстрелил.

Пуля попала Хуану точно в голову...

Площадь наполнили рыдания обезумевшей от горя невесты. Она пыталась поднять своего Хуана, все еще не веря в то, что он мертв.

Ее схватили за руки люди братьев Баллоу и потащили к повозке с сеном, на ходу срывая с нее свадебное платье.

— Ну что ж, ты не успел до нее добраться, — сказал Фрэд, обращаясь к мертвому Хуану, — доберутся мои люди, а сам я не опущусь до того, чтобы притрагиваться к грязной женщине.

И он рукавом своей красной рубашки вытер пыль с лица.

А младший брат Фрэда Ричард медленно двинулся к столам, уставленным угощением. В торце высились два больших бокала, наполненных вином для жениха и невесты. Он уселся на стул, где должен был сидеть Хуан Корда, и долго смотрел на мерцающее в лучах солнца красное вино. А затем, грязно выругавшись, перевернул бокалы на скатерть. Вино растеклось темным пятном.

— Присаживайся! — крикнул Ричард, подзывая Фрэда, — по-моему, они приготовили как раз то, что мы с тобой любим.

Бандиты, словно бы опомнившись, бросились к столу. Они лили себе вино в широко раскрытые рты прямо из горлышек, хватали куски запеченного мяса руками, отталкивая друг друга, чтобы ухватить более лакомый кусочек.

Только Фрэд и Ричард ели спокойно, так, словно и в самом деле были в числе приглашенных на свадьбу.

Из повозки доносились крики невесты Хуана и грубый хохот бандитов.

Ни один мускул не дрогнул на лице у Фрэда, когда Ричард сказал ему:

— Ты бы приказал вытащить ее за город.

— Я сам знаю, что мне делать. Когда меня убьют и ты останешься главным, то будешь

приказывать.

— Но ведь это только обозлит горожан, — возразил Ричард, отпивая вино.

— Нас все должны бояться. И чем страшнее мы будем, тем легче будет властвовать.

— Может, ты к прав, — ответил Ричард.

И вновь священник, понимая всю свою беспомощность, двинулся к бандитам. Он, уже не надеясь, что они внемлют его голосу, что-то кричал по-испански.

Ричард недовольно поморщился и обернулся:

— Заткнись! — крикнул он.

Священник на мгновение замер, но потом вновь над площадью разнесся его голос. И тогда Ричард, болезненно сморщившись, словно у него разболелся зуб, склонив голову набок, очень тихо процедил:

— Заткнись, — и, выхватив револьвер, выстрелил.

Вскинув руки, священник качнулся и упал навзничь.

Ричард расхохотался при гробовом молчании, воцарившемся за столом. Бандиты-мексиканцы молча переглядывались. Это были люди, способные на все, они могли пристрелить даже женщину, но убить священника...

Все ждали реакции Фрэда. Тот молча дожевывал кусок мяса, промокнул губы краем скатерти и тоже громко расхохотался. Сначала один бандит, потом второй неуверенно заулыбались. А, услышав окрик Ричарда:

— Труссы! Чего испугались? — тоже начали хохотать. Бандиты смеялись, глядя друг на друга, будто таким образом могли переложить вину за смерть священника с себя на своего соседа.

Ричард Баллоу с размаху ударил кулаком по столу так, что вздрогнула посуда к перевернулись высокие бокалы.

Смех смолк.

— Кто из вас сможет перевести мне, что он говорил?

Бандиты молчали, а взгляд Ричарда скользил по их лицам. Фрэд улыбался в усы, радуясь решительности своего брата. И главари, и сами бандиты были в основном, молодые люди, не дожившие еще и до тридцати лет. Ведя подобный образ жизни трудно состариться. И лишь один из них был почти стариком, лет пятидесяти. Его лицо избородили морщины, а седая борода прикрывала волевой подбородок.

— Вот ты, наверное, мне и скажешь, Карлос, — Ричард ткнул пальцем в седого старика.

Тот поднялся со стула и срывающимся от волнения голосом сказал:

— Он читал Библию.

— А что еще может говорить священник? — хохотнул Фрэд, но его смех никто не поддержал.

Пожилой мексиканец, запрокинув лицо к солнцу, прищурился, словно разговаривал не с главарем бандитов, а самим Богом.

— Он говорил о всаднике.

— Всаднике? — переспросил Ричард, пытаясь вспомнить, где же в Библии говорится о всаднике.

— Да, о всаднике, из Апокалипсиса, там, где описывается конец света. Он сказал, что бледный всадник несет всем смерть. И он скоро будет здесь.

Ричард резко обернулся, словно всадник, несущий ему, Ричарду, смерть, был где-то рядом. И ему на какое-то мгновение даже показалось, что он слышит холодное дыхание

смерти. Наверное, такое чувство навестило и всех остальных бандитов. Им стало уже не до грабежа...

— Бледный всадник, несущий смерть, — одними губами проговорил Ричард, а потом громко добавил. — Все это ерунда. Если бы Бог был в силах, он бы защитил его.

И ткнул рукой в сторону лежащего в пыли священника.

Но тут послышался далекий стук копыт.

— Это дилижанс, — напомнил Ричарду Фрэд, — я думаю, нам лучше скрыться.

Ричард взобрался на край фонтана и посмотрел в сторону холмов.

Там по извилистому серпантину дороги, вздымая пыль, несся дилижанс.

— Уходим, — махнул он рукой бандитам.

Бандиты покинули площадь.

Жители Сан-Диего не решались высовывать нос на улицу. Всадники с желтыми повязками проскакали по пустынным улицам городка.

Ричард, взволнованный словами священника, понемногу успокоился. Он, несясь на своем черном коне, представлял себя таким ангелом смерти, посланцем дьявола.

Сан-Диего таял в клубах пыли, поднятой копытами коней. Всадники забрались на перевал, и оттуда Ричард окинул взглядом раскинувшийся перед ним как на ладони Сан-Диего. Лишь только храм казался непропорционально большим, будто находился очень близко. Стоило только протянуть руку, чтобы коснуться его неровно оштукатуренных башен.

Тень собора уже поднялась по фасаду противоположных домов и резко очерченные кресты легли на выгоревшую траву, где пасся одинокий конь.

Коробочка дилижанса катилась по улице городка. Ричард достал сигару, откусил кончик и сплюнул на выжженную солнцем траву.

Сквозь сигарный дым он смотрел на то, как останавливается дилижанс, как из него выходят люди. Он увидел мужчину в черной широкополой шляпе, склонившегося над убитым священником.

— Уходим, — еще раз махнул он рукой и посмотрел на своего брата.

Фрэд пришпорил коня, и вскоре вся шайка исчезла за перевалом.

Рэтт Баттлер, лишь только дилижанс загрохотал по мостовой Сан-Диего, сразу почувствовал неладное. Ему уже приходилось видеть городки, онемевшие от ужаса перед бандитами.

Он слышал выстрелы и знал, что такая молчаливая встреча не предвещает ничего хорошего.

Остальные пассажиры примолкли, как будто боялись спугнуть эту напряженную тишину замершего города. В ней чувствовалось дыхание смерти, ощущалась ее неторопливая поступь. В этот момент, наверное, каждый из пассажиров осознавал, что он смертен. Нет, конечно же, каждый из них знал это давно, но только сейчас ощущение смерти сделалось настолько реальным, что от него невозможно было отмахнуться.

Проплыли фасады домов, в одном из окон мелькнуло лицо женщины. Выехав на площадь, возница отпустил поводья, лошади хрипели и шарахались от трупов.

Рэтт Баттлер выскочил первым и холодным взглядом окинул площадь. Он уже представил себе, как все произошло: он видел безоружных людей, расстрелянных в упор, видел обрывки белого подвенечного платья к лежащего в неестественной позе жениха.

Люди прижались к дилижансу, словно бы он мог оградить их от опасности.

И тут взгляд Рэтта Баттлера упал на мертвого священника. Тот все еще сжимал в руке пухлую зачитанную Библию небольшого формата.

Рэтт склонился над ним и вынул из застывших пальцев книжку.

— Всадник, несущий смерть, — пробормотал он фразу, бросившуюся ему в глаза с раскрытой страницы. — Да-а, для них это, в самом деле, был конец света...

Рэтт вздохнул, глядя на убитых гостей несостоявшейся свадьбы Хуана Корды.

Врач пытался привести в чувство несчастную невесту, а его племянница Эмми так и не покинула дилижанс и сидела, вцепившись руками в край сиденья.

Рэтт понял, проку от него на площади никакой. Чем он сможет помочь мертвым? Оставались живые, эта несчастная девушка, насмерть перепуганная впервые увиденной смертью.

Рэтт пересек площадь. Прямо под колесами дилижанса валялись две желтые повязки.

А Эмми, завидев, что хоть кто-то вспомнил о ней, позвала Рэтта.

— Эй, мистер... — девушка не договорила, она не знала, как зовут ее попутчика и собеседника.

Рэтт легко вскочил на подножку и присел рядом с Эмми.

— Задерните занавеску, — попросила она. — Я не могу видеть этого.

Рэтт послушно исполнил ее просьбу.

— Там много убитых? — спросила Эмми.

— Они убили всех... Всех гостей, — уточнил Рэтт.

— Боже, как это ужасно, выйти из собора и встретить вместо радостных друзей врагов.

— Тут уж ничего не поделаешь, — только и нашел что сказать Рэтт Баттлер.

— Мужчинам лучше, — задумчиво продолжила Эмми, — они могут постоять за свою жизнь... Как та несчастная? Дядя не отходит от нее.

— Не знаю, — признался Рэтт, — я не умею утешать, так что простите.

— Оставайтесь, — попросила его Эмми.

— Да, смерть страшная вещь, — и Рэтт снял плетенную корзинку с ног девушки.

Та сидела, плотно сдвинув колени, перебирая в руках оборки платья.

— Я, наверное, очень глупая, но я никогда не смогу к этому привыкнуть.

— Я тоже думал, — ответил ей Рэтт, — что смерть, как и рождение — прерогатива всевышнего. Но потом я понял, Бог дает жизнь, человек ее отбирает. В смерти нет ничего красивого, она всегда ужасна.

— Нет, даже смерть бывает красивой, — вдруг сказала Эмми.

— Вы видите ее впервые, а мне приходилось видеть ее не один раз.

— Вы убивали? — ужаснулась Эмми.

— Иначе я бы не сидел с вами. Но, главное, я никогда не убивал первым.

— Это невозможно, — Эмми недоверчиво посмотрела на своего собеседника.

— Ведь главное — это не убить, а решиться убить, — разъяснил свою мысль Баттлер, — а дальше — кто успеет первым выстрелить.

— И вы всегда успевали?

Рэтт улыбнулся, давая понять, что этот вопрос лишен смысла. Румянец залил щеки девушки. Испуг только прибавил ей привлекательности, как и легкая смущенность.

— Окно закрыто, — проговорила она, — и я ничего не вижу. Это, наверное, как на кладбище, мертвецы совсем рядом, их отделяет от нас всего лишь пара ярдов земли, но мы

не видим их.

Рэтт поразился такому ходу мыслей девушки. Сначала она казалась ему совсем глупенькой.

— А почему вас пугает смерть? — спросил он. — Ведь это чужая смерть.

— Своей смерти испугаться невозможно. Ведь это то, что успело произойти.

Снаружи слышались причитания женщин и громкий плач. Рэтт, отодвинув занавеску, выглянул на улицу.

Возле мертвых тел стояли родственники убитых, уже успевшие облачиться в черное. Между группами людей, как ни в чем не бывало, бегали дети.

В этом городке явно привыкли к виду смерти. Сутулый мужчина с сантиметром на шее останавливался возле каждого убитого и качал головой. Скорее всего, это был местный гробовщик, снимавший мерки для новых гробов.

— Вы меня не слушаете, — напомнила о себе Эмми.

— Смерть — это то, что случается с другими, — заметил Рэтт Баттлер, и глаза девушки округлились.

— Я чувствую это правильно, но не понимаю, почему.

— Для этого нужно не один раз пережить смерть друзей. И тогда поймешь, что если бы не они, то погиб бы ты. И поэтому я продолжаю жить чужими жизнями. Их набралось у меня очень много. Я должен своим друзьям, должен даже врагам. Ведь моя жизнь — это их жизнь после смерти.

Эмми, конечно же, не все понимала, что говорил Рэтт Баттлер. Она была еще слишком неопытна, чтобы разделить его убежденность, но душой понимала, что Рэтт Баттлер прав.

Вернулся дядюшка Эмми, его лицо было сосредоточенно и серьезно.

— Ну как она? — спросила Эмми.

— Я не могу ничего поделать, если человек не хочет жить, — сказал врач, вытирая влажные руки.

Его саквояж уже был аккуратно упакован.

«И, наверное, — подумалось Рэтту, — все инструменты лежат на своих местах, как мертвецы на кладбище».

— Так она жива? — с надеждой в голосе спросила Эмми.

— Она несчастна из-за того, что осталась в живых.

Пассажиры дилижанса возвращались на свои места. Последним взобрался торговец скотом. Поскольку место возле Эмми было занято, ему пришлось устроиться на сиденье, где прежде сидел Рэтт Баттлер.

— Вы только представьте себе этих мексиканцев. Нашлись такие, кто уселся за стол и ест, — негодовал толстый мужчина, — я видел мальчишек, таскавших со стола вино.

Дилижанс медленно покатился по пыльной площади. За окнами поплыли силуэты людей, выцветшие стены домов, мелькнула каменная чаша фонтана и искрящаяся вода, низвергающаяся с ее краев.

Эмми боязливо выглянула наружу, но она увидела лишь цельную без окон кирпичную стеку, плывущую возле самого окна. Занавеска от ветра выгнулась, и девушка, словно в глаза ей попала пыль, прикрыла глаза рукой.

— Тебе плохо? — спросил ее дядюшка.

— Нет, я не могу просто смотреть за окно. Мне страшно.

Врач недовольно поглядел на Рэтта Баттлера, сидевшего подле его племянницы, как

будто тот был виновником их сегодняшних неприятностей.

И он имел на это право, ведь Рэтт Баттлер, как можно было понять с первого взгляда, не привык церемониться и последнее время отдавал предпочтение стрельбе, а не светскому разговору.

Теперь притворяться спящим было невозможно, и Рэтт Баттлер переводил взгляд с одного пассажира на другого. Все были напутаны, вжались в сиденья и молчали. И он понял, что эти люди никогда не смогут сами справиться с братьями Баллоу и их огромной бандой.

Правда, Рэтт Баттлер понимал, что у него самого тоже не хватит сил, чтобы противостоять злу, царившему в здешних местах.

«В конце концов, какого черта! — выругался про себя Рэтт Баттлер. — Почему я чувствую себя чем-то обязанным этим людям? Только потому, что у меня больше сил и решимости? Но кто виноват, что они трусы, что им не хватает решимости постоять за себя? Лишь только над землей начнут сгущаться сумерки, они станут бояться и надеяться, что утром кто-то другой развеет темноту, а потом сразу же забудут о том, кто даровал им свободу. В конце концов, нельзя быть лучше, чем ты есть на самом деле. Ты, Рэтт, не Господь Бог и не тебе решать, кто должен быть у власти в этом мире».

Но тут взгляд Рэтта Баттлера остановился на лице испуганной девушки. Ведь она не могла постоять за себя.

«Ей не дано стрелять, она была создана для тихой спокойной жизни, а ты, Рэтт, для чего создан? — спросил сам себя Баттлер. — Неужели только для того, чтобы помогать другим и ничего не иметь для себя? Или же это искупление вины за годы безумства в Чарльстоне? Но я за них расплатился сполна и теперь вправе жить так, чтобы не приходилось оборачиваться на каждый шорох».

Мальчишка-мексиканец, скакавший на коне Рэтта Баттлера, старался держаться поближе к дилижансу и все время затравленно озирался, не покажутся ли откуда бандиты.

И Рэтту Баттлеру вспомнились две длинные желтые повязки на площади в Сан-Диего. В их ярком цвете было что-то зловещее, и он помимо своей воли стал выхватывать взглядом желтые пятна в окружавшем его мире. Желтая выгоревшая трава, желтый диск солнца над горизонтом, желтые вставки на рукавах Эмми и желтая кожа его собственных сапог. В барабане револьвера блеснули желтизной гильзы патронов.

Дилижанс мчался по серпантину дороги, приближая Рэтта Баттлера к Кластер-Тауну, к городу, куда, несмотря на всю неопределенность обстоятельств, стекались люди в надежде на лучшую жизнь.

Деньги манят всех: и бесчестных, и праведных, и жестоких, и справедливых. Каждый видит в них исполнение своих мечтаний. Только один направит богатства на то, чтобы мир стал лучше, а другой — для того, чтобы превратить его в ад.

И вот, глядя на великолепие природы, Рэтт Баттлер подумал, что все прожитое им — это сон, такой же нереальный, как и увиденное в Сан-Диего. Ведь, в сущности, есть только настоящее, нет прошлого, оно уже было, и нет будущего, ему еще предстоит свершиться.

«Но сам человек, — подумал Рэтт, — состоит из прошлого, и если я могу сказать про себя, что честен, так только потому, что поступал, как велела мне совесть. Если я честен, так это потому, что не хочу совершить ничего плохого в будущем. И всего лишь желаю получить свою долю счастья. И даже могу поделиться им с другими, отдать совсем маленькую частичку своего счастья тем, кому не хватает решимости бороться за свою жизнь. Это то же самое, что подать милостыню или напоить страждущего».

Дилижанс трянуло, и Эмми коснулась своей рукой плеча Баттлера, он ощутил ее горячие нервные пальцы и вспомнил полковника Брандергаса. Тот был вдвое старше его, а в сущности оставался таким же. У него тоже не было дома, не было семьи, и, наверное, даже не было друзей. Нет, конечно, Рэтт Баттлер считал себя другом полковника. Но разве это настоящий друг, который даже не знает, куда ехать, чтобы встретиться?

«Еще часа полтора — и ночь опустится на землю, — подумал Рэтт Баттлер. — Зажгутся звезды. Если смотреть только на них, то неважно, где находишься — то ли дома, то ли далеко от них».

Приближался Клостер-Таун.

Наверное, сразу доехать до Клостер-Тауна Рэтту Баттлеру было не суждено. Уже маячили на горизонте дома города, высокие фасады с броскими надписями «Банк», «Гранд Отель», «Казино», уже доктор, сидевший напротив Баттлера, успел протянуть ему визитку, на которой Рэтт прочел: «Доктор Дуглас. Лечение всех болезней».

Эмми тоже буквально расцвела от счастья, что рядом с ней сидит такой великолепный молодой человек.

Но тут за окном дилижанса мелькнули отблески костра, веревки с сушащимся на них бельем и большая полотняная палатка. Возле костра на корточках сидел молодой человек с военной выправкой и что-то помешивал палочкой в походном котелке. Его большие усы топорщились так, что их было видно даже со спины. Невдалеке от него две девушки в простых, но нарядных платьях возились со стиркой, прополаскивая остатки белья. Наверное, стирка заняла у них весь день, ведь веревки растянулись чуть ли не на полмили.

Рэтту Баттлеру хорошо был знаком подобный уклад жизни, ведь он не один год провел в дороге, скитаниях. И он уже было собрался прикрыть глаза шляпой, как вдруг его взгляд встретился со взглядом мужчины, стоявшего возле самого входа в палатку.

— Боже мой, полковник Брандергас! — воскликнул Рэтт Баттлер.

Да, это был он. Немного постаревший, с окончательно поседевшими волосами, но все еще бравый Чарльз Брандергас.

Он стоял с большой кавалерийской саблей в руках и делал гимнастику. Сабля острием вспарывала воздух, а полковник то разворачивался на каблуках, то изогнувшись, сек воображаемого врага. Его движения были уверенны и точны.

Рэтт Баттлер бросился к окну и закричал:

— Эй, полковник!

Чарльз Брандергас обернулся, но дилижанс уже отдалялся, и он не мог рассмотреть, кто же его зовет.

Рэтт Баттлер забарабанил в стенку, требуя у возницы остановить экипаж.

Тот, не понимая, что случилось, причмокнул губами и натянул поводья.

Дилижанс остановился.

Рэтт, коротко попрощавшись с доктором Дугласом и его племянницей Эмми, схватил свой саквояж и выпрыгнул на дорогу.

Мальчишка-мексиканец, сидевший на его коне, обрадовался возможности ехать до Клостер-Тауна, сидя в дилижансе. Ведь ему еще никогда до этого не приходилось путешествовать подобным образом.

Но тут случилось то, что страшно разозлило Рэтта Баттлера. Конь никак не хотел подходить, он не слушался мальчишку.

— Ну, иди! — кричал мальчуган.

Но конь стоял как вкопанный.

— Ну же, давай! — и он ударил коня кулаком по шее.

Рэтт Баттлер, не выдержав, схватил мальчишку за руку и больно сжал ему запястье. Мальчик скривился от боли и чуть не заплакал.

— Тебе больно? — зло спросил Рэтт Баттлер.

Мальчонка кивнул.

— Ну так вот, ему тоже больно, — Рэтт указал на коня, — и я не хочу, чтобы ты обращался с ним подобным образом. Запомни, никогда не обижай тех, кто не может тебе ответить.

Мальчик было подумал, что Рэтт Баттлер затеял все это лишь за тем, чтобы не расплатиться с ним.

Но слезы сразу высохли, лишь только в руке Рэтта захрустел банковский билет.

Возница не отличался большой церемонностью, и поэтому мальчишке пришлось вскакивать на подножку экипажа тогда, когда он уже тронулся.

А Рэтт Баттлер, уже сидя верхом в седле, махнул на прощание рукой удаляющемуся дилижансу и пришпорил коня так, словно собирался скакать несколько миль, а не ту пару сотен ярдов, отделявших его от палатки.

Наконец-то полковник Брандергас отложил свою кавалерийскую саблю и, приложив козырьком ладонь ко лбу, всмотрелся во всадника. Ошибиться было невозможно, перед ним восседал на черном жеребце сам Рэтт Баттлер, живой и невредимый, доживший пока еще не до пятидесяти лет, как предсказывал ему полковник, а всего лишь до двадцати восьми.

— Рэтт! — воскликнул Чарльз Брандергас и бросился навстречу другу.

Рэтт Баттлер соскочил с коня, и мужчины крепко обнялись. Полковник сильно обхватил Рэтта и оторвал его от земли. Но и Рэтт не остался в долгу, он хлопал полковника по спине, не веря в свою удачу.

Когда первый восторг улегся, полковник повел Рэтта Баттлера к своей палатке. Мужчине, сидевшему возле котелка, на вид было лет тридцать. Но на самом деле он был немного моложе Рэтта Баттлера, но, наверное, его молодость Прошла в условиях более суровых, чем жизнь чарльстонского дворянина, и это наложило неизгладимый отпечаток на его лицо. Лоб прорезали глубокие морщины, в уголках рта появились грустные складки, слегка прикрытые длинными напояженными усами.

Девушки на время оставили стирку и вытирали мокрые руки, понимая, что вскоре им предстоит быть представленными новому человеку. Они о чем-то перешептывались и хихикали, поглядывая на Баттлера.

Полковник Брандергас сурово посмотрел на них, и те сразу же приняли благопристойный вид, вновь занявшись стиркой.

— Мне кажется, Рэтт, — наконец-то окончив пожимать руку, сказал полковник, — что наша встреча не случайна.

— Конечно, — заулыбался Рэтт Баттлер, — я искал тебя.

— Это не так уж трудно сделать, — ответил полковник, — нужно спросить в каком-нибудь салуне, не видел ли кто человека с револьвером на животе.

И он расхохотался, гулко хлопнув себя по голому животу, — гимнастику с саблями он делал, обнажившись до пояса.

Взгляд Рэтта Баттлера остановился на совсем еще свежем глубоком шраме, пересекавшем плечо полковника.

— Были сложности в жизни? — поинтересовался Рэтт.

— Вот после них я решил пожить спокойно.

— Разве можно назвать спокойствием жизнь вот в такой палатке? Почему ты, Чарльз, не переберешься в Кластер-Таун?

— На это есть свои причины, — заговорщическим шепотом сказал полковник Брандергас и понял, что дальше тянуть некуда. Следует представить Рэтта Баттлера.

— Девушки! — весело крикнул Чарльз Брандергас, подзывая к себе двух милостивых созданий.

Те явно только и ждали этого, но все-таки немного смутившись, приблизились к Рэтту Баттлеру.

— Знакомься, мои племянницы — Молли и Тереза.

Молли была немного старше своей сестры, но обе были очень похожи друг на друга. Молли — белокурая с улыбчивым взглядом и, может быть, чуточку сухощавой фигурой. А вот шатенка Тереза была чуть серьезнее своей старшей сестры, в ее фигуре, даже присмотревшись, Рэтт Баттлер не отыскал ни одного изъяна.

— А это мой старинный приятель, Рэтт Баттлер, — отрекомендовал Рэтта полковник Брандергас.

Черная широкополая шляпа, казалось, слетела с головы Рэтта, и он склонился в учтивом поклоне, целуя руку сперва Молли, потом Терезе.

— Ты ничего не говорил мне о них, — изумился Рэтт.

— А ты и не спрашивал.

Рэтт Баттлер понимал, что не стоит сейчас расспрашивать полковника о том, почему его племянницы не со своими родителями, а со своим дядей. Явно случилось что-то, заставившее девушек сменить домашнюю обстановку на походный образ жизни.

Молодой мужчина, не дожидаясь приглашения полковника, приблизился к Рэтту Баттлеру. Он смерил его взглядом, словно оценивая, на что способен гость. Заметив револьвер на животе Рэтта, мужчина улыбнулся, его усы шевельнулись.

— Рэтт Баттлер, а это — Жак Монро, — представил полковник.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Рэтт почувствовал какая сильная у мистера Монро рука.

— Ну что ж, — Чарльз Брандергас обнял Рэтта за плечи и отвел в сторону, — если ты искал меня, значит, на это были причины.

— Конечно, — согласился Рэтт Баттлер.

— Тогда поговорим, — полковник откинул полог палатки, и Рэтт вошел внутрь.

Помещение было разделено надвое полотняной занавеской. Возле марлевого окошка стояла походная кровать, а на ней был разостлан плащ полковника.

— Присаживайся, — полковник Брандергас предложил Рэтту походное кресло, а сам уселся напротив гостя по другую сторону стола.

Два стакана были наполнены на треть виски и, прежде, чем поговорить, мужчины выпили.

— Так, значит и ты решил пожить спокойной жизнью? — сощурился глаза, спросил полковник.

Рэтт кивнул.

— Это похвальное желание, но если знаешь, с какой стороны подступится к его осуществлению. Деньги ты хотя бы не успел промотать?

— Не все, — мрачно ответил Рэтт Баттлер.

— Ты же мечтал вернуться на родину, — напомнил ему полковник.

— Благими намерениями ад вымощен, — Рэтт Баттлер не был настроен шутить, когда разговор коснулся его личной жизни.

— А я-то думал, ты уже женился на красавице из Нового Орлеана, Саваны или Чарльстона, открыл контору по торговле лесом.

— Я так и собирался, — вздохнул Рэтт Баттлер, — но такая жизнь не для меня.

— Согласись, Рэтт, ловить беглых каторжников — занятие тоже не из приятных.

Рэтт Баттлер задумался.

— Я бы хотел выбрать что-нибудь среднее. Пока еще у меня есть деньги, около пятидесяти тысяч долларов. Но этого хватит только для начала, чтобы открыть какое-нибудь дело.

— Так чего ты хочешь от меня, помощи? — спросил полковник.

— Я хочу совета. Мне казалось, что ты знаешь, как следует жить.

— О-о, этого не знает никто, — философски заметил Чарльз Брандергас.

— Я согласен, никто не знает, как жить самому, но все знают, как жить другим.

Полковник Брандергас улыбнулся.

— Я мог бы дать тебе совет, но ты ведь все равно меня не слушаешься. Тебе нужно жениться, Рэтт.

— Это невозможно, — абсолютно серьезно ответил Рэтт.

— Почему?

— У меня есть железное правило — обещать женщине все, кроме одного — женитьбы, и я всегда честно предупреждаю ее об этом заранее, чтобы потом не было никаких претензий и недоразумений.

— Похвальная честность, — вздохнул полковник, — даже я на такое не способен.

— А собственно говоря, почему, Чарльз, ты вспомнил о женитьбе?

— У тебя существует только одна проблема, Рэтт: куда пристроить деньги. И ни один мужчина справиться с нею не может, для этого необходим женский склад ума.

— Так значит, я попал не по адресу, — сказал Рэтт Баттлер, разливая виски по стаканам.

— Но ведь у меня две девушки.

— Не собираешься ли ты, Чарльз, выдать их за меня замуж.

— Двух я выдать за тебя никак не могу, а вот одну...

Взгляды мужчин встретились.

— Тогда, наверное, мне следует уехать, — Рэтт Баттлер залпом выпил виски.

— На твоём месте я бы сначала подумал.

Налетел порыв сильного вечернего ветра, стены палатки колыхнулись, напомнив Рэтту Баттлеру о бренности существования, о том, что он находится на полдороге между прошлым и будущим.

— А если серьезно, Чарльз, ведь ты сам собираешься чем-то заняться?

— Я не хочу, Рэтт, чтобы впоследствии ты пожалел о своем решении. Ведь я просто-напросто устал рисковать и стал бояться за свою собственную жизнь. Это страх, Рэтт. Когда ты молод и у тебя впереди вся жизнь — за нее не боишься. Но стоит понять, что жить тебе осталось от силы лет десять, не больше, начинаешь считать дни. И десять раз подумаешь, прежде чем ввязаться в драку.

Рэтт Баттлер улыбнулся.

— Это, Чарльз, как деньги, когда их много, то не считаешь, а стоит остаться паре стодолларовых купюр, и ты уже знаешь, что можешь себе позволить, а на что тебе не хватит средств.

— А тебе не кажется, Рэтт, что мы оба становимся занудами? Если мне это простительно, то тебе с этим следовало бы подождать.

Полог палатки приоткрылся и внутрь вошла Молли, она проскользнула мимо стола и скрылась за занавеской.

Рэтт Баттлер сразу почувствовал себя скованным — он всегда терялся в присутствии женщин, и не каждый раз находились слова, когда он оказывался в подобных ситуациях.

— Я вижу, ты смущен, — заметил полковник Брандергас, — по-моему, мои слова о женитьбе подействовали на тебя должным образом.

— Дядя Чарльз, — послышался недовольный голос Молли из-за занавески, — сколько раз я вас просила не вгонять меня в краску.

— Молли, тебя все равно не видно. И вообще, не забудь, ты находишься в другой комнате и поэтому не должна слышать нашего разговора.

— Я жду не дождусь, когда мы, наконец, окажемся в Клостер-Тауне, — сказала Молли.

— Ну что же делать, — ответил полковник, — если Кристиана Мортимера до сих пор нету.

Рэтт Баттлер почувствовал себя лишним. Прозвучало имя, которое ему ничего не говорило. Ко всему можно было понять, что у полковника и его племянниц существуют какие-то свои планы, в которые, еще неизвестно, стоит ли вмешиваться.

Шутки шутками, но Чарльз Брандергас до сих пор не предложил Рэтту Баттлеру присоединиться к нему и не раскрыл все свои карты. А гордость не позволяла молодому человеку самому выпытывать у полковника о тайнах его жизни.

Вновь колыхнулся край занавески, и в палатку впорхнула Молли. На ней было уже другое платье. Простой ситец сменился нарядным батистом, украшенным легкими кружевами.

— Это она для тебя старается, — заметил Чарльз Брандергас, подмигнув Рэтту Баттлеру.

Молли залилась краской и попыталась проскользнуть мимо них. Но полковник задержал ее и усадил рядом с собой.

— Рэтт, ты бы согласился взять на себя ответственность за этих девушек?

— Если они и в самом деле твои племянницы, то мне ничего другого не остается делать.

— Они больше, чем племянницы, — ответил полковник, — они ангелы. Неужели, Рэтт, когда ты смотришь на Молли, не видишь крылышек за ее спиной?

И Чарльз Брандергас сделал движение, как будто поглаживал несуществующие крылья Молли.

— Если они пошли в своего дядю, то, скорее всего, не ангелы, а дьяволы, — рассмеялся Рэтт Баттлер, наконец-то почувствовав, что скованность ушла — то ли сказались выпитые виски, то ли так приветливо улыбалась ему девушка.

— Это ты верно заметил, — усмехнулся в седые усы полковник Брандергас, — ведь ангел и дьявол — это одно и то же.

— И все, что хорошо для одних, плохо для других, — закончила за своего дядю Молли. — Я пойду, не буду вас стеснять. Вы, наверное, обсуждаете какие-нибудь секреты.

И она выскользнула из-под руки дядюшки, бросив на Рэтта восхищенный взгляд.

— Ты не боишься, Рэтт, принимать решение не на трезвую голову? — спросил полковник, подливая в стакан друга виски.

Тот пригубил напиток и отрицательно качнул головой.

— Я настолько устал и возбужден, что виски на меня не действуют.

— Хорошо. Тогда я открою тебе свой секрет. Ты думаешь, я живу в палатке, потому что у меня не хватает денег на собственный дом?

— Дом тебе не нужен, полковник. Не такой ты человек, — сказал Рэтт Баттлер.

— Мне-то не нужен, но вот девушки... Ведь мой брат умер, и все его имущество ушло с молотка.

— Мне очень жаль, — сказал Рэтт, — что я не знал твоего брата.

— Он был не лучшим из людей, — со вздохом сказал полковник. — Ведь за карточный стол нельзя садиться, если не уверен, что выиграешь.

— Есть разные игры, — напомнил Рэтт Баттлер, — в одних все зависит от игрока, в других — от везения, а в третьих — все зависит от честности банкмета.

— Так какие игры, Рэтт, тебе нравятся больше всего?

— Покер, — не задумываясь, ответил Рэтт Баттлер.

Это и в самом деле была его любимая игра. Ведь покер — чисто американское изобретение. Играя в него даже с плохой комбинацией, умело владея своими чувствами, можно выиграть. Можно сорвать банк даже если у тебя на руках нет вообще никакой комбинации. Главное — умение спорить, вовремя повышать ставки или же вовремя пасовать. В этой игре, как понимал Рэтт, заключена вся сущность жизни на Диком Западе. С ней можно, проснувшись нищим, заснуть миллионером, а назавтра вновь все спустить за несколько минут.

Но главное, играя в покер, нужно уметь владеть чувствами, не дать появиться на лице улыбке, когда пришла хорошая комбинация, а наоборот, сжимая карточный веер с тузовым покером, сокрушенно качать головой, изображать полную растерянность, тогда обманутые противники, воодушевившись, начнут повышать ставки. Но и тут нельзя пережимать, нужно уметь вовремя изменить тактику.

Да, покер был любимой игрой Рэтта Баттлера. Еще неизвестно, чем он владел лучше, колодой или парой револьверов.

— Да, покер, — задумчиво проговорил полковник Брандергас, это великолепная игра. Я открою тебе свою тайну. Я хочу разбогатеть, играя в покер.

Лишь на какое-то мгновение Рэтт Баттлер изумился, ему почудилось, что полковник говорит о нечестной игре. Ведь в здешних краях шулерство было явлением довольно распространенным. Но тут же Рэтт спохватился. Полковник Брандергас исключительно честный человек и никогда не сможет преступить черту закона, а тем более правила чести.

— Нет, — тут же поспешил успокоить его полковник, — я не шулер, можно выиграть и честным способом.

— Игра в том и состоит, — вздохнул Рэтт Баттлер, — что иногда выигрываешь, иногда проигрываешь. Невозможно знать, что на руках у партнера.

— Это можно исправить. Сейчас попробую тебе объяснить, — рука полковника потянулась к бутылке виски, и остатки спиртного переключевали в стаканы.

— Если, Чарльз, хочешь научить меня играть в покер, то я умею это делать не хуже тебя.

— Нисколько не сомневаюсь. Ты то же самое говорил мне про стрельбу из револьвера.

Рэтт Баттлер улыбнулся, вспомнив, как полковник ловко, шесть раз подряд прострелил его шляпу, не давая ей упасть на землю.

— Тут все дело в другом. Сумел бы ты выстоять один против банды Альфаро Сикейроса?

— Ни в коем случае, — не стал приписывать себе лишних заслуг Рэтт Баттлер.

— Вот именно, — полковник прищурился, — а мы вдвоем?

— Вдвоем мы бы его одолели.

— То же самое происходит в картах. Люди проигрывают потому, что каждый игрок делает ставку только на собственное умение и везение. А вот если попробовать вести игру в одну руку, так, чтобы ты, Рэтт, не играл против меня, а мы с тобой играли на общий банк...

— Я еще не давал согласия участвовать в твоей афере, — пожал плечами Рэтт Баттлер, — но ты, пожалуйста, продолжай, твои рассуждения меня заинтересовали.

— Карты это бизнес, — говорил полковник, — главное — иметь надежных партнеров, и тогда никто не сможет противостоять тебе. Ведь я, Рэтт, хороший игрок, хороший игрок и ты. И поверь, Жак Монро играет не хуже нас двоих.

— А ты, Чарльз, уже пробовал заниматься этим? — спросил Рэтт Баттлер.

— В том-то и дело, что нет. Для надежности нужно иметь троих игроков. Двое уже есть — я, Жак Мокро, а теперь появился ты.

— Но ведь я появился случайно. Наша встреча могла и не состояться, — напомнил Рэтт Баттлер.

— Поэтому мы и ожидали тут Кристиана Мортимера. Втроем мы должны были покорить Кластер-Таун.

Рэтт Баттлер насторожился. Слишком много людей сразу возникали в его жизни. С существованием Жака Монро он уже смирился, как с существованием Молли и Терезы.

— Я не знаю более надежного человека, чем Кристиан Мортимер, — поспешил успокоить его полковник. — Он помог мне выйти не из одной передраги, и играет он не хуже любого из нас, а револьвером владеет значительно лучше меня.

— Этого не может быть! — искренне воскликнул Рэтт Баттлер.

— Если я говорю, значит так оно и есть.

— И что же случилось с вашим другом? Почему его до сих пор нет?

— Это и меня начинает беспокоить. Но, наверное, просто задержался где-то по дороге. Карточных столов всюду много, и за каждый садятся простаки, готовые спустить большие деньги. Ну как, Рэтт, тебя устраивает мой план? Или ты предпочитаешь ловить бандитов?

— Я должен подумать, — Рэтт Баттлер допил остатки виски и на самом деле крепко задумался.

С одной стороны, предложение полковника Чарльза Брандергаса соблазняло его, но с другой, Рэтт понимал, что назвать игру за карточным столом спокойной жизнью было бы преувеличением. Правда, это был бы шаг вперед: это была возможность изменить свою жизнь к лучшему.

Система игры, предложенная полковником Брандергасом, не должна дать осечки. Деньги сами пойдут в руки. Но Рэтт понимал и то, что никто в Кластер-Тауне не позволит чужакам обыгрывать почтенных горожан.

Тут на полотняную стену палатки легла легкая тень девушки. Рэтт Баттлер не понял, Молли это или Тереза. Девушка, распустив волосы, тряхнула головой, и даже тень вспыхнула золотом. Легкое платье было полупрозрачным и поэтому на полотне проступил еле заметный силуэт ее тела.

— Уж не думаешь ли, Рэтт, что я собираюсь тебя обмануть? — лукаво улыбаясь в седые усы, спросил полковник.

— Я согласен, — наконец-то решился Рэтт.

— Тогда по рукам. Но нам следует еще переговорить с Жаком Монро. Ведь это общее

дело, Рэтт. И ты, надеюсь, понимаешь меня.

— Конечно, дело серьезное, ведь на карту поставлены большие деньги.

— Если ты, Рэтт, говоришь о своих деньгах, то не беспокойся — у нас есть с чего начинать игру, и мы будем в равных условиях, а выигрыш будем делить поровну на четверых.

— Ах да, — спохватился Рэтт, — существует же еще Кристиан Мортимер.

— Ты не пожалеешь о своем решении, — Чарльз Брандергас покинул палатку и через некоторое время вернулся с Жаком Монро.

Тот немного подозрительно смотрел на Рэтта Баттлера, вновь оценивая его. Рэтт понял, что нужно чем-нибудь поразить воображение молодого человека, поэтому он запустил руку в карман плаща, извлек полудолларовую монету и принялся перекачивать ее в пальцах. Монета то взбиралась по расставленным пальцам Рэтта Баттлера, как по ступенькам, то скатывалась вниз, потом подлетала вверх и исчезала в ладони, а затем вновь, проскользнув сквозь пальцы, завершала свой замысловатый путь, так ни разу и не ударившись о стол. А Рэтт Баттлер в это время с абсолютно скучающим видом смотрел туда, где на стене палатки рисовался силуэт одной из племянниц полковника Брандергаса.

Жак Монро молча следил за манипуляциями Рэтта Баттлера, затем протянул ему руку. Монета соскользнула в ладонь Жака и, не останавливаясь, принялась совершать все те же замысловатые кульбиты и повороты, что и в руке владельца.

— Мы стоим друг друга, — наконец сказал Жак Монро, и пятидесятицентовик заплясал на столе.

Монета вращалась на ребре, потом движение ее стало замедляться, и вот она уже заплясала, как останавливающийся обруч.

Полковник Чарльз Брандергас, не дождавшись, пока монета остановится окончательно, прихлопнул ее рукой. Ладони двух других мужчин легли сверху на руку полковника Брандергаса.

— Значит, мы будем действовать вместе? — спросил Рэтт.

— И думаю, с большой пользой для всех, — добавил Жак Монро.

— Только учти, — подмигнул Чарльз Рэтту, — Жак уже помолвлен с Терезой. И если хочешь знать, это ее тень лежит на стене палатки.

— А если мы так чудесно поладили, то могу напомнить, — воскликнул Жак, — ужин уже готов.

Мужчины вышли наружу. Солнце уже почти скрылось за вершинами гор. Костер догорал и только слабые языки пламени еще плясали над рубиновыми углями. Золу сдувал ветер, и на месте кострища оставались только почерневшие камни.

— Я думаю, нашу встречу нужно отметить, — полковник Чарльз Брандергас подозвал к себе Молли.

— Девушки, накрывайте на стол. Отныне нас будет пятеро. А с приездом Кристиана Мортимера — шестеро.

— Так, дядя, мы завтра двинемся в Кластер-Таун? — поинтересовалась Молли, разливая черпаком из котелка в оловянные тарелки.

— Насчет завтра — завтра и посмотрим, — уклончиво ответил полковник.

Из фургона, стоящего позади палатки, было извлечено две бутылки виски и одна вина для девушек. Вскоре стол был накрыт и все уселись в палатке. Наверху центрального столба горела масляная лампа, бросающая неверный свет на сидевших под ней людей.

Рэтт Баттлер впервые за последнее время вновь почувствовал себя счастливым. Он

понимал, что это ощущение не исчезнет ни завтра, ни послезавтра, ведь рядом с ним сидит его верный друг, проверенный в деле. Может быть, его другом станет и Жак Монро, тем более, ему уже успел полюбовиться этот немногословный мужчина.

Рэтт Баттлер не хотел себе признаться, что удержала его рядом с полковником не только старая дружба, но и красота Молли.

Девушка сидела напротив Рэтта Баттлера, молча ужинала. Манеры ее были прекрасны — скорее всего, она воспитывалась в каком-нибудь хорошем пансионе. Она ела не торопясь и каждый раз, берясь за бокал с вином, промокала губы полотняной салфеткой.

Теперь, после сгущения сумерек, стены палатки уже не казались тонкими и ненадежными. Рэтту Баттлеру представлялось, что они сидят в доме. И где-то там, за занавеской в темноте, прячется фортепиано, и что Молли, кончив ужинать, подойдет к инструменту, откроет крышку, и ее тонкие пальцы коснутся клавиш... Зазвучит мелодия...

И тут Рэтт Баттлер к своему ужасу понял, что, скорее всего, он не сможет узнать, что именно сыграет девушка. Когда он жил в Чарльстоне, он не сильно интересовался музыкой. Даже тогда он мог назвать не больше дюжины имен композиторов. И ему стало немного стыдно. В глубине души Рэтт считал себя намного выше почти всех жителей Запада. Ведь он был дворянином из старинного рода, а не каким-нибудь проходимцем, бросившимся на Запад в поисках денег.

Молли доела тушеное мясо и положила приборы поверх пустой тарелки. Ее тонкие белые пальцы легли на край скатерти, и Рэтту показалось, что девушка и в самом деле положила свои руки на клавиши инструмента.

— Ты слишком мечтателен, — оборвал его грезы Чарльз Брандергас, — надеюсь, сейчас ты думаешь о деле?

— Да, я как раз вспоминаю все то, что мне известно о покере, — соврал Рэтт Баттлер.

На щеках Молли вспыхнул легкий румянец — она была уверена, что Рэтт Баттлер думает о ней.

Но полковника было не так-то легко провести.

— Не надо мне врать, Рэтт. Это глупо, сидя за столом в компании дам, думать об игре в карты.

— Если учесть то, что мы задумали, — напомнил Жак Монро, — то об игре в карты нужно думать не переставая.

— А вот я скажу совсем о другом, — полковник Чарльз Брандергас посмотрел на свою племянницу. — Тебе было бы неплохо узнать об одном жизненном правиле нашего друга.

Девушка настороженно посмотрела на дядю, ожидая очередной шутки.

— Так вот мистер Баттлер надеется, что никогда не женится и, честно предупреждает об этом всех женщин, знакомящихся с ним.

— Если на то пошло, — вспыхнула Молли, — то ты, дядя, можешь вспомнить и мое жизненное правило: замужество — это не самое главное в жизни.

Полковник засмеялся.

— По-моему, Молли, тебя не этому учили в пансионе, но все равно, племянница, я тебя люблю.

— Мисс Брандергас, — сказал Рэтт Баттлер, — я думаю, вы извините своего дядю за его бесцеремонность. Нам с ним приходилось бывать в не очень утонченном обществе, и поэтому мы немного огрубели.

— О вас, мистер Баттлер, этого не скажешь, — призналась Молли. — И надеюсь, вы

понимаете, что мой дядя только шутит.

— Шутки шутками, — улыбнулся полковник Брандергас, — а вот Жак Монро и Тереза уже помолвлены.

— Но у меня не было такого жизненного правила, — оправдался мистер Монро.

Полковник вытащил из жилетного кармана золотые часы, отщелкнул крышку и зазвучала минорная мелодия.

И Рэтт Баттлер вздрогнул — слишком многое в его жизни было связано с этими звуками.

Он видел, как подрагивают часы в ладони полковника, и от этого женский портрет на крышке часов, казалось, ожил. Рэтт смотрел на изображенную на крышке женщину и узнавал в ней черты Молли.

Только теперь он понял, почему холодок пробежал по его душе, когда он впервые увидел эту девушку.

Иногда, глядя на людей, сразу же нетрудно догадаться, что им уготована короткая жизнь — это словно бы написано на их лицах, бледных и прекрасных. Почему-то некрасивые люди обычно живут дольше.

А Молли была прекрасна. Во взгляде таких людей всегда присутствует неземная тоска, будто они уже видят ту иную жизнь, находящуюся за чертой неизвестного.

Рэтт Баттлер посмотрел в глаза мисс Брандергас, и ему показалось, что он видит отражение загробного мира, только он не мог различить, что именно: то ли это окрашенные закатным солнцем облака, то ли языки адского пламени...

«Ангел», — вспомнил Рэтт Баттлер слова полковника Брандергаса и свой ответ насчет дьявола.

«Ангел и дьявол — это одно и то же».

«Да, благими намерениями ад вымощен, — прозвучали в ушах Рэтта Баттлера его собственные слова. — Ведь я сам неизвестно куда попаду после смерти. Рай, наверное, не для меня. Ведь вряд ли там скачут на конях и стреляют из револьверов, играют в карты. А ничего другого я не умею делать в жизни».

Но Рэтт Баттлер не мог поверить, что Молли, такой красивой и нежной, уготована дорога в ад. Хотя по ее лицу было видно, что девушка многое успела повидать в жизни. Скорее всего, она уже не раз видела чужую смерть, и он понял, что Молли, наверное, ненавидит игру в карты, выпивку, ведь ее отец разорил семью, просиживая вечера за игральным столом. Он понял, что все его предыдущие слова больно ранили ее душу.

И Рэтту Баттлеру захотелось сказать ей что-нибудь хорошее и мягкое.

— Мисс Брандергас... — сказал он.

Две пары глаз посмотрели на него — Молли и Терезы.

— Молли, — уточнил Рэтт, — у вас очень красивое платье.

Девушка скептически осмотрела свой не очень дорогой наряд. За нее ответил полковник Брандергас:

— Вот когда я стану богатым, то у тебя будут самые лучшие наряды на всем Западе.

Молли взглянула в глаза Рэтту.

— По-моему, самое время подавать кофе.

Она вышла из-за стола и вскоре поставила на небольшой плоский камень, служивший подставкой, закопченный кофейник.

Рэтт Баттлер пил горячий кофе, отдававший дымом костра, и понимал, что судьба вновь

надолго связала его с полковником Брандергасом. Конечно, это могло быть всего лишь несколько недель, но Рэтт знал, что запомнятся они ему надолго.

— Очень вкусный кофе, — похвалил он напиток.

— Его готовила Тереза, — улыбнулась Молли.

— Мы столько уже сидим за столом, — Рэтт Баттлер посмотрел на полковника, — а никто еще ни разу не вспомнил про желтые повязки. А по дороге сюда в дилижансе только и было разговоров, что о бесчинствах бандитов. Я даже сам видел убитых в Сан-Диего.

— Да, — ответил полковник, — братья Баллоу еще могут встать у нас поперек пути. Но ведь мы сумеем дать отпор, не так ли, Рэтт?

— Конечно. Мы сумели справиться с Альфаро Сикейросом, сумеем справиться и с братьями Баллоу.

— Только не будь слишком самонадеянным, у Альфаро Сикейроса была небольшая шайка головорезов, а здесь целая армия. В одиночку не выстоять.

— Но нас же трое, — напомнил Жак Монро.

— Нас будет четверо. Надеюсь, Кристиан Мортимер скоро присоединится к нам. Главное, Рэтт, — полковник положил свою тяжелую ладонь на запястье Баттлеру, — никогда не действуй в одиночку. Не забывай, что я говорил тебе о карточной игре. Выиграть можно, играя только в одну руку.

— Если их так много, — улыбнулся Рэтт, — то придется стрелять из двух стволов.

— Тут главное, не кто выстрелит первым, а кто выстрелит последним. Ведь стрелять может только живой человек, — Жак Монро поправил пояс с револьверами.

Девушки сидели за столом, и по их лицам было видно, что им очень хочется спать. Полковник Брандергас поднялся.

— Ну что ж, Рэтт, спать на полу тебе не привыкать, а завтра, если все будет хорошо, мы отправимся в Кластер-Таун и начнем свою игру.

Рэтт примостился у самого входа в палатку, подложив под голову аккуратно сложенный плащ. Он слышал, как тяжело дышат кони, как поскрипывает шест, поддерживающий палатку. Но уснуть ему не давало другое — он слышал легкое дыхание Молли и чувствовал, что девушка тоже не спит.

Рэтт нащупал в кармане сигару и решил выйти на улицу.

Рэтт Баттлер сидел на камне и смотрел на то место, где еще совсем недавно был костер. Ни пепла, ни угольев, а все камни в темноте казались черными. И лишь только жар, исходивший от них, напоминал, что недавно здесь пылал горячий огонь.

Полковник Брандергас, Рэтт Баттлер и даже Жак Монро, возможно, простили бы, а если и нет, то хотя бы поняли Кристиана Мортимера, ведь они ожидали его уже второй день, а того все еще не было.

А ему представился удобный случай продемонстрировать свое умение игры в покер. На дороге молодого мужчины, спешившего к своим друзьям в Кластер-Таун, попался небольшой городок Ойл-Сити.

Кристиан Мортимер доподлинно знал: в каждом городке есть салун, а в салуне всегда найдется стол, обитый зеленым сукном и лучше всего, если за ним не будет места банкомету.

Ойл-Сити был не из тех городков, где можно было развернуться человеку, играющему в карты. Правда, такое положение вещей складывалось не всегда. Иногда сюда заезжали покутить фермеры, выгодно продавшие скот, или же золотоискатели.

Чутье и на этот раз не подвело Кристиана Мортимера, когда он вместо того, чтобы поехать прямой дорогой, свернул в Ойл-Сити, будучи искренне уверенным, что делает это только ради того, чтобы поужинать.

В салуне было порядочно народу. На часы, висевшие над самой стойкой, никто из посетителей не обращал внимания. Выпивки было достаточно, а в карманах денег с лихвой, чтобы расплатиться за нее.

Особенно усердствовал в этом занятии некий Тэд Джонсон, мужчина в годах, без определенных занятий. Большую часть своей сознательной жизни он провел в салунах за карточным столом и только теперь, поняв, что ему осталось не так уж много времени и здоровья, надумал изменить свой образ жизни на более упорядоченный. Вот это-то событие и решил отметить Тэд Джонсон со всем размахом.

У него в кармане лежало полторы тысячи долларов, а чтобы напиться в стельку пьяным, достаточно и тридцати. Но только выпить Тэду Джонсону было мало, он не мог удержаться, увидев, как другие играют в карты, рука скользнула в карман и, сжимая в кулаке несколько хрустящих купюр, Тэд подсел к игрокам в покер.

И странное дело, говорят, что везет новичкам, а назвать новичком Тэда никто из горожан не решился бы, но ему везло — и по-крупному. Несмотря на то, что он был основательно пьян и непроходимо туп, ему постоянно приходили хорошие карты и даже, если по глупости он менял вполне сносную карту, на руки ему приходила еще лучшая комбинация.

А Кристиан Мортимер, следуя данному себе обещанию только поужинать, сидел недалеко от карточного стола и не спеша поглощал жареное мясо, запивая его красным вином.

У него, как у каждого уважающего себя жителя Запада, не имевшего дома и семьи, почти в каждом городе была знакомая девушка. Сейчас он отыскивал взглядом в зале знакомое лицо, пытаясь припомнить, каким может быть имя особы женского пола, с которой он встречался полгода тому назад, наведавшись в Ойл-Сити.

На гладковыбритом лице двадцативосьмилетнего Кристиана Мортимера при этом не отражалось никаких чувств. Он настолько свыкся с тем, что большую часть времени ему приходится проводить за карточным столом, что приучился полностью отключать свою

мимику. И поэтому никому в голову и не приходило, что скупающий молодой человек кого-то разыскивает.

По лестнице, ведущей из верхнего этажа гостиницы, расположенной над салуном, застучали каблучки. И на площадке появилась молодая женщина в платье не столько прикрывавшем, сколько обнажавшем ее плечи. Томный взгляд с наигранным безразличием скользнул по залу.

Все здесь было знакомо молодой женщине, никто из постоянных посетителей не привлек ее внимания и лишь только черный сюртук дорогого сукна, в который был облачен Кристиан Мортимер, вывел ее из оцепенения. Лицо ее выразило удивление и восхищение — не так уж часто состоятельные люди заезжали в этот небольшой городок. А состояние посетителя имело для Сандры, так звали женщину, вполне определенный интерес.

К тому же молодой человек был красив и, судя по всему, смел. Такие мужчины и нравились Сандре. Ее немного задело, что мужчина, как показалось ей, не обратил на нее внимания.

Но это было не так.

Красота женщины привлекла внимание Кристиана Мортимера, и тут сказались привычка играть в карты — Кристиан умел видеть, не смотря на предмет, заинтересовавший его. Боковое зрение было развито превосходно.

Женщина несколько раз прошла возле столика, а Кристиан даже не повернул голову в ее сторону. Сандра старалась как могла. Она, проходя мимо мистера Мортимера, картинно забросила за плечо черный хвост боа, едва не задев его гладко выбритую щеку.

Наконец, мужчина отложил вилку, нож и, не глядя в ее сторону, произнес:

— Садись.

Он ногой отодвинул под столом стул, и Сандра, немного растерявшись, присела к столу.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Сандра.

— А меня Кристиан. Но при других можешь называть меня мистером Мортимером.

Он щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— Ты любишь шампанское, Сандра? — спросил Кристиан к, не дождавшись ответа, добавил, обращаясь к официанту. — И фруктов.

Сандра не стала возражать, и вскоре между ней и Кристианом уже стояла бутылка шампанского в серебряном ведерке, наполненном льдом. Щедрость мистера Мортимера не знала границ. На такое угощение для Сандры не решался даже местный богач, владелец складов. И Сандра готова была сделать для своего благодетеля все что угодно. Но показать, что реальность превзошла все ее ожидания, женщина не собиралась.

То, что в кармане Кристиана Мортимера лежала часть их общего с полковником Брандергасом состояния, молодого человека ничуть не смущало. Он прекрасно знал, что сможет в любое время отыграть, вернув долг Чарльзу Брандергасу.

А вот в отличие от Кристиана Мортимера, Тэд Джонсон был слишком самонадеян. Из-за того, что ему везло в карты, он посчитал, что ему же должно принадлежать и все лучшее, что только есть в Ойл-Сити. А в число местных семи чудес входила и Сандра. Поэтому Тэд, перед которым уже высилась горка фишек и купюр, недовольно посмотрел на чужака, так легко обольстившего местную красавицу.

— Эй, — недовольно крикнул он Сандре, — когда я кончу играть, пойдешь со мной.

Язык пьяного мужчины слегка заплетался, и Сандра скривила губы.

— Я не знаю даже, согласится ли везти домой тебя твоя кляча. Я имею в виду лошадь преклонного возраста, принадлежащую Тэду, — бросила, не оборачиваясь, женщина.

А Кристиан Мортимер, понимая, что начало его карьеры в Ойл-Сити складывается удачно, громко рассмеялся. Этот смех и задел за живое Тэда Джонсона.

Он распахнул карманы, деньги к нему поднялись из-за карточного стола. Неверной походкой мужчина приблизился к молодому нахалу, позволившему себе смеяться над ним.

— Ты, наверное, считаешь, себя очень жестким? — сквозь зубы процедил он, сплюнув на пол.

Испортить аппетит Кристиану Мортимеру было очень сложно, но он не мог спустить обиды. Для него существовало два способа поквитаться с обидчиком. Но стрелять Кристиану не хотелось, и он выбрал первый способ — карты.

— Я думаю, мы можем сыграть с тобой партию, приятель, — ответил он, поднимаясь во весь свой шестифутовый рост.

Коротышка Тэд Джонсон еле доходил ему до плеча. Поэтому первая решимость пьяного улетучилась, и он невнятно пробормотал, что не прочь бы был сыграть партию в покер.

Предоставив Сандру самой себе, Кристиан отправился за карточный стол. Приунывшие игроки оживились, ведь теперь представлялась возможность вернуть себе проигранное, по нелепой случайности оказавшееся в карманах Тэда Джонсона.

Кристиан Мортимер, садясь за стол, предусмотрительно расстегнул сюртук так, чтобы в любой момент можно было выхватить один из двух револьверов. Ведь он был один, а игравшие против него давно знали друг друга.

Для начала, дав выиграть Тэду Джонсону пятьдесят долларов, Кристиан распалил его азарт, а потом применил свою обычную тактику. Два кона он выиграл, а третий, когда Тэд Джонсон был готов уже выйти из игры, специально проиграл. Местные картежники ликовали, радуясь победе. Правда, Тэду Джонсону показалось мало, ведь по всему было видно, что у Кристиана Мортимера еще уйма денег.

И он предложил продолжить игру.

— Пожалуйста, — пожал плечами Кристиан Мортимер, — вечер еще длинный, и все может измениться.

Перед игроками легли карты, и с каменным выражением лица Кристиан трижды сорвал банк. Благообразие вернулось к местным картежникам, и они вышли из игры.

Но Тэд считал себя оскорбленным. Ведь мало того, что чужак привлек на свою сторону Сандру, так он еще и выигрывает у него деньги.

Первая ставка составила по сотне долларов. И Кристиан Мортимер спокойно дал мистеру Джонсону выиграть, окончательно уверив его в собственной непобедимости. Теперь Кристиану предстояло всего лишь дожидаться хорошей комбинации и, сделав вид, что на руках у него какая-нибудь дрянь, не выше двух доек, вытянуть у противника все деньги, понемногу повышая ставки.

Тэд Джонсон уже начинал нервничать, а это было хорошим знаком, ведь в таком состоянии человек не в силах скрывать свою радость или огорчение. На лице Тэда, словно в зеркале, можно было прочесть комбинацию, находившуюся у него на руках.

Кристиан, обменяв две карты, заполучил каре из дам и понял: его звездный час настал. Состроив несчастную мину, он горестно вздохнул и покачал головой, дескать, плакали мои денежки.

А Тэд Джонсон, злорадно потирая руки, поставил на кон сто долларов.

Сделав вид, что всего лишь просто собрался с духом, Кристиан сбросил с лица маску печали и широко улыбнулся, словно бы неумело пытался уверить своего противника в том, что имеет хорошую комбинацию, и занес руку, чтобы положить в банк двести долларов. Но потом, как будто бы на мгновение передумав, отдернул руку.

Раздался радостный вскрик следивших за игрой мужчин. Тэд Джонсон готов был услышать, что Кристиан выходит из игры, но все-таки двести долларов благополучно легли в банк.

— Я жду вашей ставки, — делано срывающимся голосом сказал Кристиан Мортимер.

— Пятьсот долларов! — громко, так, чтобы его услышали в дальнем конце салуна, выкрикнул Тэд Джонсон, кладя в банк свои последние деньги.

— Ну что ж, иногда приходится и проигрывать, — лукаво улыбаясь, сказал Кристиан.

Тэд Джонсон, уверенный, что эти слова не относятся к нему самому, с видом победителя осмотрелся по сторонам, мол, глядите, какой я герой, рискнул всем, но сорвал большой банк.

И тут Кристиан Мортимер тоже положил в банк пятьсот долларов.

— Ну что ж, откроем карты, — сказал он. — Конечно же, я уверен, что моя комбинация ничто по сравнению с вашей, мистер Джонсон, но все-таки я не хочу сдаваться без боя.

Тэд Джонсон гордо открыл карты. На стол легла комбинация фуллер.

— Ну что ж, мне только остается вас поздравить, мистер Джонсон, — и Кристиан открыл свои карты.

Каре из дам перекрыло фуллер.

Пьяный угар словно сдуло с Тэда Джонсона, и он тут же вспомнил, что даже не успел рассчитаться за выпивку, а теперь в его кармане осталась только мелочь.

Крик негодования прошел по группке сочувствующих мистеру Джонсону. Никому не хотелось, чтобы чужак унес из Ойл-Сити такие деньги.

А Кристиан Мортимер не спешил притрагиваться к банку. Ехидно улыбаясь, он осведомился:

— Может, еще сыграем?

Сандра, прекрасно зная местные нравы, поняла, что Кристиану Мортимеру грозит опасность. Она прихватила бутылку с виски, стоявшую за столиком, и направилась к игрокам.

Сочувствующие расступились, пропуская молодую женщину. А та, виляя бедрами, подошла к Кристиану и уселась ему на колени. Виски полилось в небольшой стаканчик, и Кристиан Мортимер поблагодарил подругу.

— Спасибо, Сандра.

Женщина поудобнее устроилась на коленях своего нового друга и даже пальцем потрогала его жесткие усы, словно бы собираясь убедиться, что они настоящие, а не наклеенные.

— Ты почему, Сандра, не носишь белье? — с упреком пошутил Кристиан Мортимер, легонько сталкивая ладонью с колен Сандру. — Иди погуляй, нам предстоит с мистером Джонсоном неприятный разговор.

Сандра послушно поднялась, но далеко отходить не стала. Она устроилась за стойкой бара и напряженно следила за тем, как будут развиваться события.

Кристиан Мортимер до половины отпил стаканчик и закурил сигару. А потом, нагло улыбаясь, выпустил дым прямо в лицо Тэду Джонсону.

— Ну что, ты думал, жесткий парень? Хотел выбить меня из колеи, но не получилось. Сегодня повезло мне, а завтра, надеюсь, повезет тебе. Но меня уже в Ойл-Сити больше не будет, придется тебе обыгрывать местных простаков.

Тэд Джонсон побагровел и надул щеки, силясь что-то сказать. Но наглость пришельца была выше всяких границ и поэтому слов у незатейливого местного игрока не находилось. Ведь он привык всегда выигрывать, а тут какой-то приезжий всего лишь за полчаса полностью обчистил его карманы. И главное, не к чему было придраться, ведь тот явно не жульничал, а просто умел играть в покер лучше, чем он.

— Так ты не хочешь играть? — спросил Кристиан Мортимер, все еще не притрагиваясь к банку.

Это окончательно вывело из себя Тэда Джонсона. Чтобы сорвать злость, он схватил со стола карточную колоду и швырнул в лицо Кристиану Мортимеру.

— Ах ты сукин сын! — закричал он, вскакивая из-за стола и хватаясь за револьвер.

Все зашумели.

А Тэд Джонсон, чувствуя поддержку местных жителей, громко выкрикнул:

— Я не собираюсь выслушивать твои издевательства! Забирай свои бабки и мотай отсюда! Мне надоело слушать твои бредни!

Револьвер в руке Тэда Джонсона дрожал. А Кристиан Мортимер, поняв, что Джонсон не очень-то смел, спокойно откинулся на спинку стула и процедил сквозь зубы.

— А почему я должен куда-то уезжать? Мне здесь нравится, я не хочу уезжать, не дав тебе возможности отыгаться.

— Убирайся! — взревел Тэд Джонсон.

— Как я понял из твоих слов, — все так же спокойно говорил Кристиан, — играть ты больше не намерен, и мне осталось узнать только одно: мы квиты или же нет? В крайнем случае, я могу подождать до завтра, пока ты протрезвеешь.

Тэд Джонсон осмотрел своих приятелей, плотным кольцом окруживших стол, и почувствовал их поддержку.

— Знаешь что, — обратился он к Кристиану Мортимеру, запихивая револьвер в кобуру, — ни хрена ты не получишь, деньги останутся здесь — и твои и мои. А ты получишь тощую кобылу и уедешь отсюда к чертовой матери.

— Какие-то противные вещи ты говоришь, Тэд. Настоящие мужчины так не поступают. И мне, как джентльмену, неприятно это слышать, пусть ты и пьян. Я думал, что мы просто проводим свободное время за карточным столом, а ты придаешь этому слишком большое значение и готов за какие-то вонючие деньги застрелить меня. А теперь выясняется, что ты, Тэд еще и вор. Ведь ты только что сам сказал, деньги принадлежат мне, а ты хочешь их забрать.

Руки Кристиана Мортимера легли на край стола, длинные тонкие пальцы принялись отбивать замысловатую дробь. Кристиан умел прекрасно владеть собой, и напустил на себя ничего не понимающий вид и даже немного обиженно смотрел на своего противника. Так что в рядах сочувствующих мнения разделились: с одной стороны, нужно было поддержать своего парня Тэда Джонсона, ведь тот проигрался в пух и прах, но, с другой стороны, Кристиан выиграл эти деньги в честной борьбе. И местные жители понимали, что, став на сторону Кристиана Мортимера, они могут получить бесплатное угощение, поэтому решили не вмешиваться — пусть мужчины выясняют отношения один на один.

— Убирайся! — вновь выкрикнул Тэд и выхватил револьвер.

Но он не успел даже поднять его на нужную высоту, как на него уже смотрели два блестящих ствола. Кристиан Мортимер был, конечно же, проворнее и ловче, да и пьяным назвать его было нельзя. Тэду Джонсону ничего не оставалось делать, как только спрятать револьвер.

— Приятели и даже партнеры по карточным играм так не поступают, — заметил Кристиан Мортимер, на всякий случай все еще держа револьверы наготове.

Но никто из местных жителей так и не бросился защищать Тэда Джонсона, все понимали, что этот парень церемониться не будет, а если вести себя смирно, то и он стрелять первым не будет. Все стояли с напускным равнодушием, боясь двинуться. Тэд Джонсон робко улыбнулся и протянул вперед руку с растопыренными пальцами.

— Спокойно, приятель, я только пошутил насчет тощей кобылы. Деньги эти твои.

Кристиан Мортимер хоть и понимал, что его противник хитрит, однако крутанул револьверы на пальцах и положил их на середину стола.

— Ну что ж, парень, — обратился он к мистеру Джонсону, — я думаю, игра окончена, денег у тебя больше нет. Обиды я на тебя больше не держу, скажи, сколько тебе нужно, чтобы расплатиться за выпивку в салуне и чтобы тебе хватило еще на завтрашний день.

— Сволочь! — выкрикнул Джонсон, понимая, что Мортимер не успеет дотянуться до револьверов, животом бросившись на стол, вцепился ему левой рукой в шею.

Мортимер перехватил запястье, но пальцы сильно сдавливали ему горло. И тут он почувствовал боль в левом плече. Коварный Джонсон успел выхватить короткий нож и всадить его в плечо своему противнику.

Но это было лишь временным успехом Тэда. Кристиан вывернулся и, схватив Тэда Джонсона за руки, повалил его спиной на стол. Окровавленный нож выпал из ослабевших пальцев на пол. Кристиан тряс Джонсона и стучал его головой о стену, пока тот не потерял сознание.

Некоторые из присутствующих схватились за оружие и туго пришлось бы Кристиану Мортимеру, ведь его револьверы лежали на столе, если бы не Сандра.

Никто не ожидал от нее подобного поступка. Молодая женщина схватила оба револьвера, принадлежавших Кристиану Мортимеру и, взведя курки, наставила их на приятелей мистера Джонсона:

— Если кто-нибудь из вас посмеет взвести курок — я выстрелю. Вы меня знаете, господа, свои обещания я выполняю.

Нельзя сказать, чтобы крепкие парни, населявшие Ойл-Сити, сильно испугались, но их так поразил сам поступок Сандры, что они онемели от удивления. Еще никогда в их городке не случалось, чтобы женщина хваталась за оружие, угрожая вооруженным мужчинам. Да еще какая женщина — всеобщая любимица, красавица Сандра.

Сандра, понимая, что руки у Кристиана Мортимера заняты и ему не до того, чтобы убрать деньги со стола, схватила со стола его дорожную сумку и принялась сгребать кучи банкнот, откладывая фишки в сторону.

Кристиан разжал пальцы и Джонсон, мотая головой сел на столе.

— И не дури, — погрозил ему пальцем мистер Мортимер, беря со стола револьверы, отложенные Сандрой и опуская их в кобуры.

Тэд Джонсон и не думал больше продолжать драку, хоть окровавленный нож и лежал рядом с ним. Он так был поражен наглým поведением пришельца, что даже потерял дар речи.

А все присутствующие не желали разделить участь своего приятеля. Ведь теперь противников было двое — Кристиан Мортимер и Сандра. Да они и понимали, что после злодейского удара ножом, Кристиан церемониться не станет, теперь он имел право на месть. Все решили отпустить его подобру-поздорову.

Наконец, Сандра сгребла все деньги и посмотрела в глаза Кристиану, ожидая реакции на свой поступок. Но мистер Мортимер смотрел на нее молча.

— Интересно, — сказала Сандра, — как я дальше буду жить в этом городе?

— А зачем тебе здесь жить? — пожал плечами мистер Мортимер, — я приглашаю тебя в дорогу с собой.

Хозяин салуна, услышав эти слова, тяжело вздохнул: половина посетителей приходила в его заведение исключительно ради того, чтобы полюбоваться красивой женщиной. Он понял, что теряет Сандру и, скорее всего, надолго.

— Я согласна, — кивнула Сандра.

Ей уже давно осточертело жить в этом небольшом городке, кокетничать с немытыми фермерами и золотоискателями. Ее тянуло к другой жизни.

А Кристиан Мортимер словно пришел из иного мира и мог ей дать то, о чем она мечтала. Он был молод, красив, хорошо одет и умел постоять за себя. К тому же, у него были деньги, вернее, деньги Сандра держала сейчас в своих руках.

— Ну что ж, — сказал Кристиан, — мой конь выдержит двоих. Пойдем.

Он прихватил со стола недопитый стаканчик виски, и пока они с Сандрой шли к входной двери, осушил его и поставил на крайний столик.

В другой руке он сжимал пригоршню разноцветных фишек.

Сандра навела револьвер на кассира и вкрадчивым голосом произнесла:

— Джек, обменяй фишки на наличные, ведь эти кругляшки имеют хождение только в нашем салуне, а мне нечего с ними делать в других городах.

Джеку, конечно же, не хотелось менять, но ствол револьвера красноречиво упирался ему в грудь. Он дрожащими руками отсчитал деньги и передал их Сандре, но Кристиан Мортимер остановил ее.

— По-моему, твой Джек сильно волнуется. Он дал нам несколько лишних купюр.

Кристиан пересчитал деньги и вернул лишние кассиру, засунув купюры в нагрудный карман его жилетки.

— Надеюсь, теперь ко мне нет никаких претензий в этом городке и вспоминать меня будут только хорошим словом.

В ответ было молчание.

Сандра картинно поклонилась всем присутствующим, и дверь салуна захлопнулась за мужчиной и женщиной.

На дворе уже давно было темно. Конь Кристиана был привязан к коновязи возле самого крыльца. Сандра обняла Кристиана, и он поцеловал ее во влажные пухлые губы.

— Ты молодчина, Сандра, — похвалил ее мужчина, — честно говоря, не ожидал от тебя такой прыти.

— Я и сама не ожидала, — внезапно задумалась над своим поступком Сандра.

Она вспомнила, что наверху в номере остались ее вещи, но возвращаться ей не хотелось. Она твердо решила навсегда покинуть Ойл-Сити и коренным образом изменить свою жизнь.

Сандра умоляюще посмотрела в глаза Кристиану. Тот, словно прочитав ее мысли,

ответил:

— Я беру тебя с собой.

Потом ловко схватил ее за талию и посадил в седло. Сам вскочил следом и прижал к себе Сандру, она ощутила на своем теле его сильные руки и горячее дыхание на обнаженном плече.

Мужчина тронул поводья, и конь с места перешел на галоп. До Клостер-Тауна оставалось двадцать миль, и Кристиан решил не терять времени и преодолеть их этой ночью, чтобы встретиться с полковником Брандергасом и Жаком Монро — их ожидали великие дела и большие деньги. А он и так уже задержался на целых два дня.

Но Кристиан Мортимер был уверен, что его дождутся во что бы то ни стало.

Едва мужчина и женщина выехали за городок, Сандра поинтересовалась:

— Послушай, Кристиан, а куда мы едем?

— А разве тебе не все равно? — щекотнул своими усами нежную кожу шеи женщины Кристиан.

— Да, все равно. Но знать-то не помешает. Какова цель нашей поездки?

— О-о, цель нашей поездки? — задумчиво повторил Кристиан. — Мы едем на встречу к моим друзьям.

— Они хорошие люди? И ждут тебя? — поинтересовалась Сандра.

— Они замечательные люди и очень верные друзья. С ними можно идти на любые дела.

— И на какие же дела ты собрался?

Кристиан прижал к себе Сандру.

— Мы с друзьями решили заработать много денег.

— Много? — воскликнула Сандра.

— Да, очень много. Столько, чтобы нам хватило до конца дней.

Сандра подняла голову в черное бархатное небо, густо усыпанное, как осколками бриллиантов, звездами.

— А что буду делать я? — мечтательно проговорила Сандра.

— Ты будешь нам помогать. Ведь сегодня ты прекрасно помогла мне.

— А как к моему появлению отнесутся твои друзья?

Кристиан задумался.

— Я думаю, Сандра, что ты не можешь не понравиться моим друзьям, ведь они умеют ценить красоту и хороший нрав.

— Но ты знаешь, Кристиан, характер у меня прескверный.

— Я думаю, что в хорошем обществе ты сразу же исправишься. Послушай, Сандра, а как ты оказалась в этом городке?

— О-о, Кристиан, это очень длинная история и поверь, мне сейчас не хочется о ней говорить. Мне вообще не хочется вспоминать. У меня появилось желание, когда я тебя увидела, зачеркнуть всю свою прошлую жизнь и начать жить совершенно по-новому.

— Это хорошее желание. Мне нравится, — Кристиан вновь прижал к себе Сандру.

И женщина почувствовала щекотание жестких усов у себя на шее.

— Но ведь ты меня не прогонишь? — как-то робко и по-детски спросила женщина.

— Ну что ты! — Кристиан отрицательно покачал головой и поцеловал ее в плечо. — Зачем мне тебя прогонять, ты мне нравишься.

— Это правда? — Сандра попыталась обернуться.

— Осторожнее, а то мы упадем.

— Знаешь, а я хотела бы упасть с тобой в высокую траву.

— Но тут, дорогая, нет высокой травы. Тут песок, камни и пыль. И думаю, валяться в пыли небольшое удовольствие. Так что, потерпи немного — в Клостер-Тауне нас ждет чистая постель, ванна, мыло и полотенце.

— Это будет замечательно, — воскликнула женщина. — У меня нестерпимое желание вымыться, смыть с себя все плохое.

— Я тоже хочу помыться и отдохнуть.

— А вот об этом, Кристиан, забудь, отдыхать я тебе не дам.

— Ладно-ладно, Сандра, об этом говорить еще рано. В начале нам надо добраться до городка и встретиться с моими друзьями.

— Я думаю, Кристиан, что с тобой мы можем добраться даже на край света.

— Конечно, можем, если не будем валяться в высокой траве.

— Ты же сам сказал, что никакой травы здесь нет и останавливаться не имеет смысла.

— Правильно, — Кристиан дернул поводья, и лошадь быстро взбежала на холм.

Мужчина и женщина, сидящие на лошади, буквально застыли, зачарованные великолепием природы. Над ними как огромный купол простиралось бесконечное небо с миллионами искрящихся звезд. Стояла абсолютная тишина, и Кристиан услышал, как бьется сердце в груди женщины.

— Как хорошо, — тихо прошептала Сандра. — Никуда не хочется ехать. Вот так бы и сидела здесь, глядя на далекие звезды. Послушай, Кристиан, а тебе не бывает страшно, когда ты смотришь на звезды?

Мужчина задумался, тяжело вздохнул.

— Знаешь, в детстве я очень боялся смотреть в ночное небо. Когда я смотрел на них, у меня что-то начинало ныть в груди и мне становилось боязно и не по себе, хотелось куда-то бежать, спрятаться, но звезды были повсюду. Они своими голубыми лучами проникали мне в душу, в мое сердце, мысли. Теперь я уже не боюсь смотреть.

— Кристиан, а ты веришь, что там, — Сандра подняла голову, и в ее бездонных глазах отразилось бесконечное небо с россыпью звезд, — на небесах написано, сколько кому отпущено лет жизни?

Мужчина закашлялся.

— Что с тобой? — забеспокоилась Сандра.

— Ничего-ничего, — успокоил ее Кристиан, заходясь в приступе кашля, — наверное, пыль.

Он соскочил с лошади и отошел в сторону. Его трясло, а Сандра смотрела на него с нескрываемым беспокойством. Мортимер повернулся к женщине спиной, вытащил из кармана носовой платок и приложил ко рту. Приступ кашля не прекращался.

— Может, тебе помочь? — участливо спросила женщина.

— Нет, нет, — движением руки остановил ее Кристиан, — сейчас пройдет. Я уже привык к этому.

— А что с тобой? Ты болен?

— Нет, все нормально, — Кристиан посмотрел на окровавленный платок и смяв его, отбросил в сторону. Еще несколько минут он, глядя в звездное небо, тяжело дышал.

— Я думаю, Сандра, что каждый человек, прожив определенное количество лет, знает, сколько ему осталось.

— А вот я не знаю, — Сандра смотрела в небо. — Я не могу представить себя старой.

Мне кажется, что всегда буду молодой, такой как сейчас. А иногда мне кажется, что я проживу еще несколько дней, а потом все — наступит полная темнота.

Женщина молитвенно прижала к груди руки.

— А я думаю, что у тебя, Сандра, впереди еще очень длинная жизнь, богатая всякими интересными событиями. Я уверен, что у тебя будет хороший муж, будут дети, будет большой и уютный дом.

— А почему ты говоришь об этом так грустно? Так, как будто бы ты этого не увидишь.

— Знаешь, Сандра, мне кажется, что скорее всего, я этого действительно не увижу.

— Перестань, Кристиан, — женщина спрыгнула с лошади и подошла к мужчине. — Нельзя жить с тяжелыми мыслями в душе, нельзя — тогда весь мир будет казаться страшным.

— А что ты думаешь, что мир, который нас окружает, прекрасен? И все люди — ангелы?

— Нет, я так не думаю. Я сама не ангел.

— Нет, ты похожа на ангела, — и мужчина погладил женщину по волнистым волосам.

От этой неожиданной ласки на глаза Сандры навернулись слезы, ведь он прикасался к ней, гладил ее так, как отец гладит дочь, пытаясь успокоить ее и утешить. И Сандра, которая давно отвыкла от подобных чувств, задрожала и заплакала, и Кристиану действительно пришлось ее утешать. Они стояли, обнявшись, а лошадь постукивала копытом и косила на них своим бархатистым глазом.

— Нам надо ехать, скоро начнет светать. Надо как можно скорее встретиться с друзьями.

Он легко, как ребенка, усадил Сандру в седло, вспрыгнул сам и, натянув поводья, тронул лошадь. Та медленно спускалась по широкой каменистой дороге в долину. Шуршали, осыпались поблескивающие камни. И Кристиану иногда казалось, что они едут по звездному небу, что это не обычный переезд из одного города в другой, а какое-то волшебное путешествие.

Он слышал, как бьется сердце женщины, чувствовал, как пахнут ее волосы — и ему было хорошо и спокойно и на какое-то время он даже забыл о своей болезни. Ему хотелось думать и верить, что жизнь его будет долгой и счастливой, что рядом с ним всегда будет любимая женщина, верные друзья, что удача будет стоять у него за спиной и что его жизнь будет бесконечной, как бесконечно ночное небо, как бесконечна вот эта каменистая дорога, выходящая в темноте долины.

Сандра прижималась спиной к его груди и что-то шептала.

— С кем ты разговариваешь? — поинтересовался Кристиан.

— Я молюсь, не мешай, — попросила женщина.

И Кристиан услышал ее обращение к Богу. Женщина просила, чтобы Господь ниспослал долгую жизнь Кристиану и ей, и чтобы всегда ей было так же хорошо, как сейчас на этой каменистой дороге под бесконечно глубоким ночным небом.

Кристиан не видел, как по щекам катятся слезы, как подрагивают ее губы и вздымается грудь.

Ему тоже было хорошо, и он страстно желал, чтобы Сандра всегда была рядом с ним.

Его удивляло то, что еще сегодня утром он даже не подозревал о существовании этой женщины, а сейчас она казалась ему родной и близкой и, чувство, что рядом бьется ее сердце, согривало его.

Наконец, все были в сборе.

И когда солнце поднималось над вершинами холмов, уже и Кристиан Мортимер, и Рэтт Баттлер, и Жак Монро во главе с полковником Брандергасом свертывали палатку.

Молли и Тереза хоть и были хорошего воспитания, но сразу же поладили со своенравной Сандрой. Женщины занимались упаковкой утвари, и вскоре фургон был загружен.

Женщины забрались под тент, на козлы уселся полковник Брандергас, а рядом с ним Жак Монро. Кристиан Мортимер и Рэтт Баттлер ехали верхом.

Конь Рэтта, не привыкший к такой медленной езде, то и дело переходил в галоп, и Баттлер не сдерживал его, потом ему приходилось возвращаться, и он красовался на своем коне, вызывая восхищение, как у Молли, так и у Сандры.

Кристиан Мортимер молча ехал рядом с фургоном, иногда перебрасываясь парой фраз с полковником Брандергасом, улыбался Сандре и племянницам полковника, а те весело щебетали о всяческих пустяках.

Жак Монро покурил сигару, вглядываясь в приближающийся город. Он уже различал некоторые вывески.

— По-моему, ты когда-то уже здесь был, — обратился Жак Монро к Кристиану.

Тот улыбнулся в свои короткие, аккуратно постриженные усы.

— Да, мне приходилось здесь бывать. Не думаю, чтобы местные жители пришли в восторг, завидев меня в такой компании.

— Но о нас-то они ничего не знают, — Жак Монро подкрутил свой длинный ус, явно гордясь тем, что он длиннее, чем у Кристиана и к тому же лучше напомажен.

— Я-то известен только в узких кругах, — улыбнулся Кристиан Мортимер, а вот ты, полковник, и твой приятель Баттлер известны на всем Западе. Вас хорошо знают не только шерифы, мировые судьи, но и каждый бандит на этой земле.

— Да, мы дали им в кости, — полковник причмокнул губами, подгоняя коней.

Колеса фургона закрутились быстрее, лошади побежали, и Молли ухватила руками за борт фургона, чтобы не упасть на мешок с посудой.

Наконец, они оказались на центральной улице, тут полковник немного попридержал коней, чтобы лучше осмотреться.

Первые дома были неказистыми на вид, но было видно, что в них живут довольно зажиточные люди. За запахнутыми окнами виднелась дорогая мебель, да и сами жители были одеты очень прилично.

Хотя, как во всяком западном городе попадались и оборванцы, и нищие, и ковбои в своих лихо заломленных шляпах и подшитых кожей штанах.

Слышались громкие разговоры, бряцали шпоры, звякали револьверы, ржали лошади, — короче, Кластер-Таун пробуждался. Все спешили, чтобы не упустить свой шанс.

Казалось, не спешили только полковник Чарльз Брандергас и его приятели.

Город Кластер-Таун стоял на серебре, и все были заняты только одним — деланием денег.

— Ну что, Рэтт, — крикнул полковник Брандергас, — тебе здесь нравится?

— По-моему, город отличный. Во всяком случае, в нем много красивых женщин, — и

Рэтт Баттлер раскланялся с двумя проститутками, стоявшими на крыльце салуна.

Девушки обрадованно замахали ему и стали посылать воздушные поцелуи. А та, что была помоложе прокричала:

— Эй, красавчик, иди к нам!

Рэтт хотел было ответить, но заметил настороженность Молли, ему не хотелось выглядеть в глазах этой девушки повесой, и поэтому он посчитал за лучшее промолчать, а только приподнял свою черную шляпу.

Полковник Брандергас, заметив такую сдержанность Рэтта, которой раньше за ним не наблюдал, повеселел.

— Рэтт, ты меняешься к лучшему.

— Да, с твоей помощью, Чарльз.

— О нет, не приписывай мне чужие заслуги, — полковник покосился на свою племянницу, и та залилась румянцем.

— Чего ты краснеешь? — изумился Жак Монро, — вот смотри на Сандру, она держится молодцом.

Молли обиженно поджала губы и негромко ответила:

— Так она же смуглая, по ней не видно, что у нее на уме.

— Ты думаешь, я такая же? — спросила Сандра, улыбаясь и показывая рукой на проститутку.

— Нет, я так не думаю. Что ты, — быстро ответила Молли.

А Сандра улыбалась мужчинам, буквально заглядывавшимся на нее.

Один из ковбоев, проезжая мимо фургона, чуть не свернул себе голову, пытаясь получше разглядеть ее. А та, не скрывая своих прелестей, поправила платье, еще больше обнажив плечи.

Кристиан Мортимер радовался тому, что ему удалось заполучить такую женщину, которой будет восхищаться весь Кластер-Таун. Ему очень хотелось быть первым в этом городе, чтобы о нем только и говорили, восхищались всем, что у него есть: конем, блестящими револьверами, модным сюртуком и умением вести светские беседы.

Возле трехэтажного дома с броской надписью «Гранд-отель» на фасаде полковник Брандергас остановил фургон.

— Ты что, дядя, собираешься остановиться здесь? — с испугом спросила Тереза.

Ей не приходилось ранее жить в таких шикарных отелях.

— Это мы еще посмотрим, — неопределенно ответил полковник и соскочил с козел. Он несколько раз присел, разминая затекшие ноги. А Рэтт Баттлер и Кристиан Мортимер помогли спуститься с фургона женщинам.

Полковник Брандергас осмотрелся по сторонам, но их появление в Кластер-Тауне не вызвало почти никакой реакции у местных жителей. Тут каждый день мелькали сотни новых лиц, и никого нельзя было удивить модной дорогой одеждой.

Кристиан подошел к полковнику и, подмигнув, прошептал ему на ухо:

— У меня тут есть кое-какие дела. Я думаю, мы не потеряемся.

— Надеюсь, не карточные долги? — спросил полковник.

— Нет, что ты, ведь я почти никогда не проигрываю.

— Женщина? — шепотом спросил полковник, покосившись на Сандру.

— И тут ты, Чарльз, не угадал. У меня тут старые счеты, я хочу разузнать, на месте ли этот человек. И вот тогда уж отыграюсь.

— Ну что ж, Кристиан, удачи тебе. И если что, можешь рассчитывать на нашу помощь.

— Думаю, справлюсь сам. Дело-то несложное, — и Кристиан, махнув на прощание рукой Сандре, пришпорил коня.

Женщина немного погрузилась, ведь она впервые разлучалась с Кристианом, хоть надеялась и не надолго.

Кирпичные дома в этих краях были редкостью, если не считать старых мексиканских построек. Напротив салуна возвышался двухэтажный красный дом из великолепного кирпича. На его фасаде были две небольшие, но очень яркие надписи «Шериф» и «Полицейский участок». На крыльце стоял щеголеватый мужчина лет тридцати, больше похожий на коммивояжера, чем на полицейского и, если бы не звезда шерифа, сиявшая на его груди, то Рэтт Баттлер счел бы его обыкновенным щеголем, вышедшим продемонстрировать новый котелок и безупречный костюм. В руках шериф сжимал короткую трость с блестящим золоченым набалдашником.

Шериф прищурился, рассматривая вновь прибывших. Он сразу же отметил, что женщины, приехавшие в фургоне, довольно привлекательны и молоды. А вдобавок обладают хорошими манерами. И мужчины настроены неагрессивно, ведут себя степенно и уверенно.

Было видно, что это не бандиты, но все равно следовало поинтересоваться, зачем они прибыли в Кластер-Таун. Он поискал глазами, кого бы отправить на разведку, но как назло все его подчиненные куда-то исчезли, и шерифу пришлось самому спуститься с высокого крыльца и пересечь небольшую площадь.

Рэтт Баттлер первым попался на его пути. Шериф первым протянул руку и представился:

— Клод Бергсон, окружной шериф.

— Рэтт Баттлер, — назвал себя мужчина.

Они пожали друг другу руки, и ладонь Бергсона показалась Рэтту Баттлеру неестественно холодной и вялой.

— А ваши друзья? — спросил шериф, немного подозрительно глядя на спутников Баттлера.

— Полковник Брандергас и мистер Монро — это мои друзья, — словно такая рекомендация могла что-нибудь значить, назвал их Рэтт Баттлер.

— Полковник Брандергас и мистер Монро, — задумчиво повторил Клод Бергсон, прикасаясь пальцем к отполированному металлу звезды, — слышал, слышал. Так вы знаменитые люди.

— Не знаю, что вы имеете в виду, шериф.

— Вы ловцы преступников, охотники за людьми. И за кем же вы охотитесь на этот раз в такой прелестной компании, — шериф покосился на женщин, которые еще не были представлены ему.

— Мы отошли от дел, — ответил Рэтт Баттлер.

— Жаль, — вздохнул шериф, — работы здесь хоть отбавляй. Но не буду упрашивать вас заняться моими проблемами, людей у меня хватает и думаю, мы в скором времени сможем покончить с преступностью.

Рэтт Баттлер недоверчиво покосился на шерифа. По дороге в Кластер-Таун еще в дилижансе только и разговоров было о бесчинствах огромной банды братьев Баллоу, а шериф говорил так, словно ему осталось переловить пару конокрадов и карточных шулеров.

— Ну что ж, мистер Баттлер, если я не интересую вас, как шериф, возможно, я

пригожусь вам в другом качестве. Кроме всего прочего, я еще собираю налоги и вхожу в городской совет.

— О, поздравляю вас, шериф. Вы многогранная личность.

Шериф посмотрел на запыленный фургон и сказал:

— Мистер Баттлер, вы еще не решили, где остановитесь?

Рэтт пожал плечами, а полковник Брандергас что-то недовольно пробурчал, глядя на вывеску «Гранд-отель».

— Я бы не советовал вам останавливаться в этом отеле. Во-первых, слишком дорого, а во-вторых, очень шумно. А с вами девушки. Как член городского совета, я могу предложить вам снять два милых домика, они как раз сейчас пустуют, и мне не хотелось бы сдавать лишь бы кому, а вас я знаю, хотя и понаслышке. И вы, мистер Баттлер, и вы, полковник, в рекомендациях не нуждаетесь.

— Это хорошо. Спасибо! — полковник Брандергас толкнул в плечо Рэтта Баттлера. — Вот видишь, как хорошо быть известным.

— Да, в этом есть свои прелести, если имеешь дело с приличными людьми. Но известность среди преступников несколько обременительна. Всегда ожидаешь выстрела в спину.

— К тому же, господа, я сдам вам эти два домика за символическую плату, почти задаром.

— Ну что уж так, мы можем заплатить, — сказал полковник Брандергас.

Рэтту была непонятна такая щедрость члена городского совета, но предложение было заманчивым. Ему и самому не очень-то хотелось останавливаться в «Гранд-отеле», слышать вечный шум, пьяные голоса. Он понимал, что для девушек куда спокойнее будет жить в отдельном доме.

— Тогда, шериф, показывайте, где ваши апартаменты.

— Давайте подождем, пока появится кто-нибудь из моих людей и проведет вас к чудесным домикам.

Домики, и в самом деле, оказались чистыми и добротными. В них было все, что нужно для жизни. А если чего и не хватало, то в их большом фургоне всегда это можно было найти.

Поставив лошадей в конюшню, мужчины вернулись в дом. Девушки уже распаковывали корзины, свертки, развешивали в шкафы одежду.

Оба домика постепенно наполнялись уютом и жизнью.

Оставив женщин наводить в доме порядок, Рэтт Баттлер, полковник Брандергас и Жак Монро отправились в город разведать что к чему.

На фоне местной публики они почти не выделялись, на них были такие же жилеты, такие же широкополые шляпы, также покачивались в кобурах револьверы.

Когда они втроем вышли на центральную площадь Кластер-Тауна, полковник Брандергас внезапно остановился.

Он своим цепким взглядом сразу же заметил пожилого мужчину в котелке и со звездой помощника шерифа. Его седая борода была аккуратно пострижена, а лицо казалось утомленным.

— Да это же Джек Добсон, — воскликнул полковник.

Пожилой помощник шерифа, услышав свое имя, встрепенулся и посмотрел на рослых мужчин. Узнав полковника Брандергаса, он широко улыбнулся и бросился к нему навстречу.

— Чарльз, я рад тебя видеть, я-то думал, тебя уже нет в живых.

— Неужели до тебя, Джек, не доходили слухи о моих подвигах?

— Я-то, конечно, Чарльз, подозревал, что это ты совершаешь подвиги, но почему-то в рассказах людей чаще можно было услышать имя Баттлер.

— Это мой друг, — и полковник указал на Рэтта Баттлера.

Мужчины познакомились, и помощник шерифа, отвечавший за обстановку в городе, так как являлся начальником городской полиции, сокрушенно закивал головой.

— У меня не так уж хорошо идут дела, как хотелось бы, Чарльз.

— А что такое? — спросил полковник. — Городок у вас отличный, ты — представитель закона и неробкий человек. Какие могут быть проблемы?

— Я представитель закона, — глухо проговорил Джек Добсон, — так-то оно так, но закон здесь не писан для многих. Здесь, к сожалению, Чарльз, устанавливают свои законы бандиты.

— И что, ты не можешь с ними разобраться? Я не верю в это.

— Я бы разобрался, но их слишком много, я уже, честно признаться, устал от такой жизни. Бросить бы все к черту, а, Чарльз?

— Я бы, конечно, Джек, попытался уговорить тебя остаться в этой должности, но не позволит совесть.

— Что, Чарльз, и ты решил удалиться от дел?

— Я решил заняться другим бизнесом, надо же когда-то подумать и о себе.

— И что, ты уже не ловишь бандитов? А я-то рассчитывал, ты мне поможешь.

— Нет, Джек, я отошел от дел.

— А твой приятель, мистер Баттлер?.. — и представитель закона посмотрел на Баттлера, раскуривавшего сигару.

Рэтт вместо ответа покачал головой и виновато улыбнулся.

— Да, Джек, людям в конце концов надоедает стрельба, погони, и они начинают ценить собственную жизнь и спокойствие.

— А у меня нет спокойной жизни, — вздохнул начальник городской полиции. — Мне некому передать дела, Чарльз, я не вижу достойного человека. А бандитов здесь тьма. Город богат — и всегда можно урвать жирный кусок, а братья Баллоу совсем обнаглели — даже днем их люди расхаживают по Клостер-Тауну. Нет-нет да и мелькнет желтая повязка. А я, Чарльз, ничего не могу с этим поделать.

И тут же, словно в подтверждении слов помощника шерифа Джека Добсона, из небольшого питейного заведения вышло двое верзил с желтыми платками на шее.

— Вот, пожалуйста, — воскликнул Джек Добсон, — ничего не боятся и еще нагло улыбаются. А только попробуй тронь их, тут же вся свора ночью прилетит в город.

— Да, тебе не позавидуешь, — сказал полковник Брандергас.

В разговор вмешался молчаливый до этого Жак Монро.

— Говорят, эти желтоповязочники способствуют делам в городе?

— О да, способствуют, — брезгливо сплюнул на пыльную улицу помощник шерифа, — еще немного такого содействия и дела вообще прекратятся. В Клостер-Тауне не останется ни одного честного человека. А теперь, господа, давайте я расскажу вам о местных достопримечательностях. К тому же, это можно сделать, не сходя с места. Все они на центральной площади нашего города.

Помощник шерифа указал рукой на раскрытую дверь салуна.

— Вот это заведение работает двадцать четыре часа в сутки, здесь есть все: выпивка, женщины, карты. Здесь проворачиваются самые денежные дела. И представьте, что все это на глазах у представителей закона, а я ничего не могу поделать. Но это заведение для более-менее состоятельных людей и здесь не бывает грязных разборок. А вот в этой забегаловке... — Джек Добсон указал пальцем на большую ярко-синюю дверь в многочисленных пулевых отверстиях, — там все совсем по-другому. На прошлой неделе бандиты застрелили троих приезжих. И самое печальное, что не нашлось ни одного свидетеля, хотя людей было не меньше дюжины.

— Бывает и такое, — заметил Рэтт Баттлер, — так что ж, помощник шерифа, ваши люди разучились держать в руках оружие? Или ими овладела трусость?

— Если быть честным, то скорее всего, и мои ребята, да и многие из жителей просто-напросто панически боятся банду.

— Ну хорошо, — Джек Добсон повернулся к Рэтту Баттлеру, — вот схватим мы одного или двух бандитов, даже можем пристрелить, но вы представляете, что тогда начнется? Эта оголтелая свора ворвется ночью в город и начнет все крошить, ломать, жечь. Они уже и так сожгли четыре дома за последнее время. И всюду, где ни пройдет их подлая нога, они оставляют знак — желтую повязку. Как мне все осточертело! С каким бы удовольствием я пристрелил их главарей, но они очень осторожны и не лезут в открытую, не нарушают закон.

— Да, толковые, видно, ребята, эти братья Баллоу, — Рэтт Баттлер перебросил сигару из одного угла рта в другой.

— Толковые, толковые, — закивал головой помощник шерифа. — А вот это раньше было хорошее питейное заведение. У них замечательный повар, хорошая кухня.

И мистер Добсон показал на открытую застекленную дверь.

— И в карты здесь можно было поиграть. А сейчас появился мерзавец, явно связанный с бандой, и он правит бал.

— Кто-кто, вы говорите?... — Рэтт Баттлер заинтересовался.

— Банкомет, отъявленный негодяй. Но расправиться с ним мы никак не можем. Его очень тяжело поймать за руку.

— Что ж, посмотрим, — Рэтт Баттлер выплюнул сигару и растоптал ее каблуком сапога.

Вразвалочку он двинулся через пыльную площадь к застекленной двери питейного заведения.

За стойкой, украшенной блестящими кранами, стоял аккуратный седой человек в накрахмаленном белом фартуке. Его седые бакенбарды сливались с пушистыми усами. Завидев Рэтта Баттлера, хозяин заведения приветливо заулыбался. В последнее время ему не часто приходилось видеть пристойно одетых людей.

Но тут все впечатление от питейного заведения было испорчено грубым криком из глубины помещения.

— А ну, задница, клади сюда даму, иначе я тебе шею сверну!

Рэтт Баттлер сдвинул шляпу на затылок, посмотрел на бородатого или скорее небритого банкомета, хозяйничавшего за обитым зеленым сукном столом. Напротив него сидел немолодой уже мужчина в котелке с короткой сигарой во рту.

— А ну, выплюнь свою сигару! — закричал банкомет и, не дожидаясь, пока мужчина выплюнет сигару, выдернул ее изо рта и выбросил в окно. — А то дымишь мне в морду своим вонючим дымом. Клади даму, задница, что я тебе сказал!

Рэтт Баттлер брезгливо поморщился и подошел к стойке.

— Что вам угодно? — любезно осведомился хозяин питейного заведения. — Виски или вино?

— Мне, пожалуйста, сигару, — сказал Рэтт Баттлер, глядя на банкюмета, раздававшего карты.

Своим наметанным взглядом игрока Рэтт Баттлер определил, что сдавая себе, банкюмет вытаскивает карты из середины колоды, а его противник-простак пытается угадать комбинацию. А ведь и ребенку было понятно, глядя на банкюмета-шулера, что выиграет именно он.

Из задумчивости Рэтта Баттлера вывел хозяин питейного заведения. Он положил на стойку дорогую сигару и предложил огня.

— У вас приятное заведение, аккуратное и, главное, чистое, — сказал Рэтт Баттлер, затягиваясь ароматным дымом.

— Рад, что вам понравилось.

— Вы, наверное, хозяин? — спросил Рэтт Баттлер.

— Да-да. Мое имя — Джексон. К тому же я еще и местный священник.

Подобное сочетание Рэтта Баттлера не удивило.

— А как тут насчет того, чтобы поиграть в карты? — осведомился Рэтт.

Хозяин опасливо скосил глаза в глубину помещения, откуда доносилась ругань неотесанного банкюмета. Взглядом он пытался предупредить Рэтта Баттлера, что не стоит садиться за один стол с этим проходимцем, но сказать вслух боялся.

— Наверное, этот банкюмет не всегда сидел за вашим столом? — помог ему Рэтт Баттлер.

— Конечно, мистер, — перешел на шепот Джексон, — раньше у меня был хороший банкюмет, приличная публика, но однажды появился этот...

И хозяин питейного заведения опасливо покосился на небритого банкюмета.

— ... с ним было трое людей из банды братьев Баллоу. Они устроили здесь настоящую перестрелку, и теперь в мое заведение не зайдет ни один приличный человек. А бывший банкюмет, словно испарился из нашего города, и его место занял этот тип. Я не советую вам, мистер, садиться с ним за один стол.

— Ну что ж, мистер Джексон, мне искренне жаль вас, и я попробую помочь.

— Не стоит с ним связываться, — предупредительно схватил за рукав Рэтта Баттлера хозяин, — это страшный человек. Если вы его обидите, то придут люди братьев Баллоу, и тогда вам не снести головы.

— Я знаю, что делаю, — процедил сквозь зубы Рэтт Баттлер, — и поверьте, хуже от моего вмешательства не будет.

— А ну, клади даму, — вновь закричал банкюмет, — иначе я тебя сейчас по столу размажу.

Простак в котелке трясущимися руками положил даму, хотя у него на руках была и более старшая карта.

Рэтт Баттлер медленно приближался к столу, сжимая в зубах сигару и щуря глаза.

— Черт возьми! — кричал банкюмет, сгребая деньги со стола. — Приходят тут всякие психи, дымят мне в лицо вонючими сигарами. А ведь мне целый день здесь сидеть.

И он зло толкнул в плечо своего противника, тот еле удержался на стуле, а его котелок скатился под стол.

— Ублюдки! — орал банкомет. — Как мне все надоели!

Наконец, он собрал все деньги и заметил, что рядом с ним остановился Рэтт Баттлер.

Рэтт набрал побольше дыма и выпустил его, но в потолок. Банкомет зло осклабился, показав Рэтту свои желтые зубы.

— А ты что стоишь? Хочешь играть — садись напротив.

Рэтт, ничего не отвечая, смотрел прямо в глаза банкомету. И тот понял, этот молодой человек с колючим взглядом, ничего хорошего ему не предвещает, но продолжал хорохориться.

— Так будешь играть или нет? А то убирайся! — зло бросил он и принялся тасовать карты.

Не выпуская изо рта сигары, Рэтт Баттлер процедил сквозь зубы:

— Мне кажется, приятель, ты сидишь не на своем месте.

— О чем это?

— Твое кресло должен занять я. Убирайся отсюда!

— Ты это говоришь всерьез? — изумился банкомет, он никак не ожидал от незнакомца подобного нахальства.

— Да, я говорю это абсолютно серьезно. Ты не достоин сидеть в этом кресле.

— Для человека, не носящего шпор, — бросил беглый взгляд банкомет на сапоги Рэтта Баттлера, — ты говоришь довольно смело. Но хотелось бы посмотреть, каков ты в деле.

И банкомет отодвинул свое кресло. Он ждал, что Рэтт Баттлер испугается и ретируется. Но не на того нарвался — Рэтт Баттлер стоял, широко расставив ноги, попыхивая сигарой.

— Будешь молчать? — грозно спросил банкомет.

Рэтт Баттлер ничего не ответил.

— Ну что ж, — выдохнул небритый, — я ничего и не ожидал услышать от такого трусливого типа, как ты.

Банкомет лениво потянулся и встал из кресла. Рэтт Баттлер выпустил струю дыма прямо в лицо банкомету.

— И ты думаешь, что испугал меня?

Лицо банкомета расплылось в гнусной улыбке.

— А ну, проваливай отсюда!

Рэтт Баттлер прищурил глаза, осторожно двумя пальцами снял шляпу и положил ее на стол.

— По-моему, приятель, ты очень сильно напуган, если боишься подойти ко мне. Ну-ка, подходи, — и Рэтт поманил пальцем противника.

Банкомет огляделся по сторонам, ища поддержки, но понял, ему придется действовать в одиночку. Вначале Рэтт Баттлер в своем дорогом костюме показался ему светским прощельгой, но теперь, приблизившись, банкомет увидел, что перед ним человек крепкий и решительный.

Но отступать было поздно.

— А ну-ка, повтори, что ты сказал? — произнес банкомет срывающимся голосом и схватился за рукоятку револьвера.

Но крепкая рука Рэтта Баттлера сдавила его запястье так, что чуть не затрещали кости. Пальцы сами разжались, и Рэтт Баттлер брезгливо вытащил револьвер банкомета из кобуры и положил рядом со своей шляпой.

— Вот так будет лучше. Если хочешь, то можешь взять свой револьвер, я справлюсь и

так. Ну, что ты дрожишь? Бери, бери.

Рэтт Баттлер щелчком подвинул револьвер поближе к банку.

— Да, ты, приятель, сильно напуган, если даже боишься притронуться к своему оружию. А еще хотел занять это кресло. Оно не по тебе, проваливай.

Банкомет неуверенно процедил сквозь зубы:

— Советую тебе убираться.

И тут Рэтт Баттлер дал ему пощечину да с такой силой, что банку показалось, что его голова отрывается от туловища.

За первой пощечиной последовала вторая, возможно, она и удержала голову на месте. Из разбитых носа и губы потекла кровь.

— Ну что, ты все еще боишься взять свой револьвер?

Банкомет ничего не отвечал.

— Что стоишь? Убирайся! Или ты от страха и слух потерял?

Рэтт Баттлер затолкнул револьвер в кобуру банку.

— Ну, ты что-нибудь предпримешь? Или будешь стоять и пускать передо мной кровавые пузыри?

— Я думаю, мы можем разойтись по-хорошему, — банку вытащил из кармана деньги, чтобы предложить их Рэтту Баттлеру.

Ему и в голову не могло прийти, что кто-нибудь может защищать справедливость, а не искать наживы. Он решил просто-напросто откупиться от Рэтта Баттлера.

Но тот, поняв всю гнусность намерений банку, схватил его за ухо и потащил к двери. Банккомет верещал, пытаясь вырваться, но рука Баттлера сжала его ухо как щипцы.

Подведя его к двери, Рэтт Баттлер ударил его коленом под зад и выбросил на улицу. Тот, не удержавшись на ногах, плюхнулся лицом в пыль и, чертыхаясь, на четвереньках уполз за угол.

Рэтт Баттлер брезгливо отряхнул руки, подошел к столу и нахлобучил себе на голову шляпу.

Растерявшийся хозяин, мистер Джексон, не знал, как отблагодарить своего спасителя. А Рэтт Баттлер, как ни в чем не бывало, заказал виски и даже не согласился, чтобы хозяин угостил его даром.

— Надеюсь, теперь в вашем заведении вновь появится приличная публика и станет легче дышать, — обронил Рэтт.

— Спасибо, мистер, я даже не знаю вашего имени.

— Рэтт Баттлер. Думаю, мы еще не раз увидимся. Ведь теперь я смогу заходить в ваше заведение поиграть в картишки.

— Конечно, конечно, мистер Баттлер, я всегда буду рад видеть вас, и вы будете желанным гостем. Вы и ваши друзья. Выпивка за мой счет.

— Спасибо, мистер Джексон, но я в состоянии за все заплатить сам. Мне просто жалко было глядеть, как гибнет ваше заведение из-за такого негодяя, как этот банккомет.

— Да, он чуть было окончательно не испортил моего питейного заведения, — пожаловался мистер Джексон Рэтту Баттлеру.

— Думаю, он больше здесь не появится.

— Так-то оно так, — покачал головой хозяин, — но могут появиться его дружки.

— Но вы же не виноваты. Вы же его не выгоняли. Если что, подскажите им мой адрес. И если они, узнав мое имя, пожелают со мной встретиться, я, во-первых, очень удивлюсь, а

во-вторых, буду очень рад.

Рэтт Баттлер покинул полутемное помещение и вышел на улицу. Полковник Брандергас и Жак Монро стояли на другой стороне площади.

— Ну, Рэтт, ты молодец, так ловко вышвырнул этого проходимца, что мы с Жаком даже рассмеялись.

— Рад был вас позабавить. Ну а теперь поговорим о деле.

Рэтт Баттлер обнял за плечи своих приятелей и объяснил им ситуацию.

— По-моему, тут можно будет обосноваться. Во-первых, это маленькое происшествие станет известно всему городку, люди стосковались по честной карточной игре, а во-вторых, есть готовый столик, обитый зеленым сукном, и крыша над головой. А хозяин даже пообещал угощать выпивкой за свой счет.

— Это хорошо, — сказал полковник. — Хорошая репутация для начала — это половина дела. А Кристиан Мортимер пусть пробует свои силы в казино. А мы некоторое время с Жаком Монро побудем в тени.

Мужчины, увлекшись беседой, не заметили, как из-за угла дома с карабином в руках выбежал банкомет. На его лице еще даже не успела засохнуть кровь, он дрожащими руками вскинул оружие и прицелился в Баттлера. Но тут же вздрогнул, услышав за собой властный окрик:

— Эй, придурок, а я тебя ищу!

Банкомет, не опуская оружия, обернулся. Шагах в пяти позади него стоял улыбающийся Кристиан Мортимер.

Банкомет вскрикнул от испуга, и только теперь Рэтт Баттлер, полковник Брандергас и Жак Монро заметили, какая опасность им угрожала.

— Так куда ты направлялся с такой пушкой? — презрительно глядя на карабин, осведомился Кристиан Мортимер.

— Я-а-а... и не знал, Кристиан, что ты в городе, — растерянно проговорил банкомет.

Он уже смирился с тем, что сегодня ему страшно не везет.

— Ты, наверное, уже забыл, что кое-что задолжал мне?

— Я помню-помню, но сейчас у меня нет таких денег, — залепетал банкомет, пытаясь спрятать карабин за спину, как будто это что-то могло изменить в сложившейся ситуации.

— Конечно же, я мог позволить своему приятелю расправиться с тобой, — сказал Кристиан, — но думаю, он не злопамятен, как и я.

— Так что мне делать? — спросил банкомет, глядя то на Кристиана, то на Рэтта.

— Я думаю, я смогу на время забыть о твоём долге, — великодушно предложил Кристиан Мортимер, — но за это ты должен исчезнуть из Кластер-Тауна и, желательно, навсегда.

— Но Кристиан, я же не могу решать все сам. За мной стоят люди.

— Это твои проблемы. С ними разберешься сам. И кстати, дай сюда карабин, а то чего доброго задумаешь стрелять из-за угла.

Банкомет положил карабин на подоконник, боясь подойти поближе к Кристиану Мортимеру и, пугливо оглядываясь, засеменил по улице, спеша как можно скорее скрыться с глаз.

— Ну как, Кристиан, у тебя дела? — спросил полковник Брандергас.

— Отлично. Я присмотрел местечко, где мне стоит обосноваться. Тут казино чудесное с

мягкими креслами. Ты же знаешь, Чарльз, я люблю играть с комфортом.

— Да, мы тоже нашли себе стол. Правда, он немного поскромнее, но для начала, думаю, сойдет. А потом мы все соберемся за одним столом и будем играть в покер. Ведь покер, Кристиан, это настоящее искусство, а мы все художники.

— Я согласен, что покер это искусство, если играть в него честно.

— А кто тебе сказал, Кристиан, что мы собираемся жульничать? — рассмеялся полковник Брандергас.

— Я не имел в виду нас. Но не забывайте, здесь крутые нравы и многие любят играть в покер с ружьем в руках.

— Но и ты в этом не промах, — полковник Брандергас похлопал по плечу своего молодого Друга.

Кристиан Мортимер болезненно поморщился и еле сдержал приступ кашля.

Шериф, как всегда подоспел уже после того, как все произошло. След банкмета давно простыл. Клод Бергсон, поигрывая тростью со сверкающим набалдашником, приблизился к четырем беседующим мужчинам. Он приподнял шляпу и представился Кристиану Мортимеру, тот назвал в ответ, но протянутая рука шерифа повисла в воздухе.

Кристиан спрятал свои руки за спину и очень вежливо ответил:

— Извините, шериф, но я никогда нежимаю рук.

Шериф недоуменно пожал плечами и спросил, хорошо ли обосновались полковник Брандергас и Рэтт Баттлер.

— Спасибо, шериф, жилье отличное. Но, по-моему, в вашем городе все-таки чего-то не хватает.

— Чего же именно? — удивился мистер Бергсон.

— Здесь не хватает ипподрома, — сказал Рэтт Баттлер.

— А что, это идея, — оживился шериф. — Стоит только кинуть клич, а деньги найдутся, любителей конных заездов здесь хоть отбавляй. Вашу идею, мистер Баттлер, стоит обсудить на городском совете.

— Вот и прекрасно. Обсудите, будет о чем поговорить, а то у вас в городе жизнь какая-то сонная.

И тут же как бы в опровержение слов Рэтта Баттлера на углу площади прогрехотало два револьверных выстрела.

Все пятеро мужчин резко повернулись и положили руки на свои револьверы.

Хватаясь рукой, все еще сжимавшей оружие, за простреленную грудь, мужчина в белой рубашке и широкополом сомбреро пытался удержаться на ногах. Перед ним стояли двое ковбоев с желтыми платками на шее. Раненый судорожно пытался вскинуть револьвер и прицелиться в своего обидчика. Но тут же прогрехотало еще два выстрела, и мужчина в сомбреро замертво упал в горячую пыль.

— Я же говорил тебе, не поднимай руку, — процедил один из ковбоев, опуская револьвер в кобуру.

Шериф смотрел на происшедшее абсолютно спокойно, на его лице не дрогнул ни один мускул.

— А тут для полиции настоящее раздолье! — воскликнул полковник Брандергас.

Шерифу ничего не оставалось делать, как окликнуть ковбоев. Те нехотя обернулись на окрик представителя власти.

Но вдруг один из ковбоев радостно воскликнул:

— О, да тут Кристиан!

И ковбои направились к мистеру Мортимеру, минуя шерифа.

— Что произошло? — спросил Кристиан.

— Да понимаешь, Кристиан, этот ублюдок, — один из ковбоев кивнул в сторону мертвого, — обозвал меня лжецом. А ты же знаешь, что я никогда не лгу.

— Да, серьезное обвинение в твой адрес, Чак.

И обратившись к своим друзьям, Кристиан Мортимер сказал:

— Позвольте вам представить двух изоощренных в боевых искусствах людей. Вот это — Чак, а этот поменьше — Билли.

Он явно не церемонился с ковбоями в желтых повязках. Те сбросили шляпы и поклонились друзьям Кристиана, как будто бы в шаге от них и не стоял шериф округа со своей тростью. Ковбои с желтыми платками на шее раскланивались так, как будто встретились на прогулке.

На звуки выстрелов вышел на крыльцо и начальник городской полиции Джек Добсон. Он не спеша подошел к двум ковбоям и поинтересовался:

— Чак, Билли, что произошло?

— Все было законно, Джек, — принялся оправдываться более молодой, — он назвал меня лжецом, и мне ничего не оставалось, как выстрелить в него, защищая свою честь.

Такое объяснение, по-видимому, устроило помощника шерифа, но все равно он протянул руку.

— Ребята, сдайте оружие, ведь все должно быть по закону. Если вы не виноваты, я вас скоро выпущу.

— Ну что ты, Джек, разве мы можем быть виноваты? Мы всегда уважали закон.

И ковбои, не пререкаясь, отдали помощнику шерифа свои револьверы. Помощник шерифа степенно повел Чака и Билли в участок.

А на площадь в это время выкатил огромный фургон с броской надписью «Театр Глобус». Все оживились — со времени последних гастролей прошло уже два месяца и здание театра использовалось разве что для собраний.

С козел соскочил молодой парень и распахнул дверь. Он приветливо улыбнулся всем, словно представление уже началось. Он был очень красив и молод, длинные темные вьющиеся волосы достигали плеч, лицо парня было чрезвычайно открытым и честным, а на губах сияла радостная улыбка, словно он собирался продемонстрировать горожанам что-то из ряда вон выходящее.

Из фургона сперва показался сложенный зонтик, раздался легкий треск, спицы раскрылись и ярко-розовый шелк натянулся. Следом показалась розовая ножка, и на землю Клостер-Тауна ступила женщина, она прятала свое лицо за шелком зонтика, но уже по одной ее фигуре можно было понять, что она очень молода.

Зонтик медленно приподнялся и блеснули большие темные глаза под соболиными бровями, яркие губы подарили всем лучезарную улыбку.

Взгляд женщины скользнул по стоявшим на площади мужчинам. Он задержался сперва на шерифе, и тот уже готов был приподнять свой котелок, как вдруг губы прекрасной женщины дрогнули, и она перевела свой взгляд на Рэтта Батлера. Мужчина и женщина смотрели несколько мгновений друг другу в глаза.

Женщина спросила у своего молодого друга:

— Кассио, ты не знаешь, кто этот человек?

— Розалина, по-моему, это очень интересный экземпляр, он сочетает в себе черты и жертвы, и охотника.

Актеры обращались друг к другу выпендренно, называя себя не настоящими именами, а псевдонимами.

— Нет, Кассио, он охотник.

— Тогда желаю тебе, Розалина, удачной охоты.

— Я, Кассио, воспользуюсь твоим советом.

Представление проезжей труппы было назначено на восемь часов вечера. К этому времени все жители Кластер-Тауна столпились у здания городского театра, пустовавшего два месяца. Оки обменивались новостями, переговаривались, спорили.

Женщины придирчиво оглядывали одна другую, ища изъяны в одежде и поведении. Мужчины как всегда чинно курили, опираясь на перила крыльца, поглаживая рукоятки револьверов.

Все собравшиеся были нарядно одеты, выбриты, причесаны. Женщины щеголяли самыми невообразимыми шляпками, зонтиками и платьями.

— Вот в прошлом году приезжал замечательный театр, — говорил седоусый джентльмен своему собеседнику.

— Да-да, я помню тот театр, там была одна очаровательная актриса.

— Да нет, что ты, там было несколько очаровательных актрис, одна лучше другой. Неужели ты забыл?

— Нет, я не забыл. Вернее, я бы хотел забыть, но моя супруга не дает мне этого сделать.

— О да, она у тебя такая ревнивая. Я помню тот грандиозный скандал. О нем в Кластер-Тауне говорили еще месяц после того, как труппа покинула городок.

— Кажется, пора, — сказал седоусый джентльмен, вытаскивая из жилетного кармана массивные серебряные часы. Щелкнула крышка, полилась мелодичная музыка.

— Да, — сказал его собеседник и тоже вытянул из своего кармана еще более массивные часы на толстой витой цепочке.

Мужчины выбросили окурки сигар и чинно вошли в здание театра.

Внизу толпился народ, занимая места.

Состоятельные жители Кластер-Тауна выкупили билеты в ложах. И там, наверху, тоже разыгрывался своеобразный театр. Мужчины галантно помогали усесться дамам, хлопали пробки, звенели бокалы, наполняясь искристым вином. Женщины пристально оглядывали собравшихся, обмениваясь друг с другом скептическими замечаниями.

А внизу шла своя жизнь. Нижние места занимали те, кто не располагал средствами. Это были преимущественно ковбои, мелкие лавочники, пастухи, продавцы скота. Мужчины в широкополых шляпах не стесняясь курили, сплевывали на пол, бранились, кричали друг на друга, спорили о том, кто должен сидеть на том или ином месте. Иногда дело доходило до небольших потасовок. Какой-нибудь дюжий ковбой хватал джентльмена в сюртуке, давал ему пинка. И занимал его место, попыхивая сигарой.

Женщины кашляли от обилия зловонного дыма, но прекратить это было невозможно — таковы были нравы Кластер-Тауна, таковы были обычаи и привычки этого городка.

И никто менять их не собирался, да скорее всего, изменить было невозможно.

Окружной шериф занял свою ложу.

Полковник Брандергас выкупил для своих приятелей и племянниц две ложи. И Рэтт Баттлер, Кристиан Мортимер, Жак Монро, Сандра, Молли и Тереза с комфортом расположились на своих местах.

До начала представления оставалось несколько минут.

Все напряженно ждали, когда раздвинется занавес.

Но вдруг внизу послышался ужасный крик и визг, все обратили свои взоры туда и...

... и увидели, как дюжий ковбой в краской рубахе и с желтым платком на шею поднял за ворот сюртука пожилого аптекаря, тот беспомощно размахивал руками в воздухе, его ноги в начищенных до блеска ботинках оторвались от пола. Ковбой подержал свою жертву в руках, потом поставил аптекаря на пол и несильно ударил в плечо. Аптекарь полетел по проходу.

— Джентльмен, как вы себя ведете? — попытался защитить свою честь и достоинство аптекарь.

Но ковбой в ответ громко расхохотался и выпустил в лицо старику струю табачного дыма.

— А ну пошел отсюда! — рявкнул ковбой. — Ты что не знаешь, что это место мое.

— Но я же за него заплатил, — пробовал доказать свое право на место аптекарь.

— Ты заплатил? Покажи билет! — рыкнул ковбой.

Старичок дрожащей рукой протянул билет. Ковбой зажег спичку и ярко-оранжевый язычок пламени сжег небольшую бумажку.

— Ты заплатил, а он сгорел. Теперь это место мое, — и ковбой положил руку на кобуру с револьвером. — Надеюсь, ты меня понял, старик?

— Да-да, — испуганно закивал головой аптекарь, озираясь по сторонам, ища свободное место.

Но все стулья были уже заняты, и ему пришлось ретироваться в глубину зала к дальней стене, где еще можно было пристроиться и увидеть спектакль.

— Как здесь здорово! — обращаясь к Рэтту Баттлеру, сказала Молли, повернув к нему головку с высоко уложенной прической.

— Да, ничего, только воняет, — ехидно улыбнулся Рэтт Баттлер.

— А мне очень нравится, я никогда не видела ничего подобного.

— Да неужели?

— Ну конечно, я бывала в театре, но такого никогда видеть не приходилось.

— Да, надеюсь, спектакль будет интересным. А ты как думаешь, Чарльз? — обратился Баттлер к полковнику Брандергасу.

— Трудно сказать, — пожал плечами полковник, — но думаю, что хоть немного удовольствия мы сможем получить. Актеры не очень известные, да и театр не очень известный. Хотя, возможно, мы увидим что-нибудь любопытное.

— Конечно, увидим. Что вы так предвзято относитесь?

Молли продолжала вертеть головой, она уже заметила, что снизу несколько ковбоев внимательно смотрят на нее, любуясь округлыми плечами, длинной шеей и золотистыми локонами, свисающими вдоль щек.

Внизу грузный тапер устроился за инструментом, поставил на пюпитр ноты. Несколько мгновений посидел, барабанил пальцами по коленям, потом откинул крышку, быстро перелистал страницы, и его пальцы коснулись клавиш. Инструмент отозвался расстроенным дребезжащим звуком, но бодрая мелодия уже наполнила зал, и голоса, выкрики потонули в звуках музыки.

Горели большие фонари, выставленные вдоль сцены, освещая тяжелый занавес из красного бархата.

Наконец его створки дрогнули и медленно разошлись в стороны. На сцену к рампе вышел мужчина в черном сюртуке и белых перчатках. На голове у него был изящный черный котелок, и многие зрители задались вопросом:

«Интересно, а как этот котелок держится?»

Котелок-то был очень маленьким, а голова актера была довольно крупная. В руках актер держал две большие кегли. Он учтиво и очень вежливо поклонился публике и все вновь изумились — котелок остался на месте.

Ничего не говоря, актер еще раз поклонился и принялся жонглировать кеглями.

Зал мгновенно ожил, послышался хохот и свист. Один из ковбоев с желтым шейным платком вскочил со своего места, вырвал из кобуры тяжелый револьвер и выстрелил. Кегля, подброшенная жонглером, разлетелась вдребезги.

Зал истерично зааплодировал меткому выстрелу.

— Так его, Джек! Так! Стреляй теперь во вторую кеглю! Молодчика! Знай наших! — неистовствовала толпа внизу.

Многие повскакивали со своих мест, громко хлопали в ладоши и истошно свистели.

Рэтт Баттлер и полковник Чарльз Брандергас недовольно поморщились.

— Молли и Тереза, не обращайте внимания на эти выходки. Надеюсь, что публика скоро утихомирится. Они не привыкли к подобным зрелищам, — сказал полковник.

— Да-да, ты прав, — поддержал своего приятеля Рэтт Баттлер, — они совершенно не привыкли и им очень хочется показать себя, а не смотреть на игру актеров.

— Какие же они наглые и бесцеремонные, — сказала Молли.

А в это время Сандра прижалась к Кристиану, и он поцеловал ее в шею.

— Мне хорошо здесь, — сказал девушка.

— Хорошо, тогда сиди и смотри представление.

— Подобного я уже за свою жизнь насмотрелась.

Почему они не начинают? — поинтересовалась она.

Кристиан прикоснулся кончиками пальцев к своим изящным усам и обронил:

— Сейчас начнут.

И действительно, как по мановению волшебной палочки тяжелый занавес снова дрогнул, раздвинулся еще шире и у самой рампы появился актер в черном плаще. Два его помощника вынесли на сцену деревянные колонны, раскрашенные под мрамор.

Кассио, а это был он, положил правую руку на грудь, расстегнул пряжку, и черный бархатный плащ упал к его ногам.

— О, какой красивый юноша!

— Да, я никогда таких не видела.

— Он настоящий бог, — довольно громко переговаривались между собой женщины.

— Дамы и господа! — Кассио поклонился и улыбнулся своей ослепительной улыбкой. — Сегодня мы с вами совершим путешествие в прошлое.

Один из ковбоев с желтой повязкой по-своему отреагировал на слова женщин о красоте юноши, он выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в колонну, в разные стороны полетели щепки.

Но Кассио был опытным актером, он давно привык к подобным выходкам ковбоев и даже не повел бровью:

— Господа! — он поднял руку. — Давайте будем вести себя прилично. Тогда спектакль будет интересным. Мы с радостью будем играть для вас представление, а вы с удовольствием посмотрите. А потом, если вам не понравится то, что мы вам покажем, вы сможете выразить свое неудовольствие, лишив нас аплодисментов.

Он галантно поклонился. Его белая рубаха была расстегнута, черные волнистые кудри сверкали в ярком свете фонарей. Зал на эти слова Кассио ответил аплодисментами, ковбои

засвистели.

— Я знаю, что здесь собрались настоящие мужчины и истинно прекрасные женщины и то, что вы сейчас увидите и что я вам скажу, я говорю от чистого сердца и абсолютно искренне. Я восхищаюсь мужчинами и покорен красотой местных женщин. И пусть ваш город преумножится, пусть ваше богатство растет. А если что-то и говорят о вас англичане, то не слушайте, они нам не указ, мы хозяева этой земли. Вернее, вы! — патетично громким, хорошо поставленным голосом воскликнул Кассио.

И это было именно то, чего ожидали от него измученные тяжелой работой ковбои. Ведь их никогда никто не хвалил. Они сразу же выхватили свои револьверы и принялись палить в потолок, а те, у кого не было с собой оружия или кто был более воспитан, стали аплодировать и свистом, выкриками и хлопками выказывать свое согласие с тем, что сказал заезжий актер.

— Он просто молодчина!

— Молодчина!

— Ты молодец, парень! — кричал ковбой, разряжая в потолок свой огромный револьвер.

Зал наполнился едким пороховым дымом, криками, шутками и весельем. И Кассио понял, что теперь, после того, как он наладил контакт с залом, можно начинать представление.

— Итак, мы вам покажем, дамы и господа, сцены из разных спектаклей. Мы с вами совершим фантастическое путешествие. Фауст! — громко выкрикнув, Кассио скрылся за кулисой.

— Что за чертовщина? — обратился один ковбоев к соседу.

— Да черт его знает, ерунда, наверное, какая-то. Но парень, вообще-то, хороший, может будет интересно.

— Что это такое фауст? — поинтересовалась Сандра у Кристиана.

Тот пригладил свои холеные усики.

— Сейчас увидишь, один человек будет продавать свою душу дьяволу.

— Душу дьяволу? — передернула плечами Сандра.

— Смотри, сейчас увидишь.

Тяжелый красный занавес наконец раскрылся до конца, и на сцене началось что-то невообразимое. Кассио очень смешно скакал, размахивая руками с длинными загнутыми ногтями. За его спиной развевался длинный черный плащ. Кассио подскакивал, танцевал вокруг бородатого мужчины, склонившегося над толстой книгой.

Совершенно не обращая внимания на то, что происходит на сцене, по залу расхаживали официанты с подносами, заставленными крепкими напитками. Ковбои хватали стаканы, мгновенно опрокидывали их в рот и возвращали назад.

А на сцене продолжался спектакль. Кассио пританцовывал вокруг доктора Фауста, что-то шептал ему на ухо, но когда понял, что это не убеждает ученого, взмахнул рукой — и один из его помощников в длинном алом шелковом плаще, смешно подскакивая, притащил огромный пергамент. Кассио-Мефистофель развернул этот пергамент и положил перед доктором Фаустом. Тот задумался: чтобы изобразить тяжелые размышления, он скреб затылок, ковырялся в рыжей бороде, закатывал к потолку глаза.

Наконец, кивнул, выказывая свое согласие. От радости Мефистофель подпрыгнул и судорожно заметался по сцене.

Главарь банды Фрэд Баллоу сидел в первом ряду, плотно окруженный своими подчиненными бандитами, смотрел на сцену и время от времени судорожно сжимал рукоять револьвера. В конце концов он не выдержал и взорвался:

— Черт, подери! Да сейчас этому мерзавцу руку прострелю, — глядя на Мефистофеля, который сжимая в руке большое гусиное перо, подсовывал его доктору Фаусту.

Зал на это замечание главаря ответил дружным хохотом. Все прекрасно понимали, что если Фрэд Баллоу сказал, то может такое и сделать. А в том, что он попадет именно в руку никто из присутствующих не сомневался. Главарь славился искусством стрелка.

— А я б на его месте так и поступил, — сказал Кристиан Мортимер, обращаясь к Рэтту Баттлеру.

— О чем это ты?

— О продаже души.

— А-а, но мы с тобой, по-моему, уже это сделали.

— Да, — кивнул Кристиан, поднимая маленький граненый стаканчик с виски и медленно выпивая его.

Вскоре первая часть представления была закончена.

К счастью, никто из бандитов не решился вмешаться в ход драмы, и все завершилось наилучшим образом. Зал наградил исполнителей аплодисментами.

— Послушай, а кто играл дьявола? — спросил Рэтт Баттлер у Кристиана Мортимера.

Кристиан пожал плечами.

— Наверное, Кассио.

— А мне кажется, что нет. Слишком уж он изящен для подобных танцев.

— Ну, видишь ли, Баттлер, я в этом не очень-то разбираюсь, — и Кристиан Мортимер раскрыл небольшую программку, пытаясь отыскать исполнителя роли Мефистофеля.

Наконец, нашел и изумленно воскликнул. Но слова его были сказаны слишком поздно.

— Баттлер, да это же не мужчина!

— Я это и без тебя вижу. Смотри!

На сцену выбежал Мефистофель, сорвал с головы черную шляпу, сбросил плащ, и все присутствующие ахнули. Перед ними стояла молодая красивая женщина. Зал взорвался аплодисментами.

— Эй, Фрэд, а ты хотел прострелить дьяволу руку.

— Но я же не знал, что это баба. Я с женщинами не воюю.

— Так ведь мог ошибиться...

— Мог, но не ошибся, — сказал Фрэд и крутанул на пальце револьвер.

— Будь я проклят, как она хороша, — подавшись вперед, сказал Рэтт.

И в этот момент взгляд Розалины и Рэтта встретились.

Испарина выступила на лбу Баттлера, а Розалина наградила его лучезарной улыбкой и, поднеся к пухлым ярким губам кончики пальцев, послала в ложу, где сидели Баттлер, Кристиан Мортимер и две девушки, воздушный поцелуй.

Молли сразу же напряглась, ведь она имела на Рэтта Баттлера свои виды. А он смутился, явно не ожидая подобного от Розалины.

— Будь я проклят, — вновь прошептал он, восхищаясь красотой девушки.

— Я думаю, ты и будешь проклят. Ведь она дьявол, — пошутил Кристиан Мортимер, целуя в шею свою соседку Сандру.

После сюжета с Фаустом были показаны большие отрывки из «Гамлета» и «Короля

Лиры». И та, и другая сцены были встречены бурными овациями. Актеры так захватили зал своей игрой, что в конце зрители уже стояли и громко хлопали.

Все патроны были расстреляны, а перезаряжать револьверы людям не хотелось.

Так же приветствовали артистов и благодарили за вечер и те, кто сидел в ложе.

И вновь взгляд Рэтта Батлера встретился со взглядом Розалины. Только на это раз она вышла в красивом шелковом платье, которое сверкало и переливалось искусственными бриллиантами, но на сцене они казались более настоящими, чем бриллианты из любой королевской сокровищницы.

— Боже, как она хороша, — прошептал Рэтт Батлер.

Но Кристиан Мортимер услышал его слова и тихо, чтобы девушки не заметили, толкнул Батлера в бок.

— Да, если бы я был без Сандры, то составил бы тебе конкуренцию.

— Думаю, конкурентов и без тебя хватит, Кристиан, — и Рэтт Батлер скосил свой взгляд на ложу, где сидел шериф округа. Тот кланялся и махал рукой Розалине. Рядом с ним стояла корзина с цветами, которую он явно намеревался преподнести актрисе.

Наконец спектакль закончился, и довольные зрители вывалили на улицу.

— Сколько звезд в вышине, — с изумлением произнес Рэтт Батлер, глядя как зачарованный в бездонное небо.

— Да, мириады звезд, — сказал Кристиан Мортимер.

Полковник Брандергас отмолчался.

Все мужчины остановились посреди площади и подняли взгляды в небо. Их спутницы тоже подняли свои изящные головки, и в их больших глазах заблестели тысячи искринок.

— Батлер, я давно хотел у тебя спросить, — обратился полковник Брандергас, — ты в Бога веришь?

Рэтт Батлер как-то странно пожал плечами:

— Не знаю, а ты?

— Я верю.

— А как ты думаешь, Чарльз, что будет после смерти? — задумчиво произнес Рэтт Батлер.

Кристиан Мортимер напрягся.

На его высоком лбу выступила испарина, он тяжело вздохнул и с трудом подавил кашель, готовый вырваться из его груди.

— Я думаю, Рэтт, что после смерти уже ничего не будет, — грустно сказал полковник Брандергас.

— Неужели совсем ничего? — переспросил Рэтт Батлер.

— Да, да, совсем ничего не будет. Ничего! Вообще ничего, — нервно и горячо заговорил Кристиан.

Даже Сандра вздрогнула и испугалась и крепче прижалась к плечу своего друга.

— Хотя многие из людей, которые умирают, считают, что они не уходят из этой жизни, а остаются в ней, остаются навечно, — сказал полковник Брандергас.

Племянницы с изумлением посмотрели ему в лицо, боясь пропустить хоть одно слово.

— Этого не может быть. Я в это не верю, — запротестовал Кристиан Мортимер.

— Ну что ж, парень, ты еще довольно молод. И, возможно, к тебе еще придет вера.

— Нет, уже не придет, — грустно и спокойно сказал Мортимер и неторопливо побрел с Сандрой через площадь.

Чарльз Брандергас прошептал на ухо своей племяннице:

— Пойдем, я тебя быстренько провожу, а потом вернусь.

Та кивнула, и они, раскланявшись с Баттлером и Молли, двинулись по улице и вскоре исчезли за углом.

Баттлер и Молли стояли вдвоем посреди площади.

— Знаешь, мне надо идти на работу. Ты меня, конечно, извини.

— Я понимаю, — девушка недовольно передернула плечами, — ведь ты такой занятой.

— Да, что ж поделаешь, работа есть работа.

— А я рассчитывала совсем на другое, — она подняла свою головку с изящными золотистыми локонами и посмотрела прямо в глаза Рэтту Баттлеру.

Тот потупил свой взор и принялся поигрывать цепочкой часов.

— Но я еще могу побыть немного с тобой, Молли.

— Не надо, — Молли вспомнила, какие взгляды и воздушные поцелуи посылала Рэтту Баттлеру Розалина.

Она почувствовала в Розалине очень серьезную соперницу. Было видно, что актриса очень нравится Рэтту, но он пока еще боится признаться в этом даже себе. Поэтому Молли нервничала и капризничала.

— Но если тебе так надо, то иди, я доберусь до дому одна.

— Ну что ты, я могу тебя проводить.

— Не надо меня провожать. У тебя дела. Возможно, ты назначил кому-нибудь встречу, так что иди, — она сказала слово «встречу» так, как будто бы действительно Рэтт Баттлер уже назначил свидание Розалине.

Это рассердило Баттлера.

— Знаешь что, если ты хочешь меня обидеть, то, пожалуйста, говори правду, а не говори того, чего не было и никогда, возможно, не будет, — серьезно и убежденно произнес Рэтт.

Молли вздрогнула и поняла, что задела Баттлера за живое.

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Я ведь прекрасно понимаю, что тебе надо идти, что у тебя важные дела. А мне придется остаться в одиночестве.

— Я могу побыть с тобой еще, Молли. Совсем немного, но потом меня ждут.

— Не надо меня уговаривать, Рэтт, если тебя ждут, то иди, — и Молли, не дожидаясь, резко повернулась и зашагала по улице.

Рэтт Баттлер, склонив голову набок, проводил девушку взглядом. Ему было не по себе из-за того, что он явился виной плохого настроения Молли, но у него были свои обязательства перед друзьями, свои мужские дела. Да и к тому же он и Молли просто друзья, и Баттлер ничего ей не обещал и ничего не говорил.

— Ну как тебе спектакль, Баттлер? — обратился к нему Джек Добсон.

— По-моему, очень интересно. А ты как считаешь?

— Я считаю, что в этом спектакле было только одно достоинство.

— Интересно, какое же? — скептически усмехнулся Баттлер.

— Эта прехорошенькая девушка Розалина.

— Она тебе понравилась, Джек?

— Понравилась? Рэтт, это не то слово. Если бы я был в твоём возрасте, если бы у меня также кипела в жилах кровь, я бы не упустил такую красавицу из своих рук.

— Джек, да ты еще в хорошей форме.

— Может, и в форме, но не для этой красотки. Ей нужен такой мужчина как ты,

Баттлер, а не такая рухлядь как я.

— Джек, я не люблю, когда люди наговаривают на себя вздор и ерунду.

— А я и не наговариваю, я знаю. Глаз у меня наметанный, и я заметил, какие воздушные поцелуи она посылала тебе.

— Это ее дело, — Баттлер пожал плечами, но на его тонких губах появилась самодовольная улыбка.

— Но запомни, на нее положил глаз и наш шериф, Клод Бергсон. Видел, какой букет он ей преподнес?

— Нет, не видел.

— А я видел. Букет просто замечательный. Но, как мне показалось, она к Клоду Бергсону абсолютно холодна, ведь он похож на рыбу, которую оглушили. Она еще плавает, блестит, но время ее уже миновало.

— Что это ты, Джек, такой пессимистичный? — поинтересовался Рэтт Баттлер.

— Да, знаешь, у меня, какие-то нехорошие предчувствия. Мне кажется, что у нас, в Клостер-Тауне что-то назревает.

— С чего ты взял? — спросил Рэтт Баттлер и вдруг тоже почувствовал какой-то странный холодок, предвестник опасности, шевельнувшийся в его груди. — А может, ты и прав.

Он посмотрел в глаза немолодому полицейскому.

— Прав, прав, Баттлер, попомни мои слова. Больше того, у меня предчувствие, что я сам скоро умру.

— Ну-у, что это вы все сегодня о смерти заговорили? — Рэтт Баттлер, задрал голову, взглянул голову в звездное небо.

— Наверное, от хорошей погоды, — ответил Джек Добсон и расхохотался.

Рэтт Баттлер вытащил из кармана сигару и угостил полицейского. Они постояли еще посреди площади под темным куполом ночного неба, покурили, уже больше ничего не говоря друг другу.

И Баттлер, медленно развернувшись, двинулся в сторону салуна, где решил попытать сегодняшней ночью счастья в игре.

Игроков, насколько он понимал, должно было быть предостаточно. Ведь почти все состоятельные люди Клостер-Тауна собрались в театре, там выпили, а после представления многим из них захочется продолжить развлечение и они, наверняка, двинутся в питейное заведение, в салун предаваться разгулу и игре.

«А это то, что мне требуется», — подумал Рэтт Баттлер, погладил рукоять револьвера и не спеша наискось перешел темную площадь, на которой было много нарядно одетых горожан.

В этот вечер Рэтту Баттлеру чертовски везло. Он не жульничал, а играл абсолютно честно, хотя и знал не один десяток всяческих трюков и уловок, чтобы обвести незадачливого игрока вокруг пальца и сорвать куш.

Но сегодня он играл честно. Карта сама шла к нему в руки, выкладываясь в выигрышные комбинации.

Собравшиеся в салуне с восхищением смотрели на очень удачливого банкмета, сидевшего за столом и вроде бы небрежно сдающего карты игрокам.

— Сейчас ему опять повезет, смотри, — говорил кто-нибудь из присутствующих.

И действительно, Баттлер поворачивал карты и у него вновь была выигрышная комбинация. Проигравший бил кулаком по столу, вскакивал, опрокидывая стул, хватался за голову.

— Ну зачем я играл? Зачем сел? Ведь сегодня не мой день.

— Ничего, приятель, — утешал Рэтт Баттлер, — сегодня выиграл я, завтра, наверняка, выиграешь ты. Да, да, Мигель, завтра тебе обязательно повезет. Только дело в том, что тебе уже не на что играть.

Рэтт Баттлер ловко сгребал карты, тасовал и с нетерпением ждал следующего, кто пожелает сразиться с ним.

Рядом с Рэттом стоял Кристиан Мортимер с бутылкой виски в руках и изящными серебряными чашечками. Время от времени он наполнял чашечку напитком и опрокидывал в себя. Его лицо было бледным, на лбу выступили капли пота. Кристиан вытащил платок и вытер лицо. В его глазах застыл какой-то странный сумасшедший блеск.

Рэтт Баттлер, встретившись взглядом со своим приятелем, почувствовал, что с ним происходит что-то неладное.

А Кристиан Мортимер понял это и улыбнулся.

Сандра была рядом с ним. Она отказывалась танцевать, когда ее приглашали, ей хотелось быть вместе с Кристианом, и она не отходила от него ни на шаг.

— Послушай, Рэтт, мне кажется, что мы занялись серьезным делом, — сказал Кристиан Мортимер, глядя на то, как Рэтт Баттлер быстро складывает выигранные деньги и акции серебряных рудников.

— Да, мы можем даже стать серебропромышленниками, — пошутил Рэтт Баттлер, перегибая акции и заталкивая их в нагрудный карман сюртука.

Рэтт Баттлер выглядел очень изящно и эффектно — черный сюртук, черная жилетка, украшенная тонкой витой цепочкой, накрахмаленная рубашка, котелок. Вообще, он выглядел как в те давние времена, когда жил на другом конце континента.

— А ты не думал, Кристиан, что рудники, завод, все это очень утомительно. Ведь мы с тобой еще довольно молоды.

— Послушай, Баттлер, может быть, мы пока еще молоды, но тебе уже пора думать о будущем.

— А тебе? — встрепнулся Рэтт Баттлер.

— Мне? — Кристиан Мортимер подал свою серебряную чашечку, и Сандра наполнила ее.

Мужчина выпил, виновато улыбнулся, глядя в глаза Баттлеру.

— Мне думать о будущем не хочется.

В салуне гремела музыка. Многие танцевали, пили, мужчины бранились, играли в карты, на бильярде, о чем-то спорили. Многие обсуждали прошедший спектакль.

Официанты и хозяин салуна едва успевали обслуживать разгоряченную публику. Стаканы, бутылки мелькали то здесь, то там, слышался звон посуды, веселый смех, кое-кто уже пробовал завести лихую ковбойскую песню.

Вспотевший и одурманенный облаками табачного дыма тапер исступленно бил по клавишам. На крышке инструмента стояла бутылка с виски, и он, продолжая играть левой рукой, правой хватал бутылку и вливал в себя очередную порцию виски. После этого тряс головой и обе его руки обрушивались на клавиши, инструмент начинал дребезжать и подсакивать. Казалось, еще немного — и старый инструмент рассыплется на части. Но как ни удивительно, фортепиано не разваливалось, а тапер, который, казалось уже выбился из сил, вдруг начинал играть еще быстрее, так, будто у него открылось второе дыхание.

Пары кружились, мужчины прижимали к себе своих спутниц, целовали, обнимали их. И все большое помещение салуна было наполнено каким-то неистовым движением.

Только у стен было спокойно. Там у карточных столов стояли молчаливые зрители, следя за игрой.

С Рэттом Баттлером уже никто не хотел играть, потому что ему действительно чертовски везло.

Кристиан Мортимер взял своего приятеля за руку и прошептал:

— Давай отойдем. Я хочу тебя кое о чем спросить.

— Давай, если надо.

Сандра вопросительно посмотрела на мужчин, но Кристиан погладил его по руке, и Сандра опустилась на стул, как бы оставаясь сторожить место Кристиана и Баттлера. Мужчины остановились у стойки, Кристиан протянул руку за стаканом с виски, Рэтт Баттлер тоже не отказался.

— Послушай, приятель, ты помнишь, как она на тебя посмотрела?

— Кто?

— Не прикидывайся дураком, ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду.

— Ну и... — Рэтт Баттлер улыбнулся, черные усы его дрогнули.

— Можно подумать, ты не знаешь, что надо делать в таких случаях?

Мортимер чокнулся с Баттлером и почти одним глотком выпил содержимое своего стакана, потом обернулся и оглядел зал.

— Рэтт, я хочу попросить тебя только об одном.

— О чем же, Кристиан, проси. Я к твоим услугам.

— Знаешь, только не падай в обморок.

Баттлер ничего не понял, только недоверчиво передернул плечами.

По залу прошел какой-то странный шепот, шорох, потом радостные выкрики.

И в центре зала появилась Розалина. Она не спеша расстегнула пуговицу плаща, он упал на подставленные руки, и актриса предстала перед залом во всей своей красе. На ней было серебристое платье, подчеркивавшее все прелести ее изящной фигуры: тонкую талию, высокую грудь, покатые плечи и точеные ножки. А на лице сияла ослепительная улыбка.

Рэтт Баттлер даже зажмурился, увидев Розалину в нескольких шагах от себя.

— Ну что, ты еще не упал в обморок? — услышал он прямо у своего уха ехидный голос Кристиана Мортимера. — Ну тогда сейчас упадешь.

Рэтт Баттлер, действительно, прижался спиной к стойке бара, как бы боясь, что словам Кристиана суждено сбыться.

Розалина нашла взглядом Рэтта Баттлера и улыбнулась ему. Она улыбнулась так, будто ее улыбку больше никто не может увидеть, и она принадлежит только ему, только Рэтту Баттлеру.

Черные усы Рэтта дрогнули, но его улыбка получилась какой-то робкой, неуверенной.

А тапер как по волшебству сменил мелодию и зазвучал вальс.

К Розалине мгновенно бросился окружной шериф, подхватил ее, и они закружились в середине зала. Зрители аплодировали своей любимице, которая еще и прекрасно умела танцевать. Ее бережно передавали из рук в руки и она, продолжая ослепительно улыбаться своим партнерам, слегка склонив голову на плечо, легко и свободно танцевала.

Рэтт Баттлер с изумлением следил за каждым ее движением. Один партнер... второй... третий... четвертый... И вдруг... приблизившись в танце к Рэтту, Розалина сама отстранилась от своего партнера и застыла перед ним, предлагая ему танец.

Рэтт опешил.

Розалина ждала и, возможно, через секунду Рэтт решил бы станцевать с нею, но тут же между ними возник окружной шериф, и Баттлер услышал его голос:

— Позвольте мне продолжить танец?

Розалине ничего не оставалось делать, как положить свои руки на плечи шерифа и окончить танец в паре с ним.

— Ну ты что, все-таки обомлел? — услышал Баттлер голос Кристиана.

И то, как приятель говорил, с каким недовольством произносил каждое слово, вывело Рэтта Баттлера из себя, вернуло к реальной жизни.

— Ты о чем?

— Я хочу сказать, Рэтт, что ты самая настоящая дубина. Дубина. Такая женщина...

— Хватит, — оборвал Рэтт Кристиана, — я в этом тоже кое-что понимаю.

— Но она так смотрела, так смотрела, — шептал Кристиан Мортимер. — Если бы она так посмотрела на меня, я отдал бы все.

— Даже Сандру? — пошутил Баттлер.

— Сандру? Нет. Я же не монах-пустынный.

К мужчинам подошел Жак Монро и подняв шляпу, кивнул.

— Что, перерыв? — осведомился он, обращаясь к Рэтту Баттлеру.

— Да, ты знаешь, Жак, пока нет желающих сразиться со мной. Мне сегодня чертовски везет.

— Он не шутит? — обратился Монро к Мортимеру.

— Конечно, нет. Он выиграл пачку акций серебряных рудников.

— О, так мы скоро станем промышленниками.

— Знаешь, Жак, это же самое я ему уже сказал. Так что ты Америки не открываешь.

— Ладно, — вдруг сказал Рэтт Баттлер, — вы можете поговорить, а я пошел к столу, может быть, появился желающий сыграть со мной.

— Не думаю, — сказал Кристиан и тоже пошел вместе с Жаком Монро к столу, обитому зеленым сукном, на котором были аккуратно разложены колоды карт и фишки.

Едва Рэтт Баттлер занял свое место, как к нему подошел пожилой джентльмен и принялся расспрашивать Баттлера о его отце. Рэтт Баттлер изумленно смотрел на пожилого джентльмена, кивая головой, то и дело произнося:

— Да, да, сэр, мой отец — замечательный человек.

— Да, он чудесный человек, действительно, он истинный старый джентльмен. Вы знаете, молодой человек, таких как ваш отец теперь уже нет. Он джентльмен старой закалки.

— Конечно, сэр, конечно, — Рэтт Баттлер кивал головой, не в силах отвязаться от назойливого старика.

Но эта сложная ситуация разрешилась довольно быстро. К зеленому столу, за которым сидел Баттлер, приближались Ричард Баллоу и Ринго. Они шли, ни на кого не обращая внимания, а все, кто попадался на их пути, тут же уступали бандитам дорогу. Даже окружной шериф, видя, как пересекают зал бандиты, продолжил разговаривать с Розалиной, а актриса с изумлением следила за тем, как два дюжих молодца подошли к столу Рэтта Баттлера.

Пожилой джентльмен, заметив разбойников, тут же ретировался, предложив Рэтту Баттлеру при встрече с отцом передать привет от Патрика Беллоу, которого он должен был хорошо знать по жизни еще там, на континенте. Рэтт Баттлер пообещал выполнить просьбу сэра Беллоу.

Ричард и Ринго остановились прямо напротив Рэтта Баттлера. Ринго полез в карман, вытащил десятидолларовую бумажку и бросил на стол.

— Это тебе, — сказал Ричард, кладя руку на рукоять своего револьвера.

— За что ты мне платишь? — не вставая, произнес Рэтт Баттлер.

— За то, чтобы ты сидел тихо и не рыпался. Зачем ты вышвырнул нашего человека?

— Он мне не понравился, — признался Рэтт Баттлер.

— А нам не очень нравишься ты.

— Ну что же я могу поделать... — Рэтт Баттлер нагло смотрел в глаза то одному бандиту, то другому.

За его спиной стояли Жак Монро и Кристиан Мортимер.

— Я так понимаю, господа, вы желаете сыграть в карты? Что ж, я вашу ставку принимаю.

Бандиты переглянулись, и тогда Ричард Баллоу вытащил из кармана стодолларовую банкноту и бросил на зеленое сукно.

Жак Монро задумался, но раскрыв бумажник, отсчитал пять банкнот и бросил на стол.

— Я принимаю вызов и будем играть.

— Пятьсот долларов, — сказал Рэтт Баттлер, подвигая свои деньги к центру стола.

— Неплохая игра, — сказал Ричард Баллоу, — очень неплохая.

— Да, ничего, — процедил сквозь зубы Кристиан.

— А ты что, на пенсии? Не играешь? — иронично взглянув на потное лицо Кристиана Мортимера, процедил сквозь зубы Ричард.

Ринго засмеялся.

— Нет, ошибаешься, я не на пенсии, я просто присматриваюсь к игре, думаю, стоит ли ввязываться.

— Ладно, Кристиан, ты у нас смотри, — сказал Ринго, — присматривайся, если хочешь, но только... — и бандит покачал пальцем, как бы грозя непослушному ребенку.

— Это, дорогая, Джон Ринго, — прижимая к себе Сандру, громко сказал Кристиан Мортимер. — Он самый смертоносный стрелок в округе. Ну что скажешь, дорогая?

Сандра гордо вскинула голову и презрительно смерила взглядом Ринго.

— Мне что, ненавидеть его? — улыбнувшись краешком губ, произнесла Сандра.

Вроде бы она сказала это очень тихо, но все, кто стоял вокруг стола, услышали слова женщины и улыбнулись.

Бандит напрягся, и его рука сама потянулась к револьверу.

— Как хочешь. Если он тебе не нравится, можешь ненавидеть, — ничуть не смутившись, сказал Кристиан Мортимер.

Рэтт Баттлер правой рукой вертел на столе монету, ставя ее на ребро, а потом крутя вокруг оси. А левая рука во время этого напряженного разговора лежала на рукоятке револьвера под столом. У оружия был уже взведен курок, и Рэтт Баттлер готов был выстрелить в любую секунду.

А на его лице была вполне любезная улыбка. И никто никогда бы не догадался, что в это мгновение Рэтт Баттлер думает о том, кого из бандитов убить первым.

— Но знаешь, дорогая, в нем все равно что-то есть. Посмотри повнимательнее, — обронил Кристиан Мортимер, обращаясь к Сандре.

Та вновь принялась рассматривать бандита, который гордо выпятил грудь, готовый в любую секунду броситься на своих обидчиков и уничтожить их, стереть с лица земли.

— В нем действительно что-то есть, и он мне кого-то напоминает.

Кристиан вертел в пальцах свою изящную серебряную чашечку, время от времени делая маленький глоток.

— Он мне напоминает меня в молодости.

— А я его ненавижу, — вдруг сказал Рэтт Баттлер.

— Мы знавали и лучшие времена, — сказал Ринго, и его рука легла на рукоятку револьвера.

За столом воцарилась напряженная тишина. В любое мгновение и Ринго, и все остальные готовы были вырвать свои револьверы и изрешетить друг друга. Но никто не решался, слишком проблематичен был итог подобного поединка.

Ричард Баллоу грязно выругался.

Наконец, когда он закончил, Кристиан сказал:

— Это была минута латыни. Приятель показал нам, насколько он образован. Как же я их всех ненавижу! — сказал Кристиан — и в это мгновение рука Ринго выхватила из кобуры револьвер, и оружие буквально уперлось своим стволом в лоб Кристиана.

— Кристиан, я делаю это очень быстро, очень. Так что тягаться тебе в этом деле со мной не советую.

На лице Кристиана Мортимера были крупные капли холодного пота.

А бандит, почувствовав свое превосходство, убрал револьвер от головы Кристиана и принялся жонглировать им. Он вертел его вокруг пальца то в одну сторону, то в другую, вращал то по часовой стрелке, то вдруг начинал вращать против часовой стрелки, быстро перебрасывал из одной руки в другую, ловил, на ходу взводил курок, опускал. Револьвер буквально мелькал в ловких пальцах бандита.

Все смотрели на эту сцену как на выступление настоящего артиста, ведь не часто можно было увидеть подобную ловкость и сноровку в обращении с оружием.

А на лице Ринго была беспристрастная улыбка, которая, в конце концов, придала ему презрительное выражение.

Наконец, он закончил свои фокусы, револьвер мгновенно влетел в кобуру, а бандит поправил свои усы, чем-то очень похожие на усы Кристиана.

Тот смотрел на все манипуляции с револьвером абсолютно равнодушно, полным

безразличия и презрения взглядом так, как взрослые смотрят на детские забавы. Все присутствующие зааплодировали ловкости и умению бандита Ринго. Хлопали даже Розалина и Кассио, даже окружной шериф и начальник городской полиции хлопали, вполне удовлетворенные тем, что инцидент разрешился так удачно и весело.

Кристиан Мортимер приподнял свою серебряную чашечку и, сделав последний глоток, осушил ее.

— Ну что же ты, Кристиан, что, нечем ответить? — выкрикнул кто-то из толпы.

Кристиан посмотрел поверх голов на того, кто бросил реплику, и совершенно спокойно, сунув указательный палец в ручку чашечки, так как Ринго всовывал свой указательный палец в курок револьвера, принялся ее вращать то по часовой стрелке, то против нее. Кристиан полностью точь-в-точь повторил все те движения, которые с гордым и воинственным видом проделывал бандит Ринго. Но если у того в руках был револьвер, то в руке у Кристиана была вполне безобидная серебряная чашечка. И поэтому все то, что делал Мортимер, выглядело жуткой пародией на действия бандита.

И все сразу же принялись хохотать, так точно копировал каждое движение и даже выражение лица Кристиан Мортимер. Он даже так же как бандит вскидывал голову, так же поворачивал ее из стороны в сторону, следя за тем, как оружие перелетает из одной руки в другую, так же скалился. Только сейчас все это выглядел ужасно комично, и весь зал зашелся хохотом.

Ринго стоял вне себя от злости.

Но даже Ричард Баллоу хохотал, стоя рядом со своим незадачливым приятелем.

— Ну что, Ринго, как он тебя! — шептал Ричард. — Да, этот Кристиан не подарок, молодец парень, я бы до такого и не додумался.

А Мортимер продолжал жонглировать серебряной чашечкой, которая порхала из одной руки в другую, перелетала с пальца на палец, пока, в конце концов, не застыла на том месте, где должна быть кобура.

Зал взорвался бурными аплодисментами.

— Здорово! Bravo! Молодец, Мортимер! Вот так, так!

Ринго зло оглядывался по сторонам. Но на него даже не обращали внимания. Ричард Баллоу хохотал во все горло.

Ринго выругался и стремительно пошел к выходу. Все расступились перед ним в разные стороны.

За ним пошел и Ричард Баллоу. Проходя рядом с Розалиной, он остановился и взглянул красавице в глаза.

Та, ничуть не смутившись, улыбнулась бандиту.

— А теперь я всех угощаю за мой счет! — Ричард вытащил из нагрудного кармана своей рубахи несколько крупных банкнот и швырнул их в воздух.

В зале зааплодировали.

А бандит, ничуть не смущаясь, развернулся и вразвалку зашагал к выходу. Все шарахались в разные стороны, боясь плечом или взглядом зацепить Ричарда Баллоу. А он шел через зал, как будто бы был настоящим хозяином, а все присутствующие — это только его мелкие слуги и гости.

К столику Баттлера подошел Джек Добсон.

— Я видел, вы вели себя достойно. Я думал, начнется потасовка.

— Джек, я, честно говоря, тоже думал. Но, слава Богу, все обошлось, благодаря

Мортимеру.

— Если бы не он, то все кончилось бы, вероятно, перестрелкой.

— Возможно, но я был наготове, — сказал Баттлер.

— А я в этом и не сомневался. Я сразу догадался, что у тебя на колене лежит револьвер.

— Вот именно, Джек, револьвер, а рука на курке.

— Почему же ты не стрелял, Баттлер?

— Почему не стрелял? — Рэтт пожал плечами. — Знаешь, я догадался, что бандит струсит. А как догадался, я этого и сам не знаю, что-то в его лице мне подсказало, что он выхватит пистолет, приставит ко лбу Кристиана, но на курок нажать не решится.

— А если бы? — спросил Джек Добсон.

— Ну, знаешь ли, если бы... Если бы, то я, наверное, нажал бы на курок первым.

— Не сомневаюсь, Баттлер.

— А кто этот мужчина? — спросила Розалина у Клода Бергсона, указывая глазами на Рэтта Баттлера.

— Это... — хотя окружному шерифу и не нравился Рэтт Баттлер, но даже он не мог солгать и скрыть своего восхищения, — это очень крутой мужчина, Розалина, очень...

— Откуда он?

— Его знают на всем Западе, очень известная личность — Рэтт Баттлер.

— Чем же он так прославился, Клод? — поинтересовалась женщина, делая небольшой глоток из изящного хрустального бокала, наполненного шампанским.

— Чем известен? По-моему, он за несколько лет поймал столько отъявленных головорезов, что вся наша полиция, я имею в виду полицию нашего округа, не поймала.

— Как, один?

— Да, когда один, когда со своим приятелем. У него есть друг, не менее известный, чем он. Может, ты слышала о полковнике Брандергасе?

— Полковник Брандергас? — произнесла женщина. — Нет, Клод, меня не интересуют полковники, меня интересует Баттлер.

— Что ж, достойный мужчина, хотя... — он хотел сказать какую-нибудь гадость, но сдержался. — Розалина, может быть, еще немного шампанского?

— Пожалуй, — бросила женщина, подставляя свой бокал.

А Рэтт Баттлер сосредоточенно сдавал карты своим партнерам. И вдруг он что-то почувствовал.

Медленно, очень медленно он поднял голову, оторвавшись от веера карт в своих руках, и над ними увидел темные глаза Розалины. Она смотрела прямо в глаза Рэтту Баттлеру и улыбалась. Казалось, встань сейчас из-за стола, пройди какой-нибудь десяток шагов — и можешь смело поцеловать эту женщину, ее губы будут открыты, она вся подастся вперед тебе навстречу...

Рэтт Баттлер понял, что его уже что-то связывает с Розалиной, что его что-то влечет к ней и что их пути в ближайшем будущем пересекутся.

Он отвлекся от игры и был тут же наказан проигрышем.

Кристиан Мортимер изумленно посмотрел на Баттлера, склонился и прошептал ему на ухо:

— Послушай, может, я поиграю? С тобой что-то происходит.

— Нет, Кристиан, все нормально, просто...

— Я все понял, я же не дубина, — улыбнулся Кристиан Мортимер, беря за талию Сандру и прижимая к себе.

Та покорно откинула голову и смотрела в глаза Кристиану так, как будто бы она знает его всю жизнь. Кристиан ответил ей благодарной улыбкой и поцеловал в щеку.

А тапер продолжал исступленно барабанить по клавишам, расстроенное фортепиано дребезжало, но все равно звуки музыки вырывались из него и царили над всеми, кто был в салуне.

Праздничный вечер медленно подбирался к своему апогею. Хлопали пробки, вылетая из бутылок, слышался смех, топот, пьяные голоса.

— Послушайте, Клод, — зашептала на ухо окружному прокурору Розалина, — так вы говорите, он служил в полиции?

— Кто? — не понял Клод Бергсон.

— Рэтт Баттлер, — произнесла наконец имя мужчины Розалина.

— Рэтт Баттлер? Да что вы, нет-нет, он никогда не служил в полиции.

— Но вы же говорили, что он ловил преступников.

— Да, он ловил их за деньги. Здесь на Западе есть такая профессия — охотник за людьми.

— Как вы говорите? Я что-то не совсем вас понимаю, Клод...

— Охотник за людьми.

— И что, Рэтт Баттлер был вот этим самым охотником за людьми?

— Ну да, этим занимаются только отчаянные смельчаки, те, кому надоело жить. Ведь бандиту, за голову которого объявлена награда, терять нечего. Он не щадит ни себя, ни тех, кто его преследует.

— Но, видимо, Рэтт Баттлер отчаянный смельчак и очень удачлив, — сказала Розалина, — раз он жив-здоров и прекрасно выглядит по сей день.

— Да, это отчаянный смельчак и мастер. Я думаю, если бы он захотел, то мгновенно уложил бы обоих — и Ричарда Баллоу и его дружка Ринго. Но что-то его сдержало.

— Может, Баттлер не хотел стрелять здесь в салуне по той причине, что вокруг много людей и женщин, и он мог кого-нибудь ранить?

— Что вы, Розалина, Баттлер... ранить? Баттлер стреляет без промаха и, если бы он выстрелил дважды, то будьте уверены, было бы ровно два трупа. А то, что Баттлер дважды успел бы выстрелить — в этом я не сомневаюсь.

— Да, Клод, вы меня интригуете.

— Розалина, может быть, мы потанцуем?

— Давайте, — женщина как-то отчаянно кивнула головой и положила свою руку на плечо Клоду Бергсону.

Они пустились вальсировать.

Рэтт Баттлер время от времени видел, как в толпе мелькает лицо Розалины. Он видел ее темные глаза, смотрящие буквально ему в душу.

— Как она хороша! — прошептал Рэтт Баттлер сам себе.

«Но это не мой идеал» — почему-то подумал он и тут же успокоился.

— Знаете, Розалина, — сказал Клод, — если бы у меня в полиции работало несколько таких парней как Рэтт Баттлер, то во всей округе уже давным-давно не было бы ни единого бандита. Что-что, а это я знаю наверняка.

— Но ведь у вас же, наверное, есть полицейские, шериф?

— Конечно есть, но что они по сравнению с Баттлером.

— Вы мне его так расписали, что я вся горю от нетерпения с ним пообщаться.

— Интересно, а о чем вы с ним будете говорить? — спросил Клод Бергсон.

— Я думаю, найдем о чем, ведь он, скорее всего, человек образованный, у него довольно изящные манеры.

— Может быть, когда-то и был, но теперь, после столь продолжительных скитаний по Дикому Западу, манеры Баттлера оставляют желать лучшего.

— А знаете, Клод, для женщины манеры — не самое главное.

— А что для вас главное, Розалина?

Розалина пожала плечами.

— У настоящих мужчин, шериф, должен гореть взгляд. Он должен напоминать орла в полете.

— Орла? — переспросил Клод Бергсон и одернул полы своего сюртука.

— Да, орла, — произнесла Розалина, глядя поверх голов на широкие плечи Рэтта Баттлера.

На следующее утро после тяжелой изнурительной ночи, показавшейся Рэтту Баттлеру бесконечной, он решил развеяться. Пока все его друзья еще спали, он наскоро позавтракал и, оставив записку полковнику Брандергасу, отправился на конюшню.

Его конь уже застоялся, ведь он не привык подолгу бездельничать. Увидев хозяина, он застриг ушами, застучал копытом, и неизвестно кто из них больше обрадовался предстоящей прогулке — хозяин или жеребец.

Рэтт Баттлер приладил сбрую, затянул подпругу и легко вскочил в седло. Он проехал по еще безлюдным улочкам Кластер-Тауна. После вчерашней бессонной ночи, когда весь городок веселился после спектакля, у Рэтта Баттлера побаливала голова. Но прохладный утренний ветер и свежесть сделали свое дело. Рэтт Баттлер вновь ощутил себя сильным и энергичным. Конь чувствовал малейшее движение наездника и быстро уносил Рэтта Баттлера от Кластер-Тауна к манящей голубизне реки и желтовато-зеленым, еще не окончательно выгоревшим на солнце холмам.

Еще издалека он заприметил маленькую фигурку всадника и сразу же определил, что это женщина.

«Кому же это понадобилось выбираться в такую даль, как и мне?» — подумал Рэтт Баттлер.

Он пришпорил своего жеребца и вскоре по примятой траве отыскал след, потому что наездницу уже потерял из виду. Выбравшись из оврага, Рэтт Баттлер остановился перед небольшой рощицей на обрывистом берегу реки.

Всадница была возле самой кромки обрыва. Она даже не обернулась, заслышав шум приближающегося человека. И лишь когда Рэтт Баттлер остановил своего коня рядом с ней, женщина приподняла вуаль на шляпе и приветливо посмотрела на своего преследователя.

Рэтт Баттлер чуть не ахнул:

— Только не это, — прошептал он едва слышно.

Но отступать было уже поздно: перед ним на белой лошади восседала сама Розалина. Ее лицо сияло, и она была явно обрадована встрече с этим легендарным человеком, о котором ей так много рассказывал шериф Клод Бергсон.

Верхом на коне в черном плаще Рэтт Баттлер выглядел совсем по-иному, чем за карточным столом или в воображении актрисы. Ведь она представляла себе Рэтта в клетчатом пончо, в запыленных сапогах, а тут перед ней был светский щеголь в начищенных до блеска сапогах и в безукоризненно белой рубашке.

— Давайте познакомимся, — предложила Розалина без тени смущения на своем прекрасном лице.

Она привыкла к восхищенным взглядам мужчин, и ей даже не приходило в голову, что кто-то может иметь что-то против знакомства с ней.

Рэтт Баттлер приподнял шляпу и представился. На его губах появилась немного робкая улыбка и тут же исчезла.

— Вы смущены? — напрямую спросила Розалина.

— Да, как-то неожиданно встретить такую знаменитую актрису далеко от города, среди холмов и диких камней. Вы даже не боитесь меня?

— Вас? Я много о вас слышала.

— И кто же вам рассказывал обо мне небылицы?

— А вы догадайтесь сами, — улыбнулась женщина.

— Это нетрудно сделать, ведь вчерашний вечер вы провели в обществе шерифа, значит, он и рассказывал обо мне.

— Да, он мечтает, чтобы вы работали на него.

— Я? — пожал плечами Рэтт Баттлер. — Я уже ни на кого не работаю, только на самого себя.

— Кто знает, что может случиться в жизни, — током предсказательницы произнесла актриса. — Ведь мечты иногда осуществляются, а шериф так мечтает, чтобы вы и ваш друг полковник... — Розалина замялась, не в силах вспомнить имя.

— Чарльз Брандергас, — подсказал Рэтт Баттлер.

— Да, именно полковник Брандергас! И как это его имя вылетело у меня из головы!

— Иногда забывают и более важные вещи, — резонно заметил Рэтт Баттлер.

— Но вот ваше имя я же запомнила.

— Значит, оно вам небезразлично, — сказал мужчина, на что получил прелестную улыбку актрисы.

— Вы, мистер Баттлер, дьявольски догадливы.

— Нет, это вы, Розалина, дьявольски догадливы, ведь вы играли Мефистофеля.

— За свою жизнь я сыграла столько ролей, и женских, и мужских, что если бы я брала хоть по одной черте характера от своих героев и героинь, то вы, мистер Баттлер, видели бы перед собой монстра. И я бы утратила свою индивидуальность.

— Но не привлекательность, — заметил Рэтт Баттлер.

— Кто знает? Я бы могла, например, превратиться в одну из дочерей короля Лира и разговаривать с вами стихами Шекспира.

— А я терпеть не могу стихов.

— К счастью, я ими и не говорю.

Рэтт Баттлер с трудом сдерживал своего нетерпеливого коня, который буквально не находил себе места в присутствии лошади, на которой грациозно восседала Розалина.

— Наши лошади тянутся друг к другу, — сказала Розалина и кокетливо улыбнулась.

Рэтт Баттлер смутился и сделал вид, что внимательно разглядывает противоположный берег реки. Но Розалину такое положение вещей явно не устраивало.

— И знаете почему они так быстро нашли общий язык?

Рэтт Баттлер смутился еще больше.

— Потому что им не нужно слов, они сразу же делают то, что хотят и поэтому счастливы в жизни.

— Жаль, что у людей не всегда так бывает, — сказал Рэтт Баттлер, избегая смотреть в большие глаза Розалины.

— Я вижу, мистер Баттлер, вы побаиваетесь меня, ваш конь куда храбрее.

— Я считаю, вам следует думать о другом, Розалина, — сказал Рэтт Баттлер.

Женщина немного обиделась, ведь это был намек на ее отношения с шерифом.

— Мы слишком долго говорим, а слова к хорошему не приводят! — воскликнула актриса. — Вы хотите развеяться?

— Конечно, — не очень-то уверенно ответил Рэтт Баттлер и пожал своими широкими плечами.

— Тогда давайте наперегонки.

И, не дожидаясь согласия, актриса, натянув поводья, пустила свою лошадь вскачь. Рэтту Баттлеру ничего не оставалось, как последовать за ней. Вначале ему казалось, что он легко догонит наездницу, но это оказалось не такой простой задачей. Розалина правила очень искусно, а лошадь у нее была выносливой и сильной.

И Рэтту Баттлеру пришлось проскакать мили полторы, пока Розалина, смилостившись над ним, сдалась.

Конечно же, конь у Рэтта Баттлера был отличный и он, если бы захотел, мог без труда догнать Розалину, но правила игры требовали от него другого, и он покорно им следовал.

— Вы отличная наездница, — сказал он раскрасневшейся и довольной женщине.

— А вот я думала, мистер Баттлер, что вы ездите куда лучше.

— Я езжу всегда так, как того требуют обстоятельства — не быстрее и не медленнее.

— Так если бы я была преступницей, вы догнали бы меня в один момент?

— Я не стал бы даже за вами гнаться, просто выстрелил бы вам в голову.

Такое откровение поразило женщину, и она испуганно вздрогнула, настолько буднично Рэтт Баттлер произнес эти страшные слова. Но тут же на лице мужчины появилась довольная улыбка и Розалина, рассмеявшись, нагнулась в седле, потрепав по холке коня Рэтта.

— И неужели у вас, мистер Баттлер, поднялась рука и вы смогли бы выстрелить в женщину, даже если бы она была преступницей?

— Я никогда не стреляю в женщин и калек, — все так же улыбаясь, продолжал Рэтт Баттлер.

— Так вы женоненавистник?

— Мне просто не очень везло в жизни с женщинами, — признался Рэтт Баттлер.

— Глядя на вас, это трудно предположить.

Диалог Розалины и Рэтта начинал переходить в опасную плоскость, за которой слова уже могли и не понадобиться.

Рэтт Баттлер твердо обещал себе, что всецело будет заниматься делом и никаких глупостей не допустит.

А еще он вспомнил, что во время игры в карты, когда случайно встретился взглядом с Розалиной, то подумал: она не мой идеал, но красива.

Но женщина этого не знала и поэтому решила продолжить опасную игру. Она резко тронула с места и, чуть не вылетев из седла на каменной осыпи, съехала по крутому спуску.

Рэтт Баттлер, одной рукой придерживая шляпу, проскакал вслед за женщиной, изумляясь ее проворности и смелости.

— Вы рисковали, Розалина, вы могли упасть, — обгоняя актрису, выкрикнул Рэтт Баттлер.

— Зато когда я рискую, я перестаю ощущать скуку. А вам бывает скучно, мистер Баттлер?

— Бывает, — признался Рэтт.

— А со мной вам скучно?

И вновь Рэтту Баттлеру пришлось отвести взгляд.

— Я еще не успел понять, — честно признался он.

— Тогда помогите мне слезть с лошади, — сказала актриса, изображая из себя беспомощную барышню, которой на самом деле никогда не являлась.

Рэтт Баттлер поддержал Розалину, но лишь только ее ноги коснулись земли, тут же

отстранился от нее, хотя женщина надеялась, что тот больше необходимого задержит ее в своих объятьях.

— Вы, наверное, голодны, мистер Баттлер?

— С чего вы взяли?

— У вас так блестят глаза... Или на это есть другая причина?

Розалина сняла переметную сумку и разостлав плащ, принялась расставлять на кем завтрак. Наметанным взглядом Рэтт Баттлер сразу же определил, что угощение было рассчитано на мужчину. Было два стакана, бутылка вина, мясо, фрукты. Он еще бы нашел объяснение такой предусмотрительности, если бы она выехала из Клостер-Тауна позже его. Но он видел след на траве, и поэтому ему оставалось только удивляться.

Он присел на край плаща, Розалина кивком головы указала ему, что следует разлить вино. Что Рэтт Баттлер и сделал.

— За знакомство, — Розалина приподняла серебряный стаканчик.

Они сидели под раскидистым деревом, в ветвях которого радостно щебетали утренние птицы. В тени было прохладно и уютно. Разговор на некоторое время прервался, и Рэтт Баттлер был рад, что может молчать, занимаясь едой и питьем.

Но не тут-то было. Розалина улыбнулась и поинтересовалась:

— Скажите, мистер Баттлер, а вы когда-нибудь смеетесь по-настоящему?

— Конечно смеюсь, если мне весело.

— А мне показалось, что вы сидите сейчас на похоронах, а не с красивой женщиной.

Рэтт Баттлер расхохотался.

— И на похоронах можно сидеть с красивой женщиной.

— Вы ужасный человек, мистер Баттлер, и совсем не умеете ценить женское общество.

— Когда-то, Розалина, мне это стоило дорого.

— Я все-таки представляла вас немного иным. Нет, конечно, я видела как вы играли, но все равно, мистер Баттлер, вы остаетесь для меня загадкой.

— И в чем же эта загадка?

— Это трудно выразить словами, но мне кажется, в душе вы немного другой. Люди рассказывают о вас страшные вещи.

— И вы поверили шерифу, испугались меня?

— Честно говоря, не испугалась, именно поэтому и решила с вами встретиться, мистер Баттлер. Но, по моему, у вас есть какая-то тайна, о которой вы всегда молчите и постоянно думаете.

Рэтт Баттлер задумался.

— У каждого человека есть свои тайны. Одни придают им значение, другие избегают о них говорить.

— А вы к кому принадлежите, мистер Баттлер?

— А я сам по себе.

Розалина не привыкла, чтобы мужчины относились к ней холодно, а ведь она дала уже достаточно авансов Рэтту Баттлеру для того, чтобы тот принялся целовать ей руки. Но тот вел себя довольно сдержанно, и поэтому Розалина решила сделать еще один шаг навстречу. Она словно бы невзначай коснулась своей рукой пальца Рэтта.

Тот вздрогнул.

— Вы боитесь меня, мистер Баттлер?

— А почему я вас должен бояться?

— Но ведь вы же вздрогнули.

— Это еще ни о чем не говорит. Честно признаться, вы мне нравитесь, Розалина.

— И вы, мистер Баттлер, нравитесь мне. А я из тех женщин, что не привыкли скрывать своих чувств. Тем более, у меня не хватает времени, чтобы вести себя чопорно и жеманничать. Я привыкла брать от жизни то, что мне нравится, но я не хочу никого насильно делать счастливым.

— Мне просто хорошо с вами, Розалина, вот и все.

— Я смотрю на вас, Рэтт, и не могу понять, какова цель вашей жизни.

— Вы, Розалина, задаете такие вопросы, на которые нет ответа.

— Но ведь как-то нужно обосновывать свои поступки, нужно к чему-то стремиться, нужно иметь цель существования на земле. Не обязательно ее достигать...

— А вы, Розалина, имеете цель?

— Да, я хочу получать счастье. Именно не получить, а получать, Рэтт.

— Хорошо, Розалина, что вам все ясно в жизни.

— А вы, Рэтт, не ответили на мой вопрос, вы от него ушли.

Рэтт легонько сжал ладонь Розалины и поднес ее к своим губам. Женщина ощутила нежной кожей горячее дыхание Рэтта Баттлера.

— Сначала, Розалина, я хочу заработать много денег, а потом сделать маленький рай для самого себя.

— И что, в вашем раю нет места женщине? Какой же это рай?

— Там могут быть женщины, но только я буду приглашать их в гости и не более того.

— Странный вы человек, Рэтт.

— Так и вы странная женщина.

— Извините меня, Рэтт, если у меня немного вульгарные манеры. Я хотела бы быть похожей на настоящую леди и, поверьте, могу вести себя чопорно и жеманно. Но я не хочу играть в подобные игры, мне не нравится подобная роль. А вы человек благородный, это видно по вашему лицу, видно по вашему отношению ко мне.

— Нет, Розалина, вы настоящая леди, я говорю вам это, не покрывив душой.

— Спасибо, Рэтт, — на щеках Розалины появился легкий румянец, а ее пальцы дрогнули в ладони Баттлера. — Но все равно, я не могу вас понять, словно существует какая-то преграда, за которую не может проникнуть мой взгляд. До какого-то момента вы мне понятны, а потом начинается неизвестность.

— Я не зря упомянул рай, Розалина, — Рэтт Баттлер сделался серьезным, — потому что я его уже видел.

Женщина удивленно посмотрела на своего собеседника.

— Вы можете мне не поверить, Розалина, как не верили другие. В детстве я был наивен и рассказал об этом родителям.

— Я не пойму, Рэтт, вы шутите или говорите серьезно.

— Это в самом деле случилось со мной и временами случается и теперь. Простите, Розалина, у меня мысли заняты теперь другим. Должен признаться, — продолжил Рэтт Баттлер, немного помолчав, — может, в отношении к вам я нахожусь не на высоте, но дело в том... Поверите ли, тут замешаны то ли духи, то ли приведения, но как это ни странно, я словно околдован. Меня что-то преследует всю жизнь, омрачает существование, пробуждает неясное томление.

Рэтт Баттлер замолк, поддавшись воспоминаниям, буквально погрузившись в них.

— Так вот, — сказал он и снова замолк.

Розалина, чтобы вывести его из оцепенения, сжала ему ладонь.

И Рэтт Баттлер сперва не очень уверенно, а потом все более непринужденно стал рассказывать о том, что составляло тайну его жизни. Он уже давно не говорил так много и долго, не рассказывал о подобных чувствах, не делился ни с кем воспоминаниями.

Ведь в самом же деле, невозможно было рассказать полковнику Брандергасу о том, что мучило его в детстве, о том, что ему ближе не погони и кровавые схватки, а нежные воспоминания о спокойной жизни в Чарльстоне. Это было неотвязное воспоминание о неземной красоте и блаженстве, пробуждавшее в его сердце ненасытное желание, отчего все земные дела и развлечения казались ему нудными, утомительными и пустыми.

— Мне было лет десять, — говорил Рэтт Баттлер, — когда я однажды, проходя по Чарльстону, а я родился именно там, по другую сторону континента, увидел перед собой листья дикого винограда, ярко освещенные полуденным солнцем, темно-красные на фоне белой стены. Я заметил их, Розалина, внезапно, хотя и не помню, в какой момент это случилось. На мостовой, перед зеленой дверью, лежали листья дикого каштана. Они были желтыми, с зелеными прожилками, не засохшие и не грязные, вероятно, они только что упали с дерева. Не знаю, почему мне запала в память эта дверь. Я стоял и смотрел на нее. Мне не так-то часто приходилось выбираться из дома родителей одному, всегда за мной присматривала гувернантка. И я, сам не понимая чего испугавшись, побежал дальше по улице. А потом, когда вернулся, двери уже не было. Я подумал тогда, что ошибся улицей, но передо мной была та же белая стена, те же листья лежали на мостовой, но двери не было.

Женщина смотрела на Рэтта Баттлера и видела, как трудно ему говорить.

— У меня тоже в жизни бывало подобное, — сказала Розалина.

Но Рэтт Баттлер словно бы пропустил ее замечание мимо ушей.

— Мой отец довольно суровый человек, он не так-то много уделял мне внимания, хотя и возлагал на меня большие надежды, — Рэтт Баттлер улыбнулся. — Но я не сумел оправдать его надежд. И странно, Розалина, даже тогда жизнь казалась мне серой и скучной, хотя в ней и было много развлечений. Если я вспоминаю сейчас то, что было со мной, то единственное, что видится мне ярко — это та дверь в стене, куда я не вошел... И вот однажды я вновь отправился бродить по городку. Я даже не могу вспомнить как мне удалось ускользнуть из дома и по каким улицам я проходил. Все это безнадежно стерлось у меня из памяти, но белая стена и зеленая дверь стояли у меня перед глазами, я чувствовал, что вновь увижу ее. И странное дело, Розалина, вновь на той же самой улице, в той же самой стене я увидел дверь. И испытал странное волнение, меня потянуло к ней, захотелось войти в нее. Но вместе с тем я почувствовал, что с моей стороны будет неразумно, а может даже и плохо, если я поддамся этому влечению.

— Дверь была незаперта? — спросила Розалина.

Рэтт Баттлер покачал головой.

— Это было каким-то довольно странным чувством. Я знал с самого начала, если это только не обман памяти, что дверь не заперта, и я, если захочу, смогу в нее войти. Я и сейчас вижу маленького мальчика, который стоит перед дверью в стеке, то порываясь войти, то отшатываясь назад. Это не было страхом, но мне казалось: войди я в дверь — и вся моя жизнь рухнет, все изменится. За дверью, я знал, меня ждет счастье, но, понимаете, Розалина, страшно бывает изменить свою жизнь, пусть даже к лучшему. И главное, я каким-то совершенно непостижимым образом чувствовал, что отец очень сильно рассердится, если я

войду в эту дверь. Я колебался, несколько раз прошел мимо двери, а потом засунул руки в карманы, по-мальчишески засвистел к с независимым видом зашагал вдоль стены и свернул за угол. Ведь и с вами так бывало, наверное, Розалина, что стоило протянуть руку — и счастье было рядом, а вам не позволяла гордость сделать первый шаг навстречу собственному счастью.

Женщина покачала головой.

— Да, это мне очень знакомо, Рэтт.

— Вот и тогда я не спешил, я тянул время. За углом я увидел несколько скверных грязных лавочек к особенно запомнились мне мастерские жестянщика и обойщика. Вокруг них валялись в беспорядке грязные куски бумаги, обрывки материи и пустые бочки из-под краски. Я встал, делая вид, что рассматриваю эти предметы, а на самом деле страстно стремился к этой двери.

— Вы все-таки ее открыли, Рэтт? — нетерпеливо спросила Розалина, она уже отчетливо видела в своем сознании белую стену и дверь в ней, к которой так боялся притронуться мальчик.

Она представляла себя на месте Рэтта и понимала, что вела бы себя точно таким же образом. Точно так же нерешительность овладела бы ею, и женщине не терпелось узнать, что же случилось тогда с Рэттом.

— Меня охватило бурное волнение, — продолжал мужчина, — я боялся, как бы на меня снова не напали колебания, и побежал назад. Мне казалось, дверь исчезла вновь, я даже боялся смотреть в ту сторону, а потом, остановившись, увидел: дверь на месте. Я протянул руку и отворил зеленую дверь, зашел в нее, и она захлопнулась за мной. В один миг я очутился в саду, и видения этого сада теперь преследуют меня повсюду.

Рэтт Баттлер прикрыл глаза и было видно, что ему трудно передать свои впечатления от этого сада, что он еще никогда не облакал в осмысленные слова то свое далекое детское впечатление. Все существовало в его душе на уровне только одних чувств.

— Там было прекрасно? — спросила Розалина.

— Я вспоминаю, — Рэтт Баттлер так и не открывал глаз. — В самом воздухе было что-то бодрящее, что давало ощущение легкости, довольства и благополучия. Все кругом блистало чистыми, чудесными, нежно светящимися красками. Очутившись в саду, я испытал острую радость, какая овладевает человеком только в редкие минуты, когда он бывает весел и счастлив. Там все было прекрасно.

— Это, наверное, было чудесное видение, — Розалина даже забыла, что ее ладонь находится в руке Рэтта Баттлера.

Тот немного подумал, а потом продолжил свой рассказ.

— Ты не поверишь мне, может, я сам ошибаюсь, вспоминая детство, — Рэтт говорил нерешительным током, как человек, сбитый с толку чем-то непонятным. — Там было две большие собаки, большие пятнистые собаки и я, представь себе, Розалина, подошел к ним сразу, хотя они могли бы разорвать меня на части. Но они были ласковы со мной. И еще там была длинная широкая дорожка, окаймленная с обеих сторон мрамором и обсаженная цветами. И эти два лохматых зверя играли с мячом. Одна собака не без любопытства посмотрела на меня и направилась ко мне. Она подошла и нежно лизнула мою протянутую ладонь. Я говорю тебе, Розалина, это был зачарованный сад, я это знаю точно.

Женщина не верила, ей казалось, что Рэтт разыгрывает ее.

— Он был большим? — спросила она.

— Его размеры? — задумался Рэтт. — О, он далеко простирался во все стороны, и казалось, ему не было конца. Помнится, вдалеке виднелись холмы, такие же, как здесь. Бог знает, куда вдруг исчез весь Чарльстон, и у меня возникло такое чувство, словно я перенесся на сотни миль. И знаешь, в тот самый миг, когда дверь захлопнулась за мной, я позабыл и дорогу, и мостовую, тоску о доме, забыл о том, что отец рассердится, узнав, что я один ушел из дома. Я забыл о всех колебаниях и страхах, забыл всякую осторожность, забыл и о повседневной действительности. В одно мгновение я очутился в ином мире, превратившись в очень веселого, безмерно счастливого человека.

Это был совсем другой мир, озаренный теплым и ласковым светом. Тихая и ясная радость была разлита в воздухе, а в небесной синеве плыли легкие, пронизанные солнцем облака. Казалось, все такое же как и в настоящей жизни, все то же было и в городе. Но здесь, в саду, все выглядело куда мягче: облака казались совсем близкими и теплыми, а голубизна неба такой пронзительной, что я щурил глаза.

Длинная дорожка, по обеим сторонам которой росли великолепные, никем не охраняемые цветы, бежала передо мной и манила все дальше — и со мной рядом шли две большие собаки. Я положил свои руки на их мохнатые спины, гладил их головы и мной овладело такое чувство, какое овладевает человеком, когда он возвращается на родину после долгого отсутствия. Мне казалось, что здесь, в саду, прошла моя какая-то другая жизнь, о которой я раньше и не подозревал.

А когда на дорожке появилась красивая девушка и с улыбкой пошла мне навстречу, я внезапно растерялся. А она мне сказала: «Вот и ты, наконец-то ты пришел». Она присела на корточки расцеловала меня, а потом, взяв за руку, повела дальше.

— Ты говоришь странные вещи, Рэтт! — воскликнула Розалина. — Наверное, тебе это тогда приснилось?

— Нет, — покачал головой Рэтт Баттлер, — это не было сном, сон не может быть таким реальным. Я помню запахи, звуки, я помню яркие цвета. И главное, появление этой девушки не вызвало у меня никакого удивления, но лишь радостное сознание, что так и должно быть, и воспоминание о чем-то счастливом, что странным образом выпало из моей памяти. Я вспоминаю широкие красные ступени, видневшиеся между стеблями растений. Мы поднимались по ним по уходившей вдаль аллее, по сторонам которой росли старые тенистые деревья. Вдоль этой аллеи, среди красноватых, изборожденных трещинами стволов, стояли прекрасные мраморные скамьи и статуи, а по песку бродили очень ласковые ручные голуби.

Розалина слушала Рэтта Баттлера немного склонив голову. Она уже представила себе все то, о чем рассказывал мужчина. Ей даже казалось, что она слышит воркование голубей.

А Рэтт Баттлер продолжал:

— Поглядывая сверху вниз, девушка вела меня по этой аллее. Я вспоминаю черты ее доброго нежного лица с тонко очерченным подбородком. Своим тихим голосом она задавала мне вопросы и рассказывала что-то, без сомнения, очень приятное, но что именно, я никак не могу вспомнить. И внезапно с дерева соскочила обезьянка и побежала рядом со мною, поглядывая на меня и скаля зубы. А потом она вспрыгнула на мое плечо. Так мы, веселые и довольные, продолжали свой путь, — Рэтт Баттлер умолк, погружившись в воспоминания.

— Дальше, — попросила Розалина, — что было дальше?

Рэтт Баттлер тряхнул головой, сбрасывая оцепенение.

— А дальше мне вспоминаются только некоторые подробности. Мы прошли мимо старика, сидевшего в тени лавра и погруженного в размышления. Мы миновали рошу, где

порхали стаи резвых попугаев, прошли вдоль широкой тенистой колоннады к просторному дому, где было множество великолепных фонтанов, прекрасных вещей — всего, о чем можно только мечтать. Было там и много людей. Одних я могу ясно припомнить, других смутно. Но все они были прекрасны и каким-то непостижимым образом я почувствовал, что я им дорог и они рады меня видеть. Их движения, прикосновения рук, приветливые сияющие взгляды — все наполняло мое сердце неизъяснимым восторгом.

Рэтт Баттлер осекся и пристально посмотрел в глаза Розалине. Он понимал, что его рассказ довольно странен и что совсем не это ожидала от него услышать женщина.

Но Розалина почувствовала близость душ — ее собственной и этого мужчины. Хотя в ее жизни никогда не было заветной двери, за которую она никогда бы не решилась зайти, она понимала, что такая дверь могла существовать в жизни Рэтта Баттлера.

Ей было приятно слушать его неторопливый рассказ, ведь она прекрасно понимала, что Рэтт Баттлер не каждому встречному расскажет о таком. Она даже чувствовала, что является первой слушательницей рассказа. Она чувствовала это по тому, как сбивался мужчина, рассказывая неясные воспоминания детства, по тому, как нервно сжималась его рука, по тому, как он изредка заглядывал ей в глаза, и по тому, как дрожит его голос.

Рэтт Баттлер немного подумал и продолжил:

— Я встретил там двух друзей. У меня в Чарльстоне не было настоящих друзей, я был одинок, и поэтому очень обрадовался. Они затевали чудесные игры на поросшей зеленой травой площадке, где стояли солнечные часы, обрамленные цветами, и во время игры мы полюбили друг друга. Но как это ни странно, тут в моей памяти вновь провал. Я не помню игр, в которые мы играли, и никогда не мог вспомнить.

Когда я был еще мальчиком, целыми часами, порой в слезах, старался вспомнить, в чем же состояло очарование тех игр. Мне хотелось снова у себя в комнате одному поиграть в эти игры. Но все, что я припоминал, это ощущение счастья и двух друзей, которые все время играли со мной.

А потом появилась строгая темноволосая женщина со строгим бледным лицом и мечтательными глазами, строгая женщина с книгой в руках, в длинном одеянии пурпурного цвета, падавшим мягкими складками платье. Она поманила меня к себе и увела с собой на галерею над залом.

Мои друзья по играм нехотя отпустили меня. Они прекратили игру и стояли, глядя, как меня уводят. «Возвращайся! — кричали мне они. — Возвращайся обязательно!» А я не ответил им, я заглянул в лицо женщины, но она не обращала на них ни малейшего внимания. Она была очень серьезной.

Она подвела меня к скамье на галерее, и я стал рядом с ней, собираясь заглянуть в книгу, которую она распахнула на коленях. Страницы вспыхнули передо мной. Она указывала мне на них, и я в изумлении смотрел. На оживших страницах этой странной книги я увидел самого себя. Это была повесть обо мне, там было показано все, что случилось со мной со дня моего рождения. Это было поразительно потому, что страницы книги были, понимаешь, Розалина, не картинками, а действительностью. Казалось, можно протянуть руку, и она исчезнет в глубине этих картинок, что можно будет дотронуться до маленькой фигурки мальчика, которым был я сам.

Рэтт Баттлер многозначительно замолчал и вновь глянул в глаза Розалине.

Та ощутила какой-то странный холодок ужаса от последних слов Рэтта Баттлера. Ей хотелось верить в существование такой книги. Она даже уверяла себя, что для каждого

человека существует подобная книга, в которой написано его прошлое, настоящее и будущее.

Но ее удивляло, как Рэтт Баттлер говорил о том, что произошло с ним в детстве. Но тут же женщина поняла, что подобные переживания никогда невозможно облечь в подходящие слова, и именно поэтому она поверила Рэтту Баттлеру, поверила в существование волшебной книги.

— Продолжай, — кивнула Розалина, — я понимаю тебя, прекрасно понимаю.

— Да, Розалина, это была самая настоящая действительность. Да, это было так, люди на ней двигались, события развивались. Я видел свою собственную мать, видел отца, как всегда прямого и сурового, видел наших слуг и наш дом, и все знакомые мне предметы. Затем я увидел, как в доме распахнулась дверь, и увидел несколько экипажей, пронесившихся по пыльной улице. Я смотрел и изумлялся, и снова с недоумением заглядывал в лицо женщины, как заглядываю сейчас тебе, переворачивал страницы книги, перескакивая с одной, на другую, и все не мог насмотреться. Наконец, я увидел себя, когда топтался перед зеленой дверью в белой стене, и снова я испытывал душевную борьбу и страх.

— А дальше? Что было дальше, ты видел, Рэтт? — спросила Розалина. — Неужели возможно заглянуть в будущее?

— Я тоже так сказал этой женщине: "Дальше!" Я хотел перелистнуть страницу, но она строго удержала меня за руку. «Дальше!» — настаивал я, пытаюсь осторожно отодвинуть ее руку, изо всех своих сил отталкивая ее пальцы. Но когда она уступила, и страница перевернулась, женщина склонилась надо мной и поцеловала меня в лоб.

На этой странице, Розалина, не оказалось ни волшебного сада, ни собак, ни девушки, приведшей меня за руку. Я увидел пыльную улицу своего города и унылый вечерний час, когда еще не зажигают фонари. И я там был, я стоял на улице перед белой стеной, в которой не было никакой зеленой двери. Я был жалок, мне хотелось плакать, и только из последних сил я держался. Ведь я не мог теперь вернуться к своим друзьям, а они меня звали.

Это была уже не страница книги, а жестокая действительность. И волшебное место и державшая меня за руку задумчивая женщина, у колен которой я стоял, внезапно исчезли. Но куда они исчезли, я не мог тогда понять.

Рэтт Баттлер склонил голову так, чтобы Розалина не могла видеть его глаз. Женщина, понимая волнение своего собеседника, тихо сказала:

— Это ужасно потерять что-то дорогое сердцу. Но ты вернулся туда? Ты еще хоть раз в жизни видел эту дверь, за которой был чудесный сад?

— Я не хочу сейчас вспоминать об этом, — сказал Рэтт Баттлер и резко поднялся на ноги.

Он понял, что слишком расслабился и не стоит говорить Розалине о том, что является его самой сокровенной тайной.

Ведь эти воспоминания постоянно мучили его, ему не раз чудились эта стена и дверь в ней, но никогда не хватало сил вновь открыть ее. Ведь можно было ошибиться и вместо чудесного сада увидеть грязь и запустение.

Рэтт Баттлер даже сам не понимал, в самом ли деле он тогда гулял по чудесному саду, играл в игры, или это все ему почудилось. Он помнил, как отец накричал на него, ведь в доме все всполошились, когда он пропал на целый день и пришел лишь к ночи.

Розалина, поняв, что больше Рэтта Баттлера на откровенность не вызвать, что он и так слишком много рассказал ей, принялась собирать разостланный на траве плащ.

Послышался далекий конский топот, и Рэтт Баттлер насторожился. Слишком много

конских копыт грохотало по земле.

— Кто это может быть? — спросила Розалина, осторожно подходя к Рэтту Баттлеру и выглядывая из-за его плеча.

Далеко внизу, на равнине, клубилось облако пыли. Мчались всадники, их было, наверное, дюжины две, и даже отсюда были видны желтые повязки.

— Это братья Баллоу и их банда, — сказал Рэтт Баттлер, указывая на всадников.

— Я помню, Рэтт, как ты со своими друзьями вчера не испугался бандитов. А то, как твой приятель жонглировал серебряной чашечкой, привело меня в восхищение. Он бы мог выступать в нашем театре.

Рэтт Баттлер засмеялся, представив себе Кристиана Мортимера в качестве актера на сцене.

— Да, он очень талантливый человек и мог бы составить тебе, Розалина, хорошую компанию на сцене. Ты бы играла Мефистофеля, а он бы играл Фауста. Но, в конечном итоге, победил бы он. Ты бы поддалась его очарованию, и тебе пришлось бы заложить свою душу.

— Рэтт, но ведь душу можно заложить в обмен на что-нибудь, например, на вечную молодость.

— И ты бы согласилась, Розалина?

— Вечная молодость — чудесная вещь, это лучше, чем вечная жизнь.

— По-моему, это одно и то же.

— А разве ты, Рэтт, не хотел бы всю жизнь быть молодым и сильным?

— Нет, мне хочется прожить длинную жизнь и достойно пройти через все ее этапы.

Ветер гнал пыль, поднятую копытами лошадей, к подножию холма.

— Интересно, куда они мчатся? — спросила Розалина. — Они хоть и наглые, но вряд ли решатся появиться в Кластер-Тауне целой бандой.

— Кто знает, что на уме у братьев Баллоу, — сказал Рэтт Баттлер, помогая Розалине забраться в седло.

Той хотелось выглядеть беззащитной и неумелой, и это ей почти удалось. Рэтт Баттлер на какое-то время поверил в то, что Розалина нуждается в его защите. И он, придерживав лошадь актрисы под уздцы, свел ее с крутого откоса холма.

В Кластер-Таун Рэтт Баттлер и Розалина вернулись к полудню. Они и не скрывали, что провели полдня вместе и расстались перед самым домом шерифа.

Полковник Брандергас, глядя на то, как Рэтт Баттлер помогает спуститься с лошади актрисе, недовольно морщился.

Он имел на Рэтта Баттлера совсем другие виды, но что мог поделать полковник, если сердце его друга стало биться быстрее при встречах с актрисой.

Тем более, что Чарльз Брандергас понимал, Розалина в самом деле очень красива и, если бы он был на месте своего друга, то поступил бы точно так же.

И поэтому решил ничего не говорить Рэтту Баттлеру, а самое главное, своей племяннице, которая уже трижды спрашивала у дяди, куда запропастился Рэтт Баттлер.

В питейном заведении, из которого был изгнан проходимец-банкомет, в этот вечер, как и в предыдущий, было шумно и многолюдно. Мужчины пили виски, ругались, обнимали женщин; те визжали, стонали, кричали, суетились к бегали по обширному помещению. Пьяные ковбои гонялись за ними, лапали своими сильными ручищами. Женщины шутливо отбивались, ругались, но вся эта ругань только распалая желание ковбоев. Официанты суетились, разнося подносы с напитками, они мелькали то там, то здесь, к подносам тянулись руки, доллары переходили из карманов ковбоев в карманы на фартуках официантов.

— Еще виски!

— Сюда пару бутылок! — слышались разгоряченные голоса.

Музыкант, который развлекал публику, уже давным-давно был в стельку пьян и валялся в углу, прислонясь головой к стене.

За инструментом сидел Кристиан Мортимер, его тонкие четкие пальцы меланхолично пробегали по клавишам, как бы нащупывая нить мелодии. Вместо нотной тетради на пюпитре стояла уже знаменитая на все питейное заведение изящная серебряная чашка, из которой, не отрывая левой руки от клавиш, Кристиан иногда неторопливо делал несколько глотков.

Сандра, прислонясь к спине Кристиана, смотрела в прокуренное помещение, прислушивалась к разгоряченным голосам. В ее руках тоже был большой бокал, наполненный виски, и она время от времени прикладывалась к нему. На ее лице было разочарование, но иногда девушка чему-то улыбалась...

А пальцы Кристиана Мортимера продолжали перебирать клавиши фортепиано. Инструмент отвечал на легкие прикосновения немного дребезжащими, но все же стройными аккордами. Мелодия плыла, заполняя помещение. Кое-кто из пьяных ковбоев поднимал голову, пытаясь понять, что же происходит здесь, но услышав мелодию, вновь падали головой на руки.

— Что ты такое играешь, Кристиан? — спросила Сандра.

— Я и сам не знаю. Я ничего не играю, играют мои руки и моя душа.

— Что-то очень знакомое и грустное, от этой музыки мне хочется плакать.

— Ну что ж, не стесняйся, плачь, на это никто не обратит внимания. Все подумают, что мы с тобой уже надрались в стельку.

Да и в самом деле, мужчина и женщина были уже немного пьяны.

Кристиан уже давно не думал сдерживать себя. Он предчувствовал, что скоро его не будет на этой земле — болезнь прогрессировала. Только он никому в этом не признавался, даже Сандре ничего не говорил. Но та каким-то шестым чувством догадывалась, что творится в душе ее возлюбленного, и переживала. Она понимала, что никакие слова утешения Кристиан не воспримет, а только озлобится и сделается еще более мрачным и молчаливым, поэтому она вела себя так, как хотел мужчина.

Сандра не была приучена заглядывать в будущее. Если ей сегодня было хорошо, она вполне этим довольствовалась. А ей действительно было хорошо и спокойно с Кристианом. Правда, иногда ее душа начинала нестерпимо болеть. Она чувствовала, что это счастье будет недолгим, но думать о том, когда к как оно закончится, ей не хотелось.

Она просто наслаждалась, выпитывала в себя все те чувства, которые дарил ей этот странный человек. Ведь с подобными мужчинами ей никогда в жизни не приходилось сталкиваться. Большинство ее поклонников были наглыми, желчными и озлобленными жизнью, и к женщинами относились с крайним презрением, как к рабочему инструменту. Даже со своими лошадьми мужчины, жившие на этой выжженной солнцем земле, обращались с куда большим уважением и почтением. Во всех случаях больше их жалели к больше за ними ухаживали.

Сандра понимала, что то положение, которое занимает она в обществе, не дает право на почтительное отношение со стороны мужчин. И только теперь она как будто вырвалась на волю, как будто вдохнула глоток чистого и свежего воздуха...

А пальцы Кристиана нащупывали новую мелодию, и старый добитый инструмент покорно исполнял все то, что требовал от него исполнитель. Меланхоличные аккорды плыли среди голубоватых клубов едкого табачного дыма.

На глаза многих наворачивались слезы.

Женщины пытались как можно скорее их утереть, а мужчины прикрывали лица руками и говорили, как тяжело дышать в прокуренном помещении. Их руки сами тянулись к бутылкам, бутылки опорожнялись, а услужливые официанты подносили новые. Казалось, что этому пьянству не будет конца.

В глубине зала у дальней стены было абсолютно тихо. Там за столом, обитым зеленым сукном, сидел Рэтт Баттлер. Его черный сюртук висел на спинке стула, шляпа лежала рядом, а перед ним были разложены колоды карт и фишки. Его руки быстро тасовали карты, затейливо перебирали их, банкOMET бросал наметанный взгляд на своего соперника и предлагал делать ставку. Соперник Рэтта Баттлера задумывался, смотрел в потолок, в клубы дыма, как будто там могло появиться какое-то магическое предсказание, а потом судорожно выхватывал из кармана пачку банкнот и бросал на стол.

— Ставка принята, — на глаз определяя сумму денег, говорил Рэтт и спокойно и уверенно сдавал карты.

В ходу было все — и фишки, и наличность, и акции на серебряные рудники. В столе Рэтт Баттлер уже собрал изрядную сумму денег. Ему и сегодня, как прошлой ночью, чертовски везло.

Жак Монро стоял, прислонясь спиной к стене, наблюдая за тем, честно ли ведется игра. Но это было лишним, потому что взгляд Рэтта Баттлера был наметан. И сегодня, как и вчера, он не жульничал, а играл абсолютно честно. Он понимал, что лучше играть честно, надеяться на свое профессиональное умение и на удачу. И удача от него не отворачивалась. Казалось, что она прочно пристроилась за спиной Рэтта Баттлера, прикасается чуткими пальцами, помогает снимать колоду, выбирать карты и вытаскивать одну единственную, именно ту, которая нужна, чтобы комбинация стала выигрышной.

Единственное, что немного сбilo и вывело Рэтта Баттлера из устойчивого равновесия, это появление окружного шерифа под руку с Розалиной. Женщина приветливо махнула Рэтту Баттлеру рукой. Он ответил легким кивком и занялся игрой, стараясь не отвлекаться на посторонние мысли.

И как ни странно, с появлением Розалины Рэтт Баттлер впервые в этот вечер проиграл. Обрадованный соперник подвинул к себе пухлую пачку банкнот.

— Хватит! Больше не играй! — закричали его приятели.

— Нет, нет. Удача, по-моему, повернулась ко мне. И сейчас нашему банкомету перестало везти. Я буду играть еще на все.

И радостный соперник двинул всю свою наличность на середину стола и испытующе посмотрел на банкомета.

Рэтту Баттлеру ничего не оставалось делать, как кивнуть и негромко сказать:

— Ваша ставка, мистер, принята. Отвечаю такой же суммой.

Рэтт Баттлер положил деньги.

— Карты открываем сразу, и у кого больше комбинация, тот и забирает банк.

— Я согласен, — бледнея, бросил соперник и потер вспотевшие ладони.

Он был не очень сильным игроком и уповал только на то, что к нему придут хорошие карты.

Рэтт Баттлер медленно перетасовал свежераспакованную колоду карт и предложил сопернику снять. Тот на мгновение задумался, какой же рукой снять. Потом заулыбался.

— Моя мама всегда говорила: той рукой, которая ближе к сердцу, — и указательным пальцем левой руки сдвинул колоду.

Рэтт Баттлер аккуратно переложил две почти равные стопки карт и сдал по пять карт себе и своему противнику. Тот дрожащими руками вначале сдвинул все карты вместе, а потом по одной принялся просматривать их.

Рэтт отложил в сторону колоду и жестом профессионального игрока развернул веером свои карты и тут же захлопнул.

А соперник все еще продолжал изучать свои карты, будучи не в состоянии сообразить, сколько ему обменять. И если бы не помощь бородатого приятеля с толстой золоченной витой цепочкой на бархатном жилете, возможно, он так ни на что бы и не решился. Но тот потрепал его по плечу и зашептал на ухо.

Рэтту Баттлеру показалось, что этот шепот слышат даже в другом конце заведения. Но его соперник затряс головой.

— Что? Как ты говоришь? Нет-нет, так нельзя, — и он резко бросил карты на стол.

— Меняю все.

— Ты что, Джек, ошалел? — закричал бородатый. — У тебя мог бы быть фуллер.

— Да пошел ты к черту, — закричал игрок, принимая пять карт из колоды.

И опять уставился в новые карты, понимая, что когда меняешь все карты, ничего хорошего уже не придет.

Рэтт следил не за выражением лица игрока, а за тем, как двигаются его пальцы, перебиравшие карты, как они подрагивают. Казалось, что по этому дрожанию Рэтт Баттлер безошибочно определяет, какая карта сейчас в пальцах соперника.

И действительно, когда тот повернул веер, бросив на сукно, там оказалось всего лишь тройка десятков. Рэтт Баттлер улыбнулся и одну за другой перевернул свои карты.

— Стрит, — сказал бородатый и, вытащив из кармана свои массивные серебряные часы, щелкнул крышкой.

— Я думаю, Джек, тебе пора. Жена сейчас задаст тебе. Я тебе говорил, что пора тебе сматываться, когда ты выиграл.

— Дьявол! — прокричал проигравшийся и принялся рыться в карманах.

Но там, как и водится в подобных случаях, ничего уже не было. А ему все еще чудилось, что где-то под подкладкой должна была завалиться крупная банкнота, при помощи которой он смог бы отыгаться.

Но чудес в подобных ситуациях не бывает. Рэтт Баттлер сгрел деньги к себе и небрежно опустил в выдвижной ящик своего стола.

Напуганные таким крупным проигрышем никто уже больше не хотел садиться за стол к Рэтту Баттлеру. Хотя все присутствующие были абсолютно убеждены в том, что этот банкOMET играет исключительно честно. Просто ему дьявольски везет, везет уже второй день.

И мужчина с толстой цепочкой, хлопнув по спине своего приятеля громко объявил:

— Возможно, завтра или послезавтра я займу твое место. Но вначале я должен дождаться, чтобы девица по имени Удача ушла от этого парня. И тогда я, может быть, смогу выцарапать из его стола твои деньги. Но они, Джек, уже будут моими, — и бородастый громко расхохотался, высоко закинув голову.

Он радовался тому, что проиграл его друг, а не он сам. Ведь они перед игрой очень долго спорили, кому из них первому сесть сегодня за зеленый стол.

— Завтра, так завтра, — сказал вконец проигравшийся мужчина, покидая проклятое место напротив Рэтта Баттлера.

Жак Монро положил свою руку на плечо компаньона.

— По-моему, очень даже неплохо. Но вряд ли, Рэтт, кто-нибудь сегодня вечером еще решится сесть напротив тебя.

— А ты, Жак? — скривил в улыбке тонкие губы Рэтт.

— Я? Пожалуй бы сел, но не хочу тебя обыгрывать.

— А ты попробуй, может быть и сможешь.

— Знаешь, Рэтт, в нашей игре нет смысла, мы же будем играть и проигрывать свои же деньги, и никто из нас не обогатится.

— Вот это точно, мы с тобой попусту растратим свой талант и умение. И еще, Жак, я боюсь, что моя удача устанет и завтра я останусь один на один со своим соперником.

— А по-моему, — зашептал Жак на ухо, — твоя удача смотрит тебе прямо в глаза.

— Ты это о чем? — слегка повернув голову, осведомился Баттлер.

— А ты посмотри вот туда к стойке.

Рэтт Баттлер медленно поднял голову и вновь встретился с обжигающим взглядом Розалины. Та подмигнула ему и улыбнулась. Она совсем не смущалась тем, что рядом с ней стоит окружной шериф и держит ее за талию.

Рэтт Баттлер улыбнулся, но в его душе уже поселилась ревность, к его улыбке получилась немного презрительной и даже злой. Но от этого Розалина, которая все понимала, развеселилась еще больше. Она даже показала ему кончик языка, а рукой нарисовала в воздухе дверь и словно бы постучалась в нее кулачком.

На это раз Рэтт Баттлер улыбнулся искренне и открыто. Теперь у него и у Розалины была общая тайна, связывающая их.

Розалина вопросительно указала на себя пальцем, как бы спрашивая, возьмет ли Рэтт Баттлер ее с собой в тайное путешествие за зеленую дверь в белой стеке, туда, где находится райский сад.

Рэтт Баттлер, поняв адресованный ему беззвучный вопрос, кивнул.

— О чем это ты с ним перемигиваешься? — осведомился шериф.

— А у меня с ним есть своя тайна.

— Когда это ты успела?

— Не надо так долго спать по утрам, шериф. И ты смог бы узнать очень много

любопытного.

— Но зато я выспался, дорогая. А это тоже приятное занятие.

— Каждому — свое, — пожала плечами Розалина и освободилась от руки шерифа.

Она вежливо кивнула седовласому Джеку Добсону, который прошел рядом с ней.

Начальник городской полиции галантно поклонился актрисе и пожал руку окружному шерифу. Он неторопливо подошел к столу, за которым сидел Рэтт Баттлер, и, заглянув в глаза банкомету, сказал:

— Слушай, Рэтт, тебе не кажется, что если ты побудешь у нас в городке еще неделю, то обчистишь карманы местных жителей. А им это может не понравиться.

— Что же, Джек, я ведь никого не принуждаю садиться напротив меня. Все люди делают это только по своей воле.

— Я понимаю, что у них в крови горит желание обыграть тебя. Но ведь они не знают, кто ты такой и как хорошо играешь.

— Знаешь, Джек, в последнее время я играю абсолютно честно.

— Что ты, Рэтт, об этом нет разговора. Я совсем не это имел в виду.

— А что тогда? — вставляя в рот сигару и зажигая ее, поинтересовался Баттлер.

— Мне кажется, что, перестав ловить преступников, ты зарабатываешь куда больше, играя в карты.

— Я же тебе объяснил, Джек, что я решил сменить род деятельности. Играть в карты менее рискованно и приносит куда больший доход, да и работа не пыльная — сидишь, потягиваешь кофе и спокойно перебираешь карты. И к тому же ты, наверное, знаешь эту старую ковбойскую присказку, что деньги всегда тянет к деньгам.

— О да, ковбойские присказки! Мне эти ковбои уже вот где сидят, — и Джек Добсон провел ребром ладони по своей небритой шее. — Особенно меня допекают эти мерзавцы с желтыми повязками.

— Ну, я могу тебе предложить кое-что.

— Что? — Джек Добсон напрягся.

— Купи в лавке синие шелковые платки, я видел там есть дюжин пять и одень всех ковбоев. Может, тогда они будут раздражать тебя меньше.

— Знаешь, Рэтт, я бы это предпринял, даже не жалея собственных денег, но думаю, что это не изменит положения вещей. И бандиты все равно останутся бандитами.

— А удачливые люди останутся удачливыми, — пошутил Рэтт Баттлер.

Джек Добсон положил свою руку на плечо Рэтту Баттлеру и несильно сжал пальцы.

— Я хочу дать тебе один совет, — Джек Добсон наклонился к уху Рэтта, — если соберешься уехать из Кластер-Тауна, то никого об этом не предупреждай, а уезжай тихо. И никому не говори, в какую сторону отправишься. Ведь при тебе будет изрядная сумма денег, акций, да и просто золота и серебра.

— Я воспользуюсь твоим советом, Джек, обязательно воспользуюсь. Хотя я никого не боюсь.

— Я знаю, Рэтт, что ты смелый и отчаянный человек, но все равно воспользуйся моим советом — не пожалеешь.

— Спасибо.

— К тому же ты не один, с тобой девушки.

— О да, — Рэтт Баттлер задумался. — За их безопасность я сверну шею кому угодно.

— Не сомневаюсь.

— Послушай, Джек, ты, наверное, заходил в салун напротив?

— Да, я только что оттуда. А что?

— Как идет дело у моего приятеля?

— Ты имеешь в виду полковника Брандергаса?

— Конечно его.

— Знаешь, у него дела идут получше, чем у тебя.

— Да? — изумленно вскинул брови Рэтт Баттлер.

— Да. Выдвижной ящик его стола уже забит доверху.

— Тогда, действительно, нам не стоит задерживаться в вашем городке. И, возможно, завтра утром мы его покинем.

— Тише, тише, — зашептал Джек Добсон и опасливо оглянулся по сторонам.

В помещении уже было достаточно напившихся ковбоев с желтыми повязками. Их шляпы были лихо сдвинуты на затылок, а у некоторых, наоборот, надвинуты на самые глаза. Мужчины расхаживали по питейному заведению, блуждали среди столов, явно нарываясь на скандал. Но их главарь, Ричард Баллоу, еще не давал команды.

Он сидел и опрокидывал бокал за бокалом. Но казалось, что виски его не берут. Без старшего брата он чувствовал себя хозяином всего городка. Его не смущало присутствие в питейном заведении начальника полиции и окружного шерифа. Ричарда вообще ничего не смущало. Он чувствовал себя вполне спокойно. Ведь кругом шастала почти дюжина его отъявленных головорезов, готовых в любой момент броситься на обидчика.

А над всем залом плыла мелодия. Пальцы пианиста двигались по клавишам быстро, буквально парили над ними, и инструмент, издавая легкое дребезжание, рождал прозрачно чистую мелодию. Казалось, что сыплются капли слепого дождика, поют в ветвях деревьев птицы, шелестит ветер, и по синему небу несутся легкие белые барашки облаков.

Сандра, мечтательно положив голову на плечо Кристиана, смотрела в потолок, туда, где клубился голубоватый табачный дым.

Пошатываясь и держа в руках полупустую бутылку и стакан, к пианисту подошел молодой широкоплечий парень, на потном лице которого как две капли смолы горели черные глаза.

— Что ты такое играешь? Мне плакать хочется, — сказал он, обращаясь к Кристиану.

— Знаешь, приятель, я играю то, что мне хочется.

— А ты не мог бы играть побыстрее и повеселее?

— Нет, приятель, это не я сочинил музыку.

— Не ты? — изумился ковбой и сделал несколько больших глотков из своего стакана.

— Конечно же не я, — сказал Кристиан, не отрываясь от клавиш.

— Тогда кто же сочинил эту музыку?

— Был когда-то очень хороший композитор, звали его Моцарт.

— Моцарт? Что-то я не слышал подобной фамилии в наших краях.

— Он был не местный, приятель, но сочинял очень хорошую музыку, — и Кристиан быстро пробежал пальцами по клавишам.

Показалось, что рассыпалась тысяча крупных капель дождя, и в окна ворвался свежий ветер, а где-то зажурчали ручьи.

— А все равно здорово, — бросил мужчина, заглядывая в глаза Сандре и пытаясь ее поцеловать.

Та выставила перед собой правую руку и оттолкнула парня. На его лице появилась

озлобленное выражение.

Наконец, из-за своего стола выбрался Ричард Баллоу. Он как сомнамбула прошел сквозь прокуренное помещение. Ему явно хотелось глотнуть свежего воздуха, все расступались, уступая дорогу пьяному. Да и вообще, с этим человеком никто из жителей Кластер-Тауна связываться не желал.

Ричард выбрался на крыльцо, широко развел руки и посмотрел в темное, усыпанное звездами ночное небо. Из открытых окон питейного заведения долетали обрывки мелодий. А Ричард Баллоу, воздев к небу руки, замер, пошатываясь из стороны в сторону:

— Господи, как мне хорошо, — прошептал он и сплюнул себе под ноги.

Его потная рубашка липла к телу, а широкополое сомбреро болталось за спиной.

— Мне никогда не было так хорошо. Наверное, это чертова музыка навяла на меня такое настроение, — проговорил он.

Оглядевшись по сторонам и не найдя к кому прицепиться, Ричард выхватил из кобуры вначале один револьвер и поводил им из стороны в сторону, выбирая мишень, потом вытащил из другой кобуры еще один револьвер. Зажав оружие в руках, несколько раз пьяно повернулся вокруг своей оси. Но на глаза ничего стоящего не попадалось. Тогда он вновь задрал голову к небу, в его маслянистых глазах отразилось два огромных пятнистых лунных диска.

— О, вот это то, что мне требуется, — проревел он, как раненный зверь, и принялся стрелять из револьверов в небо.

Люди, которые прогуливались этим поздним часом по площади, испуганно шарахнулись к стенам домов, побежали в укрытия.

А Ричард Баллоу продолжал палить в медный сверкающий диск.

— Попал! Попал! — кричал он, слышав эхо каждого выстрела. — Ты почему, сволочь, не падаешь? А ну, быстрее.

Его пьяный разъяренный голос, казалось, заполнял всю площадь. Он расстрелял все патроны в барабанах, механически перезарядил оружие и снова стал палить в звездное небо.

Но, наконец, до него дошло, что даже такой искусный стрелок, как он никогда не сможет попасть в сверкающий диск. И он, пьяно крутанувшись на одной ноге, из двух револьверов выстрелил в фонарь. На землю посыпались осколки стекла, фонарь погас.

— О, это другое дело. Вот свидетельство того, что рука моя крепка, а глаз зорок.

Ричард Баллоу опустился на колени и принялся перезаряжать оружие. Пальцы тряслись, гильзы падали в пыль, бандит чертыхался, проклиная себя и этот чертов Кластер-Таун.

В питейном заведении, услышав эту беспорядочную стрельбу, все посмотрели на окружного шерифа, даже Розалина. А тот продолжал невозмутимо потягивать виски из своего бокала. Наконец, и он не выдержал.

— Кто там стреляет? — спросил он у хозяина питейного заведения.

Тот замялся, но потом сказал:

— Младший Баллоу.

— А, понятно.

— Шериф, наверное, ты должен как-то отреагировать на шум и выстрелы, — обратился к нему Джек Добсон.

Тот тоже замялся и посмотрел на Рэтта Баттлера, меланхолично перебиравшего карты.

— Дело в том, что все происходит в городе, — развел руками Клод Бергсон, — и это,

конечно же, дело городской полиции.

Он указал рукой на Джека Добсона.

— Наверное, мне придется идти разбираться, — недовольно проворчал начальник городской полиции и, положив руку на рукоять револьвера, не спеша направился на площадь.

Ричард Баллоу продолжал вертеться, стреляя то в фонарь, то в светящееся окно. Сыпалось стекло, гремели выстрелы, умноженные гулким эхом.

— Хватит! — прямо с крыльца, негромко крикнул Джек Добсон.

— Кто это сказал? — послышался голос Ричарда и вслед прогремело два выстрела.

И вновь посыпалось стекло, двойное эхо прокатилось над спящим Клостер-Тауном.

— Это говорю я, начальник городской полиции, — окрепшим голосом прокричал Джек Добсон, неторопливо спускаясь с крыльца и вытягивая из кобуры револьвер.

— А, шериф. Так я же ничего плохого не делаю. Просто стреляю в то, что мне не по душе.

— Ты нарушаешь спокойствие жителей, Ричард. Я предлагаю тебе сдать оружие.

Ричард Баллоу посмотрел на сверкающие револьверы в своих руках, взвесил их, как будто собираясь купить, а потом ловко подкинул и револьверы, описав дуги, вновь оказались в его руках, только на это раз один из них он держал не за рукоятку, а за ствол.

— Что ж, шериф, если хочешь забрать — возьми. Но ты же знаешь, у меня еще есть револьверы.

— Знаю, Ричард, знаю. Но эти я у тебя заберу.

Продолжая держать револьвер прямо перед собой нацеленным в грудь бандиту, начальник полиции двигался через площадь к Ричарду Баллоу.

А тот как будто бы на несколько мгновений отрезвел и каким-то странным голосом крикнул:

— Я уважаю закон, шериф, ты же это знаешь!

Вслед за начальником городской полиции на крыльцо салуна и питейного заведения вышли все, кого привлек шум выстрелов, и все, кому не терпелось увидеть развязку этой истории.

Зеваки почтительно расступились, пропуская вперед окружного шерифа и Розалину. Клод Бергсон казался невозмутимым, его не беспокоил шепот у него за спиной.

— А наш-то окружной шериф — трус, — негромко сказал один из бандитов.

Клод Бергсон даже не посчитал нужным обернуться.

Начальник городской полиции уже почти вплотную приблизился к Ричарду. Глаза бандита сверкали недобрым огнем, и Джек Добсон на всякий случай еще раз напомнил:

— Отдай оружие, Ричард, ты должен уважать закон.

— А кто тебе сказал, Джек, что я его не уважаю? Вот мои револьверы — возьми.

Но взять оба револьвера, не спрятав свой в кобуру, было невозможно. И Джек Добсон успокоившись и подумав, что Ричард пьян настолько, что не станет сопротивляться, опустил свой револьвер в кобуру.

Улыбка на губах бандита стала еще более злой.

— Ну, Джек, бери же. Чего ты медлишь? Еще чего доброго я передумаю.

Начальник городской полиции взял один из револьверов, но Ричард, резко повернув вторую руку, выстрелил в упор в его грудь.

Седой джентльмен качнулся и широко раскинул руки. На его груди зияла рана с

черными краями — выстрел пришелся прямо в сердце.

Джек Добсон непонимающими глазами смотрел в пьяное лицо Ричарда Баллоу.

А тот громко смеялся, вращая на пальце револьвер.

Все словно окаменели — никто не ожидал такой наглости от бандита. В городе часто случались крутые разборки, но никогда еще вот так — прилюдно и нагло никто не покушался на жизнь блюстителя порядка и закона. Все вновь посмотрели на окружного шерифа. Розалина буквально вцепилась в его запястье и прошептала:

— Ты должен вмешаться, Клод.

Мистер Бергсон недовольно кивнул:

— Да, придется, — и его рука потянулась к револьверу, но на полпути застыла.

А Ричард Баллоу, пьяно пошатываясь, обошел неподвижно лежащего начальника городской полиции и, склонившись, закричал:

— Джек, ты что? Я же пошутил. Шуток не понимаешь? Поднимайся, — и пнул мертвого полицейского ногой. — Ну что ж, Джек, шутка не удалась. Ты мертв, извини.

В этот момент Рэтт Баттлер бросился с крыльца. Ричард даже не успел вскинуть револьвер, как получил сокрушительный удар по черепу рукояткой и рухнул рядом с мертвым начальником городской полиции.

Окружной шериф тоже сбежал с крыльца, поняв, что опасность ему больше не угрожает, но зато пошатнулась его репутация. Теперь нужно было перехватить инициативу в свои руки и арестовать Ричарда Баллоу.

Но на крыльце оставались еще пять бандитов, которые хоть к побаивались, но понимали, что нужно вступить за своего главаря. Их руки потянулись к револьверам и пятеро мужчин двинулись к Рэтту Баттлеру, обступая его со всех сторон.

Тусклый свет луны отливал перламутром на стволах их револьверов.

Клод Бергсон на всякий случай отодвинулся в сторону, предоставив Рэтту Баттлеру самому разбираться с бандитами.

А Рэтт Баттлер, почувствовав опасность, подобрался, преобразившись прямо на глазах. Он был напряжен как пружина, ствол его револьвера метался, нацеливаясь то на одного, то на другого бандита.

И никто из них не мог быть уверен, что не он станет первой жертвой. Самым решительным из них оказался пожилой Карлос. Мексиканец разозлился на своих приятелей за их трусость.

— Кто тут раскомандовался над вами? — вскричал он. — Неужели вы не можете справиться с этим выскочкой?

Щелкнул взводимый курок револьвера.

— Это же Рэтт Баттлер, — прошептал один из бандитов.

— А мне плевать на него, — Карлос сплюнул сквозь зубы на сапог Рэтта Баттлера.

В это же мгновение вороненный ствол револьвера Рэтта уперся ему в лоб. Казалось, бандит наткнулся на непреодолимое препятствие. Стоило ему сделать хоть одно движение, и пуля вошла бы в его череп.

— Всем отойти! Живо! — закричал Рэтт Баттлер. — Всем опустить револьверы!

Но бандиты не спешили выполнять приказание:

— Клянусь богом! — проговорил Рэтт Баттлер. — Еще один шаг и твоя голова разлетится на кусочки. Я вижу, они тебя слушаются, и поэтому ты прикажешь им отойти.

Карлос колебался, ему не хотелось показывать свой испуг перед другими бандитами. Но

здравый смысл взял верх.

— Отойдите, — негромко приказал он.

Бандиты переглянулись, но никто из них не решался сделать первый шаг.

— Отойдите! — крикнул Рэтт Баттлер и толкнул стволом в лоб Карлоса.

Тот пошатнулся, но устоял.

— У тебя сейчас во лбу будет дырка, приятель. Я не шучу и не промахнусь, будь в этом уверен.

— Отойдите! — уже нервно закричал Карлос.

Бандиты нехотя отошли на несколько шагов в сторону.

— Вот так-то будет лучше, — прошептал Рэтт Баттлер.

В это время Ричард Баллоу поднялся на колени и принялся мотать головой, приходя в чувство. Но лишь только он попробовал встать, как вновь получил удар по голове и беспомощно растянулся в пыли.

Но даже после этого окружной шериф не решился вмешаться. Он спокойно наблюдал, как Рэтт Баттлер пытается утихомирить пятерых бандитов.

На крыльце появился Кристиан Мортимер. Он сжимал в двух пальцах ручку своей знаменитой серебряной чашечки и потягивал из нее виски. В другой руке у него был револьвер.

— Ребята, я советую вам пошевелиться. Проваливайте отсюда и оставьте своего приятеля правосудию.

— Кто это там еще вякает? — Карлос развернулся и встретил насмешливый взгляд Кристиана Мортимера. — А-а, это пианист-алкоголик! Да посмотрите на него, ребята! У него же руки дрожат. Он уже ничего не может, только пить.

Глаза Кристиана Мортимера зло сверкнули и револьвер намертво застыл в его руке. Хоть он и в самом деле был здорово пьян, но умел владеть собой.

Сандра подбежала к своему другу, забрала чашку с недопитым виски и сунула в руку еще один револьвер.

— Ребята, теперь у меня два револьвера, и я успею из них перестрелять вас всех, прежде чем вы опомнитесь. Так что проваливайте.

Бандиты переглянулись. Голос Кристиана звучал настолько уверенно и убедительно, что испытывать судьбу никому не хотелось. Неизвестно, чем бы это кончилось, возможно, и качалась бы перестрелка, но за спиной у всех прогремел выстрел.

Бандиты оглянулись и увидели, что на крыльце салуна стоит полковник Брандергас, как всегда безукоризненно одетый, с длиннотвольным револьвером в одной руке и карабином в другой. Из ствола карабина медленно поднималась струйка дыма.

Все время, пока шли препирательства между бандитами, Рэттом Баттлером и Кристианом Мортимером Чарльз Брандергас спокойно стоял на крыльце, держа на прицеле бандитов, а рядом с ним стол Жак Мокро, тоже готовый в любой момент нажать на курок. Но ни полковник, ни Жак не хотели лишних жертв.

— Все разойдитесь! — наконец-то закричал окружной шериф, понимая, что бандиты сломлены.

Те злобно чертыхаясь, спрятали свои револьверы и медленно попятнулись в темноту.

Окружной шериф склонился над мертвым начальником городской полиции, потом взглянув в звездное небо, громко сказал:

— Да, Джек, тебе не повезло, но ты умер, как настоящий полицейский.

Рэтт Баттлер опустил свой револьвер. И в этот момент из темноты прозвучал голос Карлоса, который нетрудно было узнать по испанскому акценту:

— Мы с тобой еще встретимся, попомни мои слова.

— Встретимся, — зло бросил Рэтт Баттлер.

А шериф уже распорядился.

— Тело занесите в полицейский участок, а этого... — он брезгливо посмотрел на беспомощно лежащего в пыли Ричарда Баллоу, — посадите за решетку.

Наведя порядок, он вернулся к Розалине и нагнулся к ее руке.

— Ну вот видишь, тучи рассеялись, теперь в городе вновь спокойно.

Но женщина с восхищением смотрела на Рэтта Баттлера, и не успел шериф притронуться губами к ее руке, как она сорвалась с крыльца и, подбежав к Рэтту, обняла его за шею и поцеловала в губы.

Шериф растерянно улыбался, делая вид, что все идет как надо.

— Вот и герой получил то, что ему причитается, — процедил он сквозь зубы.

Но смельчаков, которые бы отважились затащить беспомощного пока Ричарда Баллоу за решетку, так и не нашлось. Все боялись, что бандиты беспощадно расправятся с тем, кто посмеет выполнить приказание шерифа.

Рэтт Баттлер сам схватил полуживого полупьяного бандита за шиворот и поволок его в полицейский участок. Все присутствующие проводили его восхищенными взглядами. Наконец-то, у горожан появилась надежда, что хоть кто-то смог себя противопоставить себя банде желтых повязок.

Все в Кластер-Тауне ожидали, что наконец-то с бандой желтых повязок власти войдут в конфликт. Ведь Ричард Баллоу на глазах у горожан застрелил начальника городской полиции Джека Добсона.

Повсюду только и говорили о ночных выстрелах на центральной площади городка. Но, несмотря на такие настроения, смельчаков в городе не находилось, каждый надеялся на другого. Никому не хотелось самому выступать, давая показания против Ричарда Баллоу.

А тот, сидя в городской тюрьме, вел себя нагло и вызывающе. Он все отрицал, а доказать что-либо было невозможно — свидетелей как всегда не было.

Полковник Брандергас и его друзья собрались в бильярдной, расположенной рядом с салуном — в их планы совсем не входила борьба с преступниками и решение проблем жителей Кластер-Тауна. Их задача была проста: как можно скорее выиграть побольше денег и подобру-поздорову убраться из этого городка, переехав в другое место, где о них еще ничего неизвестно.

Полковник Брандергас надеялся купить участок земли, построить большой дом и выдать замуж своих племянниц. Он понимал, что ему осталось не так уж много жить и чувствовал ответственность за судьбу двух девушек — Молли и Терезы.

Полковник лениво гонял шары по большому бильярдному столу. Его противником был Рэтт Баттлер, но игра шла вяло.

Все думали о событиях прошлой ночи.

— Что-нибудь слышно в городе? — наконец не выдержал Чарльз Брандергас и обратился к хозяину бильярдной.

Тот пожал плечами.

— Говорят, мировой судья не может найти свидетелей. И придется Ричарда Баллоу выпустить под залог.

— Да, — вздохнул полковник, — я думал, у вас в Кластер-Тауне люди посмелее.

— Чарльз, ты всех равняешь по себе, — возразил Жак Мокро. — У всех этих людей есть семьи, дома, им есть за что опасаться. Это ты можешь собраться за пять минут, если поймешь, что не в силах справиться с бандитами. А этим людям здесь жить всю жизнь.

— Но неужели они не понимают, что так жить нельзя? — воскликнул Брандергас. — Меня просто бесит их трусость.

— Так возьмись, Чарльз, и сам сразись с бандитами. У тебя это когда-то хорошо получалось.

Слова «когда-то» задели полковника за живое, он сосредоточился и прицелился кием по шару с цифрой шесть. Удар пришелся точно в цель, и шар, отскочив от бортика, легко соскользнул в лузу.

Чарльз с таким видом, словно уложил бандита, заулыбался и принялся натирать мелом кончик кия.

— Страшно только в начале, — глядя на расстановку шаров проговорил он. — А ведь можно бандитов убирать по одному. Со всей шайкой сразу справиться невозможно.

И он нанес второй удар. Два шара, раскатившись в стороны, исчезли в лузах.

— Вот так! — воскликнул полковник. — Я уже начинаю жалеть, что дал сам себе обещание не рисковать своей жизнью. Моим девочкам в случае чего придется тяжело. Пока

я не передал их в надежные руки, придется мне поостеречься.

— О Терезе позабочусь я, — сказал Жак Мокро и, спохватившись, добавил, — и о Молли тоже.

Чарльз Брандергас с укором посмотрел на Рэтта Баттлера, но тот промолчал.

— Вот видишь, Рэтт, никто кроме меня не позаботится о девочках. А теперь покажи-ка, на что ты способен?

Рэтт Баттлер облокотился о край стола, несколько раз повел кием, прицеливаясь. Его удар был резким и точным — еще два шара скрылись в лузах.

— Совсем неплохо, Рэтт, может, тебе сменить место и перейти играть на бильярд? Тут стол побольше. А главное, ты не растолстеешь, сидя в кресле.

— Последнее время мне во всем везет, я даже начинаю побаиваться, — заметил Рэтт, обходя стол вокруг.

Жак Мокро терпеливо ожидал, кто из играющих первым выйдет из игры. Ему предстояло занять место проигравшего. На столе осталось всего пять шаров, расположенных в весьма невыгодных позициях.

Рэтт Баттлер как ни старался, но так и не смог загнать со второго удара ни одного шара в лузу.

Полковник Брандергас потер руки, стряхивая с них остатки мела, и один за другим загнал три шара.

Дальше играть не было смысла. Он победил. И Жак Монро принялся расставлять шары на столе.

В такое раннее время большинство жителей Кластер-Тауна были заняты делами, и в бильярдной никого постороннего не было.

Для развлечений местные жители оставляли себе вечер и ночь. Поэтому приятели изумились, услышав звоночек входной двери.

Их изумление стало еще большим, когда в помещение вошел мэр Кластер-Тауна Фрэнсис Дайвер. Это был грузный пожилой джентльмен с благородной сединой в пушистых бакенбардах. Правда, глаза его были какими-то бесцветными и не выражали никаких чувств.

Но по всему было видно, что это человек обстоятельный и привыкший ценить порядок. Он поприветствовал игроков.

— Доброе утро, господа. Как вам спалось?

— Прекрасно, мэр, — сказал полковник Брандергас.

— Я пришел поблагодарить вас за вчерашнюю смелость. Если бы не вы, то жертв могло быть больше. Я приношу извинения за нерешительность нашего окружного шерифа. Но, как сами понимаете, мое дело — город и повлиять на него я не могу. Это дело людей, выбравших его.

— Я понимаю, — сказал Брандергас, готовясь качать новую партию с Жаком Монро, — но не перестаю удивляться трусости местных жителей.

Мэр немного нахмурился, поняв, что упрек полковника относится и к нему лично. Но слова Чарльза Брандергаса были справедливыми, к тому же мэр пришел не только поблагодарить смельчаков, но и с конкретным предложением. Он снял котелок, и услужливый хозяин тут же принял его.

— Полковник, вы не могли бы погодить с игрой?

Чарльз Брандергас понимая, что следует предложение со стороны мэра, отставил кий и уселся в кресло. По его виду было件нятно, что он не собирается соглашаться

с тем, что предложит ему мэр.

Но Фрэнсис Дайвер уже пришел сюда и уходить без разговора было бы глупо.

— Полковник, зная вашу смелость и решительность, я хотел бы предложить вам должность начальника городской полиции.

Польщенный полковник предупредительно поднял руку:

— Не надо, мэр, говорить дальше. Ваше предложение, конечно, делает мне честь, но я не местный житель и, честно говоря, Клостер-Таун не тот город, где я хотел бы жить.

— Неужели вам не нравятся каш город?

— Нет, город хороший. Но люди... А это половина города... — полковник, не желая обидеть мэра, не стал продолжать.

— Я все продумал, полковник Брандергас, местным жителем вы можете стать сегодня же. Городской совет согласен передать вам в собственность один из домов и участок земли, прилегающий к нему, с условием, что вы дадите согласие стать начальником городской полиции.

Полковник Брандергас призадумался: предложение было довольно соблазнительно. Земля в этих краях стоила довольно дорого, да и дом ему нравился. Это было большое, просторное строение, возведенное совсем недавно и при надлежащем уходе он мог простоять лет сто. Дом окружал большой сад, спускавшийся к берегу реки.

Заметив колебания полковника, мэр добавил:

— Участок земли и дом совет передаст вам с условием, что вы можете продать его через три года.

Рэтт Баттлер испугался, что может потерять своего друга. Ведь он заметил, как заблестели глаза Чарльза Брандергаса при упоминании о праве продажи земли и дома.

— Чарльз, — сказал Рэтт.

Но полковник оборвал.

— Подожди, Рэтт, я должен подумать.

А мэр, Фрэнсис Дайвер, продолжал:

— Полковник Брандергас, вы и ваши друзья за те несколько дней, что находитесь в Клостер-Тауне выиграли уйму денег. Конечно, не мое дело их подсчитывать, но поймите, жители города, вообще-то честные люди, а вы, в свою очередь, честно выиграли эти деньги, и было бы справедливо, если бы вы оказали городу определенную услугу.

Полковник Брандергас нервно крутил в руках сигару, не решаясь ее закурить. Он посмотрел на своих друзей, ища у них совета — соглашаться или нет.

Но лицо Жака Монро было непроницаемым, а Рэтт Баттлер отрицательно покачал головой. Ему совсем не хотелось терять своего друга.

— Извините, мэр, но теперь скажу я, — произнес Рэтт и выглянул в окно на пустынную площадь. — Еще неделю тому назад я и не подозревал о существовании вашего города. Он кичем не лучше других городов, разве что чуточку богаче. Я сам не из этих мест и мне не хотелось бы рисковать жизнью, защищая трусов. Извините, мэр, что я позволяю себе так называть местных жителей. Но вы не можете не согласиться, так око и есть на самом деле.

— Вам легко рассуждать, мистер Баттлер, а что делать мне? — и мэр беспомощно развел руками. — Меня выбрали люди, они доверили мне свою судьбу, и я отвечаю за их жизни. Не может же город жить без городского шерифа, без начальника городской полиции.

— Это понятно, — вздохнул Рэтт, — но причем здесь мы. Неужели нет кандидатуры на столь привлекательный пост?

— Нет, — вздохнул мэр Клостер-Тауна. — Никто не согласен. Каждый понимает, что следующий удар придется по нему, как только он согласится занять место покойного Джека Добсона.

— Я подумаю, — сказал Чарльз Брандергас, но по его голосу мэр понял, что надеяться ему почти не на что.

— Извините, что отнял у вас время, — грустно произнес Фрэнсис Дайвер, принял котелок из рук хозяина бильярдной и двинулся к выходу. — Но все-таки я советую вам подумать над моим предложением. Ведь земля и дом стоят немалых денег, а уважение в городе вообще невозможно купить.

Когда дверь захлопнулась за мэром, Рэтт Баттлер буквально набросился на своего старшего друга.

— Какого дьявола, Чарльз, ты сказал, что подумаешь? Думать здесь не о чем. Мы, действительно, заработали здесь уйму денег и, кажется, нам пора уехать из этого чертова Клостер-Тауна. Если ты, Чарльз, боишься за свою репутацию, то успокойся — через две недели после отъезда о тебе здесь забудут, забудут все. Разве что бандиты будут изредка вспоминать плохим словом.

— Вот это-то меня и угнетает, — пробормотал Чарльз Брандергас, закуривая сигару.

— К черту! К черту этот Клостер-Таун! — выкрикнул Рэтт Баттлер. — Жак, ведь ты согласен, что нам нужно уезжать? И как можно скорее.

Но Жак неопределенно пожал плечами, его прельстило предложение мэра города. Он понимал, что и ему, пойдя он служить в полицию вместе с полковником, дом и участок тоже достанутся почти бесплатно.

А Рэтт Баттлер не собирался обосновываться на здешних землях и поэтому обозлился на своих приятелей.

— Вы ничего не понимаете в жизни. Город стоит на серебряных рудниках и поэтому здесь постоянно будет стрельба. Зачем тебе нужно это, Чарльз? Неужели ты хочешь посвятить остаток своей жизни разборкам с бандитами.

Чарльз Брандергас глубоко вздохнул и снял со спинки кресла свой черный сюртук.

— Рэтт, когда ты доживешь до моих лет, то поймешь одну вещь — когда ты богат, то должен защищать свое имущество. Если ты позволишь бандитам одержать верх в Клостер-Тауне, то потом лишишься всего. Пусть даже уедешь в другой город. Вначале перед желтыми повязками падет Клостер-Таун, а потом, обнаглев, они двинутся в другие города. Если мы не покончим с ними сейчас, позже это будет сделать еще сложнее. Ведь ты видишь, как они обнаглели уже сейчас, чувствуя свою безнаказанность.

Рэтт Баттлер понимал, что слова полковника справедливы, но так просто согласиться не мог. Ведь он привык принимать решения сам и не любил, когда на него давят даже самые близкие друзья.

Поняв, что Рэтт Баттлер очень взволнован, полковник Брандергас решил его успокоить.

— Я еще не согласился и вряд ли соглашусь. Позволь мне помечтать о большом доме, о земле и спокойной жизни в Клостер-Тауне. Неужели, Рэтт, ты хочешь отнять у меня мечту?

Рэтт Баттлер улыбнулся.

— Нет, Чарльз, мечтай сколько угодно. Но только смотри, дорожи своей жизнью. Ведь как-то ты сам меня учил — доживи до моего возраста. А я хочу прожить до глубокой старости.

Полковник Брандергас оделся и, ничего не говоря своим друзьям, вышел из дома.

Полковника удивило, что многие жители, встречавшиеся ему, почтительно раскланивались, словно он уже начальник городской полиции. Ему ничего не оставалось, как отвечать на приветствия.

Полковник Чарльз Брандергас и сам не представлял, куда он направляется. В душе было одно-единственное желание — взглянуть на городок другими глазами. И это ему почти удалось.

Клостер-Таун ему явно начинал нравиться. Ему даже нравились неразговорчивые, запуганные жители. Ведь он прекрасно понимал, что только разобравшись с бандой желтых повязок, можно изменить настроение жителей. Оки станут более общительными, разговорчивыми, не будут напрягаться, услышав конский топот.

Свернув на широкую улицу, ведущую к голубеющим на горизонте холмам, полковник прислушался. До его слуха донесся топот лошадей и крики. Он остановился на дощатом тротуаре, облокотился на перила и задумался.

На улицу влетела дюжина всадников, на каждом из наездников развевалась на ветру желтая повязка. Послышались истошные вопли, испуганные крики, и люди, минуто назад шагавшие беспечно, бросились врассыпную. А всадники мчались, не обращая ни на кого внимания, издавая оглушительные вопли.

Полковник Брандергас следил за тем, как всадники с гиканьем и свистом несутся по улице. И тут он заметил посреди улицы ребенка, который застыл в ужасе, не зная, куда ему спрятаться. Было видно, что страх буквально парализовал его. А лавина всадников, готовая растоптать ребенка, неумолимо приближалась.

Полковник Брандергас перепрыгнул через перила, подбежал к ребенку, подхватил его на руки и едва успел прижаться к дощатой стене здания.

Мальчик истерично зарыдал.

К полковнику подбежала мать, бросилась на колени и принялась целовать руки полковника, благодаря за спасение ребенка.

А Чарльз Брандергас смотрел в расширенные от страха глаза мальчика, на его бескровные шевелящиеся губы.

— Мерзавцы! — крикнул он вслед удаляющимся бандитам.

— Спасибо вам, мистер. Спасибо. Вы спасли моего сына, моего единственного мальчика.

— Успокойтесь, миссис. Я просто выполнил свой долг.

— Спасибо. Говорят, вы согласились стать начальником городской полиции...

Чарльз Брандергас напрягся.

— Знаете, я еще никому ничего не обещал... — сердито ответил он женщине, но в это же мгновение понял, что согласится и выступит против банды желтых повязок.

Он погладил ребенка по волосам, присел рядом с ним и, заглянув в глаза, сказал:

— Малыш, ничего не бойся. Скоро в Клостер-Тауне будет тихо, и ты сможешь гулять, где тебе заблагорассудится.

Мальчик перестал плакать, своими ручонками обнял полковника Брандергаса за шею и прижался к его щеке. Эта и была последняя капля, решившая судьбу полковника. Он поклонился женщине, резко по-военному развернулся и направился к зданию городского совета, чтобы предстать перед мэром Клостер-Тауна и объявить о своем решении.

Подходя к площади, он услышал, что бандиты освободили Ричарда Баллоу и увезли с

собой, застрелив двух охранявших бандита полицейских.

Войдя в кабинет мэра, он сразу же сообщил:

— Я согласен взять на себя обязанности начальника полиции.

Мэр от неожиданности подскочил со своего места и тут же принялся трясти руку полковника Брандергаса.

Уже через четверть часа полковник Брандергас вышел на крыльцо городского совета. На лацкане его сюртука была приколата шестиконечная звезда шерифа. Но пока еще он прикрыл ее плащом.

Первым делом полковник отыскал Жака Монро и объявил ему о своем решении. Тот поддержал полковника и согласился стать его помощником.

Вечером, когда все жители Кластер-Тауна вернулись с работы, мэр города Фрэнсис Дайвер и полковник Брандергас, теперь уже являющийся начальником городской полиции, провели собрание жителей города.

Оно состоялось на площади под открытым небом. После пространных объяснений мэра слово взял Чарльз Брандергас. Он стоял на крыльце, широко расставив ноги в начищенных до блеска сапогах, и теперь звезда шерифа горела на лацкане его сюртука.

Он смотрел на толпу, собравшуюся на площади. То тут, то там мелькали желтые повязки. Ведь официально невозможно было никого привлечь за повязки желтого цвета.

И тогда Чарльз Брандергас оповестил всех о своем первом решении, принятом им на новом посту.

— Для того, чтобы в Кластер-Тауне прекратилась стрельба и перестали гибнуть люди, вам всем придется сдать оружие.

По толпе прошел недовольный ропот, тут же послышались крики. Но полковник поднял руку:

— Никто не говорит, что вы не имеете права располагать оружием, чтобы защищать свою жизнь. Но на улице нельзя ходить вооруженным. Если кто-нибудь появится на улице Кластер-Тауна с оружием, он будет арестован. Я требую, чтобы оружие сдали все: и те, на ком есть желтые повязки, и те, кто считает себя честным человеком.

Вновь пронесся недовольный ропот, хотя жители и поняли справедливость слов нового начальника полиции. Чтобы окончательно переломить нерешительность толпы и привлечь ее на свою сторону, полковник выкрикнул:

— Ни один бандит с оружием не появится на улицах города! С оружием будут ходить только блюстители порядка. Я беру на себя ответственность за вашу безопасность.

Мэр с опаской посмотрел на собравшихся людей. Сказать такое тут, на Западе, было небезопасно. Тут каждый мужчина гордился тем, что при нем один или два револьвера. И он всегда может постоять за себя, за свою жизнь.

Но Кластер-Таун был все-таки исключением из местных городков. Здесь было много контор, управлений рудниками, и поэтому жители согласились с предложением полковника Брандергаса. Двое полицейских стояли рядом с новым начальником городской полиции.

— И еще, я хочу представить вам своего нового помощника, Жака Монро.

Конечно же, жителям хотелось бы видеть в этой должности Рэтта Батлера, о котором они столько слышали и о котором ходили легенды.

Но Рэтт Батлер стоял в толпе, прислонясь спиной к фургону и недовольно морщился. Он понял, что и ему придется расстаться с оружием. К нему подошел Кристиан Мортимер со

своей неизменной серебряной чашечкой, до половины наполненной виски.

— По-моему, наши друзья сошли с ума, — заявил без предисловий Кристиан, предлагая Рэтту Баттлеру выпить.

Но тот отказался.

— Я понимаю Чарльза, — вздохнул Рэтт, — но мне от этого не легче. По-моему, наша компания начинает разваливаться.

— Почему? А мне этот городок нравится. Здесь неплохо было бы поселиться и провести остаток своих дней, — грустно закончил Кристиан. — Ну что, Рэтт, послушаемся Чарльза? Ведь он мудрый человек и знает, что делает.

— Я в этом уверен. Но мне от этого не легче, — Рэтт зло поджал губы.

— Как хочешь, — не церемонясь, расталкивая горожан, Кристиан Мортимер пробрался к крыльцу и картинно сдал два своих дорогих револьвера в руки Чарльзу Брандергасу и, склонившись к его уху прошептал:

— Если понадобится моя помощь, всегда можешь на меня рассчитывать.

Затем он осушил серебряную чашечку и спустился с крыльца, покручивая ее на пальце.

За ним сдали свое оружие еще несколько человек.

— Через два часа ни у кого на руках не должно быть оружия! — громко объявил полковник Брандергас.

И те, кто не решался сдавать свои револьверы, карабины, поспешили по домам. Толпа разошлась, и, странное дело, на улицах больше не видно было людей с желтыми повязками. Все бандиты словно улетучились.

Мэр Клостер-Тауна Фрэнсис Дайвер стоял у окна своего кабинета и с тревогой смотрел на город. Он нервно курил сигару, все время сбивая с нее едва успевший образоваться пепел.

Полковник Брандергас сидел у стола, закинув ногу за ногу, и любовался носком своего безукоризненно начищенного сапога.

— Неужели все так просто? — задумчиво спросил мэр.

— Не все так просто, мэр. Но это первый вынужденный шаг.

— Я все-таки удивляюсь, полковник, как быстро вас послушались горожане. Если бы я это предложил или же Клод Бергсон, навряд ли бы они согласились.

— Вполне возможно, — бросил Чарльз Брандергас, — зато теперь я имею право каждого, кто имеет оружие на руках на улице, арестовать. А безоружный человек совсем по-другому ведет себя.

— Неужели вы думаете, полковник, что бандиты приедут в город без оружия.

— Я уже распорядился, чтобы при входах в салуны и питейные заведения все сдавали свое оружие владельцам. Никто не сядет за карточный стол, никто не притронется к выпивке, пока его кобура не станет пустой.

— Логично, — согласился мэр Клостер-Тауна с новым начальником городской полиции.

В присутствии Чарльза Брандергаса он чувствовал себя увереннее.

Дверь распахнулась и в кабинет ворвался Рэтт Баттлер, на его поясе висело два револьвера. Мэр строго посмотрел на вошедшего. Ему было интересно, как поведет себя полковник Брандергас со своим другом, явно не собиравшимся расставаться с оружием.

Полковник медленно, раздумывая с чего начать разговор, поднялся с кресла и подошел к Рэтту.

— Рэтт, я вижу, ты не слышал моего обращения к горожанам?

— Я прекрасно все слышал. Все что ты сказал, Чарльз. И мне это представляется безумством. Люди теперь безоружны перед бандитами.

— Рэтт, но и бандиты теперь находятся в положении обыкновенных горожан. Я имею теперь полное право разоружать их.

— Неужели, Чарльз, ты думаешь, что это легко будет сделать?

— Думаю, нелегко. Но я сумею настоять на своем. А теперь, Рэтт, сдай свое оружие.

Рэтт медлил. Полковник посмотрел на мэра. Мэр сказал:

— Я понимаю ваши чувства, мистер Баттлер. Но закон должен быть одинаков для всех. Даже несмотря на то, что вы лучший друг полковника.

— Не спешите, мэр, — остановил его полковник, — быть может, Рэтт Баттлер пришел поступить на службу в полицию. Я его с удовольствием приму, и тогда он может оставить себе оружие.

— Ну вас всех к черту! — выкрикнул Рэтт Баттлер и выдернул свои револьверы.

Они с грохотом легли на стол.

— Чарльз, ты еще пожалеешь о том, что ввязался в это.

— Возможно, пожалею. Но я принял решение и отступать не собираюсь.

— Мистер Баттлер, — вновь попытался уговорить Рэтта мэр Клостер-Тауна, — если бы вы согласились последовать примеру полковника Брандергаса, то городской совет, будьте уверены, подыскал бы участок и дом для вас. И вы бы могли навсегда обосноваться в Клостер-Тауне. А здесь большие перспективы. Я уверен, наш город вскоре будет одним из самых больших центров Запада, ничем не хуже, чем Сан-Франциско.

— Пусть оно так и будет, мистер Дайвер, но у меня совсем другие планы.

— Но почему вы не хотите защитить честных людей?

— Потому что, господин мэр, каждый должен быть сам за себя, каждый должен сам решать свои проблемы. Я же ничего от вас не требую.

— Мистер Баттлер, бандитов очень много, и они будут терроризировать не только Клостер-Таун, но и соседние города, где нет таких смелых людей, как полковник Брандергас.

— А я думаю, господин мэр, что мои друзья смогут разобраться с желтыми повязками и без моей помощи. А я уже давно решил жить спокойной жизнью.

— Мэр, — обратился к Фрэнсису Дайверу Чарльз Брандергас, — не тратьте красноречие, с моего друга хватит того, что он уже сдал оружие.

— Чарльз! — выкрикнул Рэтт, — вы с Жаком Монро сошли с ума. Я уверен, что бандиты не оставят в покое Клостер-Таун, а твое распоряжение только придаст им смелости.

— Ну что ж, тогда им придется иметь дело со мной. В моей смелости ты, Рэтт, не сомневаешься?

— Но их очень много, Чарльз. Ты рискуешь не только своей жизнью, но и жизнью племянниц.

— А вот это ты позволь, Рэтт, решать мне. Ведь только ради них я все это и затеял. Ты не можешь понять меня, Рэтт... Ты один, у тебя нет семьи, дома, земли. Ты спокойно можешь рисковать своей жизнью ни перед кем не отчитываясь. А я должен все это защищать. Мне куда ближе сейчас нерешительные горожане, чем твоя отчаянная смелость.

— Да ну тебя к черту, Чарльз. Я пошел в салун, пока вы с мэром не запретили играть в покер, и я спешу делать деньги. Еще неизвестно, какая блажь взбредет вам в голову завтра. Я чувствую, завтра ты распорядишься сдать все карточные колоды и игральные кости, а

послезавтра сожжешь все бильярдные столы и разобьешь все бутылки со спиртным.

Мэр расхохотался.

— А что, мистер Баттлер, это неплохая идея. Каждый пил бы только дома.

Рэтт Баттлер, зло хлопнув дверью кабинета мэра Клостер-Тауна, сбежал по лестнице и пересек площадь.

В салуне первой, кого он увидел, была Розалина. Правда, встречу омрачило то обстоятельство, что рядом с ней опять был окружной шериф. Рэтт Баттлер успел заметить, как женщина выдернула свою ладонь из пальцев Клод Бергсона.

— Розалина, ты, наверное, сейчас двинешься в объятия этого героя? — презрительно улыбнулся шериф.

Розалина гордо тряхнула головой и, не считая нужным отвечать на подобные замечания, подошла к Рэтту Баттлеру и поцеловала его в щеку.

Конечно, в этом было что-то театральное, в жесте женщины не было интимности. И это смутило Рэтта.

Розалина отстранилась от мужчины и посмотрела на лацканы его сюртука.

— Ты еще не обзавелся блестящим значком? Он бы был тебе к лицу.

— Я не женщина и не люблю украшений.

— Ты вчера поразил меня, — призналась она, увлекая Рэтта Баттлера за столик.

Окружной шериф, оставшись в одиночестве, улыбался как бы оправдываясь перед присутствующими. На него и так после вчерашнего вечера и после собрания на площади смотрели с насмешкой. Клод Бергсон обратился к хозяину.

— Они все такие смелые, воображают себя героями. Но я посмотрю, что с ними будет, когда в город ворвется банда.

Хозяин согласно закивал, но по лицу его было понятно, что он всецело на стороне полковника Брандергаса и его друзей.

— Наш антрепренер, — сказал Розалина, — договорился с мэром, что мы дадим здесь еще несколько спектаклей. Поэтому я тут задержусь. Ты не рад, Рэтт?

Женщина пристально посмотрела в глаза мужчины. А Баттлер, злясь на самого себя, ответил:

— Розалина, я собираюсь уехать. Мне больше нечего делать в Клостер-Тауне.

— Ты не останешься здесь даже ради меня?

Рэтт Баттлер задумался. Предложение было соблазнительным, но он вспомнил, что Розалина хоть и очень нравится ему, но очень далека от образа идеальной женщины.

— Так ты не ответил, — и Розалина положила свою ладонь на запястье Рэтта.

И мужчина понял, что не найдет сил отодвинуть свою руку в сторону, настолько приятным и волнующим было это нежное прикосновение.

— Розалина... я подумаю, — внезапно сказал Рэтт и накрыл своей крепкой рукой хрупкую ладонь актрисы. — Может быть, мы уедем вместе?

— Извини, меня ждут.

Но жалея Рэтта Баттлера, она направилась не к окружному шерифу, а к Кассио, скучавшему за угловым столиком.

— А я хотел плевать на всех! — в сердцах выругался Рэтт Баттлер и пошел к карточному столу.

Нужно было, пока не поздно, зарабатывать деньги, ведь неизвестно, что может

случиться завтра или даже через час.

Мэр Кластер-Тауна вообще-то был оптимистом и первые успехи нового главы городской полиции окрылили его. Ему казалось, что с бандитами покончено навсегда и по поводу такой крупной победы он решил устроить в городе праздник.

Сколько ни отговаривал его полковник Брандергас, Фрэнсис Дайвер не соглашался. К тому же, ему вторил Клод Бергсон, посчитавший, что праздник с оркестром и танцами повысит его пошатнувшуюся репутацию.

Члены городского совета, посоветовавшись, решили отдать организацию развлечения на откуп шерифу округа Клоду Бергсону. К тому же он и сам вызвался финансировать часть этого предприятия. Он задумал устроить грандиозное гулянье, достойное такого богатого города как Кластер-Таун.

Мэр города, посоветовавшись с городским советом, решил, что все развлечения на празднике будут бесплатными. К городу примыкал поросший травой холм, обнесенный земляным валом — остатками некогда грозного форта. Здесь обычно жители Кластер-Тауна устраивали гуляния, собрания и ярмарки, для которых на улице было слишком тесно. Один из склонов холма спускался к реке, и с любого места здесь открывался вид на много миль вокруг. Этот живописный уголок и должен был стать ареной подвигов окружного шерифа Клода Бергсона.

Он в отличие от мэра понимал, что затишье в городе временное, что банда желтых повязок собирается с силами, чтобы нанести ответный удар. Но он хотел использовать дни затишья, чтобы поправить пошатнувшуюся репутацию. Он велел расклеить по городу длинные розовые афиши, гласившие, что вечером будут устроены разного рода игры и нанял целый отряд рабочих, за которыми наблюдал сам.

Под руководством Клода Бергсона они установили вымазанные салом шесты для лазанья, которые увенчивались копчеными окороками и овечьими сырами местного производства. Рядом Клод Бергсон распорядился поставить барьеры для бега с препятствиями и для конских скачек. А через неширокую здесь реку перекинули скользкую жердь и на другом берегу привязали живую свинью. Свинья должна была достаться тому, кто изловчится перейти по жерди на другой берег. Также заготовили тачки для гонок, построили помост для бокса, борьбы и прочих кровавых развлечений. Собрали мешки для прыганья в мешках.

Кроме того, Клод Бергсон решил устроить грандиозное угощение и приглашал всех горожан на это дорогое пиршество. Правда, спиртное поставить он не решился. Столы расставили у самого подножия вала бывшего форта и над ними растянули тент. По другую сторону холма установили шатер из покрышек разных цветов и размеров, подвязанных как попало к переплетающимся стволам деревьев.

Теперь окружной шериф успокоился, полагая, что подготовился к празднику отлично. Но к вечеру необычайно ясное небо заволкло тучами, погода грозила испортиться и подул жаркий, но сырой ветер. И член городского совета, окружной шериф Клод Бергсон, пожалел, что был так уверен в устойчивости ясной погоды.

Но было уже поздно что-либо отменять или откладывать, и поэтому гулянье началось, несмотря на то, что пошел дождь. Он усиливался незаметно и спустя час превратился в монотонное бичевание земли небом, в потоки воды, которым не было видно конца.

Горстка гуляющих, не побоявшихся того, что на Кластер-Таун могут налететь бандиты, и не испугавшихся дождя, геройски держались на поле. Но в сумерках Клод Бергсон понял, что его гуляние провалилось и не принесло ему никаких дивидендов в виде уважения местных жителей. С окороков на шестах капала коричневая жидкость, разбавленная водой копотью. Свинья дрожала на ветру, вся промокнув, а шероховатость досок на столах ощущалась под прилипшими к ним мокрыми скатертями, так как дождь проникал под тент, а подвешивать боковые стенки было уже бесполезно.

Местность за рекой скрылась из виду, ветер играл на веревках тента и наконец принялся дуть с такой силой, что все сооружение рухнуло на землю и всем тем, кто искал здесь защиту от дождя, пришлось выползть на четвереньках.

Но вскоре буря утихла и жаркий ветер стряхнул влагу с деревьев. Клоду Бергсону показалось, что намеченную программу все-таки удастся выполнить. Тент снова натянули, оркестр вызвали из убежища, где он скрывался от дождя, и окружной шериф приказал ему играть. Там, где стояли столы, освободили место для танцев.

— Но где же люди? — недоумевал Клод Бергсон, глядя на то, как целых полчаса танцуют всего лишь двое мужчин и одна женщина. — Я же сам видел, все лавки закрыты, так почему же никто не приходит?

Один из членов городского совета пожал плечами:

— Наверное, люди боятся бандитов и предпочитают сидеть по домам, а может быть, пошли развлекаться в салун.

Клод Бергсон нахмурился. Он подумал, что, может быть, дела идут лучше возле шестов, может быть, кого-то соблазнили окорока, купленные на его кровные деньги. Но и тут картина была неутешительная. Двое-трое молодых парней принялись было карабкаться на шесты, чтобы окорока не пропали даром, но зрителей у них не было, и картина производила такое унылое впечатление, что окружной шериф приказал окончить гуляние, разобрать столы, а угощение раздать беднякам.

Вскоре на поле не осталось ничего, если не считать барьеров, тента и шестов.

А в это время вечерняя жизнь Кластер-Тауна, несмотря на обещание окружного шерифа повеселить публику, шла своим чередом. В салуне было многолюдно, особый интерес у посетителей вызывал карточный стол. Здесь обосновался Кристиан Мортимер со своей неразлучной Сандрой. В театре представления сегодня не было, и поэтому Розалина выступала на сцене салуна. Она пела немного меланхолическую песенку о любви. Кристиан как всегда выигрывал и как всегда к позднему вечеру был уже изрядно пьян. Но разум его работал отлично, и все ставки переходили к нему.

Наконец, желающих сразиться с ним в покер почти не осталось, лишь стойко держался пожилой мексиканец с седой бородой из банды желтых повязок Карлос. Он никак не терял надежды отыгратья, хотя в его карманах осталось не так много денег. Кристиан Мортимер лениво попивал виски из серебряной чашечки, Сандра то и дело подливала ему спиртное, глядя на мужчину влюбленным взглядом.

Карлос поставил на кон пятьдесят долларов и тут же проиграл их. Он страшно злился на себя, но еще больше раздражал его невозмутимый вид Кристиана Мортимера. Его раздражало в поведении молодого человека буквально все: его аккуратная прическа, напомаженные усы и вызывающая улыбочка. А еще больше Карлоса раздражало то, что рядом с Кристианом сидит великолепная женщина, и он понимал, что Сандра находится рядом с Кристианом не потому, что у него много денег, а потому, что любит его.

Жак Мокро держался немного в стороне, ведь теперь, когда он носил значок помощника шерифа, ему было не к лицу садиться за карточный стол. Он радовался успехам своего приятеля, но его беспокоило то, что Кристиан Мортимер напивается. В последнее время Кристиан, казалось Жаку, не знает меры в спиртном. Но он не знал настоящей причины, побуждавшей молодого человека искать спасения на дне бутылки.

Жак уже хотел было подойти к Кристиану и забрать у него серебряную чашечку, как прозвенел колокольчик входной двери, и на пороге в черном плаще возник мрачный Рэтт Баттлер.

Розалина, завидев Рэтта, махнула ему рукой и запела чуть громче. Мрачное выражение тут же исчезло с лица Баттлера, и он тоже махнул ей рукой.

Жак Мокро изменил свое первоначальное намерение и вместо того, чтобы подойти к Кристиану, приблизился к Рэтту Баттлеру.

— Как тебе певица, Рэтт? Я вижу, ты уже без ума от нее, только не забывай, Розалина ни за что не бросит окружного шерифа.

— Ничего голосок, — не очень дружелюбно ответил Рэтт Баттлер, — а на Клода Бергсона мне плевать, я его и за человека не считаю.

— Я думаю, Рэтт, он отвечает тебе взаимностью и не упустит случая, чтобы поквитаться с тобой.

— Но ведь у меня есть друзья, — Рэтт хлопнул по плечу Жака Монро.

— Ты не забывай, Рэтт, что мы с Брандергасом в какой-то мере подчиняемся ему, ведь он член городского совета.

— Я думаю, у вас, ребята, есть свои головы на плечах и вы ни за что не позволите помыкать собой этому никчемному человеку.

Полковник Брандергас тоже находился в салуне, но не хотел афишировать свое присутствие. Чарльз Брандергас держался в тени, опираясь на стойку бара. В его руке был небольшой стаканчик, до половины наполненный янтарным виски, а под седыми усами на губах полковника блуждала улыбка. Он уже явно свыкся со своей ролью начальника городской полиции и даже не так уж часто бросал свой взгляд на сверкающий значок, прикрепленный к лацкану его сюртука.

Все присутствующие были безоружны, кроме полковника Брандергаса и Жака Монро. Даже те, кто приезжал в город из дальних селений, сдавали свое оружие на хранение бармену, чтобы в случае чего не началась перестрелка. Может, именно поэтому люди в салуне вели себя довольно сдержанно и не слышно было оскорбительных выкриков.

Единственный, кто не мог смириться с тем, что пришлось отдать оружие, был Карлос. Си то и дело опускал руку под стол и недовольно кривился, нащупывая пустую кобуру. Ему не терпелось выхватить револьвер и наставить его на ехидно улыбающегося Кристиана Мортимера, ведь тому чертовски везло в этот вечер. Как ни старался Карлос, как ни присматривался к рукам своего противника, но тот играл абсолютно честно, придраться было совершенно не к чему. А в шулерстве Карлос знал толк, правда, он не рисковал вести нечестную игру против такого искушенного в покере игрока, как Мортимер. Ведь тот, несмотря на то, что был пьян, видел подлую душу бандита Карлоса насквозь.

Придвинув к себе очередной выигрыш, Кристиан Мортимер позволил себе расслабиться и откинулся на спинку стула. Его замутненный взгляд встретился со взглядом Рэтта Баттлера. Прочитав в глазах своего друга укор, Кристиан улыбнулся.

— Боже мой, какие люди наведались в салун! А я и не подозревал, что за мной следят.

Рэтт Баттлер не спеша подошел к своему другу и положил ему на плечо руку.

— Я вижу, тебе чертовски везет, ты уже определился с игрой и не собираешься никому проигрывать.

Кристиан хрипло рассмеялся.

— Я только нащупываю свой стиль, и ты увидишь, Рэтт, деньги всего Клостер-Тауна окажутся в моих карманах, — и Кристиан похлопал ладонью по серебряной чашечке.

Сандра тут же плеснула ему виски. Мортимер неторопливо отпил.

— По-моему, ты пьян, Кристиан, — осторожно заметил Рэтт Баттлер.

— А это ничего не меняет, Рэтт, я могу играть даже во сне. Проснувшись, я обнаружу возле себя кучу денег.

Рэтт хотел возразить, но его остановила Сандра.

— Рэтт, Кристиан вполне в форме, я это говорю тебе как женщина.

Против такого аргумента возразить Рэтту Баттлеру было нечего. А Кристиан вновь начал сдавать карты.

Карлос мял в руках одну из своих последних банкнот. Надежда выиграть все еще не покинула мексиканца. Он покусывал нижнюю губу, то и дело проводил языком по седой щетине и нетерпеливо ждал, когда же перед ним лягут пять карт. Но лишь только Карлос раскрыл их веером, его глаза тут же зло сверкнули: карты были паршивые, хуже не бывает.

— Ну что ж, — вздохнул Кристиан Мортимер, — пока ты думаешь, сколько карт поменять, я полюбезничаю с Сандрой. Ты не забыла о своем обещании?

— Нет, что ты, — улыбнулась женщина.

Рэтт Баттлер вытащил из кармана пачку денег и подсел к столу. Карлос, увидев деньги, еще больше обозлился.

Сандра обняла Кристиана за плечи и прошептала так громко, чтобы ее слышали даже в самом дальнем углу салуна:

— Ты мой любимый мужчина, и знаешь почему?

— Конечно же знаю, — самодовольству Кристиана Мортимера не было границ.

— Потому что ты и трезвый, и пьяный великолепен. Ты никогда не позволишь себе быть грубым со мной.

— Эй, любимый мужчина, — грубо окликнул Кристиана Карлос, — мне четыре карты.

— Не слишком ли много ты собрался менять? — спросил мистер Мортимер, двигая к нему четыре карты.

— Это мое дело.

— Все равно проиграешь.

Карлос поднял свои новые четыре карты, и его лицо немного прояснилось, появилась хоть какая-то надежда на выигрыш.

Но Кристиан даже не стал менять карт, и когда два веера легли напротив друг друга, банк вновь должен был перейти в собственность Кристиана Мортимера.

Карлос разозлился настолько, что его нервы сдали. И когда Кристиан стал придвигать деньги к себе, бандит схватил его за запястье.

Взгляд Кристиана тут же стал абсолютно трезвым, но наглая улыбка не покинула его губ.

— Оставь в покое деньги, Карлос. Я понимаю, тебе тяжело с ними расставаться, но они мои. Я их выиграл, ведь никто тебя не заставлял садиться за этот стол.

— Честному человеку не может так везти! — воскликнул Карлос.

— Но ты же не станешь спорить, что мне везет? — рассмеялся Кристиан Мортимер и на удивление твердой рукой разжал пальцы бандита.

Карлос понял, что у него не хватит сил противостоять решительности Мортимера, к тому же рядом с ним сидел Рэтт Баттлер и внимательно наблюдал за происходящим, готовый в любой момент вмешаться. Карлос осмотрелся по сторонам, ища поддержки.

Но кроме двух ковбоев с желтыми повязками, рассчитывать было не на кого. Ко и они, конечно же, были безоружными. Зато от стойки бара уже подходил к карточному столу полковник Брандергас, а в другом конце зала стоял наготове Жак Монро.

Бандит спрятал руку под стол и всю свою злость решил выместить в словах.

— Ни одному сукиному сыну, который играет честно, — закричал Карлос, — не может так везти, Это я знаю точно. Ты шулер!

Оскорбление было веским. Но Кристиан Мортимер, наверное, половину своей недолгой жизни провел за карточным столом и поэтому выслушивал такое чуть ли не каждый день. Он понимал, что спорить бесполезно, что Карлос раздосадован, лишившись всех своих денег. Но он-то, Кристиан, знал, что играл абсолютно честно.

Поэтому он говорил абсолютно спокойно:

— Наверное, Карлос, сегодня просто не твой вечер. Удача отвернулась от тебя, а завтра, возможно, ты обыграешь меня, и я разорюсь в пух и прах. Так что если хочешь, приходи завтра вечером, и мы вновь сразимся.

Правда, тут Кристиан Мортимер не удержался, чтобы не добавить:

— И прихвати с собой побольше денег.

Карлос, всплыв, выскочил из-за стола, но тут же услышал за собой шаги полковника Брандергаса. Тот, все еще сжимая в руке стаканчик с плещущимся виски, вплотную подошел к бандиту. Полковнику Брандергасу даже ничего не нужно было говорить, Карлос прекрасно понимал по выражению лица начальника городской полиции, что церемониться с ним не будут, если он продолжит скандалить.

И поэтому он избрал другую тактику.

— Он обжуливает меня в карты! — Карлос указал грязным пальцем на улыбающегося Кристиана Мортимера.

Полковник Брандергас промолчал.

— Вы тут все заодно! — заорал Карлос, теряя самообладание. — Вы все жулики, вы обыгрываете честных людей!

— Это ты честный? — процедил сквозь зубы полковник Брандергас и накрутил на палец конец желтой повязки, обвивавшей шею мексиканца.

— А что тебе не нравится, шериф? — заскрипел зубами Карлос.

— Мне не нравится твоя повязка и мне не нравится, что ты скандалишь.

— Ах, значит, жульничать в карты можно, обыгрывать честных людей можно? — кричал Карлос. — Забирать оружие можно? Где это написано, шериф, в каком законе? Я не имею права носить оружие? Покажи мне этот закон.

— Ах ты пьянь! — крикнул полковник Брандергас, явно выходя из себя. — Я тебе сейчас покажу такой закон! — и он, схватив Карлоса за плечо, толкнул его к стойке.

А потом обратился к хозяину заведения.

— Отдай ему револьверы и карабин и пусть убирается к чертовой матери. Только если я увижу, что ты шляешься по улицам, сразу же окажешься за решеткой.

— А ты смелый, шериф, кричать на безоружного.

Карлос опасно покосился на полковника Брандергаса и на всякий случай отошел еще на шаг от него, все равно продолжая хорохориться.

Рэтт Баттлер вскочил со своего места и схватил Карлоса за рукав.

— Сейчас же убирайся отсюда, мразь!

Карлос даже не успел придумать, что ему сказать в ответ, как возле него появились два его приятеля с желтыми повязками на шее. Они ласково улыбались Рэтту Баттлеру, но глаза их были полны ненавистью.

— Успокойтесь, — спокойно сказал один из ковбоев, — бывает, выпил человек лишнего, проиграл деньги, так что, за это его еще и в тюрьму сажать? Он и так несчастный, ему бы бесплатной выпивки надо.

Карлос попробовал что-то крикнуть, но один из приятелей тут же толкнул его в бок и прошипел:

— Ты вспомни, что тебе говорил перед отъездом Фрэд Баллоу.

Заслышав это имя, Карлос сразу же подобрался и уже не обращая внимания ни на полковника Брандергаса, ни на Рэтта Баттлера, попросил у бармена:

— Я сейчас уеду, так что отдай мои стволы.

Рэтт Баттлер поняв, что инцидент исчерпан, вернулся к Кристиану Мортимеру.

— Я бы на твоём месте, Кристиан, вел себя поосмотрительнее.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я бы не выигрывал у него все.

— Да он сам не может остановиться, — и Кристиан ногтем мизинца вновь постучал по выпуклому боку серебряной чашки, требуя себе виски.

Сандра приподняла бутылку и посмотрела ее на просвет.

— Кристиан, тут уже мало осталось. Если будешь пить такими темпами, то не дотянешь до полуночи.

— Дотяну, дорогая.

Виски полилось в чашечку, и Кристиан вновь жадно припал губами к ее краям. Он пил не останавливаясь, пока чашечка не опустела. На его лице во время питья появилось странное выражение, будто бы он пьет не алкоголь, а лекарство, дающее ему силы.

Рэтт Баттлер смотрел на все происходящее с явным неудовольствием. Он понимал, что их слаженная компания разваливается. Вот полковник Брандергас решил податься в полицию, наводить порядок, бороться с преступностью. Кристиан Мортимер медленно спивается, а Жак Монро вообще забыл, ради чего он приехал в Кластер-Таун, и его мысли, скорее всего, заняты сейчас Терезой и тем, как он обустроит свой новый дом.

Рэтт Баттлер начинал чувствовать себя чужим среди этих людей, еще недавно так близких ему. Он понимал, что их всех сейчас еще что-то объединяет, но пройдет еще несколько дней и им уже не о чем будет говорить между собой. Если бы тут на сцене не было Розалины, он вообще бы покинул салун и, может быть, поддавшись минутному настроению, оставил город навсегда, правда, предварительно перед этим поговорив с актрисой.

А женщина на сцене, казалось, не замечает того, что происходит в салуне. Она пела самозабвенно, ее голос звучал чисто и нежно. И это абсолютно не вязалось с тем, что Розалина рассказывала о себе Рэтту Баттлеру прежде.

«Да, она и в самом деле великолепная актриса, — подумал Рэтт Баттлер, — и я даже не знаю, какую я ее люблю: ту, что на сцене или ту, что в жизни».

И тут Рэтт Баттлер спохватился: он впервые признался себе в том, что любит Розалину. Он осмотрелся по сторонам, словно кто-то мог подслушать его мысли, и тут увидел окружного шерифа Клода Бергсона, который после неудавшегося праздника зашел в салун поглядеть, что же соблазнило местных жителей провести вечер здесь, а не у подножия холма.

Клод Бергсон внимательно смотрел на Рэтта Баттлера, как бы пытаясь отгадать, о чем думает Рэтт, глядя на Розалину. Конечно, догадаться было несложно, ведь глаза Рэтта блестели, а на губах блуждала легкая улыбка. Правда, эта улыбка сразу же исчезла, лишь только взгляды мужчин встретились.

Бармен, наконец-то, решился вернуть оружие Карлосу, и тот прилаживал свой широкий пояс на обширных бедрах.

— А ствол? — требовательно напомнил Карлос бармену.

Тот вытащил из-под стойки бара карабин, но прежде чем отдать Карлосу, переглянулся с полковником Брандергасом. Тот кивнул, и оружие оказалось в руках Карлоса.

Желающих играть в карты с Кристианом Мортимером больше не нашлось, и он уставшим голосом обратился к Баттлеру.

— Может ты хочешь сыграть со мной?

— Нет, Кристиан, тебе нужно отдохнуть.

— Я в форме, я совсем не устал, — пробормотал Кристиан, тяжело поднимаясь со своего места.

Его тут же шатнуло, и он ухватился руками за край стола. Сперва Баттлеру показалось, что Кристиан не может держаться на ногах потому, что пьян. Но через секунду он понял, что ошибся.

Быстрее других сообразила Сандра. Она тут же подхватила Кристиана под локоть, не давая упасть.

— Что с тобой, милый?

— Я в порядке, — попытался отстранить ее рукой Кристиан Мортимер, но тут его лицо сделалось смертельно бледным, и он зашелся в припадке кашля. — Прошу прощения, я поперхнулся, — наконец-то сдержав кашель, оправдался Кристиан Мортимер и тут же приступ повторился.

Теперь молодому человеку было уже не до того, чтобы следить, какое впечатление он производит на публику. Он перегнулся пополам и, еле успев выхватить носовой платок, прижал его ко рту. Кристиана буквально сотрясали конвульсии, Сандра едва удерживала его и, не переставая, шептала:

— Что с тобой? Что с тобой?

Кристиан только мотал головой и вновь кашлял. Потом замер, ожидая, что приступ повторится вновь, но на какое-то время он оказался все-таки сильнее болезни, смог выстоять.

Глубоко вздохнув, Кристиан воровато скомкал носовой платок и попытался незаметно опустить его в карман. Но Рэтт Баттлер успел заметить, что платок весь перепачкан кровью. Кровью были запачканы и губы Мортимера.

В салуне все замерли, разговоры смолкли. Несколько десятков пар глаз следили за Кристианом Мортимером.

Сандра быстро собирала со стола деньги в саквояж своего любовника и время от времени бросала на него участливые взгляды.

А тот попытался извиниться за то, что нарушил царившее до его кашля в салуне веселье.
— Я в самом деле, господа, поперхнулся, я поперхнулся виски.

И тут его уже немного раскрасневшееся лицо вновь залила смертельная бледность. Схватившись рукой за грудь, Кристиан Мортимер как подкошенный рухнул на пол. Ни Сандра, ни Рэтт Баттлер не успели подхватить его, так неожиданно это произошло.

— Кристиан, что с тобой? — склонился над ним Баттлер, несильно хлопая своего приятеля по щекам.

Кристиан Мортимер медленно приоткрыл глаза и уставился невидящим взглядом на Рэтта Баттлера. Его губы что-то шептали, но Рэтт не мог разобрать ни слова.

— Скорее! Монро!

Жак подхватил обессиленного Кристиана под руки, Рэтт под колени, и они, пробираясь между столиками, двинулись к выходу.

Единственным человеком, которого позабавило и обрадовало несчастье, был Карлос. Он уже стоял во всеоружии с двумя револьверами на боках, сжимая в руках карабин.

— Эй, хозяин, ради такого случая налей-ка мне виски. Не знаю, куда они собираются его нести, но дорога этому типу уготована на кладбище. Вот за это я и хочу выпить.

Бармен не сдвинулся с места, такой цинизм поразил его. Тогда Карлос, гнусно улыбаясь, сам взял бутылку из-за стойки, зубами вырвал пробку и отпил несколько глотков из горлышка.

— Вот теперь другое дело, — промакивая рукавом губы, произнес бандит.

Его приятели захохотали. Они уже тоже успели забрать свои револьверы и поэтому чувствовали себя куда как увереннее.

Не успели Рэтт Баттлер и Жак Монро с потерявшим сознание Кристианом Монро исчезнуть за дверью, и даже полковник Брандергас не успел распорядиться, чтобы сбегали за врачам, как Карлос, поманив грязным пальцем к себе бармена сказал:

— И поделом грязному подонку Мортимеру, обдурить меня хотел.

— Никто не обманывал тебя, Карлос, он играл честно.

— А ты что, сидел за столом со мной? — и Карлос, широко размахнувшись, ударил бармена по щеке. — И вообще, — он погрозил бармену пальцем, — когда тебя не спрашивают, не говори глупости, а то тебе придется иметь дело с братьями Баллоу. С ними шутки плохи.

Понимая, что под стойкой у бармена лежит револьвер, Карлос тут же передернул затвор карабина и стал медленно пятиться. Прикрывая его со стороны, принялись пятиться и двое его дружков.

Возможно, они и покинули бы салун безнаказанно, если бы на пути не возник полковник Чарльз Брандергас. Он спокойно поджидал, когда Карлос, забывший о существовании начальника городской полиции, приблизится к нему и тут же ловко ударил бандита рукояткой своего длинноствольного револьвера прямо в темечко.

Карлос коротко вскрикнул, выронил карабин и рухнул на пол. В руках бармена уже тоже был револьвер, нацеленный на бандитов.

— Сдайте оружие! — приказал полковник.

Бандиты переглянулись, но им ничего не оставалось делать. Хотя их и было двое, но они знали, что полковник Брандергас успеет выстрелить раньше, чем они попытаются взвести курки своих револьверов.

— Вы арестованы! — рывкнул полковник Брандергас и пнул ногой лежащего на полу

Карлоса. — Вставай, пьянь, ты тоже арестован.

— Что, я? Кто меня смеет арестовывать?

— Я, начальник городской полиции Чарльз Брандергас, — и полковник поднял Карлоса за шиворот и поставил на ноги.

Окружной шериф издалека наблюдал за этой сценой и даже не попытался вмешаться. Он даже не удосужился достать свой револьвер из кобуры, а сжимал в руках тонкую трость со сверкающим набалдашником.

Розалина уже давно перестала петь, хотя пианист продолжал наигрывать мелодию.

Трех бандитов препроводили в городскую тюрьму. Мужчины в желтых повязках были мрачными, а все еще не протрезвевший Карлос мотал головой и не очень-то уверенно требовал вернуть ему оружие. На каждое такое требование полковник Брандергас отвечал руганью, и ствол его револьвера упирался в позвоночник Карлоса.

— Иди, не огрызайся, хоть проспишься в тюрьме.

Наконец, решетчатые двери были заперты большим ключом, и трое бандитов расположились в камере. Говорить о чем-либо им не очень-то хотелось, да и у Карлоса страшно болела голова. Поэтому бандиты решили воспользоваться советом полковника Брандергаса и устроились на соломенных тюфяках, чтобы проспать.

Полковник Брандергас не мог долго оставаться в полицейском участке, наблюдая за своими пленниками. Да и те вели себя смирно и сносно. Никто из них не буйнил, никто не требовал отдать оружие. Немного поворочавшись с боку на бок, бандиты уснули, и из-за решетки раздался пьяный храп трех глоток. Полковник еще раз проверил надежность замка и вполне удовлетворенный покинул участок. Ему надо было спешить, чтобы узнать, как себя чувствует Кристиан Мортимер, ведь Чарльз Брандергас очень беспокоился о его состоянии: не шутка ли, такой страшный кашель, да еще с кровью.

Но Карлос, несмотря на то, что был сильно пьян, не спал. Он тут же открыл глаза, лишь только хлопнула входная дверь, поскреб коротко обгрызенными ногтями свою седую бороду и негромко окликнул:

— Эй, Одноглазый Джон, ты что, в самом деле уснул, скотина?

В ответ прозвучал только храп, и Карлос, тяжело поднявшись, поплелся из своего угла к дальней стене, возле которой лежали, плотно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, Одноглазый Джон и Билли. Оба бандита были молоды и поэтому спали крепко.

Карлос пнул ногой того, что лежал поближе. Им оказался Одноглазый Джон. Он недовольно заворочался и выругался.

— Вставай, скотина! — вновь рявкнул Карлос и Одноглазый Джон тут же подскочил.

Он не сразу сообразил, где находится и спросонья принялся тереть свой единственный глаз.

— Ты что, с ума сошел? — сказал Одноглазый Джон. — Какого черта не спишь?

— Ты еще будешь указывать мне, молокосос, что делать? У тебя курево есть?

— Так бы сразу и сказал, — Одноглазый Джон достал кисет и высыпал в подставленную закрутившую ладонь мексиканца немного табака.

— Ну ты и отжалел, — сказал Карлос, выгребая пятерней чуть ли не полкисета у своего товарища. — Бумагу давай.

— А вот бумаги у меня и нет, я всю скурил в салуне.

— А у этого ублюдка? — поинтересовался Карлос, заглядывая в лицо спящего.

Одноглазый Джон обрадовался, что ему представилась возможность безнаказанно

поглумиться над своим приятелем. Он зажал ему нос. Билли несколько раз дернулся, взмахнул руками и испуганно заморгал. Думая, что на него сонного напали недруги, Билл тут же принялся махать руками, защищаясь. Он ладонью больно ударил одноглазого Джона по носу. Тот выругался, схватил своего приятеля за руки и принялся трясти.

— Да проснись же ты, идиот!

— А, это ты, — недовольно пробормотал Билл, — чего тебе надо, Одноглазый?

— Не знаю, — пожал тот плечами, — это все Карлос, он меня разбудил.

Одноглазый уже забыл, ради чего будил своего приятеля, но Карлос напомнил:

— Бумагу!

Тот порылся в кармане и вытащил курительную бумагу. Трясущимися пальцами Карлос принялся сворачивать сигарету.

Наконец, все трое закурили, и камера с наглухо заколоченным окном наполнилась зловонным дымом.

— Как мы тут теперь спать будем? — недовольно поинтересовался Одноглазый Джон.

— А мы не будем спать, — наставительно сказал Карлос, чувствуя, что он тут старший и двое других должны беспрекословно ему подчиняться.

Уж таков был закон в банде братьев Баллоу. В отсутствии главарей всегда верховодил старший, даже если он был мексиканцем. Но кроме всего, у Карлоса был большой авторитет среди бандитов. Он его заслужил своей отчаянной смелостью и безжалостностью. А еще старого мексиканца побаивались из-за сумасбродных выходов, ведь хватив лишнего, он уже не разбирался, кто свои, а кто чужие, и спокойно мог пристрелить человека. Но потом его всегда спасало красноречие. Он мог доказать кому угодно, будь тот даже шерифом или самим Фрэдом Баллоу, что покойник его смертельно обидел, назвав грязным мексиканцем, лгуном или шулером. Конечно же, все эти грешки водились за Карлосом, но он умел постоять за свою честь, и никто из бандитов не садился играть с ним в карты.

Но сейчас ссориться со своими приятелями он не собирался, это не входило в его дальнейшие планы. Наоборот, он постарался расположить их к себе и поэтому принялся настраивать против пришельцев, так внезапно и некстати появившихся в Кластер-Тауне.

— А эти четверо совсем обнаглели!

Одноглазый Джон и совсем еще молодой Билли согласно закивали.

— Конечно обнаглели, особенно этот... — Одноглазый Джон никак не мог припомнить, как зовут Рэтта Баттлера.

— Я знаю, о ком ты говоришь, — зловеще проговорил Карлос, — поверь, ему уготована страшная смерть, я уж об этом позабочусь.

— Послушай, Карлос, а если он пристрелит тебя, ведь уже один раз ему это чуть было не удалось.

— Чуть было, говоришь? — Карлос мелко засмеялся и огонек вывалился из его плохо скрученной сигареты. — Если ему не удалось, то мне удастся.

— Надо с ними скорее кончать, — воодушевился Одноглазый Джон, но тут же призадумался, ведь никто не подсказал ему, как это лучше сделать.

— Карлос, — осторожно спросил Билл, — а над нами не будут смеяться? Как мы покажемся на глаза братьям Баллоу? Нас было трое и нас упрятали за решетку. Особенно тебя, Карлос, тюкнули по башке и как мешок с дерьмом притащили сюда.

— Попридержи язык, щенок... А как самого младшего Баллоу посадили в тюрьму, а уж он-то прыткий парень и в обиду себя не даст?! Я думаю, смеяться над нами не будут, а если

кто и попробует... — Карлос схватился за то место, где у него висела кобура, но тут же его пальцы поймали воздух. — Ах, черт! — и он принялся делать вид, что стреляет из несуществующего револьвера.

Одноглазый Джон и Билли расхохотались и тоже принялись палить друг в друга наставленными пальцами.

Но Карлос недолго веселился. Он вновь стал серьезен и мрачен.

— Завтра утром нас выпустят, ведь мы ничего не сделали. Ну поскандалили... Хотя, честно говоря, я не совсем помню, что говорил.

— Ты держался молодцом, — подбодрил Карлоса Одноглазый Джон.

— Ладно, до утра отдыхайте и только помните: никому ни слова, что с нами случилось. А там я найду способ уговорить Фрэда совершить налет на Клостер-Таун, и мы поквитаемся с этими пришлыми мерзавцами. Они будут знать, как выигрывать у честных людей последние деньги.

— А сколько у тебя было? — робко поинтересовался Билли, который был очень равнодушен к деньгам, особенно к чужим.

— Все что было, — не стал вдаваться в подробности и уточнять Карлос, ему не очень хотелось признаваться в том, что он и сам не помнил, сколько денег просадил за карточным столом.

Кристиан Мортимер лежал в постели. Его лицо покрывала смертельная бледность. Рядом с ним хлопотал доктор Дуглас. Он сжимал пальцами запястье Кристиана и смотрел на открытые большие серебряные часы на его руках. На его немолодом лице была недовольная гримаса.

Кристиан Мортимер приоткрыл веки и посмотрел на доктора.

— Ну, что скажете?

Доктор неудовлетворенно пожал плечами.

— Знаете, ваши дела не очень хороши.

Доктор щадил больного и не стал говорить, насколько опасна болезнь Кристиана.

— А поточнее, мистер Дуглас? — шевельнул бескровными губами Кристиан Мортимер.

— Ну, если вам хочется... — доктор аккуратно положил поверх одеяла руку Кристиана, — то тогда могу сказать.

— Говорите, ведь я сам знаю, что со мной.

— Откуда вы знаете? — доктор пристально посмотрел в глаза больному.

— Я это чувствую, доктор, так что можете меня не щадить, говорите правду.

— Ну что ж, раз вы готовы к этому, то тогда скажу. Вы потеряли процентов шестьдесят слизистой.

— Когда потерял?

Доктор пожал плечами.

— Может быть, в последнее время, а может быть, в последний год или два.

— Ну что ж, шестьдесят процентов потеряно, но сорок у меня еще осталось?

— Да, сорок или около этого у вас еще есть, но это очень мало и перспективы далеко не радужные.

— Я это, доктор, чувствую и без ваших слов.

Сандра стояла у окна, повернувшись спиной к своему возлюбленному и врачу. Ее пальцы нервно дрожали, она пыталась свернуть тонкую сигарету, но у нее ничего не получалось. Табак то и дело просыпался, сигарета рвалась.

— Дьявол! — шептала женщина. — Неужели он умрет? Может быть, первый раз в жизни мне повезло, я встретила настоящего мужчину, такого, который мне нравится, с которым я согласна идти по жизни, и тут судьба так неблагоприятна к нему и ко мне...

Доктор поднялся, прошелся по комнате, остановился у невысокой тумбочки и поправил на ней склянку с лекарствами.

— Мистер Дуглас, вы думаете, моя судьба уже предрешена?

Доктор неопределенно пожал плечами, и стекла его пенсне немного враждебно сверкнули.

— У вас, Кристиан, есть шанс, но здесь все будет зависеть только от вас.

— Говорите, доктор, я уже ничего не боюсь.

— Хорошо, раз вы согласны, то тогда скажу.

Сандра напряглась. Она молитвенно сложила перед собой руки, она боялась услышать горькую правду. Но лучше горькая правда, чем сладкая ложь, и доктор Дуглас сказал:

— Вам надо кардинально сменить образ жизни: перестать пить виски, перестать курить и вести ночной образ жизни. Ведь все болезни, как вы понимаете, от нервов, а нервы у вас

ни к черту, они совершенно расшатаны.

— Да нет, доктор, мне кажется, вы ошибаетесь, — вновь шевельнул обескровленными губами Мортимер, — и моей выдержке можно позавидовать. Ведь я профессиональный карточный игрок, а у них нервы должны быть всегда в порядке.

— Это вам, мистер Мортимер, только так кажется. Ваш организм абсолютно ослаблен, вы измотаны беспорядочным образом жизни. Вам нужно взяться за ум и жить по расписанию.

— Вы хотите сказать, что я должен существовать как почтовый фургон? В одно и то же время завтракать, обедать, отъезжать, подъезжать, останавливаться?

— Что-то в этом роде. Тогда, возможно, ваш организм сможет восстановить потерянное, ведь вы еще молоды. Кстати, сколько вам лет?

— По-моему, доктор, это не столь существенно и при женщинах неудобно признаваться в том, какой я старик.

Доктор рассмеялся, а плечи Сандры задрожали и показалось, что она вот-вот заплачет.

— Доктор, мне уже лучше, можно мне сейчас выпить виски?

— Нет, ни в коем случае, я вам вообще запрещаю прикасаться к алкоголю, это равносильно страшному яду. Временно вы почувствуете облегчение, но потом ваше состояние сразу же ухудшится.

— Доктор, а если перед тем, как мое состояние ухудшится, я снова выпью, ведь оно снова улучшится?

— Немного улучшится, но знаете, мистер Мортимер, очень и очень ненадолго, так что я советую вам остерегаться и держаться от табака, алкоголя, карт как можно дальше.

— Доктор, послушайте, может быть, вы мне запретите и всякие отношения с женщинами?

— Ну уж нет! — воскликнул доктор Дуглас и сладострастно потер ладони.

Он посмотрел на Сандру, стоящую у окна, и на его пухлых губах появилась благожелательная улыбка. Женщина ему очень нравилась и будь он помоложе, он наверняка попытался бы за ней приударить, хотя он понимал, что его шансы против Кристиана Мортимера ничтожны. Хотя доктор Дуглас и не пил в безмерных количествах виски, не просиживал ночи за зеленым столом и не курил в таких огромных количествах сигары. Он даже избегал нюхать табак и вел абсолютно правильный образ жизни. Поэтому в Кластер-Тауне все местные жители и приезжие ковбои считали его ужасным занудой, с которым вообще не о чем говорить, кроме как о болячках, а разговаривать о болячках здоровые люди не любят. А в Кластер-Тауне все мужчины и женщины были еще молоды и крепки.

— Короче, — глядя на Сандру сказал доктор, — ты, Кристиан, должен вести спокойный образ жизни, но при этом не умерщвляя своей плоти.

Кристиан подмигнул доктору, но тот уже не смотрел в лицо больного, он любовался точеной фигурой в полупрозрачном платье.

— Спасибо, доктор, я вас понял и постараюсь выполнить ваше предписание.

— Ну что же, тогда я с легким сердцем могу покинуть вас.

Доктор защелкнул свой кожаный саквояж, еще раз придирчиво посмотрел на тумбочку, заполненную всякими склянками с лекарством, получил из рук Сандры свой гонорар и покинул Кристиана и его любовницу.

Наконец-то Сандра смогла скрутить тонкую сигарету, раскурила ее, и Кристиан, чувствуя запах табака, жадно втянул ноздрями воздух. Ему страшно хотелось виски, страшно

хотелось закурить. Но он понимал, что если не ради себя, то ради Сандры он должен поостеречься и побереечь свое здоровье. Но табак пах настолько ароматно и так сильно щекотал его ноздри, что Кристиан Мортимер не удержался.

Он подозвал к себе Сандру, будто бы желая ее поцеловать. Та, не желая огорчать своего друга, подошла к нему с напускной веселостью на лице, опустилась на край постели, склонилась. И действительно, Кристиан поцеловал ее в щеку. Но не успела Сандра опомниться, как Кристиан двумя пальцами зажал сигарету, вытащил из пальцев женщины и жадно затянулся.

— Кристиан, но ведь доктор сказал...

— А ну их к черту, всех этих докторов. Ведь никто не знает, кому и сколько осталось жить на этой земле и вообще, дорогая, я знаю, я умру не от чахотки, а скорее всего, от злодейской пули. Так что было бы глупо отказываться от этих маленьких удовольствий, ведь их и так немного в моей жизни, — голос Кристиана Мортимера задрожал. — Сандра, у меня ужасно пересохло в горле.

Женщина сразу же метнулась к тумбочке и принялась из склянок наливать в стакан лекарство. Но Кристиан замахал руками и отрицательно закрутил головой.

— Нет-нет, дорогая, только не эту мерзость! Там, — он указал рукой на тумбочку, — внизу, открой и возьми бутылку.

— Что? Но ведь доктор...

— Пошел он к черту, этот доктор, я сам распоряжаюсь своей жизнью и мне плевать, что говорит какой-то доктор. Ведь я же тебе сказал, что погибну не от чахотки, а от пули. Знаешь, Сандра, ведь каждый день погибает куча абсолютно здоровых мужчин, у которых за всю жизнь ни разу ничего не заболело. А я уже больной человек, так что бояться мне нечего. Быстренько открывай бутылку и налей в мою серебряную чашечку.

Но Сандра все-таки настояла на том, чтобы Кристиан перед тем как выпить виски, принял лекарство. Он хоть и не хотел этого, противиться не стал и, поморщившись от сладкого лекарства как от нестерпимой зубной боли, запил приторную жидкость виски.

— Вот так будет лучше, — обрадовалась Сандра.

— Да, мне уже совсем неплохо, — Кристиан жадно затягивался сигаретой, и она буквально на глазах таяла в его тонких чувствительных пальцах.

Сандра свернула себе вторую сигарету и принялась ее курить. Она все время смотрела на Кристиана, а он лежал, прикрыв веки, и на его губах появлялась то и дело странная улыбка. Сандра задумалась, где же она видела подобные улыбки и вспомнила: на лицах покойников. Да, да, на лицах покойников бывают вот такие умиротворенные счастливые улыбки. Они появляются, когда у человека в этой жизни уже все закончено и ему приоткрывается какая-то странная тайна, но поделиться ею с кем-нибудь из живых он уже не в силах. И поэтому тайна оставляет на его лице удивительный след и умиротворенную счастливую улыбку.

«Неужели и он умрет?» — подумала она и бросилась к Кристиану, схватила его руку и прижала к груди.

Кристиан сжал руку женщины, и Сандра облегченно вздохнула.

— Что с тобой, дорогая? — проговорил мужчина, понимая, что происходит в ее душе.

— Да ничего, дорогой, просто мне подумалось...

— Что тебе подумалось? Наверное, ты вообразила меня уже мертвым?

— Нет-нет, Кристиан, что ты, — солгала Сандра, — я даже не могу себе этого

представить, я даже не могу об этом думать. Ты не умрешь, ты никогда не умрешь. Во всяком случае, я умру раньше тебя, будь в этом уверен.

— Нет, Сандра, не криви душой, мои дни сочтены, — спокойно сказал Кристиан и постучал ногтем указательного пальца по своей серебряной чашечке.

Сандра, понимая, что у нее нет никакого выхода, и что Кристиан действительно прав и имеет право на то, чтобы получить последние радости в этой жизни, плеснула на дно его стаканчика немного виски.

Женщина и мужчина некоторое время молча смотрели друг на друга. Сандра прекрасно представляла, что ожидает ее друга в ближайшем будущем, да и сам Кристиан Мортимер не питал никаких иллюзий на этот счет. Он то сжимал, то разжимал свои пальцы, как бы заигрывая с Сандрой, а той было совсем не до забав. Ее лицо оставалось серьезным, глаза затуманивали слезы.

— Кристиан... — тихо сказала Сандра.

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать, милая, — сказал Кристиан и притянул Сандру к себе.

— Нет, — покачала та головой.

Кристиан настаивал и тогда женщина уперлась руками ему в грудь и прошептала:

— Я хочу тебе признаться.

— Если ты, Сандра, хочешь сказать мне, сколько мужчин в твоей жизни было до меня, то меня это не интересует, — улыбнулся Кристиан.

— Нет, я совсем не это хочу тебе сказать.

— Тогда что же? Какие еще могут быть у тебя тайны?

— Может нам лучше расстаться, Кристиан?

Мужчина удивленно посмотрел на свою подругу.

— Неужели ты думаешь, Сандра, что я так скоро умру?

— Нет, но я понимаю, что ты должен выглядеть в моих глазах достойно, а если бы меня не было, то возможно, Кристиан, ты бы и послушался доктора Дугласа, купил бы какой-нибудь дом и зажил бы тихо и достойно. Денег у тебя достаточно...

— Денег никогда не бывает достаточно, — хмыкнул Кристиан Мортимер, — и я зарабатываю их не ради тебя, можешь не обольщаться. Это игра, и, сидя за карточным столом, я ощущаю себя сильным, я чувствую настоящую жизнь, чувствую ее биение. И как ты видишь, удача не изменяет мне только потому, что я решителен.

— Кристиан, но ведь тебе нужно пожалеть самого себя, ведь доктор, Дуглас сказал, что если ты изменишь образ своей беспечной жизни, то все пойдет на поправку и здоровье вернется к тебе.

— Я тоже сейчас думаю об этом, — Кристиан Мортимер наморщил лоб, — но я не хочу жить долго, я хочу жить по-настоящему. Хотя, постой... — Кристиан Мортимер смолк.

Сандра с тревогой вглядывалась в его лицо, ей казалось, что он уже больше никогда не сможет открыть веки. Она видела как судорожно дергается его кадык.

— Тебе плохо, дорогой? — обеспокоилась Сандра.

— Еще виски.

И женщина поняла, что Кристиану и в самом деле не нужны лекарства, что он будет мертв, если последует совету доктора Дугласа. Ведь он уже не мог представить себе жизнь без карточного стола, без азарта, без спиртного, без приключений. Это был бы уже не тот Кристиан Мортимер, которого с первого взгляда полюбила Сандра. Только ради такого

мужчины, каким был Кристиан сейчас, она бросила все, побежала вслед за ним, сама не понимая, куда следует ее возлюбленный. И самое странное, Сандра была счастлива, она понимала, что спокойная жизнь была тоже не для нее.

Кристиан протянул руку к серебряной чашечке и заглянул на ее дно. Там плескалось совсем немного виски.

— Вот столько же и жизни осталось мне, — усмехнулся Кристиан, — но зато какая это жизнь!

И он с наслаждением выпил спиртное. Его глаза заблестели и на щеках появился румянец.

— Дорогая, — сказал Кристиан, вновь сжимая руку Сандры, — ты готова сделать для меня что угодно?

Женщина, не раздумывая, кивнула.

— Конечно.

— Тогда, Сандра, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Пора пересмотреть наши отношения.

Тогда Сандра призналась.

— Я не могу стать твоей женой, Кристиан.

— Почему? — удивился Мортимер.

— Потому что я уже замужем.

В любое другое время эта новость поразила бы Кристиана Мортимера, но теперь, когда он был так близок от смерти, только улыбнулся.

— Но это неважно, Сандра.

— Как же, я обещала быть верной ему перед Богом.

— И что же, Сандра, ты сдержала свое обещание? — рассмеялся Кристиан.

— Нет, он меня бросил.

— Значит, и ты имеешь полное право бросить его, к тому же ты это уже давно сделала.

Легкая улыбка грусти облагородила губы женщины.

— Я согласна, Кристиан, можешь считать меня своей женой.

— А я и так давно считаю. Я хочу признаться тебе, Сандра, что с тех пор как знаю тебя, ни разу не изменил.

— У тебя просто не было времени, Кристиан, я не отходила от тебя даже тогда, когда ты играл в карты, даже тогда, когда ты спал.

— Это я не прогонял тебя, — улыбнулся Мортимер и нашел руку Сандры.

На этот раз женщина не сопротивлялась, и мужчина притянул ее к себе. Но лишь только их губы соприкоснулись, Кристиан вновь почувствовал приближающийся приступ кашля. Он разозлился на самого себя, ему не хотелось выглядеть в глазах Сандры беспомощным и слабым. Поэтому он напрягся и попробовал приподняться. На удивление, ему удалось справиться с удушьем, и он вновь улыбнулся.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

— Неужели? — усомнилась Сандра. — Неужели ты видел так мало женщин?

— Я видел их много и всяких, но все вместе они не стоят тебя.

— То же самое, Кристиан, я могу сказать и о тебе. Ты самый лучший мужчина в мире, ты доказывал мне это каждый день.

— Не так уж много было этих дней, — усмехнулся Кристиан, кривя губы.

— Но зато какие это были дни, Кристиан! Я никогда их не забуду.

— Не стоит загадывать далеко вперед, — Кристиан обнял Сандру за шею. — Быть может, ты даже забудешь мое имя через год или два.

— Нет, Кристиан, ты будешь жить, я это чувствую. Ты не сможешь оставить меня одну.

— Еще неизвестно, Сандра, кто кого оставляет — ты меня или я тебя. Главное, помни друг о друге и быть все время рядом. Ты сейчас хочешь меня? — спросил Кристиан, не давая Сандре отвернуть голову.

Та кивнула и прошептала:

— Я всегда хочу тебя.

— Даже тогда, когда я играю в карты?

— Да, даже тогда.

Рука Кристиана скользнула по многочисленным пуговицам на пеньюаре Сандры.

— Что ты, что ты, Кристиан, — забеспокоилась женщина, — тебе нельзя волноваться, ты даже еле лежишь...

— Это приятное волнение, и доктор Дуглас не запрещал мне его, ты же сама слышала.

Сандра недоверчиво покачала головой и принялась вновь застегивать пуговицы, расстегнутые ловкими пальцам профессионального игрока в карты.

— Но ты же хочешь меня? — настаивал Кристиан.

— Хочу, но боюсь, как бы тебе от этого не стало хуже.

— Давай решать за нас двоих буду я. Тогда сделаем по-другому — ты просто ляжешь рядом со мной, ведь тебе тоже будет хорошо.

Женщина, не привыкшая долго раздумывать, быстро сбросила пеньюар и юркнула под одеяло к больному.

— Какой ты горячий, Кристиан!

— Нет, это ты холодная, — и его рука легла на грудь женщины.

Сандра сперва схватила его за запястье, чтобы не дать Кристиану увлечься, но потом ее пальцы сами прижали горячую ладонь Мортимера к груди. Сандра глубоко вдохнула. Кристиан лежал, прикрыв глаза, а его чуткие пальцы скользили по телу женщины. Сандра вздрагивала, и как ей ни хотелось казаться в этот момент холодной, она ничего не могла с собой поделать. Она чувствовала, что возбуждение охватывает все ее тело помимо ее воли, и она не в силах противиться этим чутким пальцам своего друга.

А Кристиан прекрасно понимал, что сейчас происходит с Сандрой. Он лежал, прикрыв глаза, в уголке его рта таяла сигарета, в руке он сжимал пустую чашечку, пахнущую виски. Время от времени он подносил ее к носу и жадно втягивал дурманящий запах.

Сандра приподнялась, взяла с пола бутылку и посмотрела в полуприкрытые глаза Кристиана.

— Ты очень догадлива, налей.

На этот раз Сандра, наполнив чашечку Кристиана, налила виски и себе. Они устроились поудобнее в постели и Сандра, даже не прикрывшись одеялом, прошептала:

— За нас, дорогой, вернее, за тебя.

— Нет, именно за нас, ведь мы теперь муж и жена.

— Странно мы начинаем проводить медовый месяц, — рассмеялась Сандра.

После того как она выпила немного виски, ей стало очень спокойно, даже мысли о Кристиане не беспокоили ее. Мужчина старался вести себя спокойно, как всегда, и именно это немного уняло тревогу Сандры. Густые сумерки за окном, журчание недалекой реки и ветер наполняли комнату спокойствием и прохладой. Сандра немного мерзла, но Кристиан

смотрел на нее таким восхищенным взглядом, что женщина решила не одеваться. Она сидела рядом с ним на постели и курила. Огонек ее сигареты горел рубином в темном помещении. Было слышно как потрескивают стены, как поскрипывают стропила. Ночь все незаметное днем делает явным, и, может, поэтому именно ночью люди не боятся открывать свои чувства, не боятся, что их неправильно поймут другие.

Рука Кристиана скользила по плечу Сандры. Он то накручивал на палец локоны ее волос, то осторожно высвобождал его, и послушные волосы Сандры сохраняли форму, завивались колечками. Кристиан склонил голову на бок, рассматривал совершенные формы своей подруги. Она уже совершенно не стеснялась его. Этой ночью словно бы исчезла последняя преграда, разделявшая Сандру и Кристиана Мортимера.

Сандра улыбнулась.

— Ты даже не можешь представить себе, Кристиан, сколько ты сделал для меня, как ты изменил мою жизнь.

— Почему не могу, — ответил мужчина, — ты тоже изменила мою жизнь, я впервые перестал чувствовать себя одиноким.

— Ты любил кого-нибудь раньше, до меня? — спросила Сандра и голос ее задрожал.

— Тогда я думал, что это любовь, — усмехнулся мужчина, — но теперь понимаю, что я ошибался.

— Она была красивой? — спросила Сандра.

Кристиан ничего не ответил, его палец накручивал виток за витком ее послушные волосы. И Сандра хоть и понимала, что лучшее сейчас — это попросить Кристиана уснуть, дать ему отдохнуть, но была не в силах справиться с собой. Она поднесла его руку к своим губам и принялась целовать палец за пальцем.

— Ты целуешь меня так, Сандра, словно я уже покойник.

Только тут женщина заметила, что Кристиан немного пьян. Раньше виски почти не действовали на него, но сейчас организм мужчины был настолько ослаблен, что даже тех нескольких глотков было достаточно, чтобы глаза его затуманились.

— Кристиан, пообещай мне, что ты будешь жалеть себя ради меня.

— Я никогда, Сандра, не даю обещаний, которых не могу выполнить.

— Но все же пообещай, я прошу тебя, — настаивала женщина.

Кристиан до боли в суставах сжал ее руку.

— Сандра, надеюсь, ты никогда не пожалеешь о том, что поехала со мной, покинув Ойл-Сити?

— Ты совсем слабый, — говорила Сандра, проводя ладонью по его волосам, — тебе нужно уснуть, ты должен отдохнуть. Я задую свечу, и мы уснем.

— Не нужно, Сандра, я успею побыть в темноте, когда кончится жизнь, а сейчас я хочу смотреть на тебя. Поэтому лучше прибавь еще света.

Но в этот момент из-за облака выглянула луна и облила Сандру призрачным светом, а на пол комнаты легло перекрестие рамы. Сандра протянула руку и подставила ладонь лунному свету, словно желая поймать его.

— Свет — как счастье, — задумчиво сказала женщина, — его невозможно остановить, его невозможно задержать, в него можно только попасть, и он на мгновение сделает все понятным.

— Но он обманчив, — возразил ей Кристиан, — ведь днем ты совсем не такая, Сандра.

Женщина поднялась с постели и стала возле кровати. Ее темные волосы искрились, а их

живописный беспорядок только усиливал ее привлекательность.

— Ты самое лучшее лекарство, — сказал Кристиан Мортимер, глядя на свою подругу. — А доктор Дуглас ничего не понимает в медицине. Убери к черту эти склянки, они только раздражают меня.

И странное дело, Сандра послушалась Кристиана, склянки исчезли в недрах тумбочки и теперь трудно было бы догадаться, что на постели сидит очень больной человек. Казалось, Кристиан только прилег отдохнуть, что он полон сил. Ему совсем не хотелось, чтобы Сандра его жалела, и он твердо решил для себя: пока у меня будут силы, я буду держаться на ногах и не позволю никому жалеть меня.

В коридоре послышались осторожные шаги. Они замерли перед дверью.

— Кристиан! — негромко позвал Рэтт Баттлер.

Сандра тут же набросила пеньюар и отодвинула задвижку.

— Проходи, Рэтт.

Баттлер удивился, застав Кристиана Мортимера с серебряной чашечкой в руках. В комнате пахло дымом, виски, но совсем не лекарством, как рассчитывал на это Рэтт. Он не стал упрекать своего друга в том, что тот не следует советам врача. Он понимал, что сам на его месте вел бы себя точно так же.

— Я вижу, тебе уже лучше, Кристиан.

— Лучше не бывает, — мистер Мортимер подвинулся, освобождая место, куда бы мог присесть Рэтт Баттлер.

— Что ты думаешь, Кристиан, о поведении полковника и Жака Мокро? По-моему, они сделали неправильный выбор.

Кристиан задумчиво посмотрел на Рэтта Баттлера.

— Не знаю, Рэтт, может, они и правы, ведь нужно же когда-то человеку обзаводиться семьей, нужно когда-то осесть, бросить странствовать по свету.

— Неужели и ты, Кристиан, мечтаешь о семейной жизни? — воскликнул Рэтт Баттлер. — Неужели Сандре все-таки удалось уговорить тебя?

Сандра улыбалась, глядя на Рэтта Баттлера. Только сейчас она поняла, что Рэтт хоть и старше годами Кристиана, но все равно остается юношей, для которого еще не понятен смысл жизни. А Кристиан за эти дни совсем по-иному стал смотреть на мир.

— Да, мы уже поженились, — абсолютно серьезно сказал Кристиан Мортимер, — так что можешь теперь называть Сандру миссис Мортимер.

Рэтт улыбнулся.

— Ну что ж, мне остается только поздравить вас, хотя, собственно говоря, я пришел по другому поводу. По-моему, Кристиан, тебе следует всерьез заняться своим здоровьем.

— Я это знаю и без тебя, Рэтт, спасибо за беспокойство.

— Нет, Кристиан, я говорил с доктором Дугласом и понял, дела твои не так уж и плохи. Несколько месяцев спокойной жизни — и ты придешь в корму. Твои старые раны зарубцуются, и ты вновь сможешь вернуться к прежнему образу жизни.

— Боже, как я устал всем объяснять, — вздохнул Кристиан, — что мне не нужна другая жизнь, что я хочу оставаться самим собой. Рэтт, согласишься, что если бы ты сегодня узнал, что у тебя страшная болезнь, ты бы ведь не стал пинтами глотать лекарства, а бросился бы в разгул. Так что я еще веду себя очень осмотрительно и спасибо за это Сандре.

— Рэтт, в самом деле, — сказала Сандра, подходя к Баттлеру, — ты очень хороший человек, спасибо тебе за заботу, но Кристиану ты ничем не сможешь помочь. Он сам должен

решать за себя.

— Но хоть ты, Сандра, можешь повлиять на него, заставить слушаться врача. Если ему не нравится доктор Дуглас, пусть выслушает кого-нибудь другого, кому он доверяет.

— По мне все врачи одинаковы, — возразил Кристиан, — и пусть доктор Дуглас говорит, что хочет, я сам знаю, что требуется моему телу.

Ночь наполняла комнату влажным запахом травы, лунный свет серебрил доски пола и ненужным казался огонек свечи, стоявшей на полу в медном тазике, наполненном водой. Ведь Сандра очень боялась пожаров и как ни смеялся над ней Кристиан, никак не соглашалась оставить свечу, не обезопасив себя от огня подобным образом.

Рэтт Баттлер смотрел на то, как Кристиан, морщась от боли, попытался дотянуться до колоды карт. Услужливая Сандра тут же подала ему колоду, и мистер Мортимер принялся ее тасовать. Он даже не глядел на свои руки, карты змеились, растягиваясь в воздухе замысловатой линией. Был слышен легкий треск соприкасающихся глянцевых листов картона.

— В картах заключен весь мир, — сказал Кристиан Мортимер, раскладывая их картинками вверх. — Тут есть короли, дамы, есть президенты — тузы, есть полицейские — валеты. Так вот, Рэтт, я не хотел бы быть младше короля. Я это говорю не для того, чтобы обидеть полковника или Жака, но я во всем хочу быть первым. Я не против того, чтобы покончить с бандитами, но делать это нужно по-другому.

— Может, ты и прав, Кристиан, но и я начинаю склоняться к тому, что стоит надеть на время значок полицейского... С бандитами нужно бороться от имени закона, иначе одно беззаконие будет порождать другое.

— Нет, Рэтт, — возразил Кристиан, — игра должна быть честной. Можно хитрить, можно делать ложные ходы, но у твоего противника тоже должен быть шанс на выигрыш.

— Бандиты — не противники, — возразил Рэтт, — это дикие звери, которых нужно безжалостно уничтожать.

— Ого! — удивился Кристиан. — Неужели, Рэтт, ты забыл... Скорее всего, и в твоей жизни было много противозаконного.

— Теперь-то я уже другой, — возразил Рэтт Баттлер, — теперь я понимаю, что было плохого и хорошего в моей жизни.

— погоди, ты проживешь еще лет десять и, может быть, разочаруешься в сегодняшних днях, поймешь, что прожил их неправильно. Лучше всего, Рэтт, не вспоминать о прошлом, а жить так, как подсказывает тебе совесть. Тебе очень хочется нацепить на лацкан сверкающую звезду — тогда цепляй.

— Мне хочется, — вздохнул Рэтт, — чтобы люди не боялись бандитов.

Сандра спохватилась. Она взяла небольшой стаканчик, наполнила его виски и подала Рэтту Баттлеру. Тот не спеша пил и чувствовал, как напиток горячими волнами расходится по его телу. Ему казалось, что виски в бутылке Кристиана Мортимера какое-то особенное, что это волшебный напиток, дающий силы хозяину, приносящий ему удачу. Ведь никогда Кристиан, сидя за карточным столом, никого не угощал, кроме Сандры, из своей бутылки, точно так же, как пил он всегда из своей серебряной чашечки.

И Кристиан, поняв, о чем думает Рэтт Баттлер, сказал:

— В самом деле, Рэтт, я слишком суеверный человек. Я не хочу менять своих привычек, ведь значок полицейского — это новая вещь, которую я буду обязан носить на своей груди все время. А неизвестно, понравится ли она моей удаче. Я знаю, что удача обожает мою

серебряную чашечку, мой револьвер, обожают мои усы, которые я ни за что не сбрую. Иногда мне кажется, что удача — это Сандра, внезапно появившаяся в моей жизни. Я ее так себе и представлял — прекрасной женщиной, стоящей у меня за спиной. Ты не поверишь, Рэтт, временами я боялся оглянуться и не увидеть ее. Когда я играю, я чувствую как кто-то стоит у меня сзади. Вот и сейчас, карты в моих руках и посмотри, Рэтт, ты никого не видишь? Никто не прячется за спинкой кровати?

Сандра с удивлением смотрела на Кристиана, так серьезно говорил тот. Ко Кристиан удивил ее еще больше.

— Рэтт, если ты увидишь там смерть с косой, ты тоже скажи мне, быть может, я предложу ей сыграть партию в покер и выиграю несколько лишних лет жизни.

— Тебе не стоит пить, — сказал Рэтт.

— Пожалуйста, не учи меня жить, я сам знаю, что мне нужно, и я, кстати, Рэтт, никогда не мешал тебе по ночам. К тому же я живу не один. Я думаю, время на разговоры найдется и завтра.

— Извини его, Рэтт, — сказала Сандра.

— Да нет, я думаю, Кристиан прав, — вздохнул Баттлер, направляясь к двери, — я и в самом деле пришел не вовремя.

Женщина виновато улыбнулась, закрывая за Рэттом Баттлером дверь.

— Он очень хороший человек, — сказал Кристиан Мортимер, вращая на пальце серебряную чашечку, — такие люди редкость. А ты как думаешь, Сандра?

— Я чувствую, Рэтт очень благородный человек, — ответила женщина.

— Он благороднее меня, — Кристиан обнял Сандру за талию, пытаясь расстегнуть пуговицу на ее пеньюаре.

— Вы хоть очень и похожи, но в то же время абсолютно разные. Ты, Кристиан, живешь сегодняшним днем, а Рэтт — это видно по нему — всегда думает о будущем. Он никогда не доволен достигнутым...

— В этом-то его беда, — вздохнул Кристиан, — ведь будущее никогда не наступает.

Женщина опустилась на колени перед кроватью и с мольбой посмотрела в глаза Кристиану.

— Обещай мне, что ты будешь жить.

— Все, что в моих силах, я сделаю, Сандра, но быть вдовой тоже неплохо.

— Не говори так, Кристиан.

— Но ты же мой друг, Сандра, и я не хочу тебя обманывать. Я мог бы пообещать тебе что угодно, но обещаю только то, что в моих силах. Я обещаю любить тебя пока жив.

— Это я и хотела от тебя услышать.

Женщина сбросила пеньюар и легла рядом с Кристианом Мортимером. Тот смотрел в потолок.

Сандра задула свечу, огонек погас.

— Не нужно ничего, — попросила она, — ты только лежи рядом со мной, к я буду слушать твоё дыхание.

Кристиан Мортимер пытался дышать как можно более ровно, но все равно Сандра слышала легкий хрип, вырывающийся из его груди. Она была неподвижна, лишь только изредка проводила кончиками пальцев по горячим ладоням Кристиана Мортимера. И мужчина и женщина смотрели на потолок, туда, где танцевал лунный блик, отраженный тазиком с водой.

Ночь навевала мысли о покое. В городе было тихо, но тишина иногда бывает обманчивой.

И Кристиан и Сандра понимали, что, возможно, это последняя спокойная ночь в Кластер-Тауне.

Ранним утром, лишь только поднялось солнце, полковник Брандергас разбудил Рэтта Баттлера. Тот не сразу понял, чего от него хочет старший друг.

— Поднимайся, Рэтт, — приказал полковник.

— А в чем дело?

Чарльз Брандергас как всегда был подтянут и безукоризненно одет. Его звезда начальника городской полиции сияла на лацкане сюртука.

— Пойдем выпускать бандитов.

Рэтт недовольно поморщился.

— А по-моему, пусть бы еще посидели.

Но сон уже слетел с него, и Рэтт понял, что полковник Брандергас прав. Стоило выпустить бандитов до того, как на улице появятся люди. Ведь они не совершили ничего противозаконного, и лишний раз злить людей братьев Баллоу ни к чему.

Наконец, Рэтт Баттлер собрался, и они вместе с полковником Брандергасом направились к выходу. Но оказалось, что не они одни проснулись в такую рань.

На лавочке возле крыльца сидела Молли. Она грустно посмотрела на своего дядю. Рэтт чувствовал себя виноватым перед девушкой, хотя он ей ничего не обещал, а пустые надежды в ее душе поселил сам Чарльз Брандергас.

— Вы что? Не будете завтракать? — изумилась Молли. — Я сейчас сварю кофе. Я не думала, что вы так рано поднимитесь.

Чарльз Брандергас недовольно поморщился.

— Спасибо, Молли, но у нас совсем нет времени. Когда вернемся, может быть, мы и позавтракаем.

— Я все равно поставлю кофе, и кофейник будет ждать вас на плите.

Чарльз Брандергас и Рэтт Баттлер шли по пустынным улицам городка. Пыль была прибита вчерашним дождем, земля еще оставалась влажной, но утренние лучи солнца быстро высушивали лужи. Деревья уже оправились после вчерашней грозы, и шелест их листьев наполнял город.

— Рэтт, ты еще не передумал? Не хочешь поступить на службу в полицию? — спросил полковник Брандергас.

Рэтт покосился на револьвер в кобуре полковника и чтоб позлить того, ответил:

— Носить оружие я бы не отказался, но идти на службу в полицию, по-моему, еще преждевременно. Я все-таки хочу оставаться свободным человеком.

— Как знаешь, — пожал плечами полковник, — думаю, те два револьвера — это не последнее, что есть в твоем багаже. И если что, ты придешь мне на помощь не с голыми руками.

— Вот это другой разговор, — воскликнул Рэтт Баттлер, — теперь я узнаю своего старого друга.

Мужчины подошли к полицейскому участку. Бандиты еще спали. Чарльз Брандергас открыл камеру своим ключом и принялся их расталкивать.

Старый Карлос, ворча, собирал свои пожитки.

— И какого черта, шериф, ты запер нас здесь?

Одноглазый Джон и Билли предпочитали помалкивать.

Чарльз Брандергас отвел бандитов в свой кабинет и достал их оружие. Одноглазый Джон и Билли принялись прилаживать свои кобуры, а старый Карлос с недоумением смотрел на свои два револьвера.

— А где карабин? — недовольно пробурчал он и заметил, что тот стоит у дверей.

— Забирайте все, и чтобы я вас больше не видел в городе, — грозно сказал Чарльз Брандергас, кладя руку на свой револьвер.

Рэтт Баттлер стоял рядом, готовый в любой момент прийти на помощь своему другу. Бандиты, а следом за ними Чарльз Брандергас и Рэтт Баттлер вышли на крыльцо.

Уже сев в седла, люди братьев Баллоу осмелели, старый Карлос отщелкнул барабан своего револьвера и требовательно спросил:

— Где мои патроны? Я отдавал тебе револьверы заряженными.

— Скажи спасибо, что я тебя выпустил, — огрызнулся полковник Брандергас, — я разрядил все ваши револьверы, так будет лучше. А сейчас проваливайте.

Но мексиканец понял, что полковнику нечего поставить им в вину и поэтому повел себя совсем нагло. Он слез с коня и поднялся на крыльцо полицейского участка.

— Если ты сейчас же не отдашь мне патроны, то тебе придется плохо.

— Проваливай, — сквозь зубы процедил полковник Брандергас.

Рэтт Баттлер добавил:

— Если ты, мразь, сейчас же не уберешься отсюда, то тебе придется иметь дело со мной.

Мексиканец вскинул свои заспанные глаза на человека, посмеявшегося сказать ему подобное.

— А ты кто такой? Не успел прожить в Клостер-Тауне и неделю, а уже начинаешь командовать?! Да у тебя даже значка кету. Ты, вообще, не имеешь права распоряжаться в нашем городе.

Одноглазый Джон подбадривал своего приятеля.

— Конечно, Карлос, кто он такой, чтобы отдавать нам приказания?!

— Патроны, — повторил Карлос, протягивая руку Чарльзу Брандергасу.

Тот резко ударил по протянутой руке бандита и толкнул того в плечо. Карлос пошатнувшись, еле удержался на ступенях.

— Ну, я тебе сейчас покажу, — рука бандита скользнула к кобуре, но тут же спохватился — оружие было разряженным.

— А-а, теперь я понимаю, чего ты такой смелый, — пробурчал Карлос, но не собирался уходить. — Конечно, всех разоружил, а сам ходишь с револьвером. Я посмотрел бы на тебя, полковник, сойдишь ты со мной один на один.

— Вчера, Карлос, у тебя было в руках оружие, но ты все равно вел себя как трус, — бросил Рэтт Баттлер. — И давай не будем злить друг друга.

— Я вам еще все припомню, — мексиканец сжал кулаки и двинулся на Рэтта Баттлера.

— Вот чего ты добился со своими друзьями, — крикнул с коня одноглазый Джон, — честные люди не могут спокойно ходить по улицам города. И кто тебе, полковник, только сказал, что ты имеешь право отбирать оружие!

— Я добился, чего хотел, — спокойно ответил Чарльз Брандергас. — А ты, одноглазый, засунь свои слова себе в задницу.

И тут самого молодого из бандитов осенило. Он запустил руку в кармашек седла и извлек оттуда пригоршню патронов. Одноглазый Джон и Билли расхохотались, Билли

спустился с коня и вразвалочку направился к стоящему на крыльце Чарльзу Брандергасу, заряжая по дороге барабан своего револьвера.

Но лишь только он защелкнул барабан, как Рэтт Баттлер вырвал оружие у него из рук и стукнул рукояткой по голове. Билли, взмахнув руками, осел и завертел головой. Перед глазами у него поплыли круги.

— Проваливай! — крикнул Рэтт, — иначе я буду стрелять.

Карлос стоял, раздумывая, стоит ли сейчас ввязываться в драку. Ко встретившись взглядом с Рэттом Баттлером, мексиканец понял, что тот не шутит. Он помог подняться Билли и сесть на коня.

— Револьвер, — попросил Карлос, протягивая руку.

Рэтт Баттлер взглянул на Чарльза Брандергаса и тот кивнул:

— Отдай.

— Если бы не полковник, не видать тебе твоего оружия, — игнорируя протянутую руку Карлоса, Рэтт бросил револьвер Билли.

Тот ловко поймал оружие, но не стал искушать судьбу, оружие исчезло в кобуре. Карлос, боясь повернуться к Рэтту Баттлеру спиной, попятился к коню. И только оказавшись в седле, вновь осмелел:

— Ты, пришелец, — крикнул он Рэтту, — попомни мои слова. Мы тебе кровь еще пустим.

— Да я слышу это не первый раз и не только от тебя, ответил Рэтт Баттлер. — Если ты такой смелый, то давай выясним отношения сейчас же.

— Нет, — прохрипел Карлос, — сейчас закон на твоей стороне. Но это произойдет очень скоро, ты пожалеешь о том, что был с нами груб.

— Прочь! — закричал Рэтт.

Карлос недобро усмехнувшись, взмахнул рукой, давая своим приятелям знак к отправлению.

— Мы еще встретимся! — прокричал он, полуобернувшись к мужчинам, стоящим на крыльце полицейского участка. — Мы еще поквитаемся! Наша месть будет страшна.

Улюлюкая и гогоча, бандиты понеслись по пустынной улице городка. Желтые повязки развевались на их шеях.

— Чарльз, — обратился Рэтт Баттлер, — не лучше ли было бы как в старые добрые времена просто перестрелять этих ублюдков. Ведь они в самом деле попортят людям крови.

— Нет, — покачал головой полковник, — я не могу требовать соблюдения закона от других, если буду нарушать его сам.

— Это неправильно! — воскликнул Рэтт Баттлер. — Ты же видишь, они готовы убивать и дальше, а мы бездействуем. Ты, Чарльз, забыл, ради чего, собственно, стал начальником городской полиции. Люди выбрали тебя потому, что верят, ты сможешь справиться с бандитами. А ты пускаешь их на волю и еще собственноручно возвращаешь им оружие.

— Нет, Рэтт, я помню о старых временах и понимаю, что был не прав. Нельзя, нарушая закон, наводить порядок.

— Ну что ж, Чарльз, ты сам выбираешь как действовать. Я могу только тебе советовать. И по-моему, здесь, в Клостер-Тауне, мы попусту тратим время. Наш грандиозный проект под угрозой. Заболел и не может встать с постели Кристиан. Жак переметнулся к тебе, а я остался на распутье.

— Я знаю, — усмехнулся полковник, — что удерживает тебя в Клостер-Тауне. Это не

деньги, не друзья, ты думаешь о Розалине.

— Даже если и так, — обиделся Рэтт, понимая, что слова полковника справедливы, — я волен поступать, как мне вздумается.

— По-моему, Розалина не та женщина, которая тебе нужна. Она ведь прекрасно понимает, что окружной шериф негодяй — и в то же время живет в его доме. Неужели тебе это нравится, Рэтт? Я бы с удовольствием набил морду Клоду Бергсону, меня раздражает в нем буквально все. А твоя Розалина очень неплохо к нему относится, — заметил полковник. — Твоя беда, Рэтт, в том, что ты слишком любишь самого себя. Ты не умеешь ничем пожертвовать ради других. А ведь твои жертвы вернутся к тебе сторицей, если ты поможешь людям.

— Не знаю, — задумался Рэтт Баттлер, — в твоих словах, Чарльз, есть какой-то смысл. Но я прямо-таки чувствую, что они заведут меня в тупик. Я еще недостаточно пожил для самого себя. Может, когда мне исполнится пятьдесят лет, я тоже начну думать о семье.

— Тогда, Рэтт, будет уже поздно.

— Розалина — женщина, о которой можно только мечтать, — вздохнул Рэтт Баттлер. — Согласись с этим, Чарльз.

— И не подумай.

— Но она чудесная актриса. Она умна, образованна, — принялся перечислять достоинства Розалины Рэтт Баттлер.

— Но в ней нет основного достоинства женщины — она не умеет любить честно. Ведь я вижу, она любит тебя, и в то же время живет в доме окружного шерифа. Это нечестно с ее стороны.

— Она ничего не должна, Чарльз.

— Забудь о любви, Рэтт. Лучше подумай о том, что, возможно, Клод Бергсон как-то связан с желтыми повязками.

— Он, конечно, трус, — засомневался Рэтт Баттлер, — но вряд ли такой негодяй, чтобы якшаться с бандитами.

— А ты подумай, Рэтт, почему бандиты до сих пор не тронули его дом? Почему он даже не прикоснулся к револьверу, когда началась перестрелка возле салуна? Значит, он был спокоен за свою жизнь. Возможно, бандиты откупаются от него, а возможно, он от них. Все это нужно узнать, Рэтт. А у меня не хватает сил и времени заниматься всем сразу.

— Но у тебя есть чудесный помощник Жак Монро.

— Лучше тебя, Рэтт, я никого не встречал. И если бы ты согласился мне помочь...

— Ты меня не спросил, Чарльз, когда пошел на службу начальником городской полиции, поэтому не уговаривай теперь. Я, Чарльз, приду тебе на помощь, но только в самый критический момент, когда пойму, что пришло время спасти твою жизнь или жизнь твоих племянниц, — добавил Рэтт.

— Спасибо и за это, — полковник нахмурился.

Ему и в самом деле было не весело. Он понимал, что бандиты скоро вернутся в город, чтобы вновь установить здесь свой порядок. На окружного шерифа рассчитывать не приходилось — этот светский хлыщ был больше озабочен тем, какие доходы ему приносят акции серебряных рудников, нежели тем, что в городе власть в свои руки могут взять бандиты.

Мэр Клостер-Тауна Фрэнсис Дайвер — тоже не помощник, хотя и неплохой человек, дружелюбный и душевный. Ко смелости явно не хватало даже на то, чтобы не бояться

самому. А ведь глядя на мэра, начали побаиваться бандитов и многие жители города.

Если представители власти ничего не могут поделать с братьями Баллоу, то что же делать простым обывателям. Вот и предстояло теперь Чарльзу Брандергасу распутывать клубок противоречий, накопившихся в Кластер-Тауне.

И самым обидным было то, что все проблемы, если бы кто-нибудь решился взяться за них раньше, не стали бы такими страшными. И теперь победить братьев Баллоу и их банду можно было лишь ценой большой крови, а полковнику Брандергасу не на кого было рассчитывать, кроме как на своих друзей.

Конечно, в городе были и еще смелые люди. Но эта горстка смельчаков не могла противостоять банде. И начальник городской полиции понимал, что нужно провести несколько удачных операций, чтобы горожане поверили — закон может победить бесправие, справедливость возьмет верх над бессмысленным насилием.

Рэтт Баттлер посмотрел на восходящее над крышами домов солнце.

— По-моему, день будет сегодня жарким, — оборвал он рассуждения полковника.

Тот скривил недовольную мину.

— Да, со дня на день здесь должна появиться вся банда во главе с братьями. Они не преминут поквитаться со мной. И самое плохое, что они не пощадят и тебя.

— Это я не пощажу их, — ответил Рэтт Баттлер, — и поверь, Чарльз, если хоть один волосок упадет с головы Молли или Терезы, я поквитаюсь с братьями Баллоу. Пусть только они попробуют! Но с одним условием: ты, Чарльз, не должен мешать мне.

А в доме окружного шерифа в это время происходили странные вещи. Розалина никак не могла понять их природы.

Сам Клод Бергсон встретил на крыльце шестерых бандитов, которые не прячась, с желтыми повязками, подъехали к его дому. Он провел их через гостиную в свой кабинет и, плотно прикрыв дверь, уединился.

Но Розалина была слишком любопытной женщиной, чтобы не подслушать, о чем разговаривает ее покровитель с людьми братьев Баллоу. К тому же она очень беспокоилась за жизнь и здоровье Рэтта Баттлера и понимала, бандиты вполне возможно, приехали договариваться с Клодом Бергсоном об условиях, на которых тот отдаст им на откуп этого смелого человека.

Она не ошиблась.

Клод Бергсон восседал за своим массивным письменным столом с видом хозяина Кластер-Тауна. Это был не скромный член городского совета, занимавший одно из крайних кресел в зале заседаний — это был человек, уверенный во всемогуществе собственных денег.

Бандиты чувствовали себя в его кабинете вполне сносно и совсем не стеснялись в выражениях.

— Клод, мы не будем трогать твои рудники, — сказал Карлос.

Ясное дело, Клод Бергсон не потерпел бы к себе такого обращения со стороны бандита-мексиканца, но тот говорил от имени братьев Баллоу, пославших его.

— Это приятно слышать, — тонкие губы окружного шерифа скривились в улыбке. — Но как я понимаю, вы это делаете не из добрых чувств ко мне.

— Ты должен отдать нам одного человека.

— Хорошо, парни, — Клод Бергсон поднялся из-за стола, — я не буду вмешиваться.

Ведь в городе запрещено ношение оружие. Если у этого человека случайно окажется в руках револьвер, то он сам будет виноват в начавшейся перестрелке.

Розалина, услышав шаги бандитов, направляющихся к двери, отпрянула. Те, выйдя, застали ее в гостиной сидящей на диване со скучающим видом.

Карлос смерил ее оценивающим взглядом, и Розалина улыбнулась ему, польстив самолюбию пожилого бандита.

Ей не терпелось бежать предупредить Рэтта Баттлера о грозящей ему опасности. Но покидать дом окружного шерифа так сразу тоже было небезопасно. Поэтому Розалина решила подождать.

Но как назло Клод Бергсон не собирался уходить. Он вполне мог представить себе, что Розалина подслушивала его разговор с бандитами и поэтому не хотел оставлять ее одну. Поэтому Розалина, отбросив все приличия, напрямую сказал своему покровителю:

— По-моему, Клод, было бы честно предупредить Рэтта Баттлера.

Окружной шериф от удивления даже раскрыл рот. Но он был все-таки светским человеком, несмотря на то, что являлся отпетым негодяем. И поэтому умел прекрасно владеть собой.

— Мы с тобой люди, которые все понимают. Я смотрю сквозь пальцы на твои авансы, которые ты без устали расточаешь Рэтту Баттлеру. Да, будет честным, если я пойду и предупрежу его, что бандиты собираются расквитаться с ним. Но ты не осуждай меня, Розалина. Ведь на это им не требуется моего разрешения.

Женщина примолкла. Она хоть и любила Рэтта Баттлера, но все-таки главным для нее оставался театр. А окружной шериф давал деньги на постановки и преспокойно мог лишить их зала для выступлений.

Если судить Клода Бергсона с точки зрения местной морали, то он был честным человеком. Здесь на Западе мало кого интересовало, откуда у тебя деньги. Главное, чтобы они были. А все-таки окружной шериф никого не грабил, не убивал сам. Он лишь приспособливался к обстоятельствам, договаривался с бандитами, а сам не нарушал закон. Правда, этого было мало, должность обязывала его этот закон охранять и требовать его соблюдения от других.

— Ты веришь мне, Розалина, что я честно предупрежу Рэтта Баттлера? — спросил Клод Бергсон.

Актриса некоторое время молча смотрела в глаза шерифу. Тот не отвел своего взгляда. Розалина, вспомнив, какой смелый и решительный человек Рэтт Баттлер, поняла, предупреждения будет достаточно. Он сможет отстоять свою жизнь и честь.

— Да, Клод, я останусь в твоём доме, если ты честно предупредишь его.

— Ну вот и отлично, — шериф надел свой котелок, взял в руки неизменную трость с блестящим набалдашником и пешком отправился к полицейскому участку.

А там на крыльце уже собрались полковник Брандергас, Жак Монро, Рэтт Баттлер и еще несколько полицейских. Жак Монро уже видел нескольких бандитов, появившихся в городе, и поспешил предупредить об этом полковника. Тот сжимал в руках карабин.

— Черт возьми, — говорил Чарльз, глядя на то, как в конце улицы появляются бандиты, — ничего не изменилось в Кластер-Тауне. Несколько дней спокойствия, а теперь опять разгул преступности.

— Это все как кошмарный сон, — отвечал Рэтт Баттлер, — жадно отпивая из кружки

уже успевший остыть кофе.

— Да, все по-старому, — вздохнул полковник, — они не оставят нас в покое: или мы, или братья Баллоу.

— Лучше бы мы, — улыбнулся Жак Монро, — что-то мне не хочется оставлять город на откуп бандитам.

— Рэтт, — окликнул полковник Брандергас.

И Рэтт понял, о чем сейчас его спросит полковник, но на всякий случай притворился наивным.

— Ты что-то хочешь спросить, Чарльз?

— Да, ты обещал помочь мне.

И Рэтт понял, сейчас время действовать, а не шутить.

— Наверное, Чарльз, мне стоит принять присягу прямо сейчас?

— Ну не станем же мы, Рэтт, созывать для этого общее собрание горожан. Считай — присягу ты уже принял, — и полковник протянул Рэтту револьвер, предусмотрительно припрятанный в карман сюртука.

— Чарльз, ты знал, что я соглашусь? — изумился Рэтт Баттлер.

— Мы же друзья, — полковник похлопал Рэтта по плечу, — и мы теперь будем все вместе.

— Но оружие — это не все, — напомнил Рэтт Баттлер полковнику.

Тот приложил ладонь к своему высокому лбу.

— Ах, да, Рэтт, — и на ладони полковника блеснула звезда помощника шерифа.

Рэтт долго рассматривал полицейский значок, а потом гордо прикрепил его к лацкану своего сюртука. Теперь они все трое были похожи друга на друга — черные сюртуки, черные шляпы и блестящие звезды. В руках у каждого было оружие.

Но бандиты пока не рискнули выехать на центральную площадь Клостер-Тауна, они скрылись в одной из боковых улиц.

— Это всего лишь отсрочка, — улыбнулся полковник Брандергас. — Рано или поздно они появятся здесь.

— Ну, если они не спешат появляться здесь, то думаю, стоит отдохнуть, — Рэтт Баттлер принес из полицейского участка кресло-качалку, поставил возле перил и сел, забросив ноги на поручни. Он раскачивался, поигрывая в руках револьвером.

— Всего лишь день не держал в руках, — изумился Рэтт Баттлер, — а уже успел отвыкнуть.

Он несколько раз крутанул револьвер на пальце и, не глядя, опустил его в кобуру.

— Ну что, получается? — спросил он у Чарльза.

— По-моему, это у тебя получается даже у спящего, — подбодрил своего друга полковник.

— Не знаю как ты, Чарльз, а я обычно сплю раздевшись.

Наконец-то на площади появился окружной шериф Клод Бергсон. Ох, как не хотелось идти ему на разговор с Рэттом Баттлером. Но обещание, данное Розалине, обязывало сделать это.

Еще издали, даже не разглядев лица идущего, Чарльз Брандергас безошибочно узнал шерифа округа по блеску набалдашника его трости. Такая трость была одна на весь Клостер-Таун, и шериф необычайно ею дорожил. Казалось, этот светский хлыщ скорее расстанется со своим револьвером, чем с этой безделушкой.

Поигрывая тростью, как жонглер палочкой, Клод Бергсон взошел на крыльцо полицейского участка. Его лицо было нерешительным, с каким-то просящим выражением.

Рэтт Баттлер недовольно поприветствовал Клода Бергсона.

— Ну что, шериф, вы тоже решили быть в этот день с нами?

— Я хочу предупредить вас, мистер Баттлер. Бандиты ищут вас и обязательно попробуют сегодня поквитаться за нанесенную им обиду.

— Откуда вам это известно, шериф? — покачиваясь в кресле, осведомился Рэтт Баттлер и щелкнул носками своих начищенных сапог.

— Это сказал мне один верный человек, — не стал раскрывать карты окружной шериф.

Но Рэтт Баттлер и сам догадывался, откуда растут ноги у информации шерифа и услышанное не было новостью.

Зато откровением для окружного шерифа был блестящий полицейский значок на лацкане сюртука Рэтта Баттлера. Клод Бергсон замер в нерешительности. Вообще-то, дело уже было сделано — значок сиял на груди Баттлера, но с другой стороны, все-таки представителю власти стоило поинтересоваться, каким образом этот знак отличия блюстителя закона появился у молодого человека.

На всякий случай, Клод Бергсон осведомился у начальника городской полиции.

— А мистер Баттлер, уже приведен к присяге?

— Да, только что, — полковник звенел патронами в кармане, — можете не волноваться, шериф, все сделано в полном соответствии с буквой закона.

И тут же перешел к делу:

— Так вы останетесь с нами, шериф?

Тот замялся.

— У меня сегодня много дел. На сегодня назначено заседание городского совета.

— Ясно, — процедил сквозь зубы полковник. — Мне не хотелось бы отрывать вас от дел, мистер Бергсон.

Чарльз Брандергас специально не назвал своего собеседника шерифом. Неизвестно, куда бы зашел этот разговор между городским и окружным шерифом, если бы на террасе не появился Кристиан Мортимер.

Он шел пошатываясь, но не как обычно от выпивки, а от слабости. На плечах его висел черный немного измятый плащ, шляпа была небрежно сдвинута набок.

Рэтт Баттлер удивился — никогда он еще не видел Кристиана Мортимера небритым. И еще в одном отступил от своих правил Кристиан — в руке он сжимал не серебряную чашечку, а высокую плоскую фляжку. Чтобы не терять времени на отвинчивание пробки, Кристиан нес ее откупоренной и то и дело прикладывался. По тому, как менялось выражение лица Кристиана Мортимера, лишь только горлышко фляжки и его губы соприкасались, нетрудно было догадаться, что содержимым являются виски.

— О, кто к нам пожаловал, — воскликнул Рэтт Баттлер, уступая место Кристиану.

Но тот не стал садиться в кресло-качалку.

— Ты похож на тень отца Гамлета, — вспомнив Розалину, сказал Баттлер.

— Спасибо, что ты поднял мне настроение подобным замечанием, — съязвил Кристиан, прикладываясь к фляжке.

— Да тебе лежать в постели нужно, — возмутился Рэтт Баттлер. — Какого черта ты сюда притащился?

— Не мог же я оставить вас без присмотра? Заваруха началась-то из-за меня. И вообще,

какие вы друзья? Чарльз, Рэтт, Жак, я лежу себе в постели и случайно замечаю в окне, как по улице проезжают шесть вооруженных до зубов бандитов, И от случайных людей я должен узнавать, — Кристиан покосился на окружного шерифа, — что люди Баллоу охотятся за вами.

— Извини, Кристиан, я слишком рано сегодня поднялся, — сказал Рэтт Баттлер.

— Так что будем делать? — осведомился Кристиан.

Рэтт Баттлер пожал плечами.

— Сюда бандиты появляться не спешат, хоть на каждом углу и трезвонят, что приехали в Кластер-Таун застрелить полковника и меня. Так что подождем, пока у них кончатся деньги на выпивку. Подождем, пока они проснутся. А потом у них будет очень сильно болеть голова, и мы легко с ними расправимся.

— Я бы, Рэтт, отнесся к этому серьезнее.

— А что мне церемониться? — воскликнул Рэтт Баттлер. — Подождем, пока напьются, а потом перестреляем всех.

— Рэтт, не забывай, на твоей груди висит значок помощника шерифа, и ты должен отвечать за свои действия, — строго напомнил полковник Брандергас.

Рэтт Баттлер недовольно покосился на сверкавшую в солнечных лучах шестиконечную звезду.

— Да я-то понимаю, Чарльз, но можно же начать первыми. Ты же сам знаешь, выигрывает тот, кто стреляет первым.

— В данном случае мы не можем себе этого позволить. Единственное, что можно сделать, это попытаться их арестовать за то, что они не сдали оружия и появились в городе.

— Да ты с ума сошел, Чарльз, попытаться! Неужели я это слышу от своего друга. Неужели, Чарльз, ты забыл, как раньше стрелял в бандитов. Ты не церемонился с людьми Альфаро Сикеройса и не обращал внимания на букву закона. Главное для тебя было победить и, по-моему, задача теперь такая же.

Чарльз Брандергас сокрушенно покачал головой.

— Рэтт, мы теперь другие люди. Это раньше ты мог в своем пончо выделывать все что хочешь. А теперь на тебя смотрит весь Кластер-Таун. Если ты сегодня нарушишь закон, завтра его нарушат другие. Ради этого ты и нацепил эту звезду, чтобы не уподобляться бандитам и не вести нечестной игры.

— Но тогда мне остается надеяться только на то, — воскликнул Рэтт Баттлер, — что бандиты, действительно, напьются, начнут стрелять и убьют кого-нибудь из горожан, и я, следуя букве закона, смогу пристрелить пару этих мерзавцев. Вот до чего ты меня довел, Чарльз.

Жак Монро, молчаливо куривший до сих пор в углу террасы, решил вмешаться в спор. Ведь дело касалось и его самого.

— Полковник говорит правильно. Мы не можем никого из них арестовать. Ведь они еще не совершили никакого преступления.

— Это они-то? Эти головорезы? — изумлению Рэтта, казалось, не было предела. — Да каждого из них можно, не спрашивая, вздернуть на виселице — и то этого будет мало. У них у всех руки в крови по локоть.

— Все равно, — покачал головой Чарльз Брандергас, — мы будем действовать по закону.

— Да ну тебя к черту, — не выдержал и Кристиан Мортимер, прикладываясь к

фляжке, — снимай, Рэтт, эту дурацкую звезду и пойдём громить бандитов. Пусть они тут ждут с распахнутыми дверями камер. Мы туда приволочем уйму трупов.

— Вы не имеете права этого делать, — заметил окружной шериф.

— А ты бы катился отсюда к черту! — сплюнул на доски настила Кристиан Мортимер и вновь приложился к фляжке.

Окружной шериф понял, что лучше всего в данной ситуации, изобразить обиженного и ретироваться. Что он и сделал: слегка приподняв указательным пальцем свой котелок, он попрощался и удалился.

Чарльз Брандергас, улыбаясь, смотрел на тающий в знойном воздухе блеск набалдашника трости.

— А я за Баттлера, — сказал Кристиан Мортимер, — только у меня нет оружия. Рэтт, почему у меня нет оружия?

— Потому что у тебя нет значка, — строго сказал полковник Брандергас, — и вообще, Кристиан, тебе следует лежать в постели.

— Да, я буду лежать, а вас всех перестреляют. Хорош же я буду. Да надо мной будут смеяться даже женщины. Но если вы, ребята, такие идиоты, что собираетесь подставлять свои головы под пули и не попытаетесь защищаться, то мне с вами делать нечего. Я раздобуду себе оружие и пойду против бандитов один.

— Я хочу тебе повторить, — напомнил полковник Брандергас, — что ты, Кристиан, похож на тень отца Гамлета.

— Ну ты меня и утешил! Ну, Чарльз, подбодрил! А то я не успел с утра посмотретья в зеркало.

Полковник рассмеялся, но Кристиан Мортимер обиделся и поэтому, пошатываясь, принялся спускаться с крыльца.

— Эй, Кристиан, — окликнул его Рэтт Баттлер.

На окрик Чарльза Кристиан, конечно же, не обернулся бы, но к Рэтту Баттлеру у него было особое отношение.

— Неужели ты одумался, Рэтт? — повернулся он к Баттлеру. — И идешь со мной? Только отдай свой значок Чарльзу.

— Нет, я поступлю по-другому, — и Рэтт Баттлер взялся за карабин, что был в руках полковника.

Тот разжал руки и оружие перекочевало Рэтту.

— Держи! — и карабин полетел к Мортимеру.

На удивление легким и четким движением Кристиан подхватил карабин и тут же передернул затвор.

— У тебя плохая привычка, Чарльз, ходить недослав патрон в ствол. Так тебя легко могут подстрелить.

Пришлось полковнику Чарльзу Брандергасу довольствоваться револьвером.

— Вот теперь, ребята, я смогу поправить свои нервишки. Пара трупов — для меня это будет как две таблетки, — Кристиан Мортимер снова припал к фляжке.

И Рэтт Баттлер увидел, как сильно вспотело лицо его приятеля. Крупные капли пота катились по щекам и по небритому подбородку. Рэтт на мгновение пожалел, что отдал карабин в его руки, но заметив в глазах Мортимера блеск, понял, что поступил правильно — вернул человека к жизни.

— Кристиан, а не сыграть ли нам с тобой в покер? Пару партий, пока будем поджидать

появления бандитов.

— Я бы с удовольствием, Рэтт. Но ты же знаешь, как я увлекаюсь. Главное карт для меня нет ничего в жизни. Бандиты могут подкрасться ко мне незамеченными, потому что я буду выигрывать у тебя последние деньги. Лучше сыграем потом, когда сыграем с людьми Баллоу.

— Все вам хиханьки, да хаханьки, — довольно сурово сказал полковник Брандергас.

А Монро утвердительно кивнул. Он явно был на стороне начальника городской полиции. Ему очень не нравилось, что больному Кристиану дали в руки оружие.

В городе начиналось что-то неладное. На окраине прозвучали выстрелы. И внезапно из-за домов повалил дым.

— Мне это не нравится, — сказал полковник.

— Мне тоже, — согласился Рэтт.

Лишь один Кристиан Мортимер довольно спокойно смотрел на клубы дыма, вздымающиеся к небу, вливая себе в рот последние капли виски из плоской фляжки.

— Вот незадача — не догадался захватить вторую флягу.

И Кристиан Мортимер так, словно это он, а не Чарльз Брандергас был здесь шерифом, послал одного из полицейских в салун наполнить его фляжку. Тот безропотно подчинился.

На улицу выбежал босоногий мальчишка и опрометью бросился к крыльцу полицейского участка. Он безошибочно определил старшего. Седая шевелюра и усы полковника Брандергаса внушили доверие.

— Шериф! Бандиты подожгли дом вдовы Джека Добсона, вашего предшественника, — выпалил мальчик и, развернувшись, помчался назад, чтобы успеть досмотреть пожар.

— Что будем делать? — Чарльз обратился к Рэтту, но не получив ответа, посмотрел на Монро.

— Я думаю, — сказал Жак, — нам следует оставаться здесь. Это западня, они хотят перестрелять нас, когда мы выйдем на площадь.

— Вполне резонно, — заметил полковник, — но наша обязанность защищать честных горожан, и мы должны быть там.

Он выхватил из кобуры свой револьвер и крутанул барабан. Раздались ровные щелчки, ласкавшие слух Рэтта Баттлера.

— Погодите, — воскликнул Кристиан, — еще не принесли мою фляжку, а без нее я не согласен никуда идти.

Пришлось Чарльзу Брандергасу ждать, пока Кристиан Мортимер не получит свою фляжку, наполненную виски. Лишь только после этого четверо мужчин с оружием наготове двинулись в ту сторону, где слышались крики, откуда к небу валил черный дым.

Странное дело, но горожане не прятались в этот день в своих домах. Правда, они не выходили на улицу, но в каждом окне можно было видеть лицо женщины или девушки. Мужчины же стояли в дверях или под навесами. На лицах не было праздного любопытства, все предчувствовали, что произойдет что-то страшное. Некоторые смотрели на полковника Брандергаса и его людей так, словно они уже покойники.

Зато в глазах других горожан читалась надежда — быть может, эти герои избавят их от бесчинств банды братьев Баллоу и смогут, в конце концов, навести в городе порядок, расправившись с головорезами.

Уверенно, но в то же время осторожно друзья двигались по улице. Их лица казались беспристрастными, но глаза зорко следили за малейшим движением, боясь упустить хоть какую-нибудь самую незначительную подробность.

Рэтт Баттлер видел людей, следивших за ними, видел выражение их лиц. Он не спеша правой рукой отвел полу своего сюртука, чтобы в любое мгновение смочь выхватить свой второй револьвер и открыть огонь.

Выстрел врага мог прозвучать в любой миг. Бандиты братьев Баллоу совсем не отличались благородством, и какой-нибудь мерзавец мог засесть на крыше или на балконе и выстрелить в кого-нибудь из четверых смельчаков, решивших противопоставить себя банде.

Дом уже догорал, стены рушились, в небо взлетали снопы искр. Полковник Чарльз Брандергас недовольно поморщился, стоя шагах в двадцати от догорающего дома. Он достал из кармана белый носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

Шагах в сорока от Баттлера, Брандергаса, Мортимера и Монро были бандиты. Кое-кто из них развлекался тем, что крутил на пальце револьвер, подбрасывал его ловко в воздух, взводил и отпускал курок.

Карлос, еще не пришедший в себя после выпитого огромного количества спиртного, то и дело опускал свою голову в бочку с водой, не давая набирать из нее воду горожанам. Он отфыркивался и тряс головой как пес, разбрасывая вокруг себя брызги.

— Отлично, отлично! Сейчас я буду в форме. Сейчас я приду в себя, — приговаривал он, зачерпывая в пригоршни теплую воду.

Бандиты хохотали, явно довольные тем, что учинили в Клостер-Тауне. Они уже давно заметили представителей порядка Клостер-Тауна, но на их лицах не было ни малейшего замешательства или хотя бы капли испуга. Они чувствовали себя хозяевами — ведь их было шестеро. А людей со сверкающими значками только четверо.

Горожане, толпившиеся у пожара, с интересом наблюдали за этим странным спектаклем. Они переговаривались между собой, негромко бросали замечания.

— Сейчас начнется, — прошептал мужчина в белом фартуке. — Они обязательно перестреляют друг друга.

— Да нет, полковник Брандергас навряд ли отчается ввязаться в драку.

— Да ну, что вы? Ведь он смелый человек. О нем ходит столько слухов. Да и приятель его, этот Рэтт Баттлер, тоже человек не из робкого десятка. Он изловил кучу отъявленных мерзавцев.

— Вот именно, изловил! — парировал мужчина в темном пенсне, — это было давно и не у нас в Клостер-Тауне. А здесь хозяйничает банда Баллоу. И думаю, что эти четверо ничего с ней не смогут поделать.

Все присутствующие и участники этого странного спектакля находились в напряжении. Все боялись неосторожного движения, незначительного выпада, после которого могли прозвучать выстрелы.

— Пошли, — негромко скомандовал полковник Брандергас.

И все четверо двинулись к навесу, под которым сидели бандиты. Ветер трепал их волосы, шевелил их шейные платки. Бандиты сидели возле дома окружного шерифа.

Казалось, что вот-вот начнется перестрелка.

Но вдруг из толпы горожан вырвалась женщина с растрепанными волосами и быстро побежала, таща за собой мальчика лет девяти.

— Шериф! Шериф! — закричала она, и на ее лице появилось выражение странного замешательства. — Это не бандиты, это не бандиты. Дом загорелся случайно, по моей вине.

— Что вы говорите, миссис Добсон?

— Это не бандиты, я сама, сама виновна в том, что наш дом сгорел.

— Вы говорите неправду, миссис. Но я не пойму, зачем вам нужно пытаться обмануть нас.

— Я говорю правду, правду...

Но всем было ясно, что она врет, что бандиты из банды Баллоу запугали несчастную вдову. Ребенок вырвал свою руку из пальцев матери и бросился к Рэтту Баттлеру.

— Неправда, это не мама виновата в том, что сгорел наш дом. Это они подожгли, они! Они! Я собственными глазами видел! — кричал перепачканный сажей ребенок, указывая в сторону расположившихся под навесом преступников.

— Ты это увидел собственными глазами? — уточнил Рэтт Баттлер.

— Конечно. Конечно, я видел, мистер. А потом они сказали маме, что убьют меня. И она испугалась, очень испугалась. Она даже не могла говорить.

— Ты хороший мальчик, — сказал Рэтт Баттлер, приглаживая взъерошенные волосы на голове ребенка.

Он опустил на корточки, вытянул из кармана носовой платок и вытер перепачканное сажей и заплаканное лицо мальчугана.

— Успокойся, малыш. Мы обязательно с ними разберемся. Ты настоящий сын своего отца.

— Да, мистер, я очень любил папу, мы с ним всегда играли.

— Хорошо, хорошо, малыш. А теперь иди, — и Рэтт Баттлер подтолкнул ребенка к матери.

Женщина тоже опустилась перед мальчиком на колени и крепко прижала к своей груди. Ее тело сотрясали рыдания.

— Не надо, мама, не плачь, все будет хорошо. Они защитят нас. Не бойся, этот дядя дружил с моим отцом, я знаю, — и мальчик принялся утешать свою мать, которая от слов мальчика разрыдалась еще сильнее.

Ей было крайне стыдно и невыносимо больно за то, что она предала своего мужа, честного человека. Но она была матерью, и жизнь ребенка была для нее превыше всего. Своими слабыми женскими руками она не могла защитить сына от распоясавшихся бандитов.

— И как нас угораздило связаться во все это, — в сердцах обронил Рэтт Баттлер, глядя на безутешную вдову и на маленького мальчика.

— Это наш долг, — коротко ответил Чарльз Брандергас.

— Долг так долг. Его надо отдавать, — Рэтт снова поправил полу сюртука.

Все четверо медленно двинулись по улице. С крыльца своего дома сбежал шериф. Он как всегда поигрывал тростью со сверкавшим набалдашником.

— Джентльмены, джентльмены! Я прошу вас остановиться.

— Это еще почему? — резко бросил Чарльз Брандергас.

— Я прошу вас остановиться и не связываться. Не затевать кровопролитие на улицах Кластер-Тауна.

— Пошел к черту! — сказал Рэтт Баттлер, даже не смотря на шерифа, как будто это был не человек, а какое-то навязчивое насекомое.

— Я вас предупредил. Предупредил. Я пытался остановить кровопролитие, — быстро затараторил Клод Бергсон, оставшись стоять на месте.

Было видно, что он боится двинуться вслед за четырьмя представителями закона, боится за свою бесценную жизнь. Горожане смотрели на окружного шерифа с презрением. Но ему было все равно, кто и как на него смотрит — собственная шкура была дороже.

— Господа! Господа! — прокричал он в спину прошедшим мимо него четырем мужчинам, — я надеюсь, вы не допустите беспорядков.

Вместо ответа Чарльз Брандергас тоже поправил полу своего сюртука, отведя ее в сторону и освобождая рукоять своего револьвера.

На лицах четверых была решимость. Они были готовы ко всему, даже к самому худшему.

Рэтт Баттлер напоминал сильное дикое животное — его шаг был упруг, вся фигура выражала готовность в любой момент броситься на врага и победить его.

Чарльз Брандергас был куда осмотрительнее. Он не хотел рисковать попусту, но тоже был готов к схватке. Это было заметно по тому, как сжимались и разжимались пальцы его правой руки. Казалось, что он уже держит в руках свой тяжелый длинноствольный револьвер, а глаза под седеющими бровями щурились, превращаясь в узкие горящие щелочки, будто он целился в невидимого врага.

Клод Бергсон быстро вбежал в дверь своего дома, распахнул дверь и попал в гостиную.

Там сидела Розалина. Она была вся в черном, на коленях ее лежала Библия. Розалина прочитывала страницу, быстро переворачивала ее и шептала наизусть слова из Священного писания.

— Ты чем занимаешься? — спросил ее Бергсон.

— Не мешай. Видишь, я молюсь.

— Нашла время.

— Для этого подходит любой час, любое мгновение.

— Уж не за здоровье и спасение Баттлера ты молишься?

— А это мое дело, — женщина опустила глаза в книгу, и полные губы зашептали молитву.

Наконец, Кристиан Мортимер, Рэтт Баттлер, Жак Монро и начальник городской полиции Чарльз Брандергас свернули за угол.

Прямо перед ними всего лишь в какой-нибудь дюжине шагов расположились бандиты. Один из них поигрывал огромным ножом. Он вертел нож в руках и втыкал его в стену, затем выдергивал его, отходил и с разворота швырял снова. Нож, просвистев в воздухе, глубоко входил в дощатую стену. А Карлос все еще продолжал окунать голову в бочку с водой.

Увидев так близко блюстителей порядка, бандиты вскочили с места и замерли.

Также остановились и полицейские. Начальник полиции поднял вверх левую руку, подавая знак своим друзьям оставаться на месте, а сам прошел еще два шага вперед.

— Эй, вы! — сурово и грозно окликнул он бандитов. — Предлагаю вам всем немедленно сдать оружие!

— Что? Что он сказал? — прошипел Карлос, отфыркиваясь и отплевываясь от теплой воды. — Это он нам предлагает сдать оружие?!

Одноглазый Джон, а это он швырял нож в стену, немного испуганно расхохотался.

— Да, Карлос, нам с тобой. И по-моему, это уже не в первый раз за последнее время.

— А пусть попробуют взять сами, — бросил Карлос и грязно выругался.

Но ругань не относилась ни к Рэтту Баттлеру, ни к Чарльзу Брандергасу. Он ругался сам на себя, пытаясь подстегнуть своих друзей и придать им побольше решимости. Он понимал, что, возможно, через несколько мгновений придется выхватить револьверы и начать стрельбу. Но и Карлос, который уже почти не ценил свою жизнь, побаивался.

Он много слышал о Чарльзе Брандергасе, о Рэтте Баттлере, да и с Кристианом Мортимером он был давно знаком и отлично знал, что эти парни легко и быстро умеют выхватывать револьверы и замечательно стреляют. А получить в грудь свинец и не рассчитаться за него, этого Карлосу не хотелось. Поэтому Карлос поднял вверх две мокрые ладони.

— Давайте поговорим и не будем спешить.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — бросил Чарльз Брандергас. — Сдавайте оружие подобру-поздорову.

— А может, все-таки поговорим, — уже вяло произнес Карлос, понимая, что договориться ни о чем не сможет.

Кристиан Мортимер передернул плечами и черный плащ, как два больших крыла, упал к его ногам. Он вскинул карабин и щелкнул затвором. Ствол карабина был нацелен на Карлоса, потом перешел на одноглазого Джона, потом на Билли, и так Кристиан провел стволом своего оружия по каждому из застывших преступников. Только один спрятался за лошадью. Но Кристиан успел заметить, как он выхватил из кобуры револьвер и взвел курок.

— Я не это хотел сказать, — громко сказал Карлос. — Я хотел предложить не стрелять.

— Сдай оружие! — рявкнул Рэтт Баттлер, все еще не вынимая револьвер из кобуры.

— А вот уж и нет, — и его рука дернулась к рукоятке револьвера. Четверо представителей закона и шестеро бандитов почти одновременно выхватили револьверы.

Но никто не решился первым нажать на спусковой крючок. Все застыли в напряженном ожидании.

Рэтт Баттлер пригнулся, его ноги напряглись, он был готов в любой момент нажать курок револьвера и броситься в сторону.

К этому же готовы были и бандиты.

Началась какая-то странная дуэль, будто бы противники проверяли друг друга на выдержку. Они пристально вглядывались друг другу в глаза.

Баттлер видел, как исчезают улыбки на лицах бандитов, а Карлос видел, как крупные капли пота выступают на лице у Кристиана Мортимера.

Пальцы и у представителей закона, и у бандитов подрагивали. Казалось, эта тишина и напряженное ожидание никогда не кончатся. Казалось, что теки людей застыли на выжженной солнцем земле и только ветер, порывами проносясь по улице, шевелил волосы, полы сюртуков, развеивал желтые повязки.

Местные жители, понимая, что стрельба может начаться в любое мгновение, ретировались в свои дома, попрятались за углы, за фургоны, повозки. И оттуда продолжали следить за грандиозным спектаклем, разворачивающимся у крыльца дома окружного шерифа.

Тянуло гарью, черный дым клочьями плыл по улице, ветер разрывал его, подбрасывал вверх, и там дым исчезал, растворяясь в безоблачной синеве. Солнце палило нещадно,

казалось, что у него только одна цель — истребить, испепелить все живое на земле.

Карлос почувствовал, что от напряжения, а еще больше от выпитого накануне виски может потерять сознание. Его немного повело в сторону, но он успел ухватиться за край бочки и устоял.

— Господи боже мой, — прошептал Рэтт Баттлер, глядя в глаза одному из бандитов.

Кристиан Мортимер, встретившись взглядом с Биллом, подмигнул тому.

И это движение века с длинными ресницами все решило. Молодой парень не выдержал, нервы сдали и он судорожно дернулся, но пальцы его не успели взвести курок, Рэтт Баттлер выстрелил.

И бандит, раскинув руки в стороны, несколько мгновений пытался собраться с силами, удержать равновесие, но рана на его груди была ужасной. Бандит опустив голову, прижав ладонь к груди, рухнул лицом в пыль.

Мгновенно началась беспорядочная стрельба.

Баттлер действовал как заведенный, казалось, что его предназначение на этой земле заключалось в том, чтобы, метко выстрелив, увернуться от пули, посланной ему. Он наклонялся, прыгал в стороны, укрывался за каким-нибудь самым незначительным укрытием.

— Не стреляйте, не стреляйте! — кричал Карлос, так и не успевший выхватить свой револьвер.

Но было уже поздно, его слова потонули в грохоте выстрелов, в истошных криках, в визгах женщин, в звоне выбитых стекол, в ржании лошадей.

У дома окружного шерифа был крошечный ад. Выстрелы звучали со всех сторон. Гильзы падали на землю, корчились раненные бандиты, проклиная все на свете.

— Не стреляйте, не стреляйте! — вопил Карлос, непонятно к кому обращаясь, то ли к своим бандитам, то ли к представителям закона.

Но ни Чарльз Брандергас, ни Рэтт Баттлер, ни Кристиан Мортимер, ни Жак Монро не стреляли в Карлоса. И тогда он на четвереньках пополз к ним, схватил Рэтта Баттлера за ногу, задрал к нему свое умоляющее грязное, небритое лицо и принялся просить:

— Не стреляйте, ведь я безоружен. Не убивайте!

Он вытащил свои револьверы и бросил на землю.

— Не стреляйте, я вас прошу.

Он понимал, что коль не успел выхватить оружие из кобуры и первым начать стрельбу, теперь это делать совершенно бессмысленно. Стоит ему только шевельнуть рукой, потянуться к револьверу, как кто-нибудь из этих четверых всадит в его голову пулю.

— Пошел прочь отсюда! — взревел Рэтт Баттлер, отталкивая ногой Карлоса. — Я же говорил тебе, скотина, чтобы не подходил ко мне и не прикасался никогда и ни при каких обстоятельствах.

— Понял! Понял! — закричал Карлос и так же на четвереньках пополз по улице, пытаясь укрыться в каком-нибудь из домов.

Не зная куда лезет, он ворвался в дом окружного шерифа Клода Бергсона. Испуганная Розалина прижалась к стене, а сам шериф, прячась за простенком, выглядывал в окно, наблюдая за разыгравшимся кровопролитием.

Карлос увидел его, бросился к нему, сбил с ног и вырвал из кобуры револьвер. Окружной шериф даже не сопротивлялся. Розалина истошно закричала:

— Помогите! Помогите!

— Заткнись! — рявкнул осмелевший Карлос и ударил женщину по лицу.

Розалина упала на диван, вскочила, но, зацепившись за низкий стул, растянулась на полу.

А Карлос, локтем высадив оконное стекло, принялся целиться в спины четверым представителям закона.

Но Кристиан Мортимер заметил его, он передернул затвор карабина и выстрелил в окно. Зазвенело выбитое стекло, но пуля не достигла своей цели. Карлос успел затаиться, продолжая палить.

— Ах ты грязная мексиканская скотина! — прокричал Кристиан, нажимая на спусковой крючок.

Но выстрела не последовало — карабин был пуст.

— Дьявол! — выкрикнул Мортимер, отбрасывая ненужное уже оружие.

Он бросился на землю и поднял два револьвера Карлоса. Теперь он стрелял из двух рук и бежал к окну, за которым прятался бандит.

— Осторожнее! Сзади! — закричал, предупреждая своих товарищей, Кристиан.

Окружной шериф попытался подняться с пола, но Карлос ударил его рукояткой по голове, и тот растянулся под окном. Карлос переступил через неподвижно лежащего шерифа и, высадив плечом раму в другом окне, выставил на улицу револьвер и прицелился в Чарльза Брандергаса, который стрелял в бандита, прячущегося за фургоном.

Полковник вздрогнул, пошатнулся и, прижав руку к груди, медленно опустился на колени. Револьвер выпал из ослабевших пальцев.

Карлос понял, что все для него кончено — выстрелов уже не было слышно. Он опрометью бросился из дома, выскочил на задний двор, зацепился за перила крыльца, выругался и испуганно, как загнанный зверь, оглядываясь по сторонам, побежал к строениям на другой стороне улицы.

В его руке был револьвер, он размахивал им и никто не смел приблизиться к разъяренному бандиту. Для того, чтобы нагнать побольше страха, Карлос остановился и заревел:

— Всем лечь на землю! Всем! Если кто-нибудь шевельнется, я тотчас же выстрелю!

Горожане испуганно присели, прижались к стенам. А Карлос перескочил через забор и скрылся.

Из представителей закона двое были ранены. Полковнику Чарльзу Брандергасу пуля попала в руку, а Жак Монро был ранен в ногу.

Кристиан Мортимер, поняв, что Карлос скрылся, зло плюнул на землю и тут же заулыбался. Казалось, что жизнь и прекрасное настроение вернулись к нему. Он вытер рукавом рубахи вспотевшее лицо и огляделся по сторонам, потом крутанул на пальце револьвер Карлоса и поймал его другой рукой.

В это время из-за фургона вышел один из бандитов. Покачиваясь, он прижимал левую руку к животу, из-под пальцев текла густая липкая кровь. Лицо бандита было бледным, почти бескровным, губы шевелились, произнося проклятия.

— Ублюдки! Ублюдки! — шептал он.

А в правой руке он зажимал револьвер. Ствол плясал из стороны в сторону. Бандит брел, словно ничего перед собой не видел. Кристиан Мортимер вскинул свой револьвер и нажал на спусковой крючок, но вместо выстрела прозвучал сухой щелчок.

— Дьявол!

Глаза бандита злобно сверкнули, а на губах появилась радостная улыбка.

— Ну вот сейчас, красавчик, я с тобой и поквитаюсь.

Ствол его револьвера замер, направленный в голову Кристиана Мортимера. Тот только слегка зажмурил глаза и развел руки в стороны. Он знал, что его дни на этой земле уже сочтены. И что там какая-то неделя или месяц — он был готов умереть.

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Кристиан открыл глаза и увидел, как револьвер падает из рук бандита к его ногам. Он поднял взгляд и увидел зияющую во лбу бандита дыру. Кристиан неторопливо обернулся и благодарно подмигнул Жаку Монро, тот лежал на земле, сжимая двумя руками револьвер, из ствола которого голубоватой струйкой вился дым. Силы покинули Жака Монро, он потерял сознание, успев перед этим спасти Кристиана.

Мортимер бросился к другу, приподнял его и положив голову на колени, зашептал:

— Ты что? Дружок, и не думай умирать. Рана твоя не опасная, — он посмотрел на окровавленную ногу и подумал.

«Хорошо бы, чтобы кость не была задета». Оторвав рукав своей когда-то белоснежной рубашки, Кристиан перевязал рану на ноге. Сознание вернулось с Жаку, скорее всего, от нестерпимой боли.

— Кристиан, это ты?

— Да, приятель, я. А кто, ты думал? Это Господь Бог склонился над тобой?

— Нет, я не думал, что это Господь. Ты жив?

— Конечно, жив. Иначе как бы я тебя перевязал, если бы был мертв.

— Тогда хорошо, — и Жак снова потерял сознание.

А Рэтт Баттлер в это время перевязывал простреленную руку Чарльзу Брандергасу. Тот морщился от нестерпимой боли, но сознание не терял.

— Дьявол! Рука, — шептал полковник, — Рэтт, как же я буду?..

— Да, ерунда, полковник. Кости целы, — Рэтт осторожно ощупал предплечье. — Ну потерял ты, Чарльз, немного крови, зато получил боевое ранение. И теперь тебя будут уважать все жители Кластер-Тауна.

— Будь они неладны, эти трусливые жители, — ответил едва слышно полковник Брандергас.

А горожане, поняв, что все закончилось, высыпали из своих домов, но все стояли, боясь подойти к убитым бандитам и к раненым блюстителям порядка.

Толпу растолкал и подбежал к Рэтту Баттлер окружной шериф. В его кобуре торчал револьвер.

— Вы все арестованы! — крикнул Клод Бергсон, бросив взгляд на пять трупов.

— Ты кого имеешь в виду? — прошептал Рэтт Баттлер, поднимаясь с колен и помогая встать с колен полковнику Брандергасу.

— Как это кого! Конечно же, вас всех.

— Знаешь, шериф, не думай, что я позволю тебе арестовать нас именно сегодня, — и Рэтт Баттлер положил правую руку на рукоять своего револьвера.

Шерифа передернуло, и он нервно завертел в руках трость, как бы пытаясь защититься ею от слов Рэтта. Хоть Баттлер и произнес их не очень громко, но все жители услышали и часть из них явно была на стороне этих отчаянных людей, не побоявшихся вчетвером выступить против головорезов.

Клод Бергсон и Рэтт Баттлер несколько мгновений стояли друг против друга. Взгляд Рэтта был полон презрения, а окружной шериф, ничуть не смущаясь, что вел себя во время этой перестрелки как последний трус, сейчас осматривал поле боя, явно прикидывая к чему бы еще придрататься, чтобы приуменьшить заслугу Чарльза Брандергаса и Рэтта Баттлера.

Вполне возможно, что они простояли бы в таких позах еще несколько минут, если бы на крыльцо дома не выскочила Розалина. Ветер рассыпал по плечам ее волнистые волосы. На глазах у женщины были слезы, но на губах уже играла улыбка. Она была счастлива, что Рэтт Баттлер жив.

Как птица она сорвалась с высокого крыльца и бросилась к Рэтту, не обращая внимания на Клода Бергсона.

Но Рэтт холодно взглянул на нее, отстранил — и это подействовало на Розалину. Она поумерила свой пыл и остановилась. Улыбка исчезла с ее лица. Рэтт вежливо поклонился женщине, двумя пальцами приподняв свою шляпу. Розалина резко развернулась и пошла к дому.

— погоди, Розалина, — позвал ее Клод Бергсон.

Но женщина даже не оглянулась на его властный голос.

— Подожди! — закричал окружной шериф.

Но дверь его дома громко хлопнула, как бы ставя точку в их отношениях.

Не успела закрыться дверь дома окружного шерифа, как на улице появились Молли, Тереза и Сандра. Их лица были переполнены ужасом и страхом. Каждая из женщин очень волновалась за жизнь дорогих им людей.

Молли подбежала к дяде, обняла его и поцеловала в седые усы.

— Что ты, девочка моя? — сказал Чарльз Брандергас. — Все в порядке. Успокойся. Видишь, я жив и здоров.

— Все в порядке, дядя? — прошептала Молли, но увидев окровавленную повязку на руке полковника Брандергаса, испугалась еще больше.

— Что с рукой, дядя?

— Все в порядке. Несколько царапин, как сказал Рэтт.

— Царапин? Но почему так много крови?

Тереза, упав на колени, прижимала к груди голову Жака Монро.

— Дорогой, — шептала она. — Ты меня слышишь?

— Да, Тереза, — отвечал Жак.

Но его голос доходил до девушки как издалека.

А Сандра, никого не стесняясь, крепко обняла Кристиана Мортимера и жадно прильнула к его губам. Их поцелуй был нестерпимо долгим, даже успел утомить любопытных зрителей. Но едва Сандра оторвалась от Кристиана и он перевел дух, как тут же снова впиалась в его губы.

— погоди, дорогая, — остановил свою возлюбленную Кристиан, — ты так целуешь, что я могу задохнуться и умереть прежде, чем мне отпущено Богом.

— Нет, нет, я хочу еще целовать тебя.

— У нас впереди еще ночь, — сказал Кристиан, вытаскивая из-за пояса плоскую фляжку и отвинчивая пробку.

Он припал к горлышку с неменьшим удовольствием, чем к губам Сандры. Молодая женщина грустно улыбнулась.

— Мне кажется, Кристиан, что виски ты любишь больше, чем меня.

— Что ты, дорогая! Это абсолютно разные вещи. Я люблю вас вместе, — и он припал влажными от виски губами к губам женщины.

На этот раз женщина не обнимала мужчину, а стояла покорно, как маленькая девочка, опустив руки.

Глядя на всю идиллию, которая казалась упоительной после страшной кровопролитной перестрелки, Баттлер заскрипел зубами:

— Дьявол! И почему я такой сдержанный? Ведь Розалина уже готова была броситься мне на шею. И в самом деле, гордыня, наверное, один из страшных грехов на земле.

— Рэтт, — позвал полковник Брандергас.

— Что тебе, Чарльз?

— Давай поможем добраться к дому Жаку Монро. Надо, чтобы доктор сделал ему толковую перевязку и внимательно осмотрел рану.

— По-моему, с ним все в порядке.

— Но ты же не доктор, — возразил Чарльз Брандергас.

— О, за свою жизнь я видел столько всевозможных ран, что разбираюсь в них не хуже доктора, привыкшего лечить простуды.

— Все равно я волнуюсь за здоровье своего помощника.

— Не надо за меня волноваться, — открыв глаза, сказал Жак Монро, — со мной все в порядке.

Кристиан Мортимер, отстранясь от Сандры, подошел к Жаку Монро и потрепал его по плечу.

— Если бы не Жак, я бы уже лежал рядом с ними и Sandra целовала бы мои холодные губы. А вы бы все рыдали и вытирали слезы грязными носовыми платками.

— Пошел ты к черту! — сказал Жак и улыбнулся.

— Я знаю, приятель, что тебе сейчас надо.

— Я тоже знаю, — и Жак протянул руку, указывая на плоскую фляжку.

— Вот именно! Женщина никогда не догадается, что хочет ее возлюбленный. Только моя Sandra догадлива.

Тереза взяла фляжку из рук Кристиана и поднесла к бескровным губам своего возлюбленного. Жак Монро приподнялся и сделал несколько судорожных глотков.

— Спасибо, Кристиан, вот и ты спас меня.

— Ну нет, что ты, Жак. Я просто отблагодарил, чем мог. Может, ты еще хочешь и закурить?

— Я бы не отказался.

— Sandra! Сигару, — распорядился Кристиан Мортимер.

Он раскурил ее и подал Жаку. Лицо мужчины немного порозовело, и он уже выглядел не таким удрученным своим ранением.

— Рэтт, — обратился Кристиан к Баттлеру. — Давай отнесем Жака в дом.

И Кристиан сорвался с места, подбежал к фургону, взял под уздцы лошадь и подвел ее к раненому Жаку Монро. Вместе с Рэттом Баттлером они положили своего друга в седло и быстро погнали лошадь к дому.

И Кристиан сорвался с места, подбежал к фургону, взял под уздцы лошадь и подвел к раненому Жаку Монро. Вместе с Рэттом Баттлером они положили своего друга и быстро погнали лошадь к дому.

Смерть всегда страшна, пусть это даже смерть отъявленного негодяя и бандита. У людей братьев Баллоу тоже были семьи, жены, ведь большинство из членов банды были жителями Клостер-Тауна, и поэтому похороны пятерых бандитов вылились прямо-таки в манифестацию.

Их хоронили поздним вечером, когда уже сгущались сумерки. Было в этом что-то символическое, словно бы с их похоронами ночь опускалась над городом и все дома погружались во мрак, наполняя души жителей страхом и неуверенностью в завтрашнем дне.

Главари банды брата Баллоу шли впереди процессии. Над ними колыхался транспарант «Прощайте, друзья». Даже в сгущающихся сумерках было видно, как горят ярким желтым цветом повязки и пояса идущих. Процессия двигалась медленно к кладбищу Клостер-Тауна. Кое-кто из жителей присоединялся к ней, и непонятно: от страха, или искренне желая отдать последний долг усопшим, ведь смерть равняет всех — и праведных, и грешных, и преступников, и полицейских.

Рэтт Баттлер чувствовал, что симпатии в городе резко разделились. Часть жителей Клостер-Тауна, уже свыкшаяся с бандитами, не желала, чтобы тут устанавливали свои порядки пришлые люди вроде полковника Брандергаса и его друзей.

Другая же часть сочувствовала блюстителям порядка. Им нравилась решительность и бесстрашие этих людей.

У многих были личные счёты с бандитами, потому они и не присоединялись к процессии.

Рэтт Баттлер и его друг Кристиан Мортимер сидели на террасе своего дома и молча смотрели на то, как приближается к ним похоронная процессия. Горели фонари в руках плакальщиц, пять открытых гробов лежали на повозках, запряженных черными лошадьми. Колеса словно нарочно не смазали, и они издавали жалобный скрип. Лица братьев Баллоу были суровыми, и на них читалась ненависть.

И Рэтт Баттлер, и Кристиан понимали, что сегодня день пройдет спокойно. А что сулит завтрашний день, так об этом было лучше и не думать.

— Я даже и не предполагал, что все кончится вот так, — сказал Рэтт Баттлер своему другу.

Кристиан Мортимер кивнул.

— Да, хорошего тут мало. Я-то думал, что нас будут носить на руках как героев, а многие смотрят на нас здесь как на убийц и заклятых врагов.

— Я понимаю этих людей, — вздохнул Рэтт Баттлер, — все-таки, мы здесь чужие, а многие из них хорошо знали погибших, были их родственниками. Мы ворвались в Клостер-Таун и всполошили людей, а может, им куда удобнее было жить, договариваясь с братьями Баллоу, чем разбираясь с суровым полковником Брандергасом.

Процессия как раз поравнялась с домом. Фрэд Баллоу кивнул своему брату, указывая на сидящих на террасе Рэтта Баттлера и Кристиана Мортимера. Повозки остановились и молчаливая толпа, провожавших покойных на кладбище, замерла.

Кто-то выкрикнул из толпы:

— Вы убили невинных людей! Ведь они вам ничего не сделали!

Но этот одинокий крик растворился в ночи и вновь наступило молчание.

Рэтт Баттлер хоть и знал, что поступил правильно, стреляя по бандитам, все равно чувствовал себя виноватым. Он понимал, что влез не в свое дело, что не имел никакого права судить других, что точно так же могут осудить и его.

Кристиан Мортимер тоже молчал, нервно крутя в руках незажженную сигару.

— О чем ты думаешь, Рэтт?

— Я жалею о случившемся, Кристиан.

— Так походи и скажи это братьям Баллоу.

— Нет, я не пойду, ведь если бы они чувствовали то же самое, что и я, их глаза не горели бы ненавистью.

— Ты правильно видишь, Рэтт, — ответил Кристиан, — мне жаль одного...

— Чего же?

— Того, что полковник не прислушался к моему совету. Ведь я же говорил, нужно уезжать из этого города, пока есть время. А теперь мы вляпались в грязь по уши и выбраться из нее, боюсь, не удастся.

— Что теперь говорить, к чему сожаление, — Рэтт Баттлер покачал головой, — уже поздно и нам остается одно — бороться до конца.

— Я не люблю этого слова, оно слишком мрачное и напоминает о смерти, — Кристиан приложился к горлышку плоской фляжки.

— Дай мне, — протянул руку Рэтт Баттлер.

Он взял в пальцы немного согретую ладонью Мортимера фляжку и сделал несколько глотков. Но виски не успокоило его, наоборот, появилась легкая дрожь в руках.

Процессия двинулась дальше. Уже исчезали за углом фонари, но все еще слышался душераздирающий скрип колес.

— Боже мой, какой страшный звук! — воскликнул Рэтт Баттлер.

И в это время на башне церкви зазвонил колокол.

— Они хоронят бандитов как настоящих героев. А знаешь, что мне пришло в голову, Кристиан?

— Нет.

— Может, они и правы. Если в их городе больше бандитов, чем порядочных людей, то значит они видят мир иначе, чем мы.

— Если будешь так думать, то совсем распустишь нюни, — одернул своего друга Кристиан Мортимер. — Действуй так, как подсказывает тебе совесть, и никогда не ошибешься.

— А если совесть молчит?

— Тогда прислушивайся к разуму, это тоже иногда помогает.

Кристиан зябко поежился и закашлялся. Рэтт Баттлер старался не обращать на это внимание, ведь он понимал, каково приходится Кристиану Мортимеру. А тот вновь попытался сдержать очередной приступ кашля, и от этого сделалось еще хуже. Он согнулся в три погибели и закрыл лицо руками. Его плечи ходили ходуном, накинутый плащ сполз на пол.

— Тебе надо лечиться, — осторожно заметил Рэтт Баттлер.

— Иди к черту! — сквозь кашель прохрипел Кристиан Мортимер.

— Я говорю тебе абсолютно серьезно, Кристиан, тебе нужно лечь в хорошую больницу, пусть тобой займутся доктора.

— Если они мной займутся основательно, то ты, Рэтт, никогда меня больше не увидишь.

— Мне не нравится твой кашель.

— А ты думаешь, он мне нравится, Рэтт?

— Думаю, нет.

— Тогда какого черта ты лезешь со своими советами. Ведь ты понимаешь, что в ближайшее время я не могу лечь ни в какую больницу.

Рэтт Баттлер поднялся со своего места и подошел к краю террасы. Его руки легли на шероховатые деревянные поручни, и он вгляделся в ночь.

Над Клостер-Тауном плыл звон одинокого колокола. Неясный шум доносился со стороны кладбища. Случайный человек, попавший в эту ночь в город, едва ли понял бы, что здесь происходит.

Но Рэтт Баттлер стал уже своим человеком в Клостер-Тауне. Он, вслушиваясь в ночные звуки, отчетливо представлял себе настроение горожан, представлял себе кладбище на окраине города, видел пять ям и слышал, как сырые комья земли ударяются в крышки гробов. Ему казалось, что он видит воспаленные ненавистью глаза братьев Баллоу и понимал, что пощады ни ему, ни его друзьям ждать не придется. Если бы они были тут одни, только одни мужчины... Но с ними были девушки, за жизнь которых они были в ответе.

Рэтт Баттлер надеялся, что все его друзья уже спят, и только они одни с Кристианом вышли подышать на террасу.

Но он ошибся. В двери стояла Сандра. Когда она появилась, Рэтт не заметил. Возможно, она слышала весь разговор, а может, проснулась, разбуженная кашлем своего возлюбленного.

Они втроем сели за стол, но прежде чем устроиться в плетеном кресле, Сандра подняла с пола плащ и заботливо укрыла плечи Кристиана. Это нехитрое движение успокоило мужчину, и Рэтт Баттлер даже позавидовал своему другу. Он в очередной раз принялся ругать самого себя в мыслях за то, что так холодно и надменно обошелся с Розалиной, когда та, полная благодарности, бросилась к нему.

«Какой же я идиот! — говорил сам себе Рэтт Баттлер, глядя на пару влюбленных. — Ведь я точно так же мог бы сидеть сейчас на террасе какого-нибудь дома вместе с Розалиной, и мне было бы все равно, что происходит в мире. Она смотрел бы на меня такими же влюбленными глазами, как Сандра смотрит на Кристиана, поглаживала бы мою ладонь, а я говорил бы ей всякие глупости. Она бы смеялась... Но все, черт побери, складывается совсем по-иному. Между нами встал Клод Бергсон. Я понимаю Розалину, он дает деньги их театру, предоставляет зал, а что могу дать я, кроме защиты, в которой, скорее всего, она не нуждается? Ведь знаменитых актрис любят все — бюстители порядка и бандиты. Ведь даже Карлос, ворвавшись в дом окружного шерифа, не застрелил Розалину, не попытался взять ее в заложницы...»

От этих мыслей Баттлеру сделалось не по себе, он чувствовал себя явно лишним на ночной террасе.

— Я пойду, — сказал Рэтт.

Никто не стал его останавливать, лишь только Сандра пожелала спокойной ночи.

— Да, в салуне никого нет, Рэтт, иначе ты бы мог хоть поиграть в карты. Придется тебе идти спать.

— Что я и сделаю.

Рэтт сказал это немного зло, как будто бы Сандра была виновата во всех его несчастьях. Но потом Рэтт спохватился и улыбнулся, все-таки Сандра была чудесной женщиной и

верным другом.

Он удалился в спальню. Но оставшись наедине с самим собой, Рэтт почувствовал себя совсем одиноким. Он понимал, что настал тот возраст, когда ты или сможешь вернуться на родину, или навсегда останешься в чужих краях. Но в то же время Рэтт Баттлер опасался, что мысли о родине — это какая-то мечта, что вернись он сейчас в Чарльстон, возможно, он и не узнает города, а горожане не узнают его. Ведь вряд ли кто-то будет помнить о юнце, столько лет не навещавшем родные места. Девушки, с которыми он был знаком, скорее всего, давно вышли замуж и родили детей, его сверстники стали степенными горожанами, и ничто не напомнит им о прошлом. Рэтт Баттлер останется таким же одиноким в Чарльстоне, как он одинок сейчас в Клостер-Тауне.

От нечего делать он вытащил из кобуры свой револьвер, разобрал на части и принялся чистить одну деталь за другой. Этот нехитрый ритуал успокаивал нервы, Рэтт Баттлер знал это отлично. Всегда становилось спокойнее, когда он ощущал в руках холодную сталь своего оружия. Револьвер ему нравился своей простотой и совершенством. Ничего лишнего, все только необходимое.

— Это моя игрушка, — пробормотал Рэтт Баттлер, вспомнив, с какой любовью он относился к своей деревянной лошадке, подаренной в детстве отцом.

Он помнил, как расчесывал гриву, хвост, как не давал никому чужому прикасаться к коричневой голове, как просыпался ночью и, боясь за судьбу своей игрушки, смотрел, не исчезла ли она. А потом, как-то со временем, он забыл о существовании этой лошадки.

«Возможно, она и сейчас пылится где-нибудь на чердаке отцовского дома, — подумал Рэтт. — А возможно, мои племянники, которых я не видел в глаза, играют с ней и какой-нибудь мальчик точно так же, как я раньше, просыпается и бежит посмотреть, не исчезла ли его лошадка. Вот, может, именно этот мальчик и поймет меня, когда я вернусь на родину».

Оружие было вычищено и заряжено, детали собраны, револьвер вновь скрылся в кобуре. Делать решительно было нечего.

Можно было, конечно, напиться, но опять же не с кем. Ему мог бы составить компанию Кристиан Мортимер, но с ним была Сандра.

Рэтт Баттлер подошел к окну и поднял раму. На него пахнуло ночью свежестью, запахом скошенной и уже успевшей подсохнуть травы. Он прислушался: колокол уже смолк, и было слышно, как журчит недалекая река. Клостер-Таун, казалось, вымер. Ничто не нарушало спокойствия сонного города, нигде не горело ни одного окна, погасли фонари. Даже салун был мертв.

«Настоящее кладбище», — подумал Рэтт Баттлер.

Высоко в кебе висела луна. Она была настолько яркой, что ее свет даже слепил глаза.

— Странно, но сегодня не видно звезд, — вздохнул Рэтт Баттлер.

Ему почему-то захотелось увидеть хотя бы одну звезду, и он принялся пристально всматриваться в бездонное небо.

Наконец, он сумел отыскать над горизонтом едва заметную подрагивающую, мигающую розовую точку. Он долго смотрел на этот осколок света, внезапно появившийся в ночи.

«Может быть, мой отец или мать этой же ночью смотрят на звезду и думают обо мне. Хотя вряд ли отец думает обо мне, ведь он и выгнал меня из дому».

Рэтт Баттлер наморщил лоб, пытаясь вспомнить лицо своего отца. И если бы кто-нибудь увидел его в эти мгновения, то сразу бы отметил поразительное сходство Рэтта со старым Баттлером.

Мужчина отошел от окна и устало опустился на кровать. Спать ему не хотелось, и он закурил. Огонек его сигары слегка освещал пальцы, свеча, при свете которой Рэтт Баттлер чистил револьвер, уже успела остыть, и окаменевший воск застыл на крышке стола.

Рэтт Баттлер принялся чертить ногтем на этом застывшем воске свои инициалы, делая затейливую монограмму. Лунный свет заливал комнату каким-то призрачным безжизненным светом.

И вдруг Рэтт Баттлер услышал вой собаки, пронзительный и тонкий. Так псы воют только на покойников или на полную луну.

Утром следующего дня колокол на церковной башне вновь раскачивался. Казалось, он не знает усталости. Звон плыл над Кластер-Тауном, вселяя в души людей неуверенность в начавшемся дне.

Позавтракав и одевшись во все чистое, Рэтт Баттлер вместе с полковником Чарльзом Брандергасом вышли на улицу. Светило яркое солнце, но от густого колокольного звона, казалось, его живительный свет мерк. Рэтт Баттлер вдохнул теплый утренний воздух и взглянул на своего друга полковника.

Тот передернул плечами. Его забинтованная левая рука покоилась в черной перевязи.

— Весна начинается, теплеет, — сказал Чарльз Брандергас, глядя в безоблачное небо.

— Весна, весна... — повторил Рэтт Баттлер.

Но его слова прозвучали совершенно бесцветно и безрадостно. Казалось, его не радует ничто — ни хорошая погода, ни теплый ветер, ни безоблачное небо. Он был явно чем-то угнетен.

Мужчины неторопливо шли по центральной улице Кластер-Тауна. Город уже ожил, везде сновали люди, катились телеги, груженные досками. Несмотря ни на что, город продолжал строиться, рудники процветали, открывались двери лавок, и продавцы зазывали покупателей. Сновали женщины с корзинками, явно направляясь в сторону базара. Все выглядело вполне мирно и буднично.

Только этот противный звон, который в другой раз Рэтт Баттлер даже не заметил бы...

Но сейчас он почему-то ужасно раздражал, ведь он напоминал о вчерашней трагедии, о смерти пятерых жителей Кластер-Тауна.

На пороге лавки скобяных изделий появился хозяин. Он был в черном сюртуке и в такой же черной, как у Рэтта Баттлера, шляпе. Начальник городской полиции приподнял свою шляпу, но лавочник презрительно отвернул свое лицо.

— Видишь, Чарльз, — сказал Рэтт Баттлер, — он даже не хочет нас поприветствовать.

— Да ну его к черту, — бросил начальник городской полиции, продолжая неторопливо двигаться по улице.

— А с тобой я вообще не желаю разговаривать, потому что ты — убийца, — услышал голос лавочника Рэтт Баттлер и оглянулся.

Слова, брошенные с крыльца лавки, прозвучали как удар хлыста. Рэтт Баттлер напрягся.

— Вот, какой благодарности дождался мы с тобой, Чарльз, — сказал Баттлер, обращаясь к полковнику.

— Ничего, не обращай на них внимание. Одним мы причинили неприятности, зато других от неприятностей избавили. Относись, мой друг, ко всему философски.

— Я хотел бы быть таким уверенным, как ты, но не могу.

— А почему ты идешь без оружия? — осведомился начальник городской полиции.

Рэтт Баттлер, ни на секунду не задумываясь, ответил:

— А к чему оно мне после вчерашнего? Я не хочу больше никого убивать, мне все это надоело.

— Не переживай, Рэтт, так сильно, ведь мы с тобой охраняли порядок.

— Но это, по-моему, никому здесь не нужно.

— Ты убийца, с тобой в нашем городе никто здороваться не будет, тебя все ненавидят, — вновь послышался немного сиплый голос лавочника.

— Вот так обрадовал он меня! — ехидно заметил Баттлер.

— Да не обращай ты на них внимания, все лавочники связаны с бандитами, и поэтому наше присутствие им крайне не выгодно.

— Я это знаю и без тебя, Чарльз, но все равно на душе противно.

Но на этом оскорбления не кончились. Дверь лавки захлопнулось, и тут на улице появился, вывалившись из питейного заведения, один из людей братьев Баллоу. Это был крепыш Ринго с ярко-желтым платком на загорелой мускулистой шее. Он несколько мгновений приходил в себя, жадно втягивал утренний воздух. Потом вытер рукавом красной рубахи вспотевшее лицо и огляделся, мотая головой из стороны в сторону.

— А, это эти ублюдки прогуливаются, — негромко сказал он.

На его слова никто не обратил внимания, и тогда Ринго закричал во все горло:

— Эй, вы! Что вы расхаживаете по улицам моего города?

Чарльз Брандергас напрягся и молниеносным движением отбросил полу сюртука в сторону, чтобы освободить доступ к рукояти револьвера. Рэтт Баттлер застыл на месте, чувствуя, что сейчас может произойти непоправимое. Он уже пожалел, что не взял с собой оружие.

— Что тебе надо? — немного приподняв правую руку, выкрикнул Чарльз Брандергас.

— Мне ничего не надо, мне просто не нравится, что вы вот так вот разгуливаете среди бела дня по улицам Клостер-Тауна.

— А это не твое дело, Ринго, — сказал Рэтт Баттлер, — ты тоже мне не нравишься, что я должен делать?

— А ты ничего мне не можешь сделать.

— Ты видишь, что я без оружия, — и Рэтт Баттлер отвел полы сюртука в стороны, — поэтому и хорохоришься. А если бы у меня был револьвер, тогда ты говорил бы со мной совсем по-другому.

— Плевать я хотел на твой револьвер и на тебя вместе с твоими дружками-ублюдками.

— Заткнись, мразь! — рявкнул на Ринго Рэтт Баттлер.

Брандергас был готов в любое мгновение выхватить револьвер, хотя ему ужасно не хотелось затевать перестрелку.

— А ты, Чарльз, — повернувшись к полковнику, сказал Рэтт Баттлер, — говорил, что этот день хороший.

— Но я же не знал, что мы встретим Ринго, — ответил Чарльз Брандергас. — Ты давай не лезь! — одернул бандита Чарльз Брандергас.

— Нет, я начну прямо сейчас! — рявкнул Ринго и направил указательный палец прямо в

грудь Рэтту Баттлеру.

— Я же сказал тебе, Ринго, что я без оружия, — повторил Баттлер, — и я не собираюсь с тобой драться. Нет у меня ни денег, ни оружия и, тем более, нет желания с тобой связываться.

— Ах, наверное, ты меня боишься, — обрадованно выкрикнул Ринго.

На крыльце дома в кресле-качалке сидел Кристиан Мортимер, сигара тлела в его губах. Он тихо поднялся с кресла и неторопливо спустился с крыльца. На ходу он вытащил револьвер, взвел курок и спрятал его за спину, а в правой руке Кристиана поблескивала неизменная серебряная чашечка. Он с интересом следил за перепалкой своего приятеля и пьяного бандита. Он тоже был готов в любой момент вмешаться.

— Ну что, слизняки, испугались? — крикнул вслед удаляющимся полковнику Брандергасу и Рэтту Баттлеру Ринго. — Вы даже боитесь запаха крови.

Кристиан Мортимер понял, что пришел его час. Он неторопливо ступил на землю и все так же пряча левую руку с револьвером за спиной, направился к Ринго.

— Я с тобой сейчас разберусь, — негромко сказал Ринго, увидев Кристиана Мортимера.

— Что ж, попробуй, — ответил Кристиан, сплевывая окурки сигары себе под ноги. — Но знаешь, приятель, это моя игра, и я ею овладел в совершенстве.

Вышел Фрэд Баллоу и с ним еще трое бандитов. У всех были желтые повязки или платки.

— Эй, Ринго, успокойся! — грозно рявкнул Фрэд.

— Нет, я пушу ему кровь, обязательно пушу.

— Но Ринго, ведь ты пьян, а он трезв.

— Я пьян? — закричал Ринго. — Да этот Мортимер настоящий алкоголик, он не различается с бутылкой или со своей серебряной чашкой, он уже пропил мозги, так что я в состоянии с ним разобраться.

— Не надо! — вновь громко рявкнул Фрэд, становясь между готовым в любой момент выстрелить Кристианом Мортимером и бандитом. — Пошли, пошли, — Фрэд толкнул в плечо Ринго, тот пьяно покачнулся, но устоял. — Возьмите его!

Бандиты подхватили под руки Ринго и потащили по улице. Тот истошно сопротивлялся, грязно ругаясь на пришельцев и проклиная все на свете.

— Не обращай на него внимания, Кристиан, — сказал Фрэд, — человек просто пьян.

— Да ты у меня, мерзавец, еще будешь кровью плевать! — заревел Ринго, вырвавшись из рук своих приятелей.

— Полегче, полегче, — попытался остановить его Фрэд Баллоу, но понял, что это бесполезно и сильно ударил в грудь.

На этот раз Ринго не устоял. Он качнулся и упал прямо на ящики, опрокидывая их.

Фрэд, оставив своего приятеля на попечение своих людей, подошел к Рэтту Баттлеру и полковнику Брандергасу.

— Знаете, ребята, я вот что хочу вам сказать, — Фрэд замолчал.

— Что ж ты, говори, — заметил скованность Фрэда Чарльз Брандергас.

— Ринго безжалостный человек и признаюсь, я тоже пару раз просил у него пощады. Если он пообещал кого-нибудь убить, значит, слово свое сдержит.

— Что ж, Фрэд, я все понял, — бросил Рэтт Баттлер, — но если я пообещаю, то будь уверен, свое слово тоже сдержу и от обещаний не откажусь.

— Да я не имел в виду, ребята, кровавых разборок, давайте успокоимся и мирно

разойдемся, кажется, крови и так хватило, особенно с нашей стороны.

Но по глазам Фрэда было видно, что он не намерен все оставлять так как есть, что он задумал какой-то страшный коварный план и приложит все свои силы для его скорейшей реализации.

Рэтт Баттлер и полковник Брандергас переглянулись и пожали плечами.

А Кристиан Мортимер даже не стал слушать то, что говорил Фрэд. Он вновь поднялся на крыльцо, где на низком столике стояла начатая бутылка и плеснул на дно своей чашечки немного виски.

Рэтт Баттлер и Чарльз Брандергас неторопливо шли по улице. Странное было у них настроение. Многие из горожан приветливо с ними здоровались, мужчины приподнимали шляпы, женщины с ними раскланивались, вежливо кивали при встрече.

А многие из горожан сразу же отворачивались в сторону, будто бы по улице шли прокаженные. Кое-кто даже сплевывал себе под ноги, пытаясь этим подчеркнуть свое отвращение к блюстителям закона. Встречались и радостные, и презрительные улыбки.

— Ну что ж, так и должно быть, Рэтт, — сказал Чарльз Брандергас.

— А мне, поверь, все это не нравится. Я говорил, что нам следовало уехать из этого Клостер-Тауна, тогда бы, Чарльз, твоя рука была цела, да и Жака не ранили бы. И вообще, не было бы всех этих неприятностей, косых неприязненных взглядов, презрения, многозначительных усмешек. Ведь на нас многие смотрят как на обреченных, как на покойников. У тебя нет такого чувства?

Полковник Брандергас посмотрел себе под ноги, и носком начищенного до блеска сапога подковырнул небольшой камешек.

— Я думаю, Рэтт, что бандитам с нами справиться будет непросто.

— От этого не легче, Чарльз. Мы можем унести с собой несколько жизней, но и они могут убить кого-нибудь из нас, а мне бы этого, честно признаться, абсолютно не хотелось.

— Я тебя понимаю и разделяю твою тревогу, Рэтт, тем более, что на мне девочки, ведь за их жизнь тоже надо отвечать. Когда я согласился стать городским шерифом, то думал, что моя жизнь войдет в нормальную колею, что я смогу жить уважаемым в городе человеком, а видишь, как все повернулось.

— Я тебя предупреждал, — вновь повторил Баттлер.

— Да, я помню, ты предупреждал, но что сейчас об этом говорить поздно, и уже ничего невозможно изменить.

— Почему невозможно? Может стоит собраться, сложить свои вещички, а их у нас не так уж и много, и укатить из этого Клостер-Тауна, пока не случилось чего-нибудь похуже?

— Нет, Рэтт, уезжать уже поздно, ведь многие тогда посчитают нас трусами, подумают, что мы с тобой испугались каких-то там бандитов с желтыми повязками.

— Да мне плевать, что обо мне подумают эти трусливые горожане.

— То, что они запуганы, я прекрасно понимаю, но подумай, Рэтт, каким бы ты был на их месте?

— Я не желаю быть на их месте, сидеть в четырех стенах, закрыв дверь на все задвижки, задернув окна, и дрожать.

— Да и вообще, это бессмысленный разговор, — остановил своего приятеля Чарльз Брандергас, — раз уж мы вступили на эту дорогу, стоит пройти по ней до конца.

— Да-да, Чарльз, ты правильно говоришь, и все клонится к тому, что мы пойдем именно до конца, только до своего конца.

— Не будь ты, Рэтт, таким скептиком, ведь мы с тобой уже столько раз были на волосок от смерти, но живы и здоровы, как видишь.

— Конечно, здоровы, если не считать твоей простреленной руки и раненого Жака Монро.

— Это не в счет, во всяком деле бывают свои издержки. Я хочу завернуть в салун и выпить немного виски, и если ты, Рэтт, составишь мне компанию, то я буду очень тебе признателен.

— Что ж, выпить с тобой всегда приятно, тем более, у меня скверное настроение.

Мужчины, пройдя до конца улицы, развернулись и вошли в небольшой салун. Только два столика было занято. За одним два ковбоя отчаянно резались в карты, а за другим два горожанина потягивали виски.

Ковбои взглянули на вошедших почти враждебно, зато горожане раскланялись с Чарльзом Брандергасом и Рэттом Баттлером вполне дружелюбно, как со старыми добрыми знакомыми.

А вот хозяин салуна явно растерялся, не зная чью сторону занять. Он засуетился, принялся переставлять стаканы на стойке.

— Нам два виски, — сказал Чарльз Брандергас, извлекая здоровой рукой из кармана деньги и кладя их на стойку. — И не волнуйся, мы не будем спрашивать тебя, на чьей ты стороне.

Рэтт Баттлер и Чарльз Брандергас взяли до половины наполненные стаканы.

— Я на вашей стороне, — зашептал хозяин салуна, — только избавьте город от этих проклятых бандитов. Ведь мне даже снятся по ночам эти чертовы желтые повязки. Они забирают у меня треть выручки, представляете? Каждый месяц я им отдаю такие деньги!

— Но почему ты отдаешь? — спросил Рэтт Баттлер. — Откажись.

— Что вы, что вы, — замахал руками хозяин салуна, — если я откажусь, то они сделают мне такое...

— Ничего они тебе не сделают, — Рэтт Баттлер отхлебнул виски.

— Вам легко говорить, ведь вам нечего терять, а они могут сжечь мой дом, могут сжечь салун, могут убить мою жену или ребенка. Лучше с ними не связываться, лучше откупиться, и так мне будет спокойнее.

— Видишь, Чарльз, как рассуждают горожане, им удобнее с бандитами, чем с нами. Все они легко находят с бандитами общий язык: платят часть выручки, поднимают цены и вновь возвращают эти деньги себе. Так что они ничего не теряют, и им все равно: царит ли в городе закон, или беззаконие. Им главное, чтобы хоть кто-нибудь поддерживал порядок, и без разницы, будем ли это мы или бандиты.

— Да, Рэтт, нам терять действительно нечего, кроме собственных жизней.

— А вот это, Чарльз, самое дорогое, и этого жаль больше всего.

— Эй, Баттлер, — поднялся один из ковбоев, — не желаешь ли ты сыграть с нами в карты?

Рэтт Баттлер обернулся и окинул двух ковбоев презрительным взглядом.

— По-моему, ребята, вы чересчур пьяны, чтобы играть со мной в карты.

— А ты попробуй, не трусь.

— А я вас абсолютно не боюсь, только вот беда: я не взял с собой денег.

— А ты сыграй в долг или одолжи денег у своего приятеля.

Полковник Брандергас резко обернулся и смерил бандитов взглядом, полным

ненависти. И от этого взгляда у бандитов сразу же пропала охота приставать к Рэту Баттлеру с глупыми предложениями.

— Почему при вас револьверы? — грозно рявкнул на бандитов Чарльз Брандергас. — Вы что, не знакомы с приказом?

— Я им говорил... говорил, мистер Брандергас, — вмешался в разговор хозяин салуна, — но они послали меня к черту.

— Если вы сейчас же не сдадите оружие, я вас арестую, — рука полковника Брандергаса легла на рукоять револьвера.

Бандиты с явным неудовольствием принялись расстегивать свои пояса. Они прекрасно понимали, что не правы и что в данной ситуации закон явно на стороне начальника городской полиции. Оружие с грохотом и лязгом легло на стойку бара.

Хозяин салуна поспешно спрятал его к заискивающе улыбнулся бандитам, дескать, я здесь, ребята, ни при чем.

— Ладно, пусть наши револьверы пока полежат, но я знаю, что они нам, наверняка, пригодятся, — сказал бандит в пестром сомбреро, отброшенном за спину. — Нам еще бутылку виски! — буквально приказал он хозяину салуна, и тот мгновенно выполнил их просьбу.

— Пойдем отсюда, Чарльз, мне здесь абсолютно не нравится, и выпивка не принесла мне абсолютно никакой радости.

— Ладно, пойдем.

Полковник еще раз осмотрел салун и кивнув хозяину, неспешно вышел на улицу.

— Мне кажется, стоит проведать Жака, — сказал Рэтт Баттлер.

Чарльз Брандергас на это предложение согласно кивнул, и мужчины направились к своему раненому приятелю, на ходу обсуждая разговор с бандитами и поведение хозяина салуна.

— Мне кажется, Рэтт, ты напрасно ходишь без оружия, ведь носить его ты имеешь полное право.

— Я это знаю, Чарльз, именно поэтому мне не хочется, ведь я привык действовать на равных.

— Но ты же видел этих мерзавцев, они же сидели в салуне с револьверами.

— Но потом они же оружие сдали.

День в Кластер-Тауне прошел довольно спокойно. Работали конторы, лавки были открыты, в общем, не произошло ничего примечательного, если не считать пару пьяных стычек. Но благодаря приказу полковника Брандергаса, они прошли без стрельбы.

К вечеру начали сгущаться тучи, слышались далекие раскаты грома, и когда темнота опустилась на город, ее время от времени разрывали зигзаги молний. Грохот стоял такой, что казалось, вот-вот стекла вылетят из окон.

Розалина сидела в гостиной Клода Бергсона одна. Она читала роль, с которой ей предстояло выступить в следующем месяце. Губы женщины шевелились, повторяя слова совсем из другой жизни чем та, которой она жила сама. Но при этом ее лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Смешные реплики ее не забавляли, грустные не повергали в уныние. Шум дождя за распахнутым окном навевал грусть, и только при каждом очередном раскате грома Розалина вздрагивала и прижимала книгу к груди.

Дверь гостиной распахнулась, и на пороге возник сам хозяин Клод Бергсон. С его черного плаща стекала дождевая вода, котелок был мокрым, поля отвисли. Но в руке окружной шериф держал свою неизменную трость со сверкающим золоченым набалдашником.

Клод бросил свой мокрый котелок прямо на диван и, нимало не беспокоясь о том, что его сапоги оставляют грязные следы на ковре, приблизился к Розалине.

Она поняла, что сейчас предстоит малоприятный разговор, ведь окружной шериф был зол. Правда, эта злость словно бы не касалась ее, Розалины, а была обращена ко всему миру. Но поскольку перед Клодом Бергсоном была только она, то и выслушать предстояло только ей.

Розалина пристально посмотрела в лицо Клоду Бергсону, и тот смутился. Женщина подумала:

«Он хоть и красив, но злоба так исказила его лицо, так пронизала его душу, что он, наверное, ненавидит даже собственную тень и пугается ее».

Клод Бергсон схватил Розалину за запястье и больно сжал.

— Пусти! — вскрикнула женщина и вырвала свою руку.

— Думаешь я ничего не вижу?

— А что ты должен видеть, Клод?

— Но я же не слепой.

— Это я успела заметить.

— Все в городе говорят, Розалина, что ты с Рэттом Баттлером...

— А что ты имеешь против Рэтта Баттлера? Он хотя бы смелый человек, не сидит, забившись в угол, когда в городе хозяйничают бандиты.

— Рэтт сумасшедший, — спокойно ответил ей Клод Бергсон, — и его друзья тоже психи. Только ненормальный человек может думать, что справится с преступностью в нашем городе. Там, где большие деньги, — всегда будут бандиты, и с этим ничего не поделаешь. Я реалист, Розалина, и понимаю, что дешевле для города и для его жителей будет договориться с бандитами, а не лезть на рожон.

Актриса презрительно скривила губы. Совсем не то она ожидала слышать от Клода Бергсона, когда-то пленившего ее своей красотой и, как ей показалось, мужественностью.

Но от прежнего Клода оставались лишь холодная галантность и набриолиненная челка с напомаженными усами. Взгляд окружного шерифа затравленно перебегал с одного окна на другое, как будто бы за окнами таились враги.

— Я тебе скажу больше, Розалина...

— Ты и так сказал мне уже слишком много, я не хочу тебя больше слушать.

— Но ведь ты же говорила, что любишь меня.

— Вот именно, говорила.

— А я, Розалина, все еще люблю тебя, несмотря ни на что, несмотря на то, что ты бросаешься на шею Рэтту Баттлеру на виду у всего города.

— Когда это я бросилась? — изумилась актриса, и Клод Бергсон спохватился.

В самом деле, он сказал лишнее, ведь Розалина все-таки щадила его репутацию и не позволяла себе на людях опрометчивые выходки, наносящие урон престижу окружного шерифа.

Клод Бергсон, нервничая, принялся вращать в пальцах свою трость.

— Да выбрось ты свою палку! — разозлилась Розалина. — Или тебе хочется казаться бесстрашным дрессировщиком цирковых зверей?

— Так вот, я не ручной зверь и слушать тебя не собираюсь. Ты пожалеешь об этом.

— Это мое личное дело, и тебя не касается. Вот если я скажу, что решила бросить тебя и уйду, тогда можно будет поговорить в таком тоне. А пока я собираюсь оставаться с тобой.

Клод Бергсон нашел в себе силы справиться с волнением. Он присел на подлокотник кресла рядом с Розалиной и попытался обнять ее за плечи. Женщина осторожно сняла его руку и положила на спинку кресла.

— Я тебе скажу, Розалина, и ты это, пожалуйста, запомни.

— Ты мне уже целый вечер обещаешь что-то сказать, но никак не решишься, ходишь вокруг да около, а правда остается при тебе. Неужели ты еще не понял, Клод, со мной нельзя вести себя подобным образом, ведь я вижу тебя насквозь.

Клод Бергсон задумался. Он в своей жизни не очень-то привык говорить правдиво, больше привык к иносказаниям, даже договариваясь с бандитами. А тут женщина требовала от него правду, ничем не прикрытую.

И он решил.

— Мне придется, Розалина, разобраться с этими крутыми ребятами, которые заглядывают в окна моего дома, чтобы убедиться, все ли с тобой в порядке.

— По-моему, никто не заглядывает, — вспыхнула Розалина.

Она понимала, окружной шериф имеет в виду Рэтта Баттлера, но хотела разыграть удивление, и это ей удалось, ведь она была хорошей актрисой.

— Так вот, Розалина, если я еще раз увижу чье-нибудь лицо в окне, буду стрелять и, поверь мне, не промахнусь. Так что на всякий случай предупреди своих доброжелателей и поклонников.

— Хорошо, я приму это к сведению, — абсолютно спокойно сказала Розалина, вновь возвращаясь к чтению роли.

Но Клод Бергсон расценил это по-своему, ему показалось, что женщина пренебрегает им.

— Запомни, Розалина, ведь ты умная женщина и не зря остаешься со мной. В Клостер-Тауне должен быть один хозяин, и я приложу все свои усилия, чтобы им остаться. Я не

потерплю каких-то чужаков.

— Я понимаю, Клод, ты прекрасно договоришься с бандитами, ведь они прекрасно знают дорогу к твоему дому.

— Но, между прочим, Розалина, только благодаря этому ты осталась жива, когда началась перестрелка.

— Может быть, было бы лучше, если бы я погибла.

— Нет, Розалина, ты слишком любишь жизнь и деньги. Ты любишь чувствовать себя обеспеченной и независимой, поэтому сколько бы ты ни старалась, я никогда не поверю, что ты покинешь меня и уйдешь к Рэтту Баттлеру.

— Но, по-моему, он тоже богат, — едко заметила Розалина, не отрывая взгляда от страниц книги.

— Его богатство, Розалина, временно. Сегодня у него есть деньги, завтра он их спустит за карточным столом. Это ненадежный человек, с ним тебе никогда не будет так спокойно, как со мною.

— А может, мне хочется, чтобы у меня была беспокойная жизнь? — переспросила Розалина.

— Тебе хочется так думать про саму себя, но ты слишком холодна и расчетлива. Даже любовь не может выбить тебя из колеи, ты слишком привыкла играть и забываешь о реальной жизни. Только поэтому, Розалина, я прощаю тебе все твои выходки.

Вновь раздался раскат грома и сверкающие ожерелья молний украсили черное небо.

Непогода свирепствовала над Клостер-Тауном, не давая уснуть и Терезе с Молли.

Девушки, испуганные сверканием молнии, сидели за круглым столом в гостиной небольшого домика, раскладывали пасьянсы. Правда, у них была своя колода карт, не предназначенная для игры, это были карты для гадания. Пасьянс не складывался, и тогда Молли, собрав карты в колоду, принялась гадать.

Тереза внимательно следила за тем, как карты открывают будущее. Но как ни старалась Молли, все равно расположение карт было безрадостным.

— Вот это смерть, — сказала девушка, указывая дрожащим пальцем в изображение скелета с косой на плечах. — А вот это Вавилонская башня, это означает болезнь, очень тяжелую и продолжительную болезнь.

Тереза, вскрикнув, прикрыла рот рукой.

В комнату вошла Сандра, в руках у нее дымился кофейник. Ароматный запах кофе немного успокоил девушек, и они оживились. Сандра всегда несла с собой луч надежды, ее улыбка успокаивала других людей. Вот и теперь раскаты грома показались девушкам не такими громкими, а сверкание молний не таким страшным.

Сандра под села к столу и смешала карты.

— Зачем вы, Молли и Тереза, сами пугаете себя? Карты всегда врут, и вы только нагоняете на себя страх понапрасну.

Молли и Тереза смутились. Ведь в самом деле, выглядело глупо. И так жизнь была не очень-то легка, много опасностей подстерегало их и их друзей в этой стороне.

— Давайте лучше я покажу вам способ, как гадать таким образом, чтобы всегда получалось хорошо.

И Сандра принялась раскладывать карты на столе, которые тут же показали только одно доброе. Молли рассмеялась.

А в это время Фрэд и Ричард Баллоу качали реализовывать свой коварный план. Не зря Фрэд так выгораживал пьяного Ринго днем. Ему было на руку, что молодой бандит набрасывается на начальника городской полиции и на Рэтта Баттлера с угрозами, что он обещает расчитаться с ними к убить.

Теперь Ринго, выпив немного виски, преспокойно спал в своем доме на окраине городка, а вот Фрэд и трое его самых приближенных друзей пробирались сквозь ливень по Клостер-Тауну к домикам, где жили полковник Брандергас и его друзья.

Фрэд остановился и подал сигнал своим сообщникам. Карлос тут же подбежал к главарю, готовый выполнить любое его приказание.

— Видишь свет в окне? — сказал Фрэд.

Карлос недобро улыбнулся, глядя на освещенное окно, за которым Сандра учила Молли и Терезу как раскладывать карты на счастье.

— Можешь их не убивать, Карлос, но хотя бы напугай, а с мужчинами я разберусь сам и попозже.

Карлос злорадно потер руки и попытался было двинуть к домику, как вдруг на улице мелькнула тень.

— Подожди, — остановил его Фрэд, — интересно, кого это к ним несет в такую погоду.

Но как он ни всматривался, не мог узнать Розалину, которая спешила к своим друзьям предупредить их об опасности, но и сама не забывала об осторожности. На голову она набросила платок, и даже при ярких вспышках молнии невозможно было рассмотреть ее лицо.

Розалина, вся насквозь мокрая, вбежала в дом, и девушки удивленно посмотрели на нее. Никто не ожидал в столь позднее время визита актрисы, к тому же все были прекрасно осведомлены об ее отношениях с Клодом Бергсоном и понимали, что ее благодетель не одобрит этого поступка.

— Я пришла вас предупредить! — воскликнула Розалина. — Против вас и ваших друзей затевается недоброе.

Сандра выронила из рук колоду карт, и те рассыпались по столу. Сверху лежал скелет с косой на плече.

— Что ты говоришь, Розалина, неужели это все Ринго? Но не может же он один затевать такую опасную игру?

— Я не знаю, кто, — воскликнула Розалина, — но мне известно точно: сегодня ночью бандиты попробуют отомстить за смерть своих приятелей.

Не успела Розалина произнести эти слова, как со звоном разбилось стекло, в одном из окон посыпались осколки, и тут же гроыхнули один за другим два выстрела.

Карлос, припав щекой к мокрому карабину, расстрелял все патроны. Правда, к его чести следует добавить, что он не целился в девушек. Все его выстрелы пришлись в картины и в посуду. Сыпались на пол осколки фарфора, разлетались вдребезги стаканы.

Девушки, упав на пол, истошно визжали, перепуганные насмерть случившимся.

Лишь одна Розалина сохраняла самообладание. Она прижалась спиной к простенку и успела заметить, кто стрелял. Она сразу же узнала старого мексиканца Карлоса.

Из-за непрерывных раскатов грома никто в городе не услышал выстрелов Карлоса. Только Кристиан, прислушавшись, сказал:

— Что-то гром зачастил, мне это не нравится.

Мужчины сидели в соседнем доме, расположенном ярдах в семидесяти от девушек.

Рэтт Баттлер поднялся и подошел к окну. В этот момент как раз сверкнула молния и ему показалось, что среди деревьев мелькнула тень. Но когда молния вспыхнула вновь, Рэтт Баттлер увидел перед собой пустынный сад и качающуюся ветку.

— Мне тоже это не нравится, Кристиан, — сказал Рэтт, обращаясь к своему другу, раскладывавшему на столе карты.

Полковник Брандергас только что закончил чистить свой длинноствольный револьвер и приладил его в кобуру на животе. Казалось, полковнику в грозовую ночь не хватает воздуха. Он подошел к окну и поднял раму.

Громыхнул гром и никто из друзей полковника не увидел, как полыхнула в саду вспышка выстрела. Пуля, предательски пущенная из карабина самим Фрэдом Баллоу, вошла в плечо полковнику. Он даже не вскрикнул, лишь схватился рукой, зажимая рану, из которой обильно текла кровь.

Рэтт Баттлер недоуменно посмотрел на полковника, покачивающегося на носках сапог возле распахнутого окна. И лишь только тогда, когда он увидел капли крови, падающие на пол из-под пальцев полковника, он вскочил со своего места и опрометью бросился к раненому, но все равно опоздал. Чарльз Брандергас рухнул на пол, потеряв сознание от боли, ведь пуля раздробила кость.

Присев под окном, опасаясь следующего выстрела, Рэтт Баттлер и Кристиан Мортимер принялись перевязывать раненого. Жак Монро попробовал спуститься с дивана, но так и не смог доковылять со своей раненой ногой до приходящего в себя Чарльза Брандергаса.

— Жак, оставайся на месте, — крикнул Рэтт, — чего доброго и тебя подстрелят.

И он, перебираясь от окна к окну, принялся задерживать шторы.

— Кристиан, беги к девушкам, а потом разыщешь доктора.

Кристиан бросился к соседнему дому. Он бежал, абсолютно не опасаясь за свою жизнь, ведь он понимал, что сейчас от его быстроты зависит жизнь девушек и его Сандры.

Молли и Тереза тут же, несмотря на протесты Кристиана, бросились в дом, где лежал раненый дядя.

Кристиан, Сандра и Розалина тоже покинули дом. Кристиан не мог оставить женщин одних, а доктор жил не так уж далеко.

И через четверть часа все собрались в гостиной. Доктор Дуглас осматривал рану полковника, пытаясь вытащить пулю. Но та сидела очень глубоко и это ему удалось не сразу. Полковник несколько раз терял сознание от боли, но так и не проронил ни одного стога.

Рэтт Баттлер нервно ходил по гостиной. Его угнетало сознание, что он сам сейчас не может ничего предпринять, ничем не может помочь раненому другу. Он понимал, что сейчас не имеет смысла соваться в ночь, где из-за каждого угла может прозвучать выстрел.

— Нам нужно отсюда сматываться, — сказал Рэтт Баттлер, подзвав к себе Кристиана Мортимера.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет, Рэтт, мы слишком глубоко ввязались в это болото, и теперь вопрос стоит только так — или братья Баллоу, или мы. Они не выпустят нас из города, перестреляют, когда мы будем уезжать в нашем фургоне. Если и нужно было убегать, то значительно раньше.

Рэтт Баттлер задумался. В самом деле, он мог рисковать своей жизнью, но рисковать жизнью своих друзей ему не хотелось. К тому же полковник Брандергас был совсем слаб и плох.

Доктор Дуглас извлек пулю и сказал неутешительную новость:

— Возможно, вашему другу придется ампутировать руку, кость раздроблена так, что ее вряд ли удастся собрать.

Полковник, услышав это, поморщился и невесело пошутил:

— Это всего лишь левая рука, доктор, она и так была продырявлена, и я прекрасно обходился правой. Так что из меня все равно будет хороший шериф Кластер-Тауна. Револьвер я могу держать не хуже, чем раньше.

Но эти немногие слова так истощили силы полковника, что он побледнел и забылся, тем более, что доктор дал ему большую дозу обезболивающего.

То, что доктор побежал в дом к начальнику городской полиции, не осталось незамеченным. Эта весть сразу же разошлась по Кластер-Тауну и все знали, что полковник Брандергас опасно ранен.

Дошла эта новость и до дома Ринго.

Сестра разбудила его, и тот долго не мог понять, в чем дело. Но когда до парня наконец дошло, что братья Баллоу попросту подставили его, сделав вид, что это он стрелял по начальнику городской полиции, Ринго не выдержал. Он вскочил на коня и в сопровождении двух своих братьев добрался до дома полковника Брандергаса, в окнах которого горел свет.

Рэтт Баттлер стоял на крыльце в темном плаще, дождевые струи хлестали по его плащу.

Ринго соскочил с коня и подошел к Баттлеру.

— Я слышал, что с твоим другом случилось несчастье, в городе говорят, будто это стрелял я, но поверь, я спал, я не приложил к этому руки.

— А кто же? — только и спросил Рэтт Баттлер.

— Это все братья Баллоу, и они завтра свалят всю вину на меня. Ты веришь мне?

Рэтт Баттлер пристально посмотрел в глаза парню с желтой повязкой на шее.

— Да, Ринго, я тебе верю.

— Вот что, мистер Баттлер, я советую вам срочно собирать пожитки и с утра уезжать из города, иначе братья Баллоу не оставят вас в покое.

— Но ведь ты вместе с ними, — сказал Рэтт Баттлер.

— Я был! — выкрикнул Ринго и принялся срывать с шеи желтую повязку.

Он бросил ее прямо под ноги Рэтту Баттлеру. Следом за ней полетели повязки братьев Ринго.

— Так что запомни мой совет, мистер Баттлер, — прокричал Ринго, уносясь прочь, — завтра же покидайте Кластер-Таун, иначе вам несдобровать.

И как ни был обеспокоен состоянием здоровья полковника Брандергаса Рэтт Баттлер, в его душе затеплилась надежда. Если уже бандиты начинают покидать братьев Баллоу, если у них открылись глаза на злодеяния их главарей, значит не все еще потеряно, значит город, возможно, выкарабкается из той страшной темноты, куда провалился.

А Фрэд Баллоу никак не мог утолить свою кровожадность и следующей жертвой выбрал себе Жака Мокро. Молодой человек был отличной мишенью. Фрэд, стоя в десятке ярдов от окна, прекрасно видел его, сидящего на диване.

Фрэд поднял карабин и тщательно прицелился. Прогремел выстрел, зазвенело стекло, и Жак Монро качнулся и сполз с дивана на пол. Из простреленной груди хлынула на ковер кровь.

Когда Рэтт Баттлер подбежал к своему другу, тот был уже мертв. Рэтт бросился к

раскрытому окну. Занавески, подхваченные ветром, развевались, сквозь разбитую раму хлестал дождь.

Рэтт услышал за своей спиной истошный вопль Терезы, все еще не верящей, что ее возлюбленный мертв.

Пейзаж за окном был пустынен, но Рэтт прекрасно понимал, что Фрэд Баллоу где-то недалеко. Но Рэтт сдержал в себе порыв броситься тут же на улицу, чтобы отыскать бандита и прикончить на месте.

А вот Кристиан Мортимер не выдержал. Он вырвал два револьвера и бросился на улицу под проливной дождь.

Рэтт Баттлер, повертев в руках желтый шейный платок, разодрал его на две части, бросил себе под ноги и не в силах сдержать в себе ярость, начал топтать его.

Через четверть часа абсолютно мокрый Кристиан Мортимер вернулся. На его револьверах блестели дождевые капли. Рэтт Баттлер, едва взглянув на оружие, не стал спрашивать, нашел ли кого-нибудь Кристиан в крошечной темноте и в проливном дожде.

— Дьявол! — прохрипел Кристиан и, тут же схватив со столика бутылку виски, припал к ее горлышку.

Розалина попыталась утешить Рэтта Баттлера, но раздражение его было столь сильным, что он не мог сдержаться.

— Отойди от меня! — закричал Рэтт Баттлер, и Розалина в ужасе отпрянула от него.

— Что с тобой? Неужели ты не понимаешь, Рэтт, — пробовала его уговорить актриса.

Но Рэтт Баттлер, уже не помнил себя от ярости.

— Это все твой Клод Бергсон, он бездействует, а это худшее из преступлений! Он потворствует бандитам! Неужели ты не понимаешь, Розалина, смерть Жака на его совести.

Розалина расширенными от ужаса глазами смотрела на Рэтта Баттлера. Она никогда еще в жизни не видела его таким грозным и настолько убитым горем. Она еще раз попробовала прикоснуться пальцем к его плечу, но Рэтт зло сверкнул глазами и оттолкнул ее от себя.

— Уходи! Я не хочу тебя видеть!

Розалина, чуть не плача, искала взглядом сочувствия, но ни Молли, ни Тереза, рыдающая над мертвым Жаком, не могли поддержать ее. Горе Розалины было ничтожным по сравнению с несчастьем, случившимся в этом доме. И актриса, закутавшись в платок, вышла под проливной дождь. Она шла по пустынным улицам городка, и в ее душе было лишь одно желание — тут же умереть. Она не пошла в Дом к Клоду Бергсону, а свернула в узкую улочку, где жили остальные актеры ее театра.

Назавтра, после похорон Жака Монро, Рэтт Баттлер подогнал к крыльцу дома фургон и принялся выносить вещи из дому. Все боялись подходить к нему, никто не решался спросить, собирается ли вернуться Рэтт Баттлер в Кластер-Таун.

Кристиан Мортимер помогал Рэтту грузить вещи, полковник Брандергас, весь бледный, лежал на топчане, вынесенном в сад. Так же вместе с топчаном его и погрузили в фургон. Тереза, вся в черном, сидела возле своего дяди. Молли, всхлипывая, обнимала свою сестру и как могла ее утешала.

Рэтт Баттлер зло смотрел на любопытных, собравшихся возле ограды дома. Но он видел, что среди людей не видно желтых повязок и у противоположной стены он увидел Ринго. Тот стоял вместе со своими братьями и сочувственно смотрел на приготовления к отъезду.

Наконец, вскочив на козлы, Рэтт Баттлер потянул вожжи и лошади медленно выкатили

фургон из распахнутых ворот. Кристиан Мортимер на ходу вскочил в фургон, и его окованные железом колеса застучали по мостовой.

Клод Бергсон, самодовольно улыбаясь, прохаживался возле крыльца своего дома. Он приподнял шляпу, увидев фургон, но Рэтт Баттлер даже не взглянул на него.

А Розалина стояла на балконе дома, где жили актеры. Казалось, еще одно мгновение, и она бросится вслед за удаляющимся фургоном. Она молила, чтобы Рэтт Баттлер обернулся, послал ей прощальный поцелуй, но Рэтт Баттлер упрямо смотрел только вверх голов коней.

По городу поползли разные слухи. Одни утверждали, что Рэтт Баттлер и его друзья навсегда покинули Кластер-Таун, другие утверждали, что это всего лишь хитрый маневр, и Рэтт отправился искать поддержки каких-то своих друзей, чтобы с ними вернуться в Кластер-Таун и поквитаться с бандитами.

А на самом деле Рэтт Баттлер отвез раненого полковника Брандергаса и его племянниц на почтовую станцию в соседний город. Вместе с девушками и полковником Кристиан Мортимер оставил и Сандру. Женщина долго не хотела оставаться, но Кристиан все-таки сумел уговорить ее.

В Кластер-Таун Рэтт Баттлер и Кристиан Мортимер вернулись верхом уже утром. Они сразу же направились к дому Ринго, и тот ничуть не удивился их появлению. Ведь этот парень имел представление о чести и понимал, что Рэтт Баттлер не оставит убийство своего друга Жака Монро безнаказанным.

— Мы будем с вами, — поклялись Ринго и его братья. — Нам надоели братья Баллоу, с ними должно быть покончено.

— Приятно слышать такие слова от тебя, Ринго, — похвалил решительность парня Рэтт Баттлер. — Пока шерифа нет, — сказал Рэтт Баттлер, — его обязанности буду выполнять я, — и он показал прикрепленный на лацкан своего пиджака значок шерифа, отданный ему слабой рукой полковника Брандергаса.

Правда, Кристиан Мортимер так и не стал давать присягу, он был для этого слишком независим и самолюбив, но он был очень преданным и верным человеком. Поэтому Рэтт Баттлер был спокоен за него.

Первым распоряжением Рэтта Баттлера, лишь только он заступил на должность начальника городской полиции, было: с каждым, кто появится в городе с желтой повязкой вооруженным, будет покончено немедленно. Еще пятеро человек из горожан рискнули примкнуть к Рэтту Баттлеру. Теперь их было десять человек, вышедших на улицы Кластер-Тауна против банды братьев Баллоу. Но желтых повязок нигде не было видно.

Рэтт Баттлер шел по улице, сжимая в руках карабин, а за ним следовали его помощники. Кристиан Мортимер держался немного в стороне, и поэтому он первым увидел притаившегося за фургоном Карлоса.

Припав к прицелу карабина, тот хотел уже нажать на спусковой крючок, пустив пулю в спину Рэтту Баттлеру. Но Кристиан Мортимер опередил его. Пуля, выпущенная из его револьвера, ударила прямо в приклад и оружие выпало из рук бандита.

Рэтт Баттлер подскочил к Карлосу и схватив его за шиворот, бросил лицом на мостовую.

— Я предупреждал всех! — громко выкрикнул Рэтт Баттлер, направляя ствол своего карабина прямо в голову бандиту. — Если я тебя увижу еще раз в городе, то пристрелю на месте. А теперь ступай к братьям Баллоу и скажи им, что я несу им смерть, они от Меня не спрячутся нигде.

Карлос, уже было распрощавшийся с жизнью, тут же вскочил и опрометью бросился бежать прочь из города, даже бросив своего коня, привязанного возле салуна. На ходу он срывал с шеи грязную желтую повязку. Под улюлюканье мальчишек мексиканец выбежал за город и бросился к реке.

Но когда старый Карлос встретился под обрывом с братьями Баллоу, то разговор сложился не в его пользу.

— Ты убил Баттлера? — грозно сверкая глазами спросил Фрэд.

— Нет, не удалось, прости, — срывающимся голосом признался мексиканец.

— Тогда выбирай одно из двух: или же я тебя пристрелю на месте, или же ты вернешься и покончишь с кем-нибудь из людей начальника городской полиции.

Карлосу ничего не оставалось как согласиться со вторым предложением, ведь оно все-таки давало ему шанс на жизнь. Правда, он честно предупредил Фрэда:

— Рэтт Баттлер просил передать вам, что он несет смерть.

Братья Баллоу рассмеялись.

— Он ее несет, но не донесет, — сострил младший Баллоу, наводя ствол своего револьвера на Карлоса, — а ну, бегом!

Тот вернулся в город, но и теперь ему не повезло. Ринго нашел его и не успел Карлос взвести курок своего револьвера, как пуля угодила ему прямо в лоб. На этом закончилась бесславная жизнь самого старого из банды братьев Баллоу.

Узнав о смерти Карлоса, Фрэд только и сделал, что сплюнул себе под ноги.

— Идиот, ничего не умел делать толком.

Правда, Фрэд и Ричард не решились сунуться в город. Они решили выждать и, прихватив с собой только самых верных людей, отправились в свое логово, расположенное в милях восьми от города в старой ферме. Остальные бандиты, предоставленные сами себе на несколько дней, занялись мелкими грабежами и пьянством в окрестных поселках.

Это была роковая ошибка братьев Баллоу: вместо того, чтобы держать всю банду вместе, они рассредоточили силы, и Рэтт Баттлер ловко воспользовался этим. Ему повезло с одним из помощников. Ринго знал окрестности как свои пять пальцев, знал, где могут появиться бандиты. Поэтому Рэтт Баттлер не вел своих людей по главным дорогам, а подбирался к ним узкими тропами и всегда появлялся неожиданно для них.

Теперь в его сердце уже не было жалости к бандитам. Он врвался в таверны и лишь только видел желтую повязку, сразу же стрелял. Он не боялся ошибиться, ведь местные жители ненавидели желтый цвет, и ни один из приличных людей не позволил бы себе нацепить подобную гадость на шею.

За три дня Рэтт Баттлер умудрился уничтожить дюжину бандитов. Теперь люди Баллоу уже не были так беспечны. Все стекались к логову, где притаились братья Баллоу, раздумывая, что им предпринять. Одни из бандитов призывали к тому, чтобы совершить налет на город и разом покончить с Рэттом Баттлером и его людьми. Другие же предпочли бы заманить Рэтта Баттлера в ловушку и там расправиться с ненавистными блюстителями порядка. Братья Баллоу склонялись ко второй мысли. Они понимали, что совершить налет на город уже невозможно, потому что не хватит сил. Ведь вся их сила раньше держалась на том, что они сумели убедить местных жителей в своей непобедимости и неуязвимости. А сейчас многие из горожан уже открыто поддерживали Рэтта Баттлера и его людей.

Еще несколько человек записалось в полицию, и приутих даже Клод Бергсон. Он теперь не вмешивался, выжидая, чья же возьмет верх.

Изловив двух бандитов, Рэтт Баттлер решил устроить показательный суд и вздернуть их на виселице посреди Клостер-Тауна. Весь город сбегался смотреть на пойманных бандитов. Их провели по главной улице и поместили в городскую тюрьму. Суд был недолгим, их приговорили к смертной казни через повешение.

Бандитов вывели на площадь, зачитали приговор и, как водилось на Западе, преступников со связанными за спиной руками посадили на лошадей, накинули на шею петли и потом Рэтт Баттлер, взяв в руки кнут, стегнул коней. Тела бандитов закачались в петлях. По толпе прошел вздох облегчения. Многие, боявшиеся бандитов, поняли, что они не так страшны, что с ними можно бороться и побеждать.

Рэтт Баттлер поднял вверх руку и выкрикнул:

— Так будет с каждым, кто только осмелится поднять руку на закон!

Затем он бросил под ноги качающимся телам бандитов желтые повязки.

У захваченных бандитов Рэтт Баттлер все же успел получить нужную информацию — он узнал, где прячутся главари банды Баллоу и сколько у них людей. Конечно, силы были неравные, у Рэтта Баттлера было человек пятнадцать, а банда вдвое превосходила его силы.

Но зато какие люди были у Рэтта Баттлера! Сам он и Кристиан Мортимер стили десятерых. Да и Ринго с братьями тоже были не промах. К тому же еще несколько бравых парней пришли на службу в полицию.

Фрэд и Ричард Баллоу оставались в неведении, что же происходит в городе. И поэтому им пришлось послать трех бандитов на разведку. Те спрятали свои желтые повязки и, пользуясь тем, что они были мало знакомы местным жителям, ночью появились в городе. Они сразу же направились к дому окружного шерифа, ведь Фрэд Баллоу сказал, что именно там они могут разузнать то, что ему нужно.

Клод Бергсон на удивление был неприветлив. Он трясся от страха, понимая, что если сейчас бандитов застанут у него в доме, то ему придется туго. Конечно, он мог тогда притвориться, что бандиты ворвались к нему в дом и угрожают расправой, но Клод Бергсон прекрасно понимал, что никто в городе теперь ему уже не поверит. Правда, его богатство еще имело влияние на людей, но его авторитет упал почти до нуля. Как окружного шерифа его не уважал почти никто. Все симпатии теперь принадлежали Рэтту Баттлеру и его людям. Даже к бывшему бандиту Ринго жители города относились теперь лучше, чем к Клоду Бергсону.

Окружной шериф все же провел бандитов в свой кабинет, аккуратно сдвинул шторы на окне и при одной свече рассказал им все, что знал о той участи, которая постигла их товарищей.

И надо же было случиться, что именно этой ночью Розалина поссорилась с антрепренером, и тот заставил ее вновь пойти к Клоду Бергсону просить денег на театр.

Клод Бергсон долго не решался открыть дверь, а потом, выглянув из окна верхнего этажа и убедившись, что это в самом деле Розалина, отворил дверь.

Женщина вошла в гостиную и осмотрелась. От ее взгляда не укрылись мокрые следы на ковре и два мокрых сомбреро на вешалке в прихожей. Она обо всем догадалась, но не подала виду.

Клод Бергсон, обычно прижимистый и скупой, на этот раз быстро раскошелился. Ему не терпелось как можно скорее выпроводить Розалину и дать бандитам возможность уйти незамеченными.

Розалина ловко разыграла окружного шерифа. Она вскружила ему голову обещаниями

вернуться завтра же. Тот почти ей поверил, ведь он был уверен в собственной неотразимости и умении производить впечатление на женщин. А актрисы были его давней слабостью.

Заполучив деньги, Розалина отправилась не к своему антрепренеру, а пошла напрямиком к Рэтту Баттлеру.

Тот встретил ее неприветливо, но узнав, что привело Розалину к нему, тут же направил своих людей к дому окружного шерифа.

Но полицейские опоздали: ни самого Клода Бергсона, ни его людей в доме не было. Бандитов удалось перехватить только на окраине города. Завязалась жестокая перестрелка, и как ни хотел Рэтт Баттлер захватить их живыми, ему это не удалось.

Его люди притащили на площадь три мертвые тела. Каково же было удивление Рэтта Баттлера, когда открылась дверь салуна, и на крыльцо преспокойно вышел Клод Бергсон. В его руках была неизменная трость с золотым набалдашником, и он невозмутимо смотрел на безжизненные тела бандитов, еще совсем недавно навестивших его дом. Он поздравил Рэтта Баттлера с легкой победой и спокойно направился к своему дому.

Первым желанием Рэтта Баттлера было наброситься на него, но он понимал, что никаких улик у него сейчас в руках нет, лишь только признание Розалины, и то, вряд ли она подтвердит его в суде. К тому же, Клод Бергсон, оставаясь одним из самых богатых людей в Кластер-Тауне, явно мог повернуть дело в свою пользу. И поэтому выяснение отношений с окружным шерифом Рэтт Баттлер отложил до лучших времен, хотя, когда они наступят, он сам представлял смутно.

Наконец, братья Баллоу поняли, что так долго продолжаться не может. Если они не предпримут активных действий, то с их бандой будет покончено раз и навсегда.

Поэтому Фрэд как более решительный, но менее дальновидный, чем Ричард, оставив в распоряжении своего младшего брата десять бандитов, с остальными пустился в рискованное предприятие.

Фрэд понимал, что в Кластер-Тауне, он не может сразиться с Рэттом Баттлером в открытую. Ведь теперь многие горожане перешли на сторону начальника городской полиции. Но в окрестных селениях, где обитали запуганные бандитами крестьяне, еще можно было рассчитывать на успех.

Долго блуждать в поисках полицейских бандитам не было нужды — бурная речка, пересекавшая окрестности Кластер-Тауна, была доступна для перехода лишь в только одном месте. Здесь она разливалась довольно широко и была мелка. Вот этим бродом пользовались все. И перейти ее где-либо в другом месте было попросту невозможно.

Один из берегов, примыкавший к Кластер-Тауну был пологий, здесь почти негде было укрыться — лишь несколько голых камней, да стволы вынесенных разливом деревьев белели под ярким солнцем. Зато другой берег, крутой, с песчаными откосами, был идеальным местом для устройства засады.

Фрэд Баллоу привел своих людей именно на этот берег, туда, где росли деревья и кусты дикой розы. Фрэд сразу же на глаз оценил преимущество своего положения. Он мог подпустить полицейских довольно близко, они даже вполне могли обороняться на другом берегу. Но подобраться к нему было почти невозможно. Широкая река простреливалась превосходно.

Фрэд Баллоу расположил своих людей, каждому предварительно объяснив, что от него требуется. Весь участок местности был поделен на сектора обстрела. В целом, бандиты подготовились к встрече с людьми Рэтта Баттлера, как к настоящему сражению. У каждого было достаточно патронов, съестных припасов тоже было вдоволь. Оставалось только ждать.

Рэтта Баттлера, конечно, не могло не беспокоить то, что бандиты словно бы исчезли с лица земли. Никто нигде их не видел. Они больше не чинили зверств. Он понимал, такое видимое благополучие не к добру. Его люди уже устали и, по-хорошему, следовало бы возвратиться в Кластер-Таун, чтобы передохнуть.

Но Рэтт Баттлер понимал, нельзя дать банде братьев Баллоу опомниться. Первый испуг может пройти, и они, собрав силы, вновь набросятся на город. Он не надеялся на здравый ум старшего брата Баллоу — злость могла затуманить голову Фрэда. И поэтому единственным выходом было — продолжать преследование.

Но, рассуждая таким образом, Рэтт Баттлер переоценил свои силы. Он-то думал, что Фрэд скрывается от него, а тот преспокойно поджидал его на крутом берегу реки в засаде.

Усталые всадники не спеша ехали по пыльной дороге. Солнце иссушило землю, и далекая лента реки манила к себе прохладой. Впереди кавалькады следовали Рэтт Баттлер и Кристиан Мортимер.

Кристиан держался из последних сил и почти ничем не выдавал своей смертельной болезни. Время от времени он доставал из-за пазухи полную фляжку, каким-то чудом умудрявшуюся быть постоянно наполненной виски, и делал маленький глоток, а затем

предлагал спиртное Рэтту Баттлеру.

За спиртным и за сигарами хорошо бы было поговорить. Но за долгие дни перехода уже обо всем было переговорено, и поэтому Кристиан Мортимер решил напомнить своему другу о существовании Розалины.

— Тебе везет, Рэтт.

— Это еще почему?

— Ну как же, актриса любит тебя без памяти. Она даже ушла от Клода Бергсона.

— Ей следовало это сделать раньше, — со злостью ответил Рэтт Баттлер.

— Ну-у, ты можешь рассуждать так, как тебе хочется, но я бы на твоём месте, Рэтт, не упустил случая, чтобы сойтись с ней поближе. Я завидую тебе. Мне-то пришлось Сандру оставить с Чарльзом, а она из тех женщин, которые, находясь в разлуке с мужчиной, быстро его забывают.

Рэтт Баттлер прищипил своего коня и выехал немного вперед. Но Кристиан Мортимер не хотел отставать, и мужчины вновь поравнялись. Отпив из фляжки два небольших глотка, Кристиан Мортимер стал более снисходительным к Рэтту Баттлеру. Он понимал, что его другу тяжело вспоминать о Розалине. Но ему хотелось, чтобы тот не наделал еще больше глупостей. Ведь рано ли поздно охота за бандитами кончится и нужно будет думать о спокойной жизни.

— По-моему, Рэтт, — Кристиан вернулся к прежней теме, — тебе следовало бы жениться.

Рэтт Баттлер рассмеялся.

— Я бы понял тебя, если бы ты сам был женат.

— А что разве Сандра не моя жена? — вполне искренне удивился Кристиан.

— Это ты, Кристиан, можешь рассказывать ей, а меня обманывать не надо.

Кристиан даже немного обиделся.

— Я серьезный человек, Рэтт. И если пообещал женщине, то обязательно исполню.

— Да она забудет тебя раньше, чем ты сам вспомнишь о ней.

— А это мы еще посмотрим, — лицо Кристиана Мортимера сделалось грустным.

Наверное, он подумал о том, что, возможно, и не доживет до встречи с Сандрой. Ведь только одному ему было известно, насколько болезнь подточила его силы.

Всадники выехали к реке, и Рэтт Баттлер подал знак остановиться. Он осмотрелся. Но люди Фрэда Баллоу замаскировались так удачно, что даже Рэтт Баттлер не заподозрил ничего и первым въехал на своем коне в воду...

И тут же с противоположного берега загрели выстрелы. Пули врезались в воду, поднимали фонтанчики. Конь Рэтта, испугавшись, поднялся на дыбы — и это спасло Баттлера. Смертельно раненное животное завалилось на бок, и Рэтт лишь чудом успел из-под него выплыть.

Его люди, расположившись за камнями, открыли ответный огонь. Рэтт успел перебежать и упасть за выбеленный солнцем ствол сломленного дерева. Он слышал, как бандитские пули впиваются в дерево и откалываются щепки.

Кристиан Мортимер залег невдалеке за гладким невысоким камнем.

— Черт возьми, Рэтт. Ну и глупо же мы попались! — Кристиан, переломив ствол своего ружья, вставлял патроны.

Бандиты стреляли так часто, что не было возможности даже поднять голову.

— Эй, сдавайтесь! — кричал Фрэд Баллоу и его зычный немного хриплый голос

разнесся над рекой. — Вам несдобровать. У меня людей вдвое больше.

— Сволочь! — крикнул Рэтт Баттлер и на мгновение, поднявшись из своего укрытия, сделал два выстрела.

Но они не задели никого из бандитов. В ответ прозвучал только сатанинский хохот Фрэда Баллоу.

— А тебя, Баттлер, я вздерну на дереве.

И вновь загрели выстрелы, вновь пули высекали искры из камней, а Рэтт Баттлер, лежа на спине, перезаряжал свой карабин.

Ринго попробовал перебраться к Рэтту Баттлеру. Но лишь только его голова показалась из-за камня, как засвистели пули и молодому парню пришлось ретироваться.

— Ринго, оставайся на месте! — прокричал Рэтт. — Сейчас что-нибудь придумаем.

Кристиан, понимая, что даже поднявшись над камнем, он не успеет прицелиться и выстрелить, стрелял наугад, чтобы хоть немного запугать бандитов. Разрядив ружье, он перевернулся на спину и закашлялся.

Рэтт Баттлер с тревогой посмотрел на своего друга, тот показал ему соединенные указательный и большой палец, дескать, все хорошо, не обращай внимания. Но Рэтт успел заметить обогранный кровью носовой платок.

— Эй, Баттлер, — вновь заорал Фрэд Баллоу, — я могу пощадить всех твоих людей, если ты сдашься. Иначе всем вам крышка.

Рэтт Баттлер посмотрел на Кристиана Мортимера. Конечно, их положение было незавидным и долго продержаться за такими укрытиями было невозможно, но Кристиан отрицательно покачал головой.

— Нет, Рэтт, мы с тобой еще повоюем.

И словно бы услышав их разговор, Фрэд Баллоу закричал:

— Если вы не сдадитесь, то через полчаса подоспеет Ричард со своими людьми и зайдет к вам с тылу. Так что выбирайте.

Рэтт Баттлер чертыхнулся. Он понимал, что взяв на себя ответственность за жизнь людей, пошедших за ним, он не может их предать. Сейчас все зависело только от него.

И тут, словно молния, его озарила догадка. Это был рискованный шаг, но если хитрость Рэтта Баттлера сработает, то он сможет спасти своих людей и победить бандитов.

Рэтт Баттлер поднялся из-за своего укрытия во весь рост и пошел к берегу со вскинутым карабином.

— Что ты делаешь, Рэтт? — закричал Кристиан. — Сейчас же вернись!

Несколько пуль просвистели совсем рядом с Рэттом Баттлером, но он даже не вздрогнул.

Фрэд Баллоу с удивлением смотрел на Рэтта Баттлера, спокойно идущего к воде со вскинутым наизготовку карабином.

Молодой мексиканец, укrywшийся за камнем рядом с главарем шайки, навел ствол своего оружия на Рэтта Баттлера, но Фрэд, выругавшись, вырвал оружие у него из рук и закричал:

— Никому не стрелять! Он мой!

Рэтт Баттлер криво улыбнулся. Его план начинал действовать.

Все-таки у Фрэда Баллоу сохранились если не остатки совести, то хотя бы представление о чести. Он не мог убить своего противника просто так из укрытия. Чтобы поднять свой пошатнувшийся авторитет, Фрэд должен был сразиться с ним один на один.

Сжимая в одной руке карабин, в другой револьвер, вырванный у мексиканца, Фрэд Баллоу тоже вышел из своего укрытия.

Кристиан Мортимер прицелился было в него из своего ружья, но Рэтт Баттлер тоже крикнул:

— Никому не стрелять! Я должен разобраться с ним один на один.

Люди Фрэда Баллоу выходили из своих укрытий и смотрели на то, как главарь их шайки по пояс в воде идет навстречу Баттлеру.

Между ними оставалось еще ярдов двести, но терпение Фрэда Баллоу иссякло, он выстрелил из своего револьвера. Однако пули, пущенные с такого большого расстояния не достигли цели. Они со всхлипывающим звуком исчезли в воде, разбрызгивая голубоватые капли.

А Рэтт Баттлер не спешил стрелять. Он упорно пробирался по быстрому течению. Полы его плаща колыхались в потоках. Он не смотрел ни на что, лишь только ловил в прицел голову Фрэда Баллоу. Рэтт отсчитывал расстояние, отделявшее его от врага. Ему не терпелось как можно скорее выстрелить, но выстрел должен был быть точным.

Фрэд Баллоу еще раз нажал на спусковой крючок револьвера. Но курок лишь сухо щелкнул — барабан был пуст. Чертыхнувшись, Фрэд откинул револьвер в воду и схватился двумя руками за карабин.

— Нет! — закричал он, видя наставленный на него ствол карабина Рэтта Баттлера.

Одновременно громыхнуло два выстрела, но Рэтт определил своего противника.

Фрэд Баллоу вскинув руки, рухнул в воду. С его лба стекала тонкая струйка крови, и ее уносило течение.

Бандиты, опомнившись, схватились за оружие. Рэтт Баттлер, отбросив карабин в сторону, выхватил револьверы. Он стрелял с двух рук, почти не целясь.

Кристиан Мортимер, Ринго и другие люди Рэтта Баттлера бежали ему на помощь. Первым подоспел Мортимер, он прикрыл собой Рэтта Баттлера и тоже стрелял с двух рук.

Перестрелка длилась лишь какую-то минуту, но когда смолкли последние выстрелы, лишь пятеро бандитов смогли скрыться, а остальные без движения остались лежать на песке. Рэтту Баттлеру показалось, что прошел целый час. Только сейчас он заметил рядом с собой Кристиана Мортимера. До этого ему казалось, что он ведет бой один.

Кристиан глубоко вздохнул и припал к горлышку своей фляжки.

— Чертовски холодная вода, Рэтт, — сказал Кристиан, направляясь к берегу.

— Да? А я не заметил.

— А ты все-таки молодец, Рэтт. Ты спас нас всех. Это было настоящее чудо.

Рэтт криво улыбнулся.

— Да, после такого начинаешь верить в чудеса. Но теперь, я думаю, Ричард Баллоу не оставит нас в покое и будет поосторожнее. Так что, Кристиан, нам остается только уповать еще на одно настоящее чудо.

Мужчины выбрались из воды. Потерь со стороны полиции не было, лишь Ринго получил легкое ранение в руку. Чтобы обсушиться мужчины разложили костер. Перекусив и немного выпив, Рэтт Баттлер и Кристиан Мортимер отошли в тень одинокого раскидистого дерева. Ринго и его братья примостились рядом.

— Теперь, уверен, за нами будет большая погоня, — озабоченно сказал Ринго, — и с этого дня не мы будем преследовать, а будут гнаться за нами.

Рэтт Баттлер вздохнул и вытащил из кармана сигару, та совсем размокла и ему

пришлось ее выбросить.

— Но что ж, не все тебе должно везти, — заметил Кристиан Мортимер, угощая Рэтта своей сигарой. — Мои немного послабее, зато табачок получше.

— Подарки не выбирают, — ответил Рэтт Баттлер.

— Вот-вот, — подытожил Кристиан, — а сегодняшнюю удачу можно считать подарком судьбы. Дальше, думаю, везти нам перестанет.

— Ты слишком мрачно настроен, Кристиан.

— Нет, я всего лишь реально смотрю на вещи, — он глубоко затянулся табачным дымом и тут же почувствовал резкую боль в груди.

Кристиан закашлялся так, что сигара выпала изо рта, он поднялся и отошел к костру.

— Кристиан, — окликнул его Ринго, — по-моему, тебе следовало бы полежать в постели. Давай, Рэтт, отправим его назад в Кластер-Таун.

Кристиан гордо выпрямился и с чувством собственного превосходства посмотрел на Ринго.

— Я, Ринго, там, где мои друзья. Если вы все ляжете в постели, то и я с удовольствием растянусь, а если вы предпочитаете скакать на конях и вести перестрелки с бандитами, значит, это и моя судьба. К тому же, — добавил он, желая немного смягчить свой тон, ведь Ринго хотел как лучше, — я сам не хочу терять время.

— Дней много, а здоровье одно, — заметил Ринго.

— Это ты верно сказал, но это не относится ко мне. Я не знаю, чего у меня осталось меньше — дней или здоровья. Поэтому предоставь мне распоряжаться ими по своему усмотрению.

До Сандры, находившейся в соседнем городе вместе с раненым полковником Брандергасом, Молли и Терезой, доходили слухи о страшнее другого. Чарльзу делалось день ото дня хуже, он слабел, сознание временами покидало его, он бредил.

И Сандра, привыкшая к свободе, привыкшая действовать на свой страх и риск, чувствовала себя лишней. За Чарльзом Брандергасом прекрасно ухаживали Молли и Тереза. Поэтому женщина, услышав очередную историю о кровавой разборке между Рэттом Баттлером, Кристианом Мортимером и людьми братьев Баллоу, не выдержала. Она взяла в аренду фургон и одна отправилась в Кластер-Таун, оставив полковнику и его дочерям записку, что направляется искать Кристиана Мортимера и Рэтта Баттлера.

Но прибыв в Кластер-Таун, Сандра с удивлением обнаружила, что никто из горожан не может указать точного местонахождения людей Рэтта Баттлера. Даже окружной шериф Клод Бергсон не мог ей ни в чем помочь.

Сандра вышла из его дома расстроенная и встретила Розалину. Женщины быстро нашли общий язык: их объединяло одно — любовь. После недолгих колебаний Розалина согласилась отправиться искать двух друзей.

Фургон, запряженный двумя лошадьми, жители Кластер-Тауна провожали удивленными взглядами. Теперь мало кто решался совершать мало-мальское путешествие — не такое было время.

Рэтт и Кристиан со своими людьми уже второй день безуспешно пытались разыскать провиант и приличный ночлег. Запуганные фермеры отказывали им в убежище. Ричард Баллоу пообещал, что каждого, кто окажет гостеприимство начальнику городской полиции,

убьет.

И вот, подъехав к очередной небольшой ферме, Рэтт Баттлер увидел крытый полотном фургон. Возле него толпились работники.

— Что там такое? — спросил Рэтт, указывая на людей.

Даже издали было видно, что тент фургона пробит пулями. Ринго поскакал узнать, что случилось. Но приблизившись, он замер, глядя в темную глубину фургона.

— Черт! — выругался Рэтт, — что же там такое?

И он вместе с Кристианом подъехал к ферме. Работники молча расступились, Ринго отвел взгляд.

На дне повозки лежало два тела — Розалины и Сандры. Женщины были мертвы. По всему было видно, что их постигла ужасная смерть. Скорее всего, они долго пытались уйти от погони, доски фургона были прямо-таки изрешечены пулями, в тенте зияли дыры.

А потом...

К окровавленному платью Розалины была приколата записка.

«Теперь мы квиты. Ричард Баллоу».

И постскриптум:

«Если вы не трусы, то приходите к двенадцати часам ночи к высохшему Чертову озеру. Кто-нибудь один. И мы поквитаемся как мужчина с мужчиной. Я жду каждую ночь».

Рэтт Баттлер сидел в седле, словно окаменев, а Кристиан Мортимер соскочил на землю, но тут же кашель сдавил ему грудь. Он не мог вздохнуть, кровь хлынула горлом, и, если бы не пожилой фермер, Кристиан без чувств упал бы на землю. Его перенесли в дом, и мистер Мортимер пришел в себя, уже лежа в постели.

Стоял поздний вечер. Рэтт сидел подле кровати Кристиана.

— Их уже похоронили, — не глядя в глаза своему другу, сказал Рэтт. В уголке его губ тлела сигара, а лицо окаменело.

На нем не было ни ненависти, ни отчаяния. Он словно бы отсутствовал сейчас в этом мире. Кристиан глубоко вздохнул и протянул руку. Тот молча подал ему сигару, и Кристиан сделал две глубокие затяжки.

— Рэтт, мы не имели права кого-нибудь любить.

Рэтт Баттлер молча кивнул.

— Она знала, что умрет раньше меня, — прошептал Кристиан, — Сандра сама говорила мне об этом.

— Убийцы, — прошептал Рэтт Баттлер, — я поквитаюсь с ними.

— Розалина была такой красивой, — задумчиво продолжал Кристиан Мортимер, глядя на закопченные балки потолка. — Она хотела принести в этот мир красоту и гармонию. Я помню ее на сцене...

Он замолчал, вспоминая представление в театре. Молчал и Рэтт Баттлер. Не было слов, чтобы выразить чувства, охватившие двух мужчин. Каждый из них понимал, что и он виновен в смерти женщин. И оба понимали, что переоценили свои силы, схватившись с бандой братьев Баллоу.

— Я пойду на встречу с ним, — сказал Кристиан Мортимер, пытаясь приподняться в кровати.

Но тут же закашлялся и сплюнул кровь.

— Нет, Кристиан, должен идти я, — Рэтт Баттлер вытащил часы и посмотрел на

циферблат. — Сейчас одиннадцать часов. До Чертова озера полчаса дороги. Я сам отомщу и за них, и за тебя.

— Нет, Рэтт, я же стреляю лучше, — Кристиан даже сел, но тут же качнулся и, не удержавшись рукой за спинку кровати, рухнул на подушки, — извини, Рэтт. Но все равно пойду я.

Рэтт Баттлер стоял с часами в руках, как бы раздумывая, хотя было понятно, что Кристиан Мортимер не сможет подняться с кровати, не сможет сделать и шагу. Может быть, Рэтт и уступил бы другу, если бы тот был здоров, во всяком случае они бы потянули жребий. Но допустить, чтобы Ричард Баллоу ушел безнаказанным, вдобавок убив Кристиана, он не мог.

— Ты останешься здесь, — твердо сказал Рэтт Баттлер. — С Баллоу я разберусь сам.

— Извини, Рэтт, — прошептал Кристиан, — эта чертова болезнь. Хорошо, иди ты. Только оставь мне что-нибудь на память. Ведь, может, ты и не вернешься.

Кристиан, протянув руку, коснулся звезды шерифа на груди Рэтта Баттлера.

— Оставь мне ее. Ведь в ней был смысл последних дней твоей жизни.

Рэтт Баттлер отвинтил звезду и вложил ее в ладонь Кристиана, тот сжал пальцы.

— Спасибо тебе, Рэтт, и еще раз извини. Извини меня за мою болезнь.

— Надеюсь, мы еще встретимся, — сказал Рэтт и покинул комнату со смертельно больным другом.

Он запретил полицейским следовать за ним. Но все-таки Ринго с друзьями через десять минут после отъезда Баттлера тоже направились к Чертову озеру. Они не хотели выпустить Ричарда Баллоу живым, если тому удастся расправиться с Рэттом Баттлером.

Лишь только стих конский топот, Кристиан Мортимер, скрежеща зубами, поднялся с кровати. Он оделся, взял оружие и выскользнул из дома. Конь ожидал хозяина в конюшне, и Кристиан Мортимер помчался к Чертовому озеру напрямую, не разбирая дороги. На груди его сверкала звезда шерифа Клостер-Тауна.

Ричард Баллоу оставив своих людей в миле от озера, ожидал появления своего противника на берегу пересохшего озера. Он стоял под раскидистым одиноким деревом и нервно курил сигару. Его молодое красивое лицо искажала злоба. Ричард не мог унять дрожь в руках. Он понимал, что ни Рэтт Баттлер, ни Кристиан Мортимер не простят ему сотворенного с их женщинами. А ему успели доложить, что противники уже женщин похоронили.

Заслышав цокот копыт, Ричард оживился, бросил сигару на землю и раздавил ее каблуком сапога. Он вглядывался в силуэт всадника.

Широкополая шляпа, развевающийся плащ.

— Я жду! — крикнул Ричард, выходя на берег.

Он стоял, широко расставив ноги, готовый в любой момент выхватить револьвер из кобуры.

Кристиан Мортимер соскочил на землю и остановился в пяти футах от своего противника.

— О, у меня сегодня легкая добыча! — воскликнул Ричард. — Я слышал, Кристиан, тебе нездоровится.

— Заткнись! — ответил Кристиан, — и приготовься умереть.

— Не спеши. Ведь это последняя ночь в твоей жизни, — бандит сделал несколько шагов назад, встретившись взглядом со своим противником.

Кристиан вытащил плоскую фляжку и сделал несколько коротких глотков.

— Пьяница, — презрительно скривил губы Ричард Баллоу, — ты даже не сможешь попасть в меня.

— Это мы еще посмотрим, — процедил Кристиан, приподнимая полу плаща.

В лунном свете сверкнула звезда шерифа.

— Это говорю тебе я, шериф Кластер-Тауна. Я убью тебя от имени его горожан.

Ричард рассмеялся.

— Брось трепаться. Мы пришли сюда не разговоры разговаривать.

— Давай приступим, — Кристиан Мортимер сбросил плащ, и мужчины стали друг напротив друга.

Их разделяло ярдов двадцать.

— Посмотрим, у кого нервы сдадут первыми.

И они принялись медленно ходить по кругу, не сводя глаз друг с друга. Каждый понимал, что одно неверное движение, и он опоздает. Выстрел оружия противника прозвучит раньше.

— Ну что ты медлишь? — подзадоривал Кристиана Ричард. — Видишь, я не спешу стрелять.

— Я растягиваю удовольствие, — цедил сквозь зубы Кристиан Мортимер, — ведь, к сожалению, тебя можно убить только один раз.

Рука Ричарда Баллоу молниеносно рванулась к револьверу... но в бандите не было той ненависти к Кристиану, которую тот испытывал к нему.

И Мортимер успел выстрелить первым.

Пуля вошла в грудь бандита, но тот, теряя силы, навел ствол своего оружия на Кристиана Мортимера.

Кристиан стоял, не прячась, широко расставив руки.

— Стреляй, если сможешь. Больше ты уже не посмеешь над моей немощью.

Рука Ричарда медленно опускалась, словно ее тянул вниз страшный груз. Он сделал несколько шагов навстречу к Кристиану и, не дойдя до него ярдов десять, упал на песок.

— Ну вот и все, — сказал Кристиан Мортимер, доставая плоскую фляжку и осушая ее. — Ты мертв, Ричард Баллоу.

Он перевернул лежащего вниз лицом бандита и, чувствуя, что силы покидают его, опустился на песок. Кристиан снял звезду шерифа и сжал ее в кулаке.

Послышался конский топот. На фоне ночного неба появился всадник. Кристиан устало посмотрел на него. Это был Рэтт Баттлер, он спешил встретиться с Ричардом Баллоу, но тот был уже мертв.

— Кристиан! — изумленно воскликнул Рэтт, увидев своего друга.

— Извини меня, Рэтт, — прошептал Мортимер, протягивая ему звезду шерифа, — я немного обманул тебя. Я не настолько слаб, чтобы выронить из руки револьвер. И умереть, зная, что такая сволочь как Ричард Баллоу еще живет, я не мог.

Рэтт Баттлер помог Кристиану подняться и сесть на коня. Тот еле держался в седле. Встретив по дороге Ринго и других полицейских, Рэтт распорядился забрать мертвое тело Ричарда Баллоу и привезти его в Кластер-Таун.

Прошло два месяца. В городе воцарились спокойствие и порядок. Клоду Бергсону пришлось покинуть Кластер-Таун. Горожане не могли простить ему бездействия во время бесчинств бандитов.

Оправившись после ранения, Чарльз Брандергас вновь занял свое место начальника городской полиции. Дом и земельный участок были переданы ему в полную собственность, и теперь он был не только одним из самых уважаемых людей Клостер-Тауна, но также и землевладельцем. И не беда, что пальцы раненой руки плохо слушались Чарльза Брандергаса. Он прекрасно обходился и одной. К тому же стрелять после разгрома банды братьев Баллоу ему приходилось не часто.

А за карточный стол он уже не садился. Молли и Тереза привели сад, примыкавший к дому в идеальное состояние. Везде были цветы, к тому же подобранные так, что цвели чуть ли не круглый год.

Наконец-то сбылась мечта полковника о тихой спокойной жизни. Ведь это для любого другого обывателя должность шерифа казалась полной опасности и кровавых жестоких стычек. А для Чарльза Брандергаса она была даже слишком спокойной.

Рэтт Баттлер покинул город с тяжелым сердцем. Сколько ни уговаривал его полковник остаться, Рэтт не согласился. Он понимал, что все в Клостер-Тауне будет напоминать ему о смерти друзей, о Розалине.

Он твердо решил вернуться на родину в Чарльстон. Но не мог Рэтт Баттлер покинуть эти края, не попрощавшись со своим другом Кристианом Мортимером. Тот медленно угасал в госпитале святого Антония в Сан-Франциско.

Кристиан ничуть не удивился, когда проснувшись утром, увидел возле своей постели Рэтта Баттлера. Тот с тревогой вглядывался в осунувшееся лицо друга.

— Я рад, что ты жив, Рэтт, — бескровными губами прошептал Кристиан. — Еще бы несколько дней и ты вряд ли застал бы меня в живых. Наверное, ты решил вернуться на родину?

Рэтт Баттлер кивнул.

— Если тебе тяжело, то не говори.

— Посмотри, — улыбнулся Кристиан Мортимер, — не стоит ли за спинкой моей кровати удача?

— Это легко проверить, — сказал Рэтт Баттлер, доставая из кармана колоду карт.

Он сдал каждому по пять. И Кристиан прозрачными почти воскового цвета пальцами перевернул свой веер.

— Покер, — негромко сказал он. — Это последняя удача в моей жизни.

— Ты еще поправишься, Кристиан... — голос Рэтт сорвался.

— Не нужно меня обманывать, Рэтт. Я знаю, мне осталось жить считанные часы. Лучше дай закурить.

Рэтт Баттлер понял, что возражать бесполезно. Сигара затлела, и ароматный дым наполнил комнату больного, уничтожив запах лекарств. На лице Кристиана появилась улыбка.

— Рэтт, достань мою сумку. А теперь вытащи из нее бумаги.

В руках Рэтта Баттлера оказались акции серебряных рудников.

— Здесь бумаг на триста тысяч долларов. Мне некому их оставить, кроме как тебе.

— Что ты, Кристиан. Я не могу принять их.

— Это моя последняя воля, — рука Кристиана Мортимер легла на колено Рэтту Баттлеру, — и, пожалуйста, не спорь. Ведь я выиграл у тебя, и ты должен исполнить мою просьбу.

— Кристиан... — вздохнул Рэтт Баттлер.

— А теперь у меня к тебе всего лишь одна просьба. Оставь меня одного, я не хочу, чтобы ты видел, как я умираю.

Рэтт Баттлер хотел сказать, что Кристиан еще будет долго жить, но, взглянув в его глаза, понял: остались в самом деле считанные часы, а может, и минуты.

— Уходи, — сказал Кристиан Мортимер и прикрыл глаза.

— Прощай, — Рэтт вышел из комнаты.

В саду, окружавшем госпиталь, Рэтт запрокинул голову в синее глубокое небо. По нему плыли облака, гонимые ветром на восток.

«Быть может, они прольются дождем над Чарльстоном», — подумалось Рэтту Баттлеру.

Он опустился на скамейку в тени старого огромного дерева и задумался.

Из здания госпиталя вышел монах и направился к Рэтту Баттлеру.

— Ваш друг умер.

Рэтт Баттлер кивнул.

— Я знал это.

— Перед смертью он просил передать вам вот это, — и монах протянул ему дорожную сумку Кристиана Мортимера.

Рэтт раскрыл ее, там лежали два револьвера и пачка акций серебряных рудников.

Тоска одиночества охватила Рэтта Баттлера, когда он выходил за ограду монастырского кладбища. В ушах стоял грохот камней, падающих на гроб Кристиана Мортимера.

Ему некуда было спешить, некуда было идти. Рэтт почувствовал себя лишним на этой земле. Он дал ей все, что мог, а она забрала у него столько дорогих ему людей.

Дикий Запад переставал быть диким. Тут постепенно воцарялись закон и порядок. Нужно было измениться самому или же покинуть этот край. Рэтт Баттлер, вскочив на коня, задумался.

— Только на восток, — прошептал он самому себе. — Только там, возможно меня ждут.

Перед ним лежала бесконечная пыльная лента дороги. И куда она вела, Рэтт Баттлер не знал...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПАНСИОН ГОРОДКА ФЕЙЕМВИЛЬ

Скарлетт с трудом сдерживалась, чтобы не задремать под мерный стук конских копыт и редкие негромкие окрики кучера, доносившиеся через окно дилижанса. Другие пассажиры были заняты негромкими разговорами, некоторые клевали носом. Рядом со Скарлетт сидела ее мать — Эллен О'Хара, державшаяся, как и дочь, прямо и подчеркнута невозмутимо, хотя у нее тоже слипались глаза.

Дилижанс покачивался, следуя по дороге, вымытой недавно начавшимися, но уже продолжительными, по-настоящему осенними дождями. Довольно сильный ветер относил пыль, не давая ей тревожить пассажиров.

Нет, дождь сейчас не шел, хотя небо было в облаках. «И слава Богу, — думала Скарлетт, — что нет дождя, иначе как бы я выглядела в этот день? Мне пришлось бы выдумывать что-то совершенно немыслимое, какую-то накидку, которая испортила бы мне весь праздничный наряд, и, соответственно, все праздничное настроение...»

Скарлетт О'Хара следовала с матерью на открытие очередного учебного года в пансион городка Фейетвилль. Это был второй учебный год юной Скарлетт. Она вспоминала, как год назад вот так же тряслась в дилижансе по этой дороге, только рядом с ней сидел отец, который волновался не меньше, чем сама девочка.

Скарлетт вспомнила, что мать, провожавшая ее с отцом до остановки дилижанса год назад, поминутно вытирала слезы краешком кружевного платка и едва слышно всхлипывала: Эллен О'Хара было жаль расставаться с дочерью до самой весны. Все-таки, что ни говори, когда ребенок впервые надолго покидает родительский дом, это не доставляет родителям приятных минут.

Скарлетт вспомнила, как волновалась год назад и улыбнулась: тогда ей было всего четырнадцать лет, сушая девчонка...

Она также вспомнила, как в прошлом году дилижанс задержался в пути, и они приехали в Фейетвилль позже назначенного времени. Когда они с отцом вышли из повозки и остались стоять посреди городской площади, Скарлетт впервые остро ощутила, насколько это далеко от дома и насколько жить в чужом городе тяжело и непривычно.

В родительском имении, в Таре, Скарлетт чувствовала себя к четырнадцати годам как рыба в воде; здесь же, в Фейетвилле, для нее открывался новый, неведомый и загадочный мир; его до этого времени девушка знала только по рассказам других людей.

Эти люди, запыленные долгими дорогами, иногда приходили в имение Джеральда О'Хары и подолгу сидели в столовой с отцом, обсуждая новости, перечисляя в разговоре различные незнакомые Скарлетт названия, до которых юной зеленоглазой девушке не было никакого дела.

...Прохожий подсказал отцу, где находится пансион миссис Хиггинс — надо было пройти два квартала. Как только из-за дома показались высокие стены пансиона, выстроенного в виде старинного замка, Джеральд крепко сжал руку дочери. Архитектура пансиона напомнила Джеральду замки его родной Ирландии.

Скарлетт тоже внутренне напряглась: в этой крепости ей предстоит провести два долгих сезона с небольшим летним перерывом через год. Что ее ожидает?

Однако тревожное чувство немного улеглось, когда отец и дочь миновали высокую сводчатую арку и зашли во двор пансиона. Они увидели аккуратные и даже веселые

лужайки, клумбы с цветами, ровно подстриженные кусты.

Прямо напротив ворот находилось основное здание пансиона, несколько правее была расположена церковь. Эти два строения и формировали ансамбль, если не считать нескольких хозяйственных и подсобных помещений в различных концах двора.

На высокой колокольне Скарлетт увидела часы, которые показывали половину двенадцатого утра.

Морщины разгладились на лице у Джеральда, он оценил внешнюю аккуратность заведения миссис Хиггинс. «Нет, я был прав, когда писал относительно Скарлетт хозяйке именно этого пансиона, — подумал отец. — Мне дали правильные рекомендации...»

Ко входу в основное здание вели широкие ступеньки.

На ступеньках стояла женщина лет сорока. Когда Скарлетт и Джеральд поднялись, она заулыбалась и приветливо сказала:

— Добрый день! Я вижу, вы направляетесь к нам в пансион.

— Да, миссис, — кивнул отец. — Я Джеральд О'Хара, а это — он показал рукой на девушку — моя дочь Скарлетт.

— А, мистер и мисс О'Хара! — протянула женщина. — Добро пожаловать в частный пансион миссис Маргарет Хиггинс. Мы получили ваше письмо...

— Понятно, — удовлетворенно произнес отец. — Стало быть вы и есть миссис Хиггинс?

— Нет, — покачала головой женщина. — Меня зовут Элеонора Джонстаун, я работаю здесь воспитательницей. Я тоже читала ваше письмо...

— Но я писал самой миссис Хиггинс, — веско заметил Джеральд.

Женщина протестующе подняла руку.

— Я не договорила. Так вот, я прочитала ваше письмо, поскольку это входит в мои прямые обязанности. Знаете ли, мистер О'Хара, встретить девушек, поселить их... Хозяйка пансиона мне показывала письма всех, кто изъявил желание отдать нам на воспитание и обучение своих дочерей. По письмам я получаю первое представление о наших будущих воспитанницах, о их семьях и следовательно — и о них самих.

— А, ну тогда это меняет дело, — успокоившись, кивнул отец.

— А это, значит, ваша дочь, — сказала женщина и внимательно посмотрела в глаза Скарлетт, которой стоило немалого труда выдержать пристальный и какой-то непонятный взгляд воспитательницы.

Тем не менее Скарлетт не отвела глаз.

Поединок взглядами длился несколько секунд. Скарлетт тогда в первый раз подумала, что с этой чопорной женщиной она еще хлебнет горя.

— Да, я привез ее к вам, — пояснил Джеральд, прерывая немного затянувшуюся паузу. — Мы не опоздали, миссис Джонстаун?

— Мисс Джонстаун, — поправила та.

— Извините.

— Опоздали ли вы? — задумчиво переспросила Джеральда женщина и посмотрела на башню с часами. — Если говорить по правде, то совсем немного. Было бы лучше, если бы вы приехали пораньше. Хотя бы на час...

— А что такое? — заволновался отец и переглянулся со Скарлетт.

— Да нет, ничего, — ответила Элеонора Джонстаун и через несколько секунд добавила: — Дело в том, что буквально через несколько минут начнется церемония открытия нового

учебного года. Она назначена на полдень.

— Вот как? В таком случае, прошу отвести нас, ведь девочка обязана присутствовать, — сказал Джеральд.

Женщина повернулась и открыла перед приехавшими тяжелую дверь.

— Проходите!

Скарлетт ступила в сумрачный зал с высокими сводчатыми потолками и с тоской подумала, что ей здесь предстоит прожить два долгих года... «Фу, как здесь неинтересно и скучно!» — пронеслось в голове у девушки.

— Не тревожься, Скарлетт, — сказала мисс Джонстаун, заметив недовольную мину на лице новой воспитанницы. — Тебе у нас должно понравиться. Я уверена, что ты найдешь у нас хороших подруг.

Она повернулась к Джеральду и добавила:

— Ведь вы в курсе, мы берем сюда только девочек из хороших семей.

Отец кивнул.

Мисс Джонстаун провела Скарлетт и отца в маленькую комнатку позади зала. Единственной мебелью в ней были несколько деревянных скамеек вдоль стен.

— Здесь можно переодеться, — объяснила воспитательница. — Сейчас в зал спустятся девочки, они будут в форме. Сама церемония будет проходить в церкви. Девочки переоделись наверху, в своих комнатах. Но у вас уже нет времени. Я покажу вашей дочери ее комнату после церемонии.

— Хорошо, — согласилась Скарлетт.

— Я надеюсь, вы захватили форменное платье? — обратилась мисс Джонстаун к Джеральду.

— О, конечно, — ответил Джеральд и поставил на скамейку чемодан. — Оно здесь.

Все воспитанницы пансиона были обязаны иметь форму, об этом писала миссис Хиггинс в ответном письме. Она сказала, что проще всего будет, если семья О'Хара возьмет образец у Смитов.

Имение Пола Смита было расположено по соседству с Тарой. Как раз Смит посоветовал Джеральду отдать дочь в заведение миссис Хиггинс. Старшая дочь Пола Лора Смит закончила пансион в прошлом году.

Крестная Скарлетт, миссис Макинтош, всячески поддерживала идею воспитания Скарлетт в частном пансионе благородных девиц.

— Ее там научат не только хорошим манерам, но и стоящим мыслям, — твердила она при каждой встрече с Эллен.

И Эллен с Джеральдом решили отдать Скарлетт в Фейетвилль.

Специально за форменным платьем была организована воскресная поездка к Смитам. Мать Скарлетт долго снимала мерки с дочери, потом обсуждала предстоящую пошивку платья с Клементиной Смит, женой Пола.

После того воскресенья Джеральду О'Хара пришлось запрячь коня и свозить жену и дочь в Атланту. Именно там и было сшито платье для пансиона, то самое платье, которое сейчас покоилось под крышкой дорожного чемодана, выданного на два года Скарлетт.

Отец открыл чемодан и кивнул дочери:

— Не будем терять времени, девочка. Одевайся, а я отвернусь. Надо, чтобы ты участвовала в церемонии, иначе на тебя будут косо поглядывать твои сверстницы...

Скарлетт быстро облачилась в форменное платье. Правда, оно немного жало под

мышками, но сидело хорошо. Если Скарлетт еще себя чувствовала в новой одежде не совсем уверенно, то это так, совсем чуть-чуть...

— О, я вижу, вы постарались на славу, — отметила мисс Джонстаун, осматривая Скарлетт.

Скарлетт прошла по комнате.

— Прекрасно! — воскликнул отец. — Она уже примеряла его дома, но сейчас я просто восхищен. В этой форме дочь прекрасно выглядит в стенах вашего пансиона, судя по всему очень серьезного заведения.

— Вы совершенно правы, мистер О'Хара! — согласилась воспитательница. — И форма у девушек соответственная. Женщина повернулась к Скарлетт. — Ну, дорогая, пойдете в зал. Мистер О'Хара, чемодан можете пока оставить здесь, я запру комнату, так что его никто не возьмет.

Отец кивнул. Они вышли в зал, куда с лестницы уже спустилось примерно двадцать девочек, одетых в такие же форменные платья. Скарлетт отметила, что на некоторых воспитанницах одежда сидела несколько мешковато. И все девочки выглядели в форме неуверенно, осматривались по сторонам. Скарлетт повеселела, потому что поняла: не одной ей суждено испытывать неловкость.

У лестницы в зале стоял высокий, немного сутулый человек в черной сутане, который молча смотрел на спускающихся девочек.

— Это наш священник, отец Габриель, — представила мисс Джонстаун. — Иди к нему, Скарлетт.

И легонько подтолкнула девочку в спину.

Перед тем как пойти, Скарлетт невольно передернула плечами. «Это еще что за понукание?» — подумала она с возмущением.

Но делать было нечего, приходилось привыкать к дисциплине.

— Это новая воспитанница, святой отец, — сказала мисс Джонстаун, представив Скарлетт священнику. — Она только что прибыла с мистером О'Хара.

— Слава Богу, дитя мое, — проговорил священник и посмотрел на Скарлетт своими большими чуть грустными глазами. — Правда, остальные прибыли еще вчера. Но тебе повезло, что ты успела на церемонию открытия нового учебного года в нашем пансионе. Без этого ты многое потеряла бы, уж поверь мне.

Скарлетт лениво кивнула, хотя не совсем понимала, что же могло произойти на открытии такого, ради чего нужно было пожертвовать целыми сутками пребывания под крышей родительского дома.

Церемония открытия нового учебного года в частном пансионе миссис Хиггинс проходила в церкви пансиона. Отец Габриель поставил девочек парами. Двум первым он вручил по шесту, между которыми был натянут аккуратно подрубленный кусок материи с надписью «Фейетвилльский пансион». Самодельный транспарант был увит гирляндами сильно пахнущих цветов. Стоя в паре с большеглазой веснушчатой девочкой Скарлетт думала: «Хорошо, что еще не заставляют взяться за руки с незнакомой девчонкой!»

Отец, находившийся недалеко вместе с мисс Джонстаун, наблюдал за Скарлетт. Он сравнивал ее с остальными пансионерками, которых как и Скарлетт нельзя было еще назвать воспитанницами в полном смысле этого слова, ибо в лучшем случае они переступили порог этого заведения только вчера, а некоторые, как и его зеленоглазая Скарлетт, только сегодня. Как новобранца еще нельзя называть солдатом, так и девочек, которые до этого момента

воспитывались в совершенно разных семьях, общим между которыми было только то, что семьи были «хорошими», трудно было сразу назвать воспитанницами строгого пансиона.

Скарлетт, как и остальные, выглядела птенчиком, вырванным из своего родного гнезда, где он был неповторимым и ярким, а в этом многоместном скворечнике сразу оказался выкрашенным в одинаковый со всеми цвет. Конечно, рано было делать какие-то выводы. На первый взгляд Скарлетт мало отличалась от остальных. Но Джеральд хорошо знал свою норовистую дочку. Он надеялся, что Скарлетт слегка сгладит здесь колючие грани своего характера, и их с матерью давние надежды на то, что Скарлетт станет настоящей леди, оправдаются.

Рядом с Джеральдом О'Хара стояла воспитательница. Губы ее были растянуты в дежурной улыбке, а мысли были далеки от новоприбывшей мисс О'Хара. Трудно было сказать, о чем думала эта старая дева на церемонии, давно выученной наизусть и порядком ей приевшейся. Может быть она искренне радовалась тому, что начинается очередной двухлетний этап ее жизни. Мисс Джонстаун давно привыкла исчислять годы своей жизни не по одному, а парами, и единственным разнообразием в ее существовании были новые лица и характеры воспитанниц, поступающих в заведение каждые два года. А может быть мысли ее были заняты новым модным гребнем, который недавно ей прислала с Севера сестра, и который мисс Джонстаун каждый вечер с трепетом примеряла, но не решалась выйти в нем на люди, ибо боялась разрушить свой годами неизменяемый образ. Ей казалось, что все заметят этот гребень и будут шушукаться по углам, обсуждая непривычную обновку и распуская сплетни. Как все старые девы воспитательница очень боялась порочащих слухов. Сегодня же она все-таки заколола волосы обновкой, решив, что при смене воспитанниц такая перемена в ней будет замечена меньшим количеством людей. Но уже выходя из комнаты перед церемонией, она не выдержала и надела поверх гребня старую шляпку неопределенной формы.

Отец Габриель прошел вдоль строя девочек и, остановившись почему-то напротив Скарлетт О'Хара, сказал негромко:

— Ну, с Богом!

С этими словами он решительно подошел к воротам церкви и распахнул их. Девочки с шестью двинулись за ним, а дальше не очень стройно в двери прошли остальные воспитанницы.

Процессия вошла внутрь церкви. Скарлетт с любопытством стала осматривать ее внутреннее убранство. Зал был похож на зал пансиона: такие же сводчатые потолки, колонны, окна с красочными витражами, такой же полумрак и прохлада. «Наверное, все наоборот: зал пансиона похож на церковь», — подумала Скарлетт.

Все пространство было уставлено скамейками, которые оставляли место только для нешироких проходов по бокам и посередине к алтарю. На скамейках Скарлетт увидела родителей и родственников остальных воспитанниц. Она отметила, что многие приезжали на церемонию целыми семьями, и только ее отец привез дочку один. Скарлетт почувствовала нечто похожее на досаду. «Ну почему так получилось? — подумала она. — Разве мы не могли отправиться сюда всей семьей?». Но, подумав еще немного, вздохнула и покачала головой: «Нет, не могли. На кого бы осталось имение, где сейчас так много работы?»

Когда процессия стала входить в церковь, родители качали беспокойно и радостно оглядываться, стараясь найти среди безликой одноцветной массы своих чад и встретиться с

ними глазами. По молчаливой команде мисс Джонстаун Джеральд О'Хара прошел в церковь сразу за девочками и, стараясь быть незаметным, присел на одну из скамеек, стоявших сзади — там еще оставались свободные места.

Сама же Элеонора Джонстаун прошла вперед и присоединилась к остальным преподавателям и воспитателям пансиона, которые сидели на второй от алтаря скамейке. Первый ряд оставался пустым. Под любящими взглядами родных девочки прошли к алтарю, возле которого стоял викарий с зажженной свечой в руках. Отец Габриель подошел к викарию, повернулся лицом к девочкам и что-то тихо сказал. Первая пара воспитанниц прислонила к кафедре свой транспарант, после чего ряды девочек разошлись в разные стороны. Они остановились, когда первые две достигли краев скамеек.

— Садитесь, — сказал отец Габриель.

Святой отец, удостоверившись, что все уселись, подошел к кафедре, которая стояла на возвышении, и сказал, обращаясь к залу:

— Дети мои, — он сделал паузу, обводя глазами собравшихся, и продолжил глубоким и проникновенным голосом: — Сейчас будет зажжен свет знаний!..

Священник подошел к викарию, взял у него из рук зажженную свечу и спустился с кафедры к сидящим девочкам. Он по очереди стал подходить со свечой к каждой из них и зажигать тонкие свечи, которые те держали в руках и даже успели нагреть теплом своих ладошек. Все это происходило в полнейшей тишине, слышно было даже пение птиц за окнами церкви и шорох одежды тех нетерпеливых родителей, которые вытягивались всем телом, а не только шеями, чтобы увидеть то, что происходит впереди.

Лицо отца Габриеля было очень торжественным, и Скарлетт невольно почувствовала благоговение, когда подошла ее очередь и пламя щедрой свечи святого отца поделилось с ее тонкой, как девичий стан, свечкой священным огнем. По правде говоря, Скарлетт не очень интересовалась наукой, гораздо больше ее привлекала в пансионе возможность научиться танцевать и держать себя в обществе, что было для нее равносильно умению нравиться окружающим. Конечно ее мать была образцом леди, и если бы у Скарлетт не было такого живого и непоседливого характера, она могла бы и без пансиона стать благовоспитанной девушкой. Но, как это часто бывает, на чужих людей возлагались большие надежды. В тот же момент, когда свеча священника дотронулась до ее свечи и та охотно вспыхнула, Скарлетт почувствовала невольное уважение к знаниям, которые должна была получить в стенах пансиона.

После того, как отец Габриель обошел всех новоприбывших воспитанниц, он вернулся на кафедру, предварительно отдав свечу викарию. Скрывая свое волнение, священник откашлялся и сказал:

— А сейчас разрешите предоставить слово миссис Маргарет Хиггинс, хозяйке и доброму ангелу этого пансиона.

Родители захлопали. Девочкам сделать это было затруднительно, ибо мешали свечки, зажатые в вспотевших ладошках.

На трибуну вышла женщина лет пятидесяти с лишним. Это и была Маргарет Хиггинс. Она обратилась к присутствующим с проникновенной речью:

— Дамы и господа! Четырнадцать лет назад воспитанницы моего пансиона впервые услышали эту речь, с которой я обращаюсь сейчас к вам. Наш пансион еще довольно молод — мы принимаем в этих стенах только восьмой набор девочек. Сначала из его стен выходило каждые два года по десять человек, но наш опыт рос, и теперь мы можем давать

превосходное воспитание и достаточное образование сразу двадцати девушкам за двухгодичный курс. Надеюсь, девочки и их родители останутся довольными разносторонним образованием, полученным в этих стенах. Мы в свою очередь надеемся, что они будут достаточно послушными и любознательными. Дамы и господа, вы хорошо поступили, отдав сюда своих дочерей...

А теперь я перейду к самому главному. Я попрошу всех воспитанниц специально для родителей повторить следующие слова: традиции, честь, дисциплина и совершенство!

Девочки встали и все как одна повторили хором:

— Традиции, честь, дисциплина и совершенство!

* * *

Когда Скарлетт все это вспоминала теперь, через год, следуя на очередной и последний сезон обучения в пансионе миссис Хиггинс, она весело думала: «И кому это пришлось в голову сделать обучение только двухгодичным? Тот, кто это придумал, поступил очень хорошо. Получается, как в поговорке — первый и последний год!»

С небольшой разницей все происходило именно так и в этом году. То же шествие девушек, тот же внимательный взгляд отца Габриеля. Скарлетт отметила про себя, что священник за лето еще более постарел.

Только вместо отца в церкви пансиона сидела мать. Она по возможности изящно вытягивала шею, стремясь различить свою старшую дочь среди одетых так одинаково воспитанниц.

И в этом году возле кафедры стояли воспитательницы и преподавательницы. Процедуры зажигания свечей не было, поскольку в этом году пансион не набирал новых девушек. Набор в заведение миссис Хиггинс происходил раз в два года, таким образом, пока набор Скарлетт не закончит обучение, новых воспитанниц не наберут.

— Еще в прошлом году я сама читала курс литературы на втором году обучения, — говорила миссис Хиггинс с кафедры. — Но в этом году я позволила себе уйти на пенсию.

Скарлетт подумала, что этим хозяйка пансиона несказанно облегчила жизнь девушкам.

— К тому же я совсем не хочу, чтобы кто-то говорил, что наш пансион — это место, которому не свойственно ничто новое и передовое, — продолжала миссис Хиггинс. — Поэтому воспитанниц ожидает одно прямо-таки революционное новшество. Я взяла на себя смелость пригласить нового преподавателя литературы.

Ропот пронесся по залу.

— Да-да! Вы не ослышались, это мужчина! — торжественно продолжала миссис Хиггинс. — Если до этого у нас было двое мужчин — священник, преподобный отец Габриель, и учитель танцев — мистер Вильям Спулл, то теперь наши воспитанницы будут слушать уроки мистера Морриса Спеншоу!

При этих словах хозяйки пансиона с места поднялся названный ею человек. Скарлетт буквально открыла рот от изумления. Она ожидала чего угодно, только не этого.

Мистер Моррис Спеншоу оказался еще довольно молодым человеком с веселыми глазами и густыми каштановыми волосами. Он независимо и чуть насмешливо оглядел зал, несколько раз кивнул в пространство и невозмутимо сел.

— Профессор Спеншоу окончил университет нашего штата, — сказала миссис

Хиггинс, — десять лет назад. Так что никто не вправе теперь утверждать, что знания, которые ваши девочки получают у нас, устарели.

— Знания не могут устареть, — заметил кто-то из публики.

Хозяйка пансиона, казалось, даже не заметила обидной для нее реплики.

* * *

После церемонии девушки вышли на лужайку перед церковью пансиона. Родители окружили воспитанниц, все оживленно болтали, смеялись. Некоторые мамы давали своим дочерям последние наставления. Попробовала проделать то же самое и Эллен О'Хара. Однако Скарлетт быстро прервала несмелую попытку матери.

— Ну, мама! — мягко, но уверенно проговорила Скарлетт. — Неужели ты думаешь, что я все еще маленькая девочка? Поверь мне, я уже взрослая!

— Разве? — спросила мать с улыбкой.

— Вот именно! Разве будут учить танцевать маленьких девочек?

Логика дочери заставила Эллен улыбнуться.

— А вас уже учили танцевать?

— Конечно, мама! — сказала дочь. — Мистер Вильям Спунл, между нами говоря, дрянной и противный человек, но танцует он превосходно. Он не отходил от нас ни на шаг. Просто не было ни одного дня, который мы бы провели без занятий в танцевальном классе.

— А между тем, ты ни разу не похвалилась своим умением у нас в Таре! — заметила мать.

Скарлетт смутилась.

— Ну, ты знаешь, лето было каким-то коротким, — ответила она. — Да и где потанцуешь по-настоящему? У нас, среди коров и гусей? Или на грядках?

Мать ничего не ответила, только нахмурила брови.

— Что такое, мама? — забеспокоилась Скарлетт. — Я что-то сказала не так?

— Она еще спрашивает! — едко заметила Эллен. — Ты только что оскорбила нашу землю. Землю, которая, откуда бы ты ни вернулась к ней, всегда примет тебя как свою родную, которая всегда прокормит тебя, не даст тебе умереть с голоду. Не надо так, доченька...

— Неужели мои слова о коровах и гусях так задели тебя, мама? — еще больше удивилась Скарлетт.

— Я по-настоящему расстроена, девочка, раз ты этого не понимаешь, — ответила Эллен. — Отзываясь непочтительно о нашей земле, ты оскорбляешь ее, а оскорбляя ее, ты тем самым наносишь оскорбление мне и отцу.

— Не могу поверить... — снова начала Скарлетт.

— Это несомненно! — перебила мать.

Скарлетт пожала плечами. Тут раздался знакомый голос:

— Все воспитанницы, подойдите сюда!

Это созывала девочек мисс Джонстаун.

Родители тем временем подходили по одному к священнику и миссис Хиггинс, которая стояла рядом с отцом Габриелем. Образовалась настоящая очередь. Родители жали руку священнику, кланялись миссис Хиггинс и говорили:

— Прекрасная церемония...

— Меня просто за душу взяла ваша речь, уважаемая миссис Хиггинс...

— Разрешите пожелать вашему пансиону всего хорошего...

— Потрясающая церемония, — сказала Эллен О'Хара.

— Вы льстите мне, — ответила миссис Хиггинс.

— О нет, — ответила Эллен. — Я вижу, что отдала дочь в хорошие руки. Дело в том, что я впервые нахожусь в вашем пансионе. В прошлом году дочку привозил сюда мой муж.

Скарлетт тем временем подошла к мисс Джонстаун. Ее остановила высокая худая девочка:

— Привет, Скарлетт, мы с тобой и в этом году будем жить вместе?

Скарлетт пожалала плечами. Откровенно говоря, мисс О'Хара не была довольна своей прошлогодней соседкой, и ничего не имела бы против, если бы ей вдруг сказали, что она будет жить вместе с другой девушкой.

Поэтому Скарлетт искренне ответила:

— Не знаю, Клара. Может быть мы будем жить в одной комнате, а может быть и нет.

Высокую девочку звали Клара Ковальски. Она имела «правильный», как сама говорила, характер. Это выражалось в том, что Клара почти не принимала участия в забавах и шалостях других воспитанниц пансиона, она не поддерживала идей Скарлетт и других относительно того, что учителей также надо понемногу воспитывать.

Скарлетт думала, что такой характер Клары сыграет с ними еще когда-нибудь злую шутку.

— Девочки! — обратилась к воспитанницам мисс Джонстаун. — У вас в этом году появилась новая подруга. Я хочу вам представить мисс Марианну Мак-Коунли.

С этими словами воспитательница подтолкнула вперед незнакомую девушку с длинными светлыми волосами. Скарлетт с интересом посмотрела на новенькую. Ей сразу бросилась в глаза задумчивость девочки, бледный цвет лица.

— Мисс Мак-Коунли училась в другом городе. Но ее родители теперь переехали, будут жить недалеко от Фейетвилля, и она будет заниматься у нас.

Элеонора Джонстаун сделала паузу и вдруг посмотрела на Скарлетт.

— Мисс О'Хара! — обратилась воспитательница к девушке. — Я знаю вас как серьезную девушку. Я хочу попросить, чтобы мисс Мак-Коунли пожила с вами в одной комнате.

— А как же я? — воскликнула Клара Ковальски.

Воспитательница перевела на Клару спокойный взгляд.

— Ты поживешь в другой комнате. Вон Тина Тейлор жила третьей в комнате Молли Харрисон и Барбары Форман. Я дам вам с ней отдельную комнату, вы будете жить там как и все остальные воспитанницы вдвоем.

Скарлетт была жутко рада.

«Эта старая вешалка и не представляет, какой подарок она мне сделала своим предложением! — ликовала она. — Прекрасно, я избавилась от чересчур уж правильной Ковальски...»

Скарлетт даже усмехнулась, представив, как будут жить вместе веселая и насмешливая Тина и старающаяся изо всех сил походить на взрослую Клара. «Ковальски примется воспитывать Тину, но той и горя-то будет мало... Прекрасно, Тина лучше меня перевоспитает эту долговязую Клару».

— Хорошо, мисс Джонстаун, — вслух сказала Скарлетт. — Я согласна. Мы теперь пойдём наверх, я покажу Марианне, где она будет жить.

— А я уже распорядилась поставить её чемодан в твою комнату, — произнесла Элеонора Джонстаун.

Настало время прощания. На глаза Скарлетт навернулись слезы.

— Мама! — воскликнула девушка. — Я не хочу, чтобы ты уходила.

— Перестань, девочка! А я не хочу, чтобы ты плакала. Ведь ты тут не первый год. Ты должна была привыкнуть.

— Я понимаю это, — сквозь слезы улыбнулась Скарлетт, — но ничего не могу с собой поделать.

Она всхлипнула ещё раз и снова улыбнулась.

— Передавай привет папе, — сказала Скарлетт. — И не грусти, видишь, я уже перестала плакать.

— Вижу, — сказала мать и улыбнулась в ответ.

Мать и дочь обнялись.

— Во всяком случае ты этот год проживешь спокойней, мама, — сказала дочь. — В прошлом году ты волновалась, потому что меня отвозил отец. Теперь же ты все увидела своими глазами.

Эллен последний раз поцеловала девушку и пошла к воротам.

В коридоре второго этажа царила оживленная суматоха. Скарлетт с трудом, помогая себе локтями, пробралась к своей комнате. В дверях стояла хохотушка Тина Тейлор.

— А, привет, Скарлетт! Ты что, теперь с новенькой, да? Как интересно! Как ты с ней уживешься? Похоже, что она спит на ходу.

Тина окончила свою тираду не смотря на то, что Марианна Мак-Коунли появилась в дверях комнаты. После сказанных слов Тина с независимым видом, но довольно поспешно удалилась в коридор, а Скарлетт подошла к Марианне и сказала:

— Не обращай внимания на Тину — у нее слишком длинный язык, но вообще-то она неплохая подруга.

Марианна криво усмехнулась и присела на свою кровать, стараясь не смотреть на Скарлетт.

— Нет, серьезно, Марианна, не стоит расстраиваться. Вот увидишь, вы еще подружитесь. Она совсем не плохая девочка.

— Да ладно, все нормально, я не сержусь.

— О, Скарлетт, приветствуем тебя в твоей обители в новом году и с новой соседкой! — раздалось вдруг за спиной, и обернувшись Скарлетт увидела в дверях три лучезарно улыбающиеся физиономии.

Это были Барбара Форман, Анна Сент-Уайт и Молли Харрисон.

— Здравствуйте девочки, как я вас давно не видела! — радостно закричала она.

— Слушай, Скарлетт, — обратилась к ней Молли, тоже достаточно шустрая и острая на язычок девочка, — по твоему виду можно подумать, что ты целое лето только и делала, что учила уроки, не выходя из дома!

— Да ты что! — фыркнула Скарлетт. — Ты за кого меня принимаешь? Разве я похожа на такую идиотку? Ты наверно перепутала меня с Кларой?

— А что же ты тогда делала в своей Таре целое лето? — ехидно продолжала Молли.

— Уж скорее можно было бы подумать, что я гонялась за саранчой и объезжала диких жеребцов! Как будто ты меня не знаешь! А вообще-то, девочки, у меня была куча всяких дел дома, всех и не перечесать. Да чего вы все стоите за порогом и горланите на весь коридор? Заходите сюда. Не думаю, что вы за лето стали такие стеснительные.

Девочки, посмеиваясь, зашли в комнату и притворили за собой дверь. Усаживаясь поудобнее на кровати Скарлетт и раскладывая вокруг себя широкий подол платья, Молли продолжала:

— Итак, Скарлетт, не знаю, как тебе, а мне хочется повторить про четыре столпа...

— Те самые, про которые говорила миссис Хиггинс? — спросила Марианна.

— Да, мисс Мак-Коунли, вы не ошиблись, — кивнула ей Молли.

— Видно, что речь хозяйки запала тебе в душу, подруга, — сказала Скарлетт. — И что же ты такого запомнила, что хочешь нам рассказать сейчас?

— Только про четыре столпа! — ответила Молли, и, приняв невинный вид, произнесла: — Предательство, ужас, декаданс и нечистоты.

— Боже, как только у тебя язык поворачивается говорить такое! — воскликнула Марианна.

— Ну что ж, — сказала Скарлетт. — У нас может быть сформирована учебная группа.

— Какая учебная группа? — снова спросила Марианна Мак-Коунли.

Мисс О'Хара посмотрела на новенькую.

— Подружка, ты просто сиди и молчи, имей терпение. Я сейчас все объясню.

Марианна смущенно улыбнулась.

— Учебная группа — это вот что значит, — продолжала Скарлетт. — Мы повсюду будем ходить вместе, и, если нужно будет, то каждая из нас обязана дать списать подруге.

— Ух ты, это должно быть интересно! — обрадовалась Марианна. — А можно и мне с вами дружить и участвовать в «учебной группе»?

— Хм, а что ты умеешь делать? — спросила Молли Харрисон.

Тут в дверь постучали.

— Молли, открой пожалуйста, тебе ближе, — попросила Скарлетт. — Это наверняка Тина Тейлор и Клара Ковальски. Что-то их давно не видно.

Так оно и было. Когда девочки вошли в комнату и закрыли за собой дверь, Скарлетт объявила:

— Ну вот, теперь все в сборе! Так на чем мы остановились?

Молли напомнила:

— Я поинтересовалась у Марианны, что она умеет делать, чтобы быть полезной всем нам и полноправно войти в нашу компанию?

Скарлетт перевела взгляд с Молли на Марианну и назад и недоуменно сказала:

— Но она же моя соседка по комнате — разве это не достаточное основание?

— Ну и что? Это уж тебе так повезло, — пожала плечами Молли.

— Конечно, мне повезло! — запальчиво возразила Скарлетт. — Я во всяком случае так считаю, а значит, это истина! А ты, Молли, зря точишь свои коготки о человека, которого совсем не знаешь и которому ты со свойственной тебе «воспитанностью» даже не представилась. — Скарлетт перевела дух и обратилась к Марианне. — Тебя нам представила эта старая перечница, мисс Джонстаун...

— Почему ты ее так смешно называешь? — с любопытством спросила Марианна.

— Поживешь тут, еще не так ее назовешь. Дело в том, что эта особа имеет необыкновенную способность находится всегда именно там, где бываем мы, особенно если мы затеваем что-нибудь интересное, какую-нибудь шалость. При этом она бывает совершенно незаметной до самого последнего момента — момента разоблачения, который видимо доставляет ей единственную радость в жизни. Но мы отвлеклись, как обычно. Так вот, тебя нам уже представили, а теперь наконец пора бы представиться и нам, и мы будем знакомы.

Скарлетт на правах хозяйки комнаты по очереди стала называть подруг:

— Это Клара Ковальски, наша, так сказать, гордость и надежда пансиона, отличница и пример нам и всем последующим поколениям воспитанниц...

Хоть Скарлетт явно иронизировала, поднявшаяся со своего места худая высокая девочка (несмотря на рост, телосложение не позволяло назвать ее девушкой) присела в приветствии совершенно серьезно и по всем правилам хорошего тона, как на уроке.

— Эта вострушка-хохотушка — Тина Тейлор, с ней ты уже, можно сказать, познакомилась, хотя и немного односторонне. С сегодняшнего дня Тина и Клара — соседки по комнате, ведь ты, Марианна, в этом году заменила Клару в моей «келье».

Тина не стала делать реверансы, а решительно подала свою пухлую руку Марианне, с трудом сдерживая смех, который против ее воли искорками сыпался из лучистых смешливых

глаз девушки.

Марианна же смутилась и, нерешительно подавая руку Тине, опустила глаза, так что и не заметила, как смешно при этом скривилась мисс Тейлор.

— А эта очаровательная толстушка — Барбара Форман, — кивнула Скарлетт на низенькую толстоватую девочку. — Не волнуйся, она не обижается. Ведь правда, Барбара?

Барбара посмотрела на Марианну честными глазами и замотала головой.

— Что касается меня, — продолжала развеселившаяся Скарлетт, — то я бы поселила Клару Ковальски именно с Барбарой, а не с Тиной. Веселенькая бы получилась парочка: одна высокая и худая, а другая маленькая и кругленькая!

Барбара охотно засмеялась вместе со Скарлетт, но Клара насупилась и сделала вид, что внимательно разглядывает видневшийся из окна комнаты довольно неприглядный внутренний дворик пансиона. Видно, шуточки такого рода частенько возникали в этой компании, но Клара все еще болезненно реагировала на них.

— Да ладно, перестань, Скарлетт, — вставила слово Молли. — Клара наверное отвыкла за лето от твоих шуточек, не стоит ее дразнить в первый же день. Не все так самокритичны как душка Барбара.

— Ладно, продолжим знакомство с обитателями нашего зверинца.

На этот раз никто не обиделся, девушки заулыбались, а Скарлетт продолжила:

— Вот эта «взрослая дама» — Анна Сент-Уайт. Родители почему-то отдали ее в пансион позже нас, и в свои шестнадцать Анна уже подумывает о взрослой жизни и хочет, чтобы мы тоже временами задумывались о будущем, а потому она любит нас время от времени слегка поучать.

Миловидная шатенка, которая до сих пор не сказала ни слова и только со снисходительной улыбкой слушала разговоры девчонок, приподнялась с кровати и очень изящно присела в коротком реверансе. В ее движениях не было угловатости и заученности, как у старательной Клары, и потому такие взрослые манеры не показались смешными при знакомстве в тесном кругу молоденьких девушек. Марианна немного смущенно ответила на реверанс и, кстати, у нее это получилось тоже неплохо.

— Ну, и наша последняя подружка, знакомство с которой у тебя состоялось в том же ключе, что и с Тиной, — Молли Харрисон. Как ты могла уже заметить, она тоже за словом в карман не полезет, их у нее полно за этими хорошенькими щечками и губками.

С этими словами Скарлетт легонько хлопнула Молли обеими руками по щекам, та не осталась в долгу, и девочки под общий хохот повалились поперек кровати и некоторое время довольно безобидно и к общему удовольствию повозились на ней, дергая друг друга за косы и шлепая по чему попало. Удовлетворив публику, запыхавшаяся и растрепанная Скарлетт О'Хара вспомнила про свои обязанности хозяйки и подвела черту под состоявшимся знакомством:

— Как видишь, Марианна, мы все очень разные и имеем ужасные — с точки зрения мисс Джонстаун! — характеры. Но поскольку мы до сих пор дружили, думаю, что с твоим появлением ничего не изменится, и мы только будем дружить теперь не вшестером, а всемером.

— Я буду очень стараться соответствовать вашей дружной компании, — серьезно сказала Марианна.

— Ну что ж, — подытожила Скарлетт, — добро пожаловать в наш (а точнее, миссис Хиггинс!) пансион. Должна предупредить тебя, что здесь суший ад для вольнолюбивых

нагур вроде меня. Конечно, если ты такая старательная и послушная, как Клара, или умудренная жизненным опытом, как Анна, ты будешь чувствовать себя тут отлично. Но вообще-то я думаю, что в любом случае ты сможешь протянуть тут годик, а мы, в свою очередь, торжественно обещаем украсить твоё бесцветное существование здесь своими исключительно изобретательными личностями. Как видишь, нам уже удалось пробыть тут год, и все остались живы и даже здоровы. А некоторые и довольно упитанны!

Девочки опять беззлобно рассмеялись, посматривая на Барбару, которая казалось только радовалась, когда подруги на нее обращали внимание, независимо от повода.

В этот момент в дверь постучали и сразу, не дожидаясь ответа, отворили снаружи. Скарлетт была удивлена и возмущена: даже их воспитательница мисс Джонстаун давненько не позволяла себе такой бесцеремонности.

На пороге комнаты появился незнакомый мужчина с курчавыми темными волосами, крепко сбитый. Лицо его показалось Скарлетт чем-то похожим на лицо Марианны, и она не успела даже сформулировать для себя, чем, как мужчина однозначно дал понять, что он отец новенькой.

— Дочка, можно тебя на минутку? Выйди, пожалуйста, в коридор на два слова.

Марианна почему-то вспыхнула и, опустив глаза и придерживая руками форменное платье, быстро вышла, даже не попросив у девочек извинения обычным кивком. Скарлетт показалось за ту долю секунды, что она видела глаза Марианны поднятыми на отца, что в них мелькнула какая-то затравленность, подавленность.

Прежде чем закрыть за ней дверь, мистер Мак-Коунли со странным выражением обвел взглядом лица девушек, тесно сидевших на двух узких кроватях, и молча захлопнул филенчатую дверь с довольно громким звуком.

Девушки переглянулись.

— Кажется, нас обидели... — протянула Молли.

Все были слегка ошарашены и ждали, что будет дальше.

* * *

Звук удара захлопнувшейся двери произвел на Марианну такое же впечатление, как удар хлыста. Она задрожала и, чтобы унять дрожь или хотя бы сделать ее незаметной, прислонилась спиной к стене. Она не стала спрашивать отца, зачем он ее вызвал, а молча стиснула зубы, борясь с предательской дрожью, и ждала, что он скажет ей.

Отец медленно отнял руку от дверной ручки и повернулся к дочери. Лицо его приняло привычное суровое и недовольное выражение.

— Послушай, Марианна, — начал он, — мне это все не очень нравится. Я перевел тебя из прежнего пансиона не потому, что мы переехали в Фейетвилль — ты сама прекрасно знаешь, что превосходно могла бы учиться там и после нашего переезда, как это делают вдали от родителей почти все девочки, — мне просто не нравились твои прежние подруги, и я надеялся, что в заведении миссис Хиггинс ты получишь лучшее воспитание, чем у миссис Перкинтон. Но что же я вижу? Не успел еще начаться учебный год, а вы уже закрываетесь в комнате целыми компаниями и хохочете на весь пансион, как какие-нибудь негритянки у колодца, а не благовоспитанные девушки из хороших южных семей! Ты даже не вышла попрощаться со мной!..

— Но, папа, — начала оправдываться Марианна. — Я ведь не видела тебя после церемонии!.. Сначала ты подходил к священнику, потом разговаривал с миссис Хиггинс, а меня в это время подозвала мисс Джонстаун и отвела сюда, наверх, в мою комнату. Ты же все это время был внизу...

— Не перечь отцу, дочь, — возвысил голос мистер Мак-Коунли, — не смей мне перечить! Ты получишь право на возражения, только когда станешь совсем взрослой и чего-то добьешься в жизни, да и то далеко не по всем вопросам! Не думай, что я отдал тебя в пансион, чтобы ты тут набралась вольного духа! Пансионы создаются, чтобы научить девушек жить в тюрьме — тюрьме законного брака — да еще и радоваться этому, и делать эту тюрьму как можно привлекательнее для Богом данного супруга. Ты должна мне беспрекословно повиноваться во всем!

— И даже в выборе супруга? — осмелилась осторожно спросить девушка.

— И даже в выборе супруга! — жестко ответил отец Марианны. — В первую очередь в этом. Кто, как не отец, лучше всех знает, какой муж нужен его дочери? Кто лучше понимает, что нужно для ее счастья? Я сам мужчина и знаю, каким должен быть твой избранник, чтобы все были довольны. Ты же еще слишком молода и глупа, сама не знаешь, чего хочешь, или хочешь не того, что нужно. Я отдал тебя в этот пансион, потому что о нем идет слава, что отсюда выходят хорошие жены и матери. Ты должна понять, что твое замужество будет означать для всей семьи и для меня в первую очередь, какие большие надежды мы возлагаем на тебя.

Марианна подавленно молчала, устремив взгляд в каменный пол.

— Мне хотелось бы, чтобы ты раз и навсегда поняла, что ты должна здесь вести себя образцово и учиться прилежно. И даже не вздумай сказать мне сейчас, что тебе здесь не нравится.

— Но, папа, — робко возразила Марианна, — мне здесь как раз нравится! Я уже успела узнать, что у нас тут будет немного свободного времени. В Фейетвилле есть театр, и возможно нас будут водить туда иногда...

— Что?!! — взревел отец. — Снова ты взялась за свое! Чтобы я ничего не слышал о театре! Прекрати мне напоминать об этом!

Марианна замолчала, прикусив губу. «Он ничего не забыл», — подумала она. Девушка подняла глаза на жесткий волевой подбородок отца, не осмеливаясь взглянуть выше. Но и этого было достаточно, чтобы она поняла, что доказывать ему что-либо бесполезно и даже небезопасно.

— Хорошо, папа, — сказала она, — я просто подумала, что слишком много задач взяла на себя.

— Твоя основная задача, — напомнил отец, — удачно выйти замуж. Но это в будущем. А сейчас твоя задача, задача сегодняшнего дня — подготовить себя к этому ответственному шагу.

— Хорошо, папа, — опять повторила девушка. — Я слушаюсь тебя, как всегда.

Отец удовлетворенно кивнул, как бы вбивая гвоздь в конце их разговора и встречи, затем, не попрощавшись, широкими шагами пошел по коридору.

В это время дверь комнаты Скарлетт и Марианны приоткрылась, и, предварительно выглянув, из нее вышли все девушки кроме Скарлетт.

— Ну, что, уже поговорили? — поинтересовалась Тина Тейлор.

Но Марианна ей не ответила, и Тина увидела, что новенькая глядит вслед удаляющемуся

по коридору отцу полными слез глазами.

В этот момент из комнаты вышла и Скарлетт, которая наконец навела порядок на своей голове после «битвы» с Молли и тоже решила поинтересоваться результатами последней встречи Марианны с отцом. Увидев расстроенную Марианну, Скарлетт решила как-то исправить положение, и предложила всей компании девушек:

— Девочки, вы забыли про торт, который ждет нас в комнате Молли! Марианна, мы узнали об этом, пока ты говорила со своим отцом. Пошли с нами, отметим сладостями начало учебы в этом унылом заведении!

Но Марианне было не до торта, она отказалась пойти со всеми:

— Нет, Скарлетт, извини, я не хочу.

— Почему?

Вместо ответа Марианна сказала:

— Я буду в нашей комнате.

Она быстро скрылась в ней, захлопнув за собой дверь. Скарлетт пожала плечами и пошла вслед за подругами, которые уже направлялись в комнату Молли.

* * *

Вернувшись через некоторое время в комнату, Скарлетт нашла там Марианну, которая свернулась калачиком в углу кровати. Присмотревшись повнимательнее, Скарлетт увидела, что лицо соседки мокро от слез.

Скарлетт присела на край кровати.

— Почему ты плачешь? — спросила она. — Что случилось?

— Ничего, — всхлипнула Марианна.

— Ты опечалена тем, что остаешься здесь без родителей? Но ведь с тобой я, другие девочки.

— Ничего ты не понимаешь, — ответила девушка. — Я плачу не оттого, что остаюсь одна. Я понимаю, что ты со мной, что мне здесь не будет скучно. Причина в другом...

Марианна замолкла.

— В чем же? — отважилась на вопрос Скарлетт.

— Понимаешь, я плачу из-за моего отца...

— Как ты могла расстроиться из-за отца, глупышка? Мой отец для меня лучший друг, он даже, когда я шалила ничего не говорил матери, чтобы та не ругала меня. Неужели у тебя другие отношения с родителями?

— Другие, — горестно кивнула Марианна. — Ты просто не представляешь, сколько слез я пролила из-за того, что отец меня просто не понимает. Я ведь не маленькая. Да и у маленьких бывают свои чувства, свои желания. Но мой отец просто не хочет замечать того, что я живой человек, что мне может что-то нравиться, а что-то нет!

Скарлетт слушала молча, не решаясь прервать соседку. «Пусть лучше выговорится сама, чем я буду задавать ей вопросы», — решила девушка.

— Сейчас мне отец сказал, чтобы я и думать забыла о театре. А я... — девушка запнулась. — Я только сказала ему, что у нас здесь будет немного свободного времени, и мы сможем ходить в театр.

— Театр? — Скарлетт нахмурила брови. — Я что-то не понимаю, Марианна. Неужели

театр стоит того, чтобы из-за него ссориться с родителями? Ведь это просто развлечение!

— Для кого развлечение, а для кого и не только! — возразила Марианна.

Она закрыла лицо руками. Плечи ее начали мелко подрагивать: девушка снова заплакала.

— Ну вот, опять, — убитым голосом произнесла Скарлетт, протянула руку и погладила соседку по плечу. — Умоляю тебя, не надо плакать. Лучше расскажи мне, что для тебя значит театр?

— Что? — подняла голову Марианна.

— Что значит для тебя театр? — повторила Скарлетт. — Я никак не могу взять в толк, почему он заставляет тебя плакать?

— Как только я сказала отцу, что смогу здесь посещать театр, он сразу вспомнил все мои разговоры дома о том, как я мечтала выступать на сцене. И устроил мне настоящий скандал! Жаль, ты была в комнате и не слышала нашего разговора.

— Но ведь не могли же мы подслушивать! Брось, не стоит переживать из-за детских мечтаний, — попробовала утешить подругу Скарлетт.

— Но меня заставляет переживать не театр, а мой отец! — воскликнула Марианна. — Он у меня такой... У него все расписано на десять лет вперед. Он утверждает, что отдаст меня замуж и что мне надо научиться быть отличной женой и так далее.

— Отличной женой? — удивилась Скарлетт. — Разве этому можно научиться?

Марианна посмотрела на соседку круглыми глазами.

— Представь себе! Отец потому и отдал меня в пансион миссис Хиггинс, что здесь меня «научат быть отличной женой»! — девушка передразнила слова мистера Мак-Коунли. — Он говорит, что иначе не стал бы тратить такие деньги на меня. Понимаешь, отец меня рассматривает как выгодное вложение капитала, он хочет, чтобы я выскочила замуж за какого-нибудь богача. И тогда отец сможет поправить свои финансовые дела...

Скарлетт всплеснула руками.

— Ну и ну! — сказала она. — Но ведь тебе всего пятнадцать лет. Рано думать о замужестве!

— Ну и что? — возразила Марианна. — Я о замужестве и не думаю, зато думает мой отец. Я же сказала тебе, что у него все распланировано на десять лет вперед!

Скарлетт сжала пальцами виски и pokrutila головой.

— Насколько я знаю, когда девушки выходят замуж, им требуется приданое...

— На приданое у отца денег хватит, милая моя! — воскликнула Марианна. — Для него это тоже вложение капитала! Я так и слышу его слова, отец несколько раз говорил об этом с матерью, со мной и даже с друзьями... Он на меня всегда смотрел лишь как на товар.

Скарлетт невыносимо было слушать о таких противоестественных отношениях в семье. Она не могла себе представить, чтобы ее родители думали о ней в таком же духе.

«Ну и ну! — размышляла Скарлетт. — Да я убежала бы из дома, если бы только услышала что-либо подобное. Но, слава Богу, у нас в семье такое просто невозможно».

Придя к такому выводу, девушка облегченно вздохнула и даже улыбнулась. «Такого не допустила бы даже Мамушка, — подумала Скарлетт. — Вот уж кто не дал бы меня в обиду, так это она...»

Мысли о толстой негритянке заставили ее немного отвлечься от горестного рассказа подруги. А Марианна тем временем продолжала:

— Отец соберет на приданое. Он на все пойдет, чтобы только выдать меня замуж.

Знаешь, за какого-нибудь торговца или фабриканта. За того, с кем можно будет в дальнейшем «вести совместное дело», как говорит отец...

Скарлетт поднялась с кровати и в большом волнении заходила по комнате.

— Это ужасно! — произнесла она, потом повторила еще раз: — Ужасно.

Девушка подошла к окну и посмотрела во двор. Она увидела мистера Мак-Коунли, который как раз покидал двор пансиона. Он прошел под аркой, перешел на другую сторону улицы и уверенной походкой делового человека, который точно знает, чего хочет в жизни, стал удаляться по направлению к остановке дилижанса.

— Там твой отец, — сказала Скарлетт осторожно.

Она думала, что Марианне все-таки будет приятно посмотреть лишний раз на родителя.

«В семье могут случаться разные истории, но дети остаются детьми, а родители — родителями, — думала Скарлетт. — Надо отвлечь Марианну от ее мыслей».

— Он никогда не покинет ни одного дома, пока не переговорит с каждым из его обитателей, — сказала Марианна. — Теперь он разговаривал с миссис Хиггинс, или же с мисс Джонстаун. Он считает, что в разговоре может наткнуться на такую тему, выудить такие сведения, которые принесут ему дополнительные деньги.

Скарлетт обернулась к подруге и спросила:

— Ты даже не захотела помахать отцу из окна? Ведь он был бы рад, глядишь, и переменял бы отношение к тебе!

Но соседка только скривила рот и ответила:

— Ах, милая Скарлетт, не говори мне о моем отце, пожалуйста...

— Почему?

«Видимо, разногласия дочери с мистером Мак-Коунли достигли предела, раз Марианна говорит такое!» — пронеслось в голове Скарлетт.

— Ты спрашиваешь — почему? — проговорила соседка. — Потому что я уверена, что моего отца ничто на свете не изменит. И мне просто надо теперь наслаждаться тем, что я одна, что он далеко и не сможет контролировать каждый мой шаг. Вот так бывает в жизни, милая подружка! — добавила Марианна с грустной улыбкой, когда заметила, что Скарлетт недоверчиво смотрит на нее.

Скарлетт хотела что-то ответить, но у нее просто не хватило духу.

Часы на церковной башне пробили пять пополудни. От ударов колокола с растущих вокруг деревьев поднялась целая стая ворон.

Девушки окончили занятия. Они все вприпрыжку спускались по лестнице и весело перебрасывались ничего не значащими фразами.

Скарлетт вдруг увидела мистера Морриса Спеншоу, который делал безуспешную попытку подняться по лестнице навстречу девушкам. У зеленоглазой разбойницы откуда-то появилось желание быть замеченной этим симпатичным молодым человеком. Но быть замеченной как-то по-особенному.

Скарлетт решила подшутить над молодым учителем литературы.

— А вот и наш Вильям Шекспир! — воскликнула она, задевая мистера Спеншоу плечом и чуть не сталкивая его с лестницы.

Учитель перегнулся через низкие перила.

— Осторожнее, девушки, ради Бога, — взмолился учитель. — А что касается Шекспира, — он обратился непосредственно к Скарлетт, — то я просто горжусь таким сравнением, мисс...

— О'Хара! — подсказала Скарлетт. — Мое имя — Скарлетт О'Хара!

О Вильяме Шекспире Скарлетт слышала случайно. Кто-то из пансионерок произнес при ней это имя. Девушка запомнила только, что названный человек имел какое-то отношение к литературе.

— Очень приятно, — отозвался учитель. — Мою фамилию вам называла миссис Хиггинс. А более тесно мы познакомимся на занятиях...

— А когда у нас будут занятия по вашему предмету? — спросила Скарлетт, не отрывая от молодого человека своих зеленых глаз.

Мистер Спеншоу задумался, но ненадолго.

— Мисс О'Хара, поверьте, мы с вами проведем долгие часы. Вам не терпится, это похвально. Однако всему свое место и время...

Он в самом деле думал, что Скарлетт не терпится заняться литературой. Как ошибался мистер Спеншоу! Потому что Скарлетт, похоже, заинтересовалась исключительно им самим.

* * *

Уроки музыки проходили примерно так. Девушки заходили в просторный зал, где в самой середине стоял старенький рояль. Они становились вокруг инструмента и ожидали появления учительницы музыки.

Преподавательница миссис Элизабет Штикк была старой и слегка глуховатой немкой, которую, как шутили воспитанницы, миссис Хиггинс держала в пансионе только за то, что когда-то сама училась музыке у этой женщины.

Миссис Штикк заходила в зал и умильно улыбалась, видя какими восторженными взглядами приветствуют ее девушки.

А воспитанницы и вправду были рады занятиям с миссис Штикк. Музыка для них была как отдохновение от более серьезных занятий.

По команде учительницы девицы начинали петь гаммы, причем Скарлетт частенько развлекалась тем, что тянула ноты намеренно фальшиво. Ее очень забавляло то, что старушка совершенно не замечала фальши и улыбалась как всегда.

Правильная Клара Ковальски говорила после таких занятий, что Скарлетт должно быть совестно издеваться над старой женщиной. На эти замечания Скарлетт отвечала:

— Я и не думала над ней издеваться! Я просто шутила, здесь же от скуки умереть можно, если бы не было таких как миссис Штикк! И поэтому я ее уважаю, да и все ее уважают, а если не веришь — можешь спросить!

И девушка обводила рукой подруг.

Клара недоверчиво смотрела в плутовские зеленые глаза Скарлетт и качала головой. Но она ни разу не предприняла попытки выяснить, как к шалостям мисс О'Хара относятся остальные воспитанницы.

А старушка так ничего и не замечала. Она одинаково хвалила и Скарлетт, которая не особенно преуспевала в занятиях музыкой, и Клару, которая занималась очень старательно.

Примерно так же проходили занятия по рукоделию и вообще домоводству. Миссис Беатриса Ходенберг, преподавательница специфического, чисто женского предмета вела себя на уроках тоже весьма специфично. Зачастую она только раздавала воспитанницам иголки, кружева и нитки, давала какое-нибудь задание, а следом за этим исчезала из класса до конца занятий.

Правда Скарлетт помнила слова, с которыми миссис Ходенберг обратилась к девушкам в начале учебного года. Проходя между рядов широкими шагами, преподавательница громовым голосом говорила:

— Те из вас, кто не будет мне сдавать задания вовремя, будут жестоко наказаны и получают плохие отметки. Поэтому я предлагаю вам не рисковать и не ссориться со мной.

Но никто и не думал ссориться с миссис Беатрисой. Тем более, что сама преподавательница очень скоро забыла о своих грозных словах, очевидно посчитав, что сурового первого впечатления хватит на весь год.

Если бы сейчас можно было поставить оценку самой преподавательнице, миссис Ходенберг не потянула бы и на тройку.

Но Скарлетт такое положение вещей устраивало, потому что никто не висел у нее над душой.

* * *

Наконец настал тот день, когда у девушек в расписании значился урок литературы. Для воспитанниц литература была делом новым и непонятным.

Конечно некоторые из них увлекались любовными романами, но никто не знал, как это можно изучать литературу как предмет. Что же касается Скарлетт, то она до того времени явно предпочитала книжкам пребывание на свежем воздухе, и поэтому вообще не представляла — хорошо это или плохо, когда в жизни воспитанниц пансиона появляется новый предмет.

«По крайней мере, — думала Скарлетт, — я теперь буду видеть каждый день симпатичного мужчину». Это для нее было весьма важно.

Девушки вошли в класс и расселись за парты. Рядом со Скарлетт оказалась Марианна

Мак-Коунли. Скарлетт не была против: пусть соседка по комнате будет теперь соседкой по парте.

Воспитанницы ожидали, что учитель литературы покажется из-за маленькой двери, которая находилась рядом с доской. За дверью располагалось небольшое помещение типа кабинета для преподавателя. Скарлетт раньше заходила туда. Письменный стол, стул, шкаф для книг. Там же стоял диван, на котором можно было отдохнуть.

Миссис Хиггинс поселила мистера Спеншоу прямо в этом кабинете. Молодой человек был непритворлив и сразу согласился на такие условия. Ведь он был приезжим, и таким образом ему не пришлось снимать квартиру в Фейетвилле.

Однако мистер Спеншоу появился из-за дверей, ведущих в коридор. К его груди была прижата какая-то книга. Скарлетт просто остолбенела, когда увидела профессора.

Беззаботно насвистывая, мистер Спеншоу прошел в класс, остановился у преподавательского стола, осмотрел воспитанниц. Но он не сказал ни слова. Снова засвистев, он круто развернулся и покинул классную комнату.

Девушки опешили и стали недоуменно переглядываться. «Еще один пустой бычий пузырь?» — успела подумать Скарлетт, как вдруг услышала негромкий окрик мистера Литературного Учителя:

— Ну что же вы сидите? Пойдемте!

Девушки ожили, стали вставать и выходить из-за парт. Скарлетт бросила Марианне:

— Чувствую, мы сегодня развлечемся...

Девушки последовали за преподавателем, который непрерывно насвистывая, шел по длинным коридорам и остановился перед закрытой дверью.

— Стойте, милые барышни! — объявил мистер Моррис Спеншоу. — Минутку терпения, потом мы войдем туда, куда я вас привел.

— А куда вы нас привели, господин профессор? — пискнула Барбара Форман.

— Я же сказал, минутку терпения, — улыбнулся толстушке мистер Спеншоу. — Ну как там, все подтянулись?

Он подождал, пока к нему подойдут все воспитанницы, и добавил:

— В такое место надо входить всем вместе...

После этого молодой учитель распахнул двери, и Скарлетт поняла, что это был музей пансиона. На стеках были развешаны портреты воспитанниц пансиона, их вышивки, похвальные листы отличниц.

Посередине комнаты стоял стол. Учитель остановился возле этого стола лицом к девушкам. Воспитанницы сгрудились по другую сторону.

— Кто из вас знает хотя бы первые восемь строк «Потерянного рая» Мильтона? — спросил вдруг мистер Спеншоу.

Девушки ошеломленно молчали. Тина Тейлор попробовала ответить:

— Того, что жил где-то в Европе? Зачем девушкам его знать?

Мистер Спеншоу посмотрел на нее как на малое несмышленное дитя и констатировал:

— Никто не знает. Хорошо! Тогда я начну с другого. Кого вы видите перед собой?

Девушки опять промолчали. Уж больно чудно начинал свой урок молодой учитель.

— Ваше имя — мистер Моррис Спеншоу, — сказала Скарлетт.

В следующий момент она просияла, потому что мужчина ответил:

— Спасибо, дорогая мисс О'Хара! Вы запомнили как меня зовут. Видите, и я не забыл вашей фамилии.

Скарлетт выразительно посмотрела на подруг, как бы желая этим взглядом показать, что после реплики учителя она воспарила в заоблачные выси.

— Но я спросил не в том смысле, — продолжал Спеншоу, — каждый или каждая из нас, милые молодые леди, имеет имя. Кто я для вас?

— Учитель, преподаватель литературы, — раздались неуверенные голоса.

— Правильно! — воскликнул молодой человек. — Дело в том, что я совсем недавно был таким же как вы. Я закончил университет Штата, но в то время я не был той интеллектуальной глыбой, которую вы видите перед собой.

— Интеллектуаль... интеллектуальной... глыбой, — прошептала за спиной Скарлетт Тина Тейлор, с трудом сдерживая смех.

Скарлетт повернулась к подруге и шикнула на нее:

— Тихо!

Тина осеклась и удивленно посмотрела на Скарлетт. Она помнила, что Скарлетт обычно была заводилой во всех проказах. «Теперь с ней что-то случилось, раз она так ведет себя!» — с недоумением подумала мисс Тейлор.

Эти мысли отвлекли Тину, и она перестала смеяться.

— Я был интеллектуальным эквивалентом слабого человека! — продолжал мистер Спеншоу. — А теперь посмотрим, интеллектуальными эквивалентами чего являетесь вы. Ну что же, — он запустил пятерню в свои густые волосы и продолжил: — Ну, с кого-то надо начинать... Пожалуйста, мисс О'Хара! Проверим ваши знания...

Скарлетт вздрогнула и почувствовала, что краснеет. «Почему он так выделяет меня? — пронеслось у нее в голове. — Или это неспроста? Ой, он сейчас меня спросит о чем-то таком, чего я не знаю...»

Но опасения девушки оказались напрасными. Учитель протянул Скарлетт книгу и сказал:

— Откройте, пожалуйста, ее на странице триста шестьдесят девять. Прочитайте...

Девушка взяла увесистый том.

— Стихотворение называется «Кругом грехи», — добавил мистер Спеншоу.

Скарлетт открыла книгу на указанной странице и начала читать:

Помилуй, Боже мой, спаси меня,
Волнениям моим предела нет.
Бушуют мысли реками огня,
Чудовищ выводя на белый свет.
Лишь завершит работу голова,
Как вмиг воспламеняются слова,
Пронизанные мысленным огнем...

Скарлетт захлопнула книжку и перевела дух.

— Ну что, почему вы остановились? — спросил мистер Спеншоу. — Разве там больше ничего нет?

— Есть, — едва слышно прошептала девушка.

— Тогда почему же остановились?

Скарлетт посмотрела учителю прямо в глаза и покраснела:

— Не знаю.

— Это поэт Джордж Герберт, — сказал мистер Спеншоу. — А вот еще одно стихотворение, уже из другой книжки. Я прочту вам его по памяти.

И учитель литературы начал читать. Читал он хорошо. Скарлетт быстро перестала слушать слова и следила только за общей музыкой речи. Она смотрела в глаза мистера Морриса Спеншоу, разгоравшиеся с каждым новым словом, на прядь волос, упрямо падавшую на высокий лоб...

Учитель внезапно перестал читать.

Скарлетт вздрогнула. Зашевелились и остальные девушки. Кто-то шумно вздохнул, кто-то отпустил шуточку.

Мистер Спеншоу окинул взглядом воспитанниц и сказал:

— А почему вы слушали эти стихи так внимательно? Почему, скажите мне?

Девушки снова затихли.

— Почему вы слушали стихи тех, кто умер уже давно? — продолжал спрашивать учитель. — Вы — девушки, которые за редким исключением были всегда далеки от поэзии, слушали, затаив дыхание... Так что, вы не знаете?

— Нет, — вырвалось у Скарлетт.

Мистер Спеншоу внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Тогда я вам объясню, — обратился учитель через несколько секунд ко всей аудитории. — Потому, что вы подсознательно чувствуете, что сами когда-то умрете и превратитесь в прах. Это ощущение сидит в вас, но вы, девушки, о нем не задумываетесь. Оно только иногда выходит на поверхность, заставляя, как сейчас, замолкать вас во время того как давно умершие поэты обращаются к вам.

Девушки слушали затаив дыхание. Что касается Скарлетт, то она продолжала смотреть на мистера Спеншоу во все глаза. Она даже была немного обижена на учителя, потому что он так увлекся своей речью, что перестал ее замечать. «Ну ничего, я тебе еще покажу», — думала Скарлетт.

— Подойдите сюда, — тем временем попросил Моррис Спеншоу.

Он указал рукой на стенку, где были прикреплены самые старые рисунки.

— Подойдите, подойдите, — повторил учитель, видя, что девушки мешкают. — Посмотрите на них внимательно.

Скарлетт смотрела на карандашный портрет девушки, сделанный самое малое сто лет назад и не понимала, что такого можно тут увидеть, чтобы заставлять два десятка девиц всматриваться в пожелтый лист бумаги до рези в глазах.

— Эти девушки так похожи на вас, — сказал Спеншоу. — Между тем, их давно нет в живых...

Он сделал почти театральную паузу и продолжал:

— Но еще прежде, перед смертью, увяла их красота. От их любимых остались лишь мысли, но эти девушки при жизни служили поэтам источником вдохновения. И кто знает, что труднее — быть причиной гениальных творений или самим творцом.

Мистер Спеншоу сделал вторую паузу, и Скарлетт услышала как бьется ее сердце.

— Так, их уже нет в живых, — сказал учитель. — Но если вы прислушаетесь, то услышите, как они зовут вас!

Последние слова Моррис произнес, чуть понизив голос и от этого торжественного голоса, почти шепота у Скарлетт кровь качала стыть в жилах.

— Не бойтесь, прислушайтесь, — продолжал мистер Спеншоу. — Вы услышите, как они предостерегают вас шепотом. Наклонитесь, девушки. Не бойтесь, смелее!

Учитель литературы отошел от стены и стал за спинами притихших воспитанниц. Девушки почему-то даже сейчас сохраняли серьезность. Скарлетт окинула всех взглядом и поняла, что ей тоже не хочется превращать урок в шутку.

Она как и все чуть наклонилась вперед и сделала вид, что прислушивается.

И тут она услышала тихий шепот.

— Ловите миг... Ловите... Миг...

Скарлетт быстро оглянулась вокруг. Все происходящее напоминало ей рождественскую сказку, в которую учителю литературы почему-то захотелось поиграть с почти взрослыми девушками.

Хитрунья отличила, что прозвучал шепот самого учителя, который именно для этого и спрятался за спины воспитанниц. Но — удивительное дело! — девушки и сейчас не проявляли желания рассмеяться, хотя этого Скарлетт ожидала от некоторых, например от Тины Тейлор.

Как раз Тина и спросила:

— Ловите миг. Мистер Спеншоу, а что означают эти слова?

Все девушки повернулись к учителю литературы. Тот стоял смущенный.

— Ловите миг? — Моррис сделал вид, что задумался. — Это значит, мои дорогие и прекрасные леди, что нужно не упускать возможности и не тратить вашу жизнь по пустякам. Если вам и суждено превратиться в удобрение для цветов, то хотя бы оставьте после себя след. Дела. Или хотя бы мысли, что также оказывается зачастую не менее ценным. Сделайте вашу жизнь счастливой...

* * *

После урока литературы был большой перерыв. Девушки вышли на лужайку.

— Я что-то не поняла, — произнесла Барбара Форман, обращаясь как бы к самой себе. — Нам что, надо эти стихи наизусть учить?

Анна Сент-Уайт посмотрела на нее как на идиотку.

— Учитель литературы бился целый час, чтобы донести до тебя прекрасное. Эх, ты... Поняла ли ты что-нибудь? По-моему, нет!

Барбара скривила пухлые губы в недоверчивой улыбке:

— Какое прекрасное? Я действительно ничего не понимаю. С нами до этого так никто не разговаривал. Нас здесь готовят не к прекрасному, а к простой замужней жизни.

Скарлетт скривилась. «Так я со временем утрачу весь свой авторитет, — пришло ей в голову. — Они уже рассуждают о чем-то таком, что лежит от меня далековато. Но ничего... Надо брать бразды правления в свои руки!»

Девушка громко хлопнула в ладоши и произнесла:

— Так что? Собираемся у нас изучать прекрасное сегодня вечером?

Подруги переглянулись.

— Что касается меня, — важно сказала Молли Харрисон. — То я сегодня иду на ужин в одну семью.

— Ого! — воскликнула Скарлетт. — Ты становишься светской дамой!

— Как это — ты идешь в одну семью? — не поняла Барбара Форман.

— Ну, меня пригласили, — принялась объяснять Молли. — У матери в Фейетвилле живет подруга, миссис Криггс. Вчера она встретила меня во дворе, когда заходила к миссис Штикк. Оказывается они знакомы! И миссис Криггс пригласила меня сегодня вечером посетить ее семью. Сказала, что поговорит обо мне с хозяйкой пансиона, чтобы меня отпустили.

— И эта старая карга согласилась? — недоверчиво спросила Скарлетт.

— Представь себе! — со смехом кивнула Молли. — Только сказала, чтобы меня встретили и проводили назад в пансион. Потому что «воспитанницам не подобает показываться в вечернее время на улицах города»!

Молли так похоже передразнила манеру говорить миссис Хиггинс, что девушки рассмеялись.

— Мне кажется, что если бы хозяйкой была мисс Джонстаун, не видать тебе этого званого вечера, милочка! — сказала Клара Ковальски.

— О, не напоминай мне об этой старой деве, — поежилась Молли. — Она и так нам всем надоела.

— Да уж, — согласилась Клара.

— За мной должен зайти мистер Криггс, — продолжала Молли Харрисон. — Так что, подружки, вам придется провести этот вечер без меня.

Скарлетт с завистью посмотрела на симпатичную Молли.

— Ты будешь там танцевать, — заметала она.

— Естественно, — важно ответила мисс Харрисон.

— И уж точно, там будут молодые люди, — протянула Барбара Форман.

— Ты права, — кивнула Молли. — И я намерена показать, что в пансионе девушки не лыком шиты. Все-таки нас чему-то учили здесь целый год, и даже с хвостиком.

— Смотри, высоко держи звание воспитанницы миссис Хиггинс, — проговорила Тина Тейлор. — Уж не опозорь нас перед миссис и мистером Криггс...

Девочки засмеялись.

— Постой-постой, — сказала Скарлетт. — Значит, там будет и сама миссис Штикк?

— Наверное будет, — согласилась Молли.

Скарлетт весело посмотрела на мисс Харрисон.

— Тогда вам будет весело. У вас будет музыка. Миссис Штикк вас просто покорит.

— Только я не советую показывать, чему она тебя научила, Молли, — под общий смех сказала Марианна.

— Как я тебе завидую, Молли, — призналась Скарлетт. — Ты будешь сидеть за столом, и кто-то будет ухаживать за тобой. Потом ты будешь танцевать, а вокруг будут гореть свечи, и все будет так торжественно!

Девушка зажмурилась. Перед ее глазами стали вставать картины бала, толпы поклонников, и она, Скарлетт, в самой середине. Потом она кружится в вальсе, едва касаясь туфельками пола... А напротив... Моррис Спеншоу. «Только он обязательно должен научиться танцевать», — подумала Скарлетт и вздохнула.

— Нечего вздыхать, подружка, — сказала Молли. — Если честно, я больше волнуюсь, чем радуюсь. Могу повздыхать вместе с тобой, если хочешь...

— А в каком платье ты пойдешь? — перебила Барбара. — Не в этом же, форменном?

— Скажешь тоже! — воскликнула в ответ мисс Харрисон. — Я сплю и вижу, как сниму

хоть на несколько часов эту хламиду. Нет, для подобного случая у меня припасено специальное, нарядное...

— Расскажи, какое оно? Наверное из воздушного муслина в мелкий цветочек? — выразила вопросом Скарлетт свою затаенную мечту.

— Да, оно из муслинового шелка такого нежного абрикосового цвета, но не в цветочек, а в тонкую полоску, очень красивое. Вот только сережек у меня нет, да и шею надо бы чем-то украсить...

— Не волнуйся, мы поднимем на ноги весь пансион, но найдем тебе все что нужно. Уж будь спокойна, ты у нас будешь выглядеть, как принцесса! — заверила подругу Анна Сент-Уайт.

Все девушки приняли самое непосредственное участие в обсуждении вечернего туалета своей удачливой подруги. Они единодушно пришли к выводу, что пускать на самотек такое ответственное дело непозволительно, и потому следует заняться сборами Молли сразу после занятий.

Шумя и толкаясь, продолжая возбужденно обсуждать приглашение Молли на званый вечер и вспоминая свой небогатый опыт по этой части и оставленные дома платья из бомбазина, органди, муслина, тафты и даже ситца, девушки поднялись в комнату Молли и Барбары.

Приготовления начались с того, что Молли тщательно вымылась, а свои роскошные волосы после мытья даже сполоснула соком лимона, который придал им блеск и приятный запах.

Потом встала проблема щипцов, которые нужны были для укладки волос. Барбара обегала весь пансион в поисках необходимого инструмента, а оказалось, что таковой преспокойно лежит в чемодане у Марианны, которая тайком увезла их из дома в надежде посещать здесь театр. Когда шел разговор о щипцах, Марианна как раз ходила одалживать у соученицы сережки с топазами, и не слышала, что их ищут. Пока их нашли, волосы у Молли подсохли, и Анна, которая выпросила на кухне спиртовку, занялась прической, поминутно отрываясь от этого занятия, чтобы снова нагреть быстро остывающие щипцы. В это время Клара и Барбара понесли в гладильную приводить в порядок измявшееся от долгого лежания в коробке муслиновое платье, и Молли очень переживала, как бы они не сожгли его тяжелыми утюгами, которые обычно таскали рабыни или служанки, а уж никак не юные леди.

— Не волнуйся, дотошная Клара все сделает аккуратно — она такая осторожная и старательная! — успокаивала подругу Анна.

Прибежала запыхавшаяся Скарлетт: ей не удалось найти подходящего колье, зато она принесла два серебряных браслета — один свой, а второй другой девушки — которые отлично подходили к серебряным же сережкам.

— Знаешь, говорят, что колье есть у Джейн Эшберн, но ее сейчас нет в комнате, а копаться в чужих вещах мы, конечно, не стали, — объяснила Скарлетт. — Ну, где твое платье? Пойду, потороплю их, пока не прожгли на твоём абрикосовом муслине несколько страшных черных дыр!

С этими словами Скарлетт побежала в гладильную, но девочки уже торжественно несли навстречу ей по коридору к счастью неиспорченное платье.

Когда наряд внесли в комнату, все собрались около него, охая и ахая. Молли стояла посреди комнаты в кружевных панталонах, трех полотняных пышных нижних юбках, а

Скарлетт уже пыхла, затягивая на и без того стройной талии подруги корсет.

— Сколько, ты сказала, нужно для этого платья дюймов? — озабоченно переспросила Скарлетт.

— Восемнадцать, не больше, — сдавленным голосом ответила Молли.

«А я и в семнадцать могу затянуться — с помощью Мамушки, конечно», — удовлетворенно подумала Скарлетт.

— Ты подтяни получше живот, да упрись руками во что-нибудь, — сказала она, вспоминая уроки Мамушки.

— Хорошо, — ответила Молли и уперлась руками в спинку кровати.

Когда со шнуровкой было покончено, Скарлетт облегченно вздохнула и сказала:

— Ну, давайте сюда платье, бездельницы. Да поосторожнее!

— Никакие мы не бездельницы, мы работали, как рабыни! — обиделась Клара Ковальски.

— Ну, самая тяжелая работа все равно досталась мне! — пошутила Скарлетт.

— Думаю, ты от нее не рассыпалась. На тебе же воду возить можно!

Клара явно не хотела понимать шуток.

— Пахать тоже, если очень нужно! — засмеялась Скарлетт.

— Настоящая леди не должна быть здоровой, как крестьянка! — возразила Клара.

— Не волнуйся, Клара. Может быть, еще один год учебы с тобой подорвет мое неприлично крепкое здоровье, — огрызнулась Скарлетт.

— Да вы подадите мне когда-нибудь платье? — вмешалась Молли.

— Сейчас! — раздраженно сказала Клара и рванула платье, лежавшее на кровати Молли облаком нежного пышного муслина.

— Осторожно! — крикнула Скарлетт, но было уже слишком поздно.

Раздался треск, Клара испуганно отпустила платье, а Барбара и Анна подхватили его на лету.

— Что ты наделала! — разом вскрикнули Молли и Скарлетт.

Подол праздничного платья зацепился за металлический набалдашник спинки кровати и был оторван у пояса на целых три дюйма.

— Ничего, одевай так. Пока ты будешь заниматься застежкой, я пришью его на скорую руку, а под поясом ничего не будет видно, — успокоила подругу Скарлетт. Ведь у тебя есть пояс к этому платью?

— Есть. Красный, атласный. Спасибо тебе, Скарлетт, — проговорила Молли, проглатывая уже подступившие от отчаяния слезы.

Девочки хмуро посмотрели на Клару и стали помогать Молли одевать платье.

Платье было, безусловно, очаровательное. Нежный цвет фона выгодно оттенялся белой полоской. Белоснежность полоски в свою очередь подчеркивалась большими кружевными медальонами и тюлевым воланом. Поскольку платье было вечерним, у него был довольно большой вырез для девушки такого юного возраста. Чудесный теплый цвет ткани придавал коже Молли приятный оттенок. Правда, бюст у Молли был немного маловат, и потому пришлось пришить к подкладке лифа крошечные шелковые оборочки, которые помогали придать фигуре более пышные формы. Но такой недостаток был почти у всех присутствующих молоденьких девушек, за исключением Анны, Скарлетт и Барбары, и с возрастом мог исправиться.

Стараясь разглядеть себя в небольшом зеркале, которое Марианна держала перед ней,

Молли крутила головой, переступала с ноги на ногу, и этим немало усложняла задачу Скарлетт.

— Перестань крутиться, а то я пришью тебе оборку к рукаву, а подол — к твоему остренькому носу! — недовольно ворчала Скарлетт.

Носик у Молли был и вправду чуть длинноват, но больше не к чему было придрататься, и он не портил миленькое лицо девушки.

— Не забудь перед тем как сесть за стол, где-нибудь в уголке пощипать себе щеки для румянца и покусать губы, чтобы были поярче! — посоветовала опытная Анна.

«Хм, это надо запомнить», — подумала Скарлетт.

— Да, и не увлекайся едой, — добавила до сих пор дувшаяся в углу Клара. — Не забывай, что настоящая леди должна есть не больше птички.

— Клевать, как птичка! — уточнила Анна.

«Прямо, как моя Мамушка нотации читает», — с нежностью вспомнила старую няньку Скарлетт.

Вдруг Марианна, державшая зеркало и лучше всех рассмотревшая наряд Молли, воскликнула:

— Ой, Молли, а у тебя есть подходящие туфли?

— Тьфу ты, артистичная натура! Так испугала... Есть, есть... Тина, поищи, пожалуйста, под кроватью красные туфли.

Через несколько секунд из-под кровати была извлечена небольшая коробка. В ней оказались красные сафьяновые туфли — точно такого оттенка, как на поясе.

— А что там за большая коробка под кроватью? — спросила Тина.

— Ой, да там же шляпка! Я совсем про нее забыла! Достань ее, пожалуйста.

Тина, чихая от пыли, достала из-под кровати коробку, в которой лежала светло-оранжевая шляпа, украшенная длинными лентами.

Клара вызвалась почистить шляпу щеткой, и вздохнув, в знак примирения Молли ей это позволила.

Тина, которой нечего было делать, принялась расправлять на подруге рукавчики с кружевами, а потом взялась вдеть ей в уши серьги.

Нелегкое это дело — продеть незнакомые серьги в чужие уши! Молли морщилась, Тина чертыхалась, но в конце концов все закончилось благополучно.

— Обошлось без кровопускания, — пошутила Тина.

Длинные серьги старинного темного серебра таинственно поблескивали. Светлый топаз, который они оправляли, в присутствии оранжевого шелка принял золотой оттенок, который очень шел к карим глазам Молли.

Глянув на себя в зеркало, Молли от удовольствия тряхнула завитыми локонами, и сережки тихо звякнули.

В этот момент Барбара, которая сидела на подоконнике, объявила:

— Молли! Похоже, за тобой уже пришли!

— Господи! А я не готова! — воскликнула Молли, которой Анна Сент-Уайт в этот момент прикалывала последний локон. — Милая, давай быстрее!

— Не могу, — сосредоточенно ответила Анна. — Стой смирно, не вертись! Иначе я уколю тебя. Барбара, ты уверена, что это за Молли?

Девушки, не занятые подготовкой мисс Харрисон к предстоящему вечеру, подбежали к окну.

— У ворот пансиона остановилась повозка, — принялась рассказывать Барбара. — Из нее вышел высокий седовласый мужчина. Он ходит туда-сюда и время от времени смотрит на башенные часы.

— Он нервничает, — добавила Клара.

— Ой, тогда это точно он. Мистер Криггс! — Молли снова дернулась. — Скарлетт, ну что там у тебя?

Скарлетт в это время кончила пришивать подол. Она сделала последний стежок и откусила нитку.

— Все, — объявила девушка. — Теперь, Молли, ты готова! Только осторожно садись, а то этот шов разойдется.

— Скорее завязывайте мне пояс, а то я не увижу, как смотрится бант сзади, — жалобно попросила Молли, уже явно волнуясь.

Когда ярко-красный бант был завязан, Молли схватила шляпку, украшенную такими же атласными лентами, и, завязывая ее на ходу под подбородком и не чуя по собой ног, выбежала из комнаты.

— Вот понеслась, — покачала головой ей вслед Скарлетт. — Счастливая...

На лестнице Молли остановила Элеонора Джонстаун.

— Куда это вы направляетесь, мисс Харрисон? — спросила воспитательница. — И почему на вас нет формы пансиона?

— Ах, мисс Джонстаун! — воскликнула Молли, — пустите меня, я опаздываю. Мне разрешила миссис Хиггинс, не верите, спросите у нее!

Оставив мисс Элеонору с недоуменным выражением на лице, Молли спустилась вниз и выбежала из здания.

Мистер Криггс увидел спешащую к нему девушку и приветливо улыбнулся.

— Я так понимаю, вы и есть мисс Молли Харрисон.

— Да! — кивнула Молли. — Извините меня, ради Бога, мистер Криггс, я опоздала.

— Сущие пустяки, — последовал ответ. Я жду не более четверти часа. Для молодой воспитанницы пансиона это вполне допустимый отрезок времени.

Молли увидела хитринку в глазах мистера Криггса и улыбнулась.

Мужчина усадил девушку в повозку и, усаживаясь сам, приказал кучеру трогать. Свистнул бич, и повозка понеслась по улицам Фейетвилля.

* * *

Повозка остановилась у аккуратного двухэтажного домика за невысокой оградой. Мистер Криггс сошел первым и подал Молли руку.

Молли оперлась на широкую ладонь и ступила на дорожку, посыпанную желтым песком. Проходя к двери через сад, она старалась держаться прямо, уверенно и при этом непринужденно, как настоящая светская дама.

И все же у двери девушка остановилась. «Как поступить сейчас? — наморщила лоб Молли. — Позвонить самой? Нет, по-моему, это должен сделать сопровождающий меня мужчина».

Она выжидающе оглянулась на мистера Криггса. Тот спрятал улыбку в усы и дернул шнурок звонка.

Дверь отворилась. Молли хотела сделать шаг вперед, но увидев того, кто показался на пороге, невольно осталась на месте.

Высокий стройный юноша смотрел на нее большими черными глазами.

— Простите, — вырвалось у Молли. — Здесь живет миссис Криггс?

Юноша кивнул, продолжая смотреть на девушку во все глаза. В следующую секунду Молли выругала себя за отсутствие выдержки и внезапное замешательство. Из-за ее спины послышался насмешливый голос:

— Что это вы, мисс Харрисон, думаете, что я вас не туда привез?

— А-а-а... — протянула Молли. — Нет, мистер Криггс.

— Она определенно подумала, что я похитил очаровательную девушку, — продолжал мистер Криггс. — И тем самым нанес пансиону миссис Хиггинс невосполнимый урон... Это мой сын, Чарли. Чарли, посторонись, дай девушке пройти.

Юноша пропустил Молли и отца в дом.

— Ну вот, теперь можно и познакомиться, — сказал мистер Криггс. — Мисс Молли Харрисон — Чарли Криггс.

— Очень приятно, — проговорил юноша, опустив голову.

Молли подала ему руку, которую молодой человек галантно поцеловал.

Возникла пауза.

— Прошу тебя, Чарли, поухаживай за гостьей, — сказал отец.

Юноша согласно кивнул и сделал жест рукой:

— А теперь я приглашаю вас пройти в зал. Уверяю вас, мисс Харрисон, сегодняшний вечер для вас будет весьма интересен.

Едва Молли вернулась в пансион, подруги накинулись на нее с расспросами.

— Погодите, — подняла руку девушка. — Я вам отвечу на все вопросы. Но только не сейчас.

— А что такое? — поинтересовалась Скарлетт. — Ты разочарована?

— Разочарована? — изумленно повторила Молли. — Да ты что? Я в восторге!

Она закружилась по комнате.

— Там было так прекрасно! Все было, Скарлетт, именно так, как ты описала...

Девушка остановилась и произнесла:

— У меня сейчас столько впечатлений, что я боюсь что-то упустить.

— Но завтра ты все забудешь! — воскликнула Барбара. — Умоляю тебя, расскажи сейчас!

— Расскажи, расскажи, Молли, — накинулись на нее другие воспитанницы.

— Мы просто не заснем без твоего рассказа, — подвела итог Скарлетт.

Молли обвела взглядом подруг и села на край постели.

— Ну ладно, — сказала она, и ее глаза весело блеснули. — Слушайте. Во-первых, там со мной весь вечер обращались как со взрослой...

— Ох! — застонала Анна. — Кому что, а мне уже одного этого достаточно, чтобы понять, как тебе повезло.

— Тише, милая, — поморщилась рассказчица, — не перебивай, я только теряю мысль.

— И правда, Анна, помолчи, — зашикали девушки со всех сторон.

— Рассказывай, Молли! — попросила Скарлетт. — Мы умираем от нетерпения.

Но Молли, как опытная рассказчица, сделала паузу и только когда все готовы были возмущенно накинуться на нее, проговорила:

— Я была королевой вечера.

— Ох! — снова застонала Анна Сент-Уайт.

Мисс Харрисон покосилась на нее.

— Молли не обращай на нее внимания, — сказала Скарлетт.

Рассказчица кивнула и стала говорить быстро-быстро:

— Мистер и миссис Криггс оказались очень милыми стариками. И вообще, у них очень милая семья. Мистер Криггс все время шутил, а его жена только и делала, что подкладывала мне в тарелку пирожные...

Девушки внимательно слушали Молли. Они сидели не шевелясь. Даже Клару Ковальски увлекла история пребывания подруги на светском вечере.

— Пришла миссис Штикк, — продолжала Молли. — Она оказалась очень приятной женщиной.

— И что же, она играла? — спросила Анна Сент-Уайт.

— Да, — кивнула Молли. — Вовсю наигрывала на пианино. Она даже пробовала петь...

Девушка прервала рассказ. Ее душил смех.

— Ох, лучше бы она не начинала! Никто не рассмеялся только потому, что все уважали хозяйку дома и ее подругу. Мне стоило большого труда остаться серьезной...

— Но о чем же ты нам все рассказываешь? — деланно возмутилась Скарлетт. — Почему ты не говоришь о самом главном?

— Как это — о самом главном? — не поняла Молли. — Что ты имеешь в виду?

Скарлетт посмотрела на подруг, ища поддержки.

— И правда, Молли, — отозвалась Марианна. — Не прикидывайся, что до тебя не доходит.

— Хорошо, — сказала Молли. — Если вам так хочется, я должна признаться. Я там танцевала.

— Танцевала? — переспросила Скарлетт. — И все-таки это не главное!

Рассказчица с недоумением развела руками:

— На что ты все время намекаешь? Я не могу понять, скажи лучше прямо. Что вы все хотите от меня услышать?

Девушкам было немного стыдно сказать вслух о своем главном интересе. Как всегда, эту ношу взяла на себя Скарлетт.

— Не будешь же ты говорить, что танцевала с мистером Криггсом? — спросила она. — Давай, милая подруга, выкладывай все как на духу. Отчего у тебя такое приподнятое настроение?

Молли несколько смутилась, но потом усмехнулась и произнесла:

— Там было несколько молодых людей. И каждый спешил пригласить меня на очередной танец.

Стон зависти был ей ответом.

— Они говорили мне комплименты, — продолжала девушка. — Каждый состязался с другими в остроумии... Они хорошо танцевали, все эти юноши, однако лучше всех — один...

— Ой, Молли, — воскликнула Барбара. — Как это все интересно!

Она прижала руки к груди и зажмурила глаза. Одновременно губы толстушки расплылись в мечтательной улыбке.

— Я так и представляю, как ты там блистала! — Барбара возбужденно вскочила с места. — За тобой ухаживали! Ты была такая красивая — в моем колье...

Все захихикали.

— Ну вот, — сказала Анна. — Вот что для нашей Барбары главное!

— Да, кстати, большое спасибо тебе, Барби, — улыбнулась Молли, снимая украшение с шеи. — Без него я не была бы такой привлекательной. Знаешь, когда на тебе что-то блестит, все поневоле обращают внимание...

Взрыв хохота заглушил ее слова.

— Значит, ты выделила одного, — напомнила Скарлетт, многозначительно глядя на подруг. — И кто же был этим счастливецом?

Молли раздумывала, продолжать ли ей прерванный рассказ. Он начинал касаться таких деликатных тем...

В конце концов девушка решила, что пора перестать стесняться ровесниц. «Если меня на вечере считали взрослой, — подумала Молли, — то мне давно пора самой себя считать таковой!»

— Этим счастливецом, как говоришь ты, Скарлетт, был Чарли, сын мистера и миссис Криггс. Не знаю почему, но он мне приглянулся больше всех.

— А он? — не вытерпела Барбара.

— Что — он?

— Как он к тебе относился?

— Как и все! — пожала плечами Молли. — Ухаживал весь вечер. Сидел рядом за

столом. Развлекал разговорами.

— А ты? — спросила Барбара.

— Что я? Я постаралась быть одинаково любезной со всеми. Хотя, если по правде, мне хотелось быть любезной только с Чарли.

Молли сделала длинную паузу, Но девушки не нарушали внезапно установившегося молчания. Все находились под впечатлением только что услышанного признания.

— Он же меня и проводил до пансиона, — снова заговорила Молли. — Он был так вежлив и мил со мной...

Давно стемнело, но девушки не зажигали света. Они так и сидели в темноте, ощущая друг друга только по дыханию и по призрачным отблескам света, которые давала луна.

Вдруг дверь комнаты распахнулась. Скарлетт от неожиданности вздрогнула.

Когда она посмотрела в сторону двери, то вздрогнула во второй раз.

На пороге со свечой в руке стояла мисс Джонстаун. Взгляд воспитательницы не предвещал ничего хорошего.

— Что у вас происходит? — грозно спросила старая дева. — Почему вы не на местах? Когда последний раз вы смотрели на часы?

Молли пошевелилась.

— Мисс Джонстаун, — произнесла она. — Не сердитесь, это я пригласила подруг в нашу с Барбарой комнату. Я рассказывала им о вечере...

— Мисс Харрисон! — перебила воспитательница. — Достаточно того, что вы неизвестно где отсутствовали весь вечер! Вы утверждаете, что миссис Хиггинс была в курсе вашего похода, но то, что произошло после вашего возвращения, составляет вашу новую вину. Почему воспитанницы находятся так поздно у вас в комнате? Разве вы не знаете, что ночью полагается спать? На кого вы будете похожи завтра? Синяки под глазами вам обеспечены!

— Но мисс Джонстаун, — попыталась возразить Молли.

— Мы ведь ведем себя тихо, никому не мешаем спать...

— Не хватало, чтобы вы еще перебудили весь пансион! — воскликнула женщина. — Сейчас же расходитесь по своим комнатам. И имейте в виду, о вашем поведении будет завтра же доложено миссис Хиггинс!

Клара Ковальски сразу поднялась и произнесла:

— И правда, девочки, мы засиделись. Я пойду спать.

Она зевнула, не прикрывая рта. Видимо посчитала, что в темноте ее лица не будет видно. Или, что было более вероятно, спешила показать мисс Джонстаун свою беспрекословную исполнительность.

Скарлетт с презрением взглянула на долговязую воспитанницу — свою бывшую соседку.

— Уж тебе, Клара, можно было давно идти спать. Ничего интересного для себя ты тут не услышала...

Ковальски уставилась на Скарлетт.

— А о чем вы тут говорили? — заинтересовалась воспитательница. — Ну-ка, быстро расскажите мне!

Молчание было ей ответом. Даже Клара не решалась открыть рот, боясь реакции верховолившей Скарлетт.

— Ну, я жду, — притопнула ногой мисс Джонстаун. — Что у вас за темы, о которых вы

не хотите говорить своей воспитательнице?

И снова никто из подруг не ответил женщине.

— Мисс О'Хара? Мисс Харрисон? — спрашивала по очереди Элеонора Джонстаун. — Мисс Сент-Уайт? Мисс Форман? Мисс Мак-Коунли? Мисс Тейлор?

Девушки молчали.

— Мисс Ковальски? — воскликнула теряя терпение Элеонора Джонстаун.

«Если бы она не была так категорична и нахальна, — думала Скарлетт, — можно было бы ей рассказать. В конце концов у нас нет никаких тайн. Но теперь пошло на принцип. Интересно, выдержит ли Клара?»

Мисс Джонстаун тем временем решила не затягивать ночной допрос.

— Хорошо, — обиженно кивнула она. — Я расскажу миссис Хиггинс, что у вас завелись секреты. Пусть она выведет вас на чистую воду.

Скарлетт торжествовала. Она поняла, что одержала над воспитательницей небольшую победу, первую за все время обучения в пансионе.

Но зеленоглазой разбойнице показалось этого мало. Она посмотрела на воспитательницу и произнесла:

— Мисс Джонстаун, я считаю, что вовсе не обязательно стоять у нас над душой. Ступайте спать. Мы тоже разойдемся, я вам это обещаю.

У старой девы на несколько мгновений буквально отнялся язык. Но потом она рассерженно прошипела:

— Ваше поведение, мисс О'Хара! — и после паузы: — Ваше поведение — это третье, о чем я поговорю завтра с хозяйкой нашего пансиона.

С этими словами женщина захлопнула дверь. Девушки услышали ее удаляющиеся шаги. Несколько минут все молчали.

— Убралась, — сказала Скарлетт просто для того, чтобы нарушить гнетущую тишину.

— Зачем ты с ней так? — нервно спросила Клара. — Можно было спокойно разойтись, без того, чтобы обижать ее.

Молли поднялась и зажгла свечу. Она увидела, как Скарлетт прищурилась.

— Ты, Клара, кажется, хотела идти спать? — спросила она. — Вот и иди. Может быть успеешь догнать эту старуху к утешить ее.

— Унять ее огромное горе! — крикнула Тина Тейлор, поддерживая Скарлетт.

— Девочки, не надо ссориться! — сказала Барбара. — И в самом деле, Скарлетт, ведь можно было не обижать мисс Джонстаун, неужели нет?

— Нет! — тряхнула головой Скарлетт. — Как ты не поймешь, Барби, что она постепенно садится нам на голову. И если раньше мы это терпели, то дальше я терпеть не намерена. В конце концов мы становимся взрослыми, она же по-прежнему относится к нам как к детям!

Клара Ковальски отважилась на вопрос:

— А что в этом плохого?

— Если ты этого не понимаешь — это неудивительно, — ответила Скарлетт. — Но для других я объясню. Она станет шпионить за нами!

Скарлетт сделала паузу и продолжила:

— Я вижу, Клара, что ты хочешь мне что-то возразить. Но давай перенесем все разговоры на завтра. Теперь нам надо идти спать, как мы обещали Элеоноре...

Девушки разошлись. Когда Скарлетт уже лежала в кровати, она услышала жаркий шепот

Марианны Мак-Коунли.

— Знаешь, по моему мнению, ты была права насчет мисс Джонстаун. Только я так не смогла бы...

— Это тебе только кажется, — возразила Скарлетт. — Ты ничуть не слабее меня или кого бы там ни было, Марианна. Только надо поверить в собственные силы!

Скарлетт умолчала о том, что она сама в свои силы верила еще далеко не всегда...

* * *

Начался очередной урок литературы. Мистер Спеншоу раздал на каждую парту по толстой книжке и объявил:

— Откройте ваши книги на пятой странице — там, где вступительная статья!

Девушки зашелестели страницами.

— Кто-нибудь, прочитайте нам вслух этот текст, — попросил учитель.

Воспитанницы по привычке стали переглядываться и подталкивать одна другую локтями:

— Ты прочитай... Нет, ты...

Увидев их суету, мистер Спеншоу произнес:

— Я не буду ставить отметок. Кто прочитает, мне все равно. Давайте хотя бы вы, мисс Мак-Коунли.

Секундой раньше Скарлетт почувствовала, что она совсем не прочь, чтобы просьба учителя была адресована к ней. Но Марианна уже начала читать:

— Джеймс Эдвард Лотвуд-младший! Название: «Как понимать поэзию»...

— Правильно, продолжайте дальше, — донесся голос учителя.

Мистер Спеншоу сидел за столом, перед ним лежала такая же книга.

— «Для того, чтобы научиться понимать поэзию, прежде всего нужно хорошо знать метрические размеры, математику, и поставить перед собой два вопроса, — читала Марианна. — Первое — с какой эффективностью достигнута цель стихотворения, и второй вопрос — насколько важна эта цель. Первый вопрос позволяет оценить форму стихотворения, второй — его значение. Довольно просто оценить стихотворение на таком графике. По горизонтали будем откладывать значения, соответствующие форме стихотворения, по вертикали — значения его цели»...

Ошеломленная Марианна оторвалась от чтения и посмотрела вокруг. Остальные девушки были изумлены не менее ее.

Но на лице Морриса Спеншоу блуждала хитрая улыбка.

— Я вижу, вам не по себе, — произнес учитель. — Тем не менее, я попрошу продолжить, через несколько минут вам все станет понятно.

И Марианна снова стала читать, с трудом произнося непривычные и громоздкие слова:

— «Чтобы понять, насколько хорошо данное стихотворение, нам достаточно подсчитать площадь прямоугольника, образованного осями координат и прямыми, соответствующими отложенным значениям. Например, у сонета Петрарки могут быть высокие значения по вертикали и, в то же время, средние по горизонтали...»

— Достаточно! — прервал Марианну мистер Спеншоу.

И не давая девушкам опомниться от обилия математических терминов, так неожиданно

свалившихся на их бедные головы, учитель произнес:

— С вашего позволения, я продолжу мысль этого гениального профессора, мистера Джеймса Эдварда Лотвуда, да еще и младшего!

По словам преподавателя литературы нельзя было понять, шутит он или же говорит совершенно серьезно. Мистер Спеншоу подошел к доске, взял в руки кусок мела и быстро начертил график.

Получившийся прямоугольник он заштриховал.

— По мысли автора данной книги перед вами, дорогие воспитанницы — произведение Петрарки! — учитель ткнул в нарисованную картинку пальцем. — А в то же время, утверждает уважаемый профессор, у стихов Мильтона будут высокие значения как по вертикали, так и по горизонтали.

Мистер Спеншоу нарисовал еще один прямоугольник.

— Таким образом, общая площадь, — учитель постучал мелом по доске, — покажет аутентичную величину этого стихотворения.

Скарлетт краем глаза заметила, как Клара Ковальски, напряженно морща лоб, принялась дрожащими руками перерисовывать изображенное на доске нагромождение линий себе в тетрадку.

Мистер Спеншоу тем временем положил мел.

— Изучая этот учебник, — отряхивая руки от белой пыли, проговорил учитель, — вы можете практиковать данный метод освоения стихов и, таким образом, вы разовьете в себе умение оценивать стихи надлежащим образом... Именно так считает мистер Лотвуд!

Он замолчал. Молчали и девушки.

— Все это — полнейшая чушь! — после паузы объявил мистер Спеншоу. — Да-да, я не шушу! Это просто-напросто бред сумасшедшего!

Он схватил тряпку и в мгновение ока стер с доски нарисованное ранее.

— Вот, что я думаю по поводу теории профессора Джеймса Эдварда Лотвуда-младшего, которую предложено изучать в пансионе для благородных девиц, — подытожил учитель, теперь уже широко улыбаясь.

Скарлетт увидела, что Клара нервно зачеркнула рисунок в своей тетради.

— Ведь мы говорим здесь о стихах! — продолжал мистер Спеншоу. — Вслушайтесь, дорогие мои, о стихах! Например вы, мисс О'Хара! Вы понимаете, что такое стихи?

Скарлетт почувствовала, что мучительно краснеет.

— Нет, — призналась она.

Ей было стыдно тем более от того, что она заметила на себе пристальный взгляд Анны. Шестнадцатилетняя воспитанница пансиона как бы пронизывала Скарлетт насквозь, ее глаза говорили: «Знаем-знаем истинную причину твоего смущения. Мы все знаем...»

— Так, не понимаете, — кивнул мистер Спеншоу. — Что ж, я постараюсь, чтобы вы их научились понимать. Если вы, конечно, не будете против... так вот, я хочу, чтобы вы вырвали из книг страницу. Ту самую, которую мы только что читали.

Девушки опешили. Они стали переглядываться между собой, думая, что ослышались.

— Ну что же вы? — нетерпеливо спросил мистер Спеншоу. — Я жду!

— Господин учитель! — поднялась Анна. — Вы уверены, что поступаете правильно?

Моррис повернулся к ней.

— Мисс Сент-Уайт хочет сказать, что я ошибся, приказав вырвать только одну страницу. Действительно! А ну-ка вырвите все введение из ваших учебников, Смелее! Вы

что, меня не слышите?

Скарлетт оглянулась на класс. Большинство девушек сидели не шевелясь, но кое-кто уже склонился над книжкой... Скарлетт обратила внимание, что Клара Ковальски вопросительно глянула на учителя, встретила его непреклонный взгляд и взялась пальцами за страницу.

Послышался треск рвущейся бумаги.

— Правильно мисс Ковальски! А остальные? Почему вы медлите?

Девушки начали вырывать страницы. Мистер Спеншоу ходил между рядами и удовлетворенно потирал руки.

— Отлично, мисс Тейлор! Я хочу, чтобы это сумасбродное введение навсегда исчезло из ваших книг, чтобы никакого следа от него не осталось. Оно только отравляет ваши души, засоряет ваши головы. Давайте, давайте, не останавливайтесь, чтобы послушать меня! — мистер Спеншоу даже нетерпеливо хлопнул в ладоши. — Действуйте! Быстро! Джеймс Эдвард Лотвуд, да еще и младший! Иди с Богом, заслуженный профессор! Рвите, рвите!

Скарлетт решила. Быстрыми рывками она оторвала те несколько страниц, которые составляли введение.

А учитель подгонял тех, кто еще мешкал.

— Я хочу слышать единственный звук — звук отрываемых страниц! Звук того, как вы рвете на части профессора Лотвуда-младшего! Это не Библия, вы не отправитесь в ад!

— Да он с ума сошел, — прошептала Марианна Мак-Коунли. — Разве можно рвать книги?

— Смелее! — подгонял мистер Спеншоу. — Только аккуратненько работайте, чтобы ничего не осталось.

Барбара Форман приняла последнее пожелание учителя в буквальном смысле. Она стала прикладывать к каждой странице введения линейку и отрывать листы маленькими рывками, чтобы линия отрыва получалась ровной и аккуратной.

— Да ведь нельзя рвать книги! — воскликнула, оборачиваясь к ней, Марианна Мак-Коунли.

— Можно, можно! — ответила Барбара.

Ее глаза горели лихорадочным огнем. Она отрывала страницы одну за другой. Марианна откинулась на спинку скамьи и закрыла глаза.

Мистер Спеншоу, удовлетворенный тем, что воспитанницы принялись с энергией исполнять его пожелание, удалился к себе в комнату и прикрыл дверь.

Воспитанницы вошли в раж. В классе стоял шум, Тина Тейлор подняла стоящую у учительского стола корзину для бумаг и стала носить ее по рядам.

Девушки с веселыми возгласами бросали скомканные оторванные страницы в корзину.

Вдруг дверь, ведущая в класс из коридора, открылась. На пороге возникла мисс Джонстаун.

— Что здесь происходит? — спросила воспитательница. Почему шум, где ваш учитель?

В эту же секунду мистер Спеншоу открыл другую дверь:

— Почему я не слышу звука отрываемых страниц?

Он увидел стоящую на пороге класса женщину и покраснел. Правда, только на одно мгновение.

Моррис выдержал взгляд мисс Элеоноры Джонстаун. Старая дева улыбнулась и сказала:

— Ой, простите пожалуйста, мистер Спеншоу. Я не знала, что вы в классе.

Учитель литературы ничего не ответил и продолжал смотреть на воспитательницу.

— Ну что ж, — пробормотала та. — Если вы здесь... Извините...

С этими словами она ретировалась.

Минуту после ее ухода стояла тишина. Потом ее прервал уверенный голос мистера Спеншоу:

— Продолжайте, пожалуйста, рвать, юные леди! Это настоящий бой, это война! Жертвами могли стать ваши сердца и ваши души... Армия тупых профессоров, которая наступает и пытается оценивать стихи. Нет, мы не позволим! Хватит с нас всяких Джеймсов Эдвардов Лотвудов!

Мистер Спеншоу взмахнул рукой.

— Мы должны научиться думать собственными головами! Мы должны смаковать слова и язык. Что бы вам ни говорили, слова и идеи могут изменить мир!

Учитель вдруг посмотрел Скарлетт прямо в глаза.

— Вот этот взгляд мисс Скарлетт, — он показал на девушку пальцем, — говорит о том, что она думает: литература не имеет никакого отношения к девушкам, женщинам, удел которых — ловить в сети мужчин и в дальнейшем — воспитывать детей, вести хозяйство в доме. И вы, остальные также согласны с ней? Думаете: нам нужно было отсидеть эти уроки, которые придуманы только для того, чтобы вытащить побольше денежек из карманов наших родителей! И потом забыть их как дурной сон. Не выйдет!

Мистер Спеншоу перевел дух. Потом подошел к парте Скарлетт, присел на корточки так, что его глаза оказались на одном уровне с глазами девушек.

— У меня есть одна тайна, хотите, расскажу? Я дошел до понимания ее сам.

Девушки закивали.

— Хорошо, — ответил учитель и поднялся. — Тогда слушайте! Мы читаем и пишем стихи не потому, что это милое занятие. Мы читаем и пишем стихи потому, что мы — люди! Мы принадлежим к человеческой расе! А человеческая раса полна страстей. Все профессии, занятия, которым отводят время ваши отцы — это, конечно же, благородные занятия. Но именно стихи, красота, поэзия... Любовь, страдания — именно это держит нас в жизни. И мы, мужчины, держимся в жизни благодаря вам, дорогие барышни.

Он глубоко вздохнул и закончил:

— Но жизнь продолжается, и каждый человек должен внести свой вклад в нее хотя бы в виде строчки стихов...

Девушки молчали. Урок, начавшийся скучно, продолжившийся совершенно фантастически весело, сейчас заканчивался абсолютно неожиданно и серьезно.

Мистер Спеншоу подошел к доске и, осматривая девушек грустными глазами, тихо проговорил:

— А какую строчку стихов внесешь ты?

* * *

Скарлетт вышла погулять в сад. Она увидела там Анну Сент-Уайт, которая сидела на скамейке и читала книгу.

— Про любовь? — поинтересовалась Скарлетт, подходя к девушке.

— Про любовь, — кивнула Анна. — И о том, как надо выходить замуж.

Скарлетт удивилась.

— А разве это не одно и то же? — спросила она.

— Вовсе нет, — ответила Анна. — Это совершенно разные вещи.

Тогда Скарлетт улыбнулась.

— Я вижу, тебя занимает вопрос предстоящего замужества, — сказала О'Хара. — А по-моему, об этом не следует задумываться сейчас. Ты встретишь человека, полюбишь, и сама не заметишь, как это произойдет.

— Ты в этом уверена? — спросила Анна.

Скарлетт энергично тряхнула головой.

— Конечно! — воскликнула она. — Ты полюбишь, и дальше все произойдет как бы само собой. Кончится тем, что вы поженитесь.

Анна прищурилась.

— Как просто у тебя все на словах выходит! Но ведь в жизни все не так!

— Как это не так? — возразила Скарлетт. — По-моему, все именно так и происходит!

— И не будет никаких трудностей?

— Почему? Трудности будут. Даже полезно, если хочешь знать, чтобы были трудности.

Настоящую любовь трудности только укрепляют.

Анна положила книгу на скамейку.

— А мне кажется, что любовь должна иметь другие подтверждения, которые не должны заключаться только в столь любимых тобой трудностях!

Скарлетт замолчала. Ее покоробил уверенный тон подруги. «Можно подумать, что она успела все испытать, — подумала Скарлетт. — А ведь она всего на какой-то год старше меня!»

Вместо возражений Скарлетт сказала:

— Слышала поговорку: с милым рай и в шалаше?

— Слышала, — отозвалась Анна.

— И как ты к ней относишься?

— Что касается меня, — сказала Анна Сент-Уайт, — то я выйду замуж за человека, который сможет меня обеспечить. Поверь, дорогая, что с милым рай в шалаше не может быть. Просто потому, что в жизни часто случаются дожди, а крыша шалаша протекает...

— И что из этого следует?

— То, что муж должен быть материально обеспеченным. Только тогда он сможет доставить жене счастье. Если тебе так привычней, я скажу, чтобы он выехал на природу и построил шалаш, в котором можно будет прожить несколько дней. Но только для разнообразия.

Уже не в первый раз Скарлетт слышала такие практические рассуждения относительно любви и замужества. Сна была в растерянности. «Не значит ли это, что я не права? — думала Скарлетт. — Все только и говорят, что от удачного замужества зависит жизнь женщины».

И Скарлетт решила проверить, как к этому вопросу относится Анна.

— Послушай, подруга, а что ты скажешь вот о чем... — Скарлетт сделала паузу, чтобы точнее выразить свою мысль. — Если у тебя в жизни вдруг возникла финансовая яма, а рядом есть человек, который... Ну, проявляет к тебе знаки внимания. Он противен тебе, он совершенно тебе не нравится, но у него есть одно достоинство — полные карманы денег. А ты любишь другого, бедного...

— Я никогда не полюблю бедного, Скарлетт! — прервала подругу Анна.

— погоди, — резко взмахнула рукой Скарлетт. — Ну, неважно, допустим, ты никого не любишь. Просто тебе делает предложение какой-нибудь богач, которого ты просто переносить не можешь. Как бы ты поступила? Неужели вышла бы за него замуж?

— Не задумываясь! — с жаром воскликнула Анна.

После этого она замолкла. Молчала и Скарлетт, обдумывая отношение мисс Сент-Уайт к житейским проблемам.

Рассуждения подруги относительно того, за кого следует выходить замуж, отличались от мыслей Скарлетт. Но будущая хозяйка Тары понимала, что Анна в чем-то права. Материальные ценности в жизни важнее эфемерных сердечных.

У Скарлетт с детства было развито чувство, которое отец называл «чувством земли». Поэтому девушка понимала ход мысли Анны, она начинала сама рассуждать и приходила к выводу, что хотела бы видеть в качестве мужа человека, который не был бы далек от земли.

А от этих выводов уже можно было построить логическую цепочку к тому, чтобы найти именно такого человека. То есть поступить примерно так, как описывала Анна. Найти человека, который смог бы возделывать землю, смог бы приумножить богатство, умело ведя хозяйство. Или который смог бы нанять рабочих для возделывания земли.

Человека, который располагал бы достаточными финансами для этого.

Такую логическую цепочку могла бы построить Скарлетт, если бы обладала логическим складом ума. Но чувства у пятнадцатилетней девушки явно преобладали над разумом.

Когда Скарлетт стала проводить в мыслях такие рассуждения, она очень скоро ощутила, что у нее начинает болеть голова.

Девушка поморщилась и тряхнула головой, чтобы отогнать неприятные мысли.

— Послушай, Анна, — Скарлетт перешла на шепот. — А что ты скажешь о мистере Моррисе Спеншоу?

— В каком смысле?

Скарлетт замялась.

— Ну... Как он тебе?

Анна внимательно посмотрела на подругу.

— Ты хочешь спросить, вышла бы я за него замуж?

Скарлетт кивнула.

— Нет, дорогая, не вышла бы, — сказала Анна. — По тем самым причинам, которые только что тебе изложила. Но почему ты у меня спрашиваешь о нем?

Скарлетт почувствовала довольно сильное желание рассказать Анне о своих симпатиях к учителю литературы, но не решилась.

Больше всего Скарлетт опасалась, что, начни она говорить о таких вещах, Анна примет надменный вид взрослой женщины, умудренной жизнью, имеющей богатый опыт. Начнет поучать, как надо поступать.

Вот чего Скарлетт опасалась больше всего! И потому промолчала.

— Нет, подруга, ты ведь неспроста спросила о мистере Спеншоу, — не отставала Анна Сент-Уайт. — Я просто чувствую, что ты равнодушна к нему...

— Почему ты так думаешь? — вырвалось у Скарлетт чересчур эмоционально.

Она почувствовала что краснеет, и от этого ощущения покраснела еще больше. Анна внимательно смотрела на собеседницу, ей, естественно сразу бросилось в глаза, что лицо Скарлетт внезапно залилось краской.

— Ой, подружка, извини, — сказала мисс Сент-Уайт. — Я, вижу, попала в самую точку.

— Брось, — махнула рукой Скарлетт О'Хара.

Она хотела что-нибудь добавить, чтобы у подруги не осталось ощущения, что мистер Спеншоу небезразличен Скарлетт. Но девушка чувствовала, что волнение, так внезапно качавшееся, и не думало отпускать ее. «Вот стыд-то! — думала Скарлетт. — Да у меня просто-напросто дрожит голос! И когда я научусь держать себя в руках?»

Анна деликатно отвела взгляд в сторону.

— Ну, не хочешь — не говори, — произнесла она.

Скарлетт уловила в голосе собеседницы нотки обиды.

— Мне просто нечего сказать, — убедительным тоном произнесла О'Хара и придвинулась поближе к Анне. — Не понимаю, почему ты решила, что мне нравится мистер Спеншоу. Он ведь многим нравится...

Анна Сент-Уайт резко повернулась к Скарлетт.

— Он многим нравится как учитель, — быстро заговорила девушка, — но никто не краснеет так, как ты, милочка. Если тебе нравится этот мужчина, могла бы и признаться, ничего от этого не изменится!

Скарлетт с горечью подумала, что в самом деле, ничего от этого не изменится.

— И все-таки, ты ошибаешься, — неуверенно прошептала Скарлетт.

У нее еще оставались крохи уверенности, что ее чувства возможно скрыть.

Но Анна прищурилась и презрительно произнесла:

— Уж лучше помолчи! Не сейчас я заметила, как ты покраснела, дорогая. Ты понаблюдай за собой на уроках. Стоит мистеру Спеншоу обратиться к тебе с вопросом, как ты начинаешь краснеть.

Скарлетт слушала подругу, потупив взор. Ей решительно нечего было возразить.

— И потом, разве у меня нет глаз, чтобы я не видела, как ты смотришь на учителя литературы? Если ты хочешь скрыть свои симпатии, тебе следовало бы подумать о своем поведении...

Скарлетт неуверенно заерзала на скамейке.

— Нет-нет, я не хочу сказать, что твое поведение предосудительно, — поправила Анна, заметив реакцию собеседницы. — До такого еще просто не дошло. Однако тебе следует всерьез подумать над тем, как приучить себя не показывать своих чувств. Не показывать их мужчине, а не своей подруге, которая может тебе дать полезный совет.

Скарлетт глубоко вздохнула.

— Ладно, ладно, только не обижайся! — воскликнула будущая хозяйка Тары. — Я могу тебе признаться, мне действительно нравится мистер Моррис Спеншоу. Но какой совет я могу получить от тебя?

Анна Сент-Уайт откашлялась.

— Я тебе уже дала целую кучу советов, — сказала она. — Во-первых, это касается мистера Спеншоу. Он просто не сможет прокормить семью. Ты заметила, что он до сих пор не женат?

— Да, — ответила Скарлетт.

— Но ты отнесла это обстоятельство к разряду радостных для тебя?

— Да, — призналась Скарлетт.

Она опустила голову, а Анна начала говорить с торжеством в голосе:

— Вот тут-то и кроется твоя ошибка! То, что мистер Моррис Спеншоу до сих пор не

женат, никак не может свидетельствовать в его пользу. Разве может оставаться неженатым симпатичный, видный из себя мужчина? Согласись, это маловероятно. Тем более там, где невест — хоть пруд пруди, а в Фейетвилле именно так обстоят дела.

Скарлетт кивнула.

— За него никто не вышел потому, что он беден! — сказала Анна. — Он учитель в пансионе! Это просто унижительно — быть учителем в женском пансионе, занимать женское место. Ты знаешь, сколько миссис Хиггинс платит учителям?

Скарлетт никогда не занимал этот вопрос, и потому сна отрицательно покачала головой.

— Мало! — веско произнесла мисс Сент-Уайт.

«Все-то она знает», — подумала Скарлетт.

— Но он не выглядит бедняком, — возразила она вслух. — Он всегда такой подтянутый и аккуратный.

— Иначе его бы здесь не держали, — последовал уверенный ответ. — Мистер Спеншоу может разбогатеть, вот тогда за ним все станут гоняться. И какая-нибудь верткая девчушка мигом женит его на себе. Но тебе, милая Скарлетт, к тому времени будет уже все равно...

— Почему? — удивилась Скарлетт.

— Потому, что к тому времени ты закончишь курс обучения и уедешь к себе. И уж там родители выберут для тебя подходящего жениха.

«Дудки, никогда я не позволю родителям выдать меня замуж без моего согласия», — подумала Скарлетт.

— А мистер Спеншоу останется здесь. Ты про него забудешь, как только перестанешь видеть каждый день, — продолжала Анна. — Так уж, поверь, случается со всеми, кто влюбляется в первый раз...

— Разве я влюбилась? — воскликнула Скарлетт. — Я призналась тебе, Анна, что мистер Спеншоу мне нравится, но не говорила о своей любви.

— Ох, Скарлетт! От простой девичьей влюбленности до настоящей любви большое расстояние, — заметила Анна Сент-Уайт. — Ты не говорила о любви, но то, что я замечаю, это чистой воды влюбленность, которая возникает только потому, что девушка видит рядом с собой молодого человека, и которая пропадает, когда этот молодой человек уходит из жизни девушки...

— Разве Моррис — молодой человек?

— Вот замечаешь — ты назвала его Моррисом! — веско произнесла Анна. — А это также говорит о том, что ты равнодушна к учителю литературы.

— Ладно, подруга, ведь я уже не отпираюсь, — смущенно улыбнулась Скарлетт и в ее зеленых глазах заиграли веселые огоньки.

— Мистеру Спеншоу всего двадцать шесть лет, он на десять лет старше нас с тобой, — напомнила Анна.

«Он старше тебя на девять лет», — мысленно поправила подругу Скарлетт.

— Но он мне кажется настоящим мужчиной, — сказала девушка вслух. — Все, кто старше двадцати лет, для меня ужасно взрослые люди.

Она сделала ударение на слове «ужасно».

Анна только рассмеялась и посмотрела на Скарлетт как на маленькую девочку.

— Поверь мне, дорогая, двадцать шесть лет — это еще не возраст. Многие мужчины женятся лет в сорок.

— Ого! — удивилась Скарлетт.

— Да, и можешь быть готова, что возле тебя неожиданно окажется такой вот седовласый господин, которого тебе захочется называть «папочкой», — ехидно усмехаясь, добавила Анна. — Но тебе придется его называть «любимый», «дорогой» или как-нибудь еще.

— Какой ужас! — оценила на свой лад такую перспективу Скарлетт.

— Совсем не ужас, — покачала головой Анна. — Это как раз тот возраст, когда мужчины по-настоящему становятся на ноги и могут позаботиться о тебе, так что приучай себя к мысли, Скарлетт, что о таких, как мистер Спеншоу, думать не следует. Не потому, что наш учитель литературы — плохой человек, а просто потому, что он еще молод для тебя.

Скарлетт подавленно молчала. Она думала: «Неужели я на самом деле когда-нибудь полюблю человека, которому будет под сорок лет? Он будет лет на... двадцать старше меня?»

На эти вопросы не было ответа. Скарлетт решила отложить решение таких сложных проблем на потом.

Шел урок танцев. Девушки осваивали вальс.

Самое трудное в танцевальных занятиях заключалось в том, что воспитанницы пансиона миссис Хиггинс не имели кавалеров. Единственный мужчина — учитель танцев мистер Вильям Спулл — сидел за роялем и наигрывал простенькую мелодию. Одновременно он внимательно следил за кружащимися парами девушками и громко восклицал:

— Раз-два-три, раз-два-три! Мисс Ковальски, сейчас вы танцуете в качестве партнера, после этого круга поменяйтесь с мисс Форман местами! Она будет кавалером, а вы — дамой! Раз-два-три, раз-два-три! Мисс Тейлор, не нужно смотреть под ноги. На балах вы будете заняты перемигиванием с партнером, приучайте к этому себя сейчас! Мисс О'Хара, почему вы стоите, найдите себе партнершу, разбейте какую-нибудь пару. Нельзя же просто так стоять на занятиях... Потом будете жалеть, что не научились танцевать.

Скарлетт в самом деле стояла у стены. Ей просто не хватило пары, потому что одна из воспитанниц заболела. Она не беспокоилась, ведь вальс и остальные танцы получались у Скарлетт хорошо.

Однако девушке было просто скучно.

Вдруг дверь отворилась, и Скарлетт увидела, что в зал заглядывает мистер Спеншоу собственной персоной. Еще не понимая, что делает, Скарлетт пошла навстречу учителю литературы.

Видимо, у Морриса был какой-то вопрос к мистеру Спуллу, но Скарлетт не дала молодому учителю раскрыть рта.

— Мистер Спеншоу, разрешите пригласить вас на тур вальса! — произнесла девушка и присела перед Моррисом в книксене.

Тот опешил.

— Мисс О'Хара... — пробормотал учитель литературы. — Вы уверены, что я умею танцевать?

— А почему бы и нет? — спросила Скарлетт.

Она чувствовала в себе прилив необъяснимой смелости. Во всяком случае, после разговора с Анной Сент-Уайт Скарлетт смирилась с мыслью, что ее симпатия перестала быть тайной. К тому же девушка поняла, что не станет посмешищем для подруг. Ведь Анна и не думала смеяться над ее тайной, она совершенно серьезно обсуждала со Скарлетт ее не очень серьезные чувства к учителю.

«Нет, — думала сейчас девушка. Пора доказать себе, что я могу что-то в жизни. Дело здесь даже, может быть, и не в мистере Спеншоу. Просто я должна научиться преодолевать себя».

От таких мыслей Скарлетт спокойно стояла и ожидала, как события будут развиваться дальше. Ее не пугало, что она находится как бы на сцене, что за ней наблюдают подруги и удивленный мистер Спулл. «Если честно, — призналась себе Скарлетт, — меня даже не интересует мнение этого противного пристава-Вильяма».

Однако мистер Спеншоу не был так уверен в себе, как Скарлетт. И он не ставил перед собой задачи что-то доказать себе и окружающим.

Сейчас он просто видел перед собой симпатичную стройную девушку, которая

внимательно смотрела на него своими зелеными глазами и ожидала каких-то действий.

— Как же мне поступить? — принялся размышлять вслух Моррис. — Ведь вы, мисс О'Хара, прибегаете к запрещенному приему.

— К какому же? — удивилась девушка.

— Мы с вами не находимся на уроке литературы, — сказал Моррис. — И я просто теряюсь в незнакомой обстановке. Я всерьез обеспокоен тем, что сейчас может пострадать мой авторитет...

— Не волнуйтесь, мистер Спеншоу, — произнесла Скарлетт. — Ваш авторитет нисколько не пострадает. Я просто не верю, что вы не умеете танцевать.

— Но это так! — воскликнул учитель.

— Пусть даже так, — тряхнула головой Скарлетт. — Однако, не отказывайте мне, я вас очень прошу. Обещаю, что буду убирать свои ноги, чтобы вы не оттоптали мне их. Давайте попробуем!

Моррис смотрел на девушку, и в голове его зарождалась мысль о том, что этот поступок молодой Скарлетт О'Хара не случаен. Учитель вспомнил взгляды, которые ловил прежде на себе, вспомнил, как она волновалась, когда он вызывал Скарлетт отвечать.

У девушки дрожал голос, мистер Спеншоу думал, что это от того, что Скарлетт не знает урока. Однако, похоже, дело было совершенно в другом...

«Во всяком случае, — сказал себе Моррис. — Ситуация начинает превращаться в смешную. Да-да, ты будешь выглядеть тем более смешным, чем дольше будешь стоять и спорить из-за такой мелочи, как тур вальса. Девушка приглашает, а ты не согласен. Боже мой, какой стыд...»

Все эти рассуждения пронеслись в голове Морриса буквально за несколько мгновений.

— Хорошо, мисс О'Хара, — вздохнул Спеншоу. — Я согласен.

— Вот и отлично, — просияла Скарлетт. — Тогда приступим?

Учитель кивнул.

— Только скажите мне, с чего надо начинать, — несмело попросил он.

Скарлетт подошла к мистеру Спеншоу вплотную.

— Вам надо обнять партнершу, — произнесла она серьезным голосом.

«Боже! — пронеслось в голосе молодого человека. — И зачем я вообще вошел сюда?»

Он и в самом деле совершенно забыл, почему открыл дверь, из-за которой лились звуки музыки. К мистеру Спеншоу у него не было дел, просто Моррису стало любопытно, чем девушки занимаются на уроке танцев.

Он понимал, что они там могут заниматься только самими танцами. Но Спеншоу вспомнил слова хозяйки пансиона, которые женщина сказала ему, когда принимала на работу. «Литература — это предмет, который призван развивать в воспитанницах душу! — говорила Моррису миссис Хиггинс. — Смотрите, мистер Спеншоу, на вас будет лежать огромная ответственность! Рукоделию или чему-то другому девочек легко научат, но вас я пригласила потому, что ко мне поступили о вас весьма лестные отзывы!»

Моррису было приятно слышать такие утверждения. Как истинный специалист своего дела, он решил внимательнее присматриваться к воспитанницам, с тем, чтобы лучше понять индивидуальность каждой.

А в чем же еще так ярко проявляется индивидуальность женщины, как не в танце? Об этом Моррис где-то прочитал, и именно эту мысль вспомнил, когда проходил по коридору и услышал из-за неплотно прикрытой двери звуки музыки.

Потому учитель и открыл дверь, потому и оказался в танцевальном зале.

— Обнять партнершу, — повторил Спеншоу. — Хотя мне и ужасно стыдно, но я прошу вас показать мне, что вы имеете в виду.

Скарлетт вместо ответа положила руки на плечи молодого человека. «Вот он и мой!» — пронеслось в голове девушки, но в следующую минуту Скарлетт испугалась таких мыслей.

«Что значит — мой? — подумала она. — Сейчас я с ним просто танцую, о будущем рано думать...»

— Мистер Спеншоу, — сказала девушка вслух. — Правую руку положите мне на талию, а левую давайте сюда!

Она схватила своей маленькой ладошкой руку молодого человека, а он несмело обнял партнершу.

— Вот видите, мистер Спеншоу, — радостно сказала Скарлетт. — Это вовсе нетрудно. Можно считать, что первый урок у нас с вами уже состоялся.

— Не проще ли отпустить ученика после первого урока? — попробовал отшутиться Моррис. — Тем более, если первое занятие, как вы утверждаете, прошло так успешно.

— Если первое занятие прошло успешно, то следует закрепить полученные знания, — парировала Скарлетт.

Моррис не нашелся, что ответить.

— Теперь попробуем приступить к самому танцу, господин учитель, — сказала девушка. — Вы сможете вести меня?

Мистер Спеншоу замотал головой.

— Ну, ладно, — смилостивилась Скарлетт. — Достаточно того, что вы участвуете в танце. Вести буду я. Постарайтесь не сбиться с ритма.

Девушка легонько потянула партнера на себя, но Моррис не сдвинулся с места.

— Ах да, я совсем забыла! — воскликнула Скарлетт. — Мистер Спеншоу, первый шаг вы должны сделать правой ногой... Вот так, правильно, — оценила она несмелую попытку Морриса приступить к танцу.

— Теперь надо дождаться нужного момента в мелодии, — сказала девушка, и после нескольких секунд ожидания и неловких улыбок они закружились в вальсе.

— Старайтесь не сбиваться с ритма, — говорила Скарлетт. — У вас уже неплохо получается, честное слово. Только не наступайте мне на ноги...

Скарлетт попробовала выгнуть стан, как это делают настоящие танцоры, и была страшно обрадована, почувствовав спиной сильную руку партнера.

— Так, мистер Спеншоу... Так! Честное слово, вы очень способный ученик!

Они кружились в танце. Хоть зал был просторным, танцующим девушкам было тесновато, как и всем, кто только учится вальсировать. Скарлетт стоило больших усилий не столкнуться с другими парами.

Краем глаза она успевала замечать подруг и избегать столкновений. Глядя на партнера, девушка с трудом подавляла улыбку — уж очень напряженным было лицо молодого учителя литературы, добросовестно осваивавшего трудный урок.

Постепенно остальные девушки стали останавливаться и смотреть на них. Скарлетт ловила тихие замечания:

— О'Хара танцует с учителем литературы...

— Она и здесь вздумала отличиться...

— Нет, вы только подумайте, мистер Спеншоу — и Скарлетт!

Внутри девушки все ликовало. Она чувствовала себя на гребне успеха, только было немного жаль, что Моррис сосредоточенно смотрел под ноги — Скарлетт не могла заглянуть ему в глаза.

Кончилось тем, что мистер Спулл оторвал взгляд от клавиатуры и засмотрелся на мистера Спеншоу и Скарлетт. Через минуту он сбился и перестал играть.

Когда музыка смолкла, молодой учитель остановился и посмотрел на партнершу.

— Ну, мисс О'Хара, я считаю, что с честью выдержал это испытание, которому вы решили меня подвергнуть. Слава Богу, что танцуете вы отменно. Именно поэтому я не наступил вам на ногу.

Скарлетт захотелось поцеловать покрасневшего молодого человека в щеку. Она, без сомнения, так и сделала бы, если бы не чувствовала, что на нее устремлены глаза остальных воспитанниц и учителя танцев в придачу.

— Спасибо вам, господин учитель, что вы оценили мои скромные способности, — присела Скарлетт в глубоком реверансе. — Жаль, что на уроках литературы вы обо мне другого мнения.

Моррис внимательно посмотрел на девушку.

— Кто вам сказал, мисс О'Хара, что я думаю плохо о вас и ваших способностях? — возразил он. — Как раз я считаю, что вы — девушка, безусловно, умная и сообразительная. Вам только не хватает усидчивости и прилежания. Если бы в вашем характере присутствовали эти качества, вы, бесспорно, были бы лучшей ученицей в классе.

— А какая же я ученица при моем характере? — спросила Скарлетт, затаивая дыхание.

Моррис задумался. Он хотел выбрать что-то среднее между комплиментом и правдой. Хотя в следующую секунду учитель с ужасом понял, что поставил перед собой почти неразрешимую задачу...

— Вы, мисс О'Хара... Вы...

Неловкую паузу прервал мистер Спулл.

— Браво, мисс О'Хара, браво, мистер Спеншоу! — захлопал в ладоши учитель танцев. — Вы показали настоящий вальс. И знаете, почему?

Моррис заинтригованно посмотрел на мистера Вильяма.

— Потому, что в танце участвовали мужчина и женщина. Увы, пока только поэтому...

Спеншоу покраснел.

— Вам, дорогой литературовед, следовало бы заниматься своим предметом, а не ходить на другие уроки девушек, — продолжал учитель танцев с язвительной улыбкой. — Зачем вы пришли сюда? Хотели проверить, хорошо ли я провожу свои занятия?

— Как вам в голову могло прийти такое? — воскликнул уязвленный Моррис. — Я бы мог попытаться рассказать, попытаться объяснить причины моего появления здесь. Однако, боюсь, вы меня не поймете.

Скарлетт сделала шаг вперед.

— Мистер Спулл, как вы можете говорить о мистере Спеншоу в подобном тоне? Он оказал мне любезность, согласившись потанцевать со мной. Он очень помог мне. А что касается вас, то вам давно надо было подумать о том, что девушкам для занятий танцами требуются партнеры...

— Мисс О'Хара! — вскричал учитель танцев. — Извольте молчать, когда разговаривают учителя! Я хочу вам напомнить, что встревать в разговоры старших — это значит проявлять плохое воспитание! Это просто дурной тон, которого у вас, к несчастью,

хватает в избытке...

— Дурной тон? — переспросила Скарлетт, широко открыв глаза.

— Именно! — ответил Спулл. — И если вы сейчас же не замолчите, я буду вынужден доложить о вашем поведении миссис Хиггинс!

Скарлетт замолчала. На ее глаза навернулись слезы, к горлу подступил комок.

— Вы нехорошо поступаете, мистер Спулл, — заговорил учитель литературы. — У девушки просто не выдержали нервы. Она, в отличие от вас, не видит зла там, где его нет и не может быть...

Учитель танцев побелел. Он уже открыл рот, чтобы что-то ответить, но Моррис Спеншоу поднял руку.

— Хватит, мистер Спулл, хватит! — сказал он. — Чтобы не причинять вам дополнительных хлопот, а также страданий, я уйду. — Спеншоу повернулся к Скарлетт. — Мне приятно было вальсировать с вами, мисс О'Хара! Доставьте мне такое же удовольствие на уроках литературы...

С этими словами мистер Спеншоу коротко кивнул и прошел к двери. Учитель танцев проводил его взглядом, в котором сквозила ненависть.

Скарлетт посмотрела на подруг. Девушки стояли какие-то подавленные. Было видно, что произошедшая сцена их не обрадовала, однако, как Скарлетт подумала, никто из них к не подумал открыть рот в защиту мистера Морриса Спеншоу.

«Неужели он нравится только мне? — изумленно подумала девушка. — Разве он не вызывает симпатии у остальных как учитель, даже если девушки не думают о нем, как о мужчине?»

Скарлетт решила выяснить этот вопрос при первой возможности.

* * *

Такая возможность открылась сразу после танцевальных занятий. Усталые воспитанницы вышли в сад и сели на скамейки.

Скарлетт и Тина Тейлор расположились прямо на густой траве.

— Не понимаю, как вообще можно вмешиваться в разговоры учителей, — сказала Клара Ковальски. — Они во всем разберутся без нас.

— Что? — воскликнула Скарлетт. — Разве ты не слышала? Я же вступилась за мистера Спеншоу! Этот наглец Спулл подумал о нем невесть что, да еще и высказал свои грязные мысли в нашем присутствии. Представляешь, каково было выслушать слова Спулла преподавателю литературы?

Клара сузила свои маленькие глазки и жестко посмотрела на Скарлетт.

— И все-таки ты не права, милочка, — сказала она. — Теперь невесть что мистер Спулл думает не только о Спеншоу, но и о тебе.

— Ну и пусть думает, — пожалала плечами Скарлетт. — Меня это не волнует.

— Но станет волновать, когда он скажет миссис Хиггинс, — возразила Клара. — Хозяйка нашего пансиона может написать письмо о твоём поведении родителям. Тебе этого хочется?

Скарлетт задумалась. О таких последствиях она и не помышляла.

— Нет, — призналась девушка. — Мне этого вовсе не хочется.

— Тем не менее ты этого добьешься! — словно пообещала мисс Ковальски.

Барбара Форман заерзала на скамейке.

— Да ладно тебе, Клара! — произнесла она. — Ничего особенного и не случилось. Уже завтра мистер Спулл обо всем забудет. Знаешь ведь, как это бывает в старости: склероз, маразм...

— Ну и слова ты знаешь, — хмыкнула Тина Тейлор.

— Если мистер Спулл забудет то, что сегодня произошло, — сказала Скарлетт, — то этого не забуду я.

Все посмотрели на нее.

Скарлетт провела рукой по складкам длинного подола и продолжала:

— Я вот о чем хотела у вас спросить, подружки. Вы что же, не слышали, как мистер Спулл сказал о мистере Спеншоу явную несправедливость? Я бы сказала даже — гадость?

— Как — гадость? — переспросила удивленная Анна Сент-Уайт.

— Как — гадость? — повторили остальные девушки.

Скарлетт заметила, что только Марианна Мак-Коунли промолчала. «Марианна просто чудо, — подумала Скарлетт. — Вот, кто меня понимает...»

— Если вы удивляетесь слову «гадость», значит до вас ничего не дошло! — сказала мисс О'Хара. — Заподозрить человека в том, что он пришел шпионить — что может быть гнуснее?

— А почему ты думаешь, что мистер Спеншоу не такой, как все остальные? — спросила Клара. — Что он в самом деле не мог прийти посмотреть, как Вильям Спулл проводит свои занятия?

Скарлетт уставилась на Ковальски. Она от возмущения даже не могла открыть рот, чтобы что-то возразить ей. «А я-то удивлялась, что девушки не вступились за мистера Спеншоу, — думала Скарлетт. — Да если их мысли хотя бы наполовину похожи на мысли Клары, значит, я была полной дурой...»

А Клара Ковальски продолжала:

— Вильям Спулл — плохой учитель, согласна. Но все же чему-то он нас учит. К тому же он в возрасте, а это, как правильно заметила Барбара, накладывает определенный отпечаток. Он страшно боится потерять свое место. Именно поэтому мистер Спулл проявил подозрительность по отношению к мистери Спеншоу.

— Ха-ха-ха! — деланно рассмеялась Скарлетт. — Милочка моя! Ты даже не замечаешь, что ты только что занималась тем, что оправдывала действия Вильяма Спулла...

— Да, — кивнула Клара. — Ну и что?

— А то, — продолжила Скарлетт. — Что оправдывая одного человека, ты не даешь мне оправдать другого!

— Как это — не даю? — воскликнула Клара. — Оправдывай сколько хочешь! Ведь он твой любимчик!

Скарлетт покраснела. Девочки загалдели.

— Тихо! — подняла руку Скарлетт.

Она внимательно посмотрела на Клару и тихо произнесла:

— А ну, повтори, что ты сказала?

— Что слышала, — спокойно отозвалась та. — Все знают, что мистер Спеншоу — твой любимчик. Точнее, что ты влюблена в него.

Кровь бросилась Скарлетт в лицо. Она посмотрела на Анну Сент-Уайт. Та едва заметно

улыбнулась ей и отрицательно качнула головой. Скарлетт поняла, что означало это движение: «Я никому не говорила о нашем с тобой разговоре».

Как бы там ни было, Скарлетт немного успокоилась. Клара тем временем продолжала:

— Но если ты в него влюблена, это не значит, что все чувствуют по отношению к Спеншоу то же самое...

Обведя взглядом подруг и увидев, что никто из них даже не улыбнулся в ответ на слова Клары, Скарлетт почувствовала себя совсем уверенно.

— Но я же говорю совсем о другом, — мягко возразила она. — Милые мои, неужели вы не понимаете, что учитель литературы — прекрасный человек? Единственный стоящий преподаватель из всех, кто с нами здесь имеет дело...

— Странно, — проговорила Молли Харрисон. — До сегодняшнего дня я думала, что симпатию у тебя, да и то — своеобразную — вызывает только миссис Штикк.

— Миссис Штикк — просто милая старушка, которая позволяет нам на ее занятиях повеселиться, — отозвалась Скарлетт. — Но мистер Спеншоу — совсем не такой. Он что-то хочет вложить в нас, я еще не вполне понимаю, что именно, но мне это нравится...

Клара фыркнула.

— Не стоит доверять мужчинам, Скарлетт, — произнесла она.

О'Хара прищурилась.

— Клара, ты говоришь, как умудренная опытом женщина. Такое замечание могла высказать Анна, но она до сих пор молчит...

— А я согласна с Кларой, — неожиданно подала голос Анна Сент-Уайт. — Мужчинам доверять не стоит, они только и делают, что обманывают нас.

— А как же быть с твоей теорией удачного замужества? — спросила Скарлетт.

Анна вздохнула.

— Во-первых, это не моя теория, — ответила она, — это сама жизнь. А во-вторых, мужчинам доверять не следует. Их надо использовать. И только.

— Жить вместе, не доверяя, — проговорила Скарлетт. — Нет, Анна. Я еще могу принять рассуждения о том, что мужчина должен материально обеспечить семью. Да и то, если сделаю над собой невероятное усилие. Но чтобы жить, не доверяя мужу, — это просто не укладывается у меня в голове.

Под пристальным взглядом ее зеленых глаз Анна равнодушно пожала плечами.

Скарлетт думала: «Пока что мои подруги не понимают, что мистер Спеншоу — единственная удача в их пансионной жизни. Интересно, сколько усилий потратит учитель литературы, чтобы достучаться до их сердец...»

Потом О'Хара решила вернуться к теме недавнего вечернего разговора.

— Молли, а как танцует этот твой молодой человек... забыла его имя?

— Чарли? — отозвалась симпатичная малышка.

— Да.

— Чарли танцует превосходно, — сказала Молли.

— Не то, что этот твой... мистер Спеншоу.

Скарлетт поймала ехидный взгляд.

— Почему это мой? — возмутилась она.

— Да ладно тебе, — поморщилась Анна Сент-Уайт. — Рассказывай дальше, Молли. Вы целовались?

— Как ты могла подумать такое? Целоваться с парнем? Фи!

— Но ведь у него состоятельные родители, — хитро усмехнувшись, проговорила Скарлетт. — Ведь ты именно это имела в виду, Анна?

Мисс Сент-Уайт невозмутимо кивнула.

— Да, — сказала она. — Если у молодого человека благополучная семья, то стоит подумать о том, чтобы принять его ухаживания.

Молли фыркнула.

— Мне это просто противно, — призналась девушка. — Целоваться!

— Ты предпочитаешь прогуливаться и рассуждать о цветах, — кивнула Анна. — Что ж, это объяснимо. Мы все не думаем ни о чем другом.

— Тогда почему же ты смотришь на меня осуждающе? — воскликнула Молли. — Разве мои взгляды неправильные?

— Нет, — ответила Анна. — Просто мне будет жалко, если ты таким поведением оттолкнешь Чарли Криггса от себя.

— Но почему же? Ведь я не сделала ничего предосудительного. Я не давала Чарли повода считать себя невоспитанной.

— Мужчины думают иначе, — произнесла Анна. — Тебе достаточно целомудренных разговоров. Мужчины же очень скоро начинают думать о поцелуях... И о всяком таком...

Лицо Анны стало серьезным. Такое выражение Скарлетт видела у мисс Джонстаун, когда воспитательница принималась объяснять девушкам правила хорошего тона.

— Перестань, Анна! — поморщилась Скарлетт и даже взмахнула рукой. — Так ты дойдешь до того, что качнешь рассказывать о том, откуда берутся дети...

Анна покраснела.

— Скажешь тоже, — совершенно смутилась она. — Дети... Какая гадость...

Скарлетт передернула плечами и посмотрела на Анну как на сумасшедшую.

— Что ты такое сейчас сказала? — с расширенными от ужаса глазами спросила Скарлетт.

Мисс Сент-Уайт выглядела задумчивой.

— А? — произнесла она, как бы очнувшись. — А что такого я сказала?

— Про детей, — подсказала Молли, которой тоже стало не по себе. — Ты про них только что сказала такое... Такое... Нет, у меня просто язык не поворачивается повторить за тобой.

— Ничего я не сказала! — возмутилась Анна. — Во всяком случае такого, что могло бы оскорбить ваши милые ушки! Это Скарлетт высказывает здесь разные нечистоплотные мысли. Я сказала, что такие мысли не что иное, как самая настоящая гадость!

— А-а-а, — протянула Молли.

— Между прочим, — сказала Тина Тейлор. — Мне в последнее время кажется, что у тебя, Скарлетт, появилась соперница.

— Вы опять за свое, девочки? — воскликнула Скарлетт. — Я не рассматриваю мистера Спеншоу как серьезный вариант для дальнейшей совместной жизни... Ко мне интересно, что ты имеешь в виду?

— Не что, а кого! — сказала Тина. — Мисс Джонстаун! По-моему, она положила глаз на мистера Морриса.

— Что ж, — пожалала плечами Анна. — Ей давно пора влюбиться. Все-таки сорок лет...

Скарлетт почувствовала, что заволновалась.

— Эй, Тина, — воскликнула она. — Ты уверена, что это правда?

Мисс Тейлор хитро посмотрела на Скарлетт.

— Посмотрите, как она заволновалась! — хихикнула девушка. — Ладно, Скарлетт, не сердись, я больше не буду... Я уверена в том, что сказала, но я уверена и еще в одном деле. Если хочешь — расскажу.

— А почему ты спрашиваешь у одной Скарлетт? — подала голос Барбара. — Всем хочется знать!

Тина посмотрела на нее.

— Ну, ладно! — сказала она. — Тогда слушайте. Мисс Джонстаун положила глаз на мистера Спеншоу, но он ее отшил. Представляете?

— Как это? — удивилась Барбара.

— А вот так! — сказала Тина Тейлор. — Я видела это собственными глазами.

— Ну так расскажи подробнее! — попросила Молли.

— Ладно.

Тина уселась поудобнее и начала:

— Я вчера вечером, после того как все легли спать, шла по коридору. Не по тому, где находятся наши жилые комнаты, а там где классы. И я проходила возле класса литературы. Вы ведь знаете, что мистер Спеншоу живет там, в этой комнате за доской?

— Ну, конечно! — нетерпеливо тряхнула головой Скарлетт.

— Так вот, я увидела, когда вышла из-за угла, что дверь в класс закрывается. И еще мне показалось, что я видела, как за ней мелькнул подол платья.

— Ой, — прижала ладони к щекам Барбара. — Это была она? Да?

— Да! — ответила Тика. Я сразу поняла, что это могло быть платье только мисс Джонстаун.

— Так она пошла ночью к мистери Спеншоу? — спросила Анна. — Какая гадость!

— Подожди, — оборвала ее Тина. — Ты же еще не знаешь, что было дальше.

— И правда: что было дальше, Тина? — спросила Скарлетт. — Что ты сделала?

— Вы думаете, я пошла дальше? — рассказчица сделала паузу. — Нет, я решила разобраться, что эта старая дева могла делать ночью в кабинете литературы. И я на цыпочках подошла к двери класса и осторожно потянула за ручку...

— Ой, — прошептала слабонервная Барбара. — И что было потом? Ведь тебя могли заметить!

— И точно, Тина, — поддержала толстушку Скарлетт. — Ты ужасно рисковала.

— Нет! — гордо ответила мисс Тейлор. — Меня не могли заметить, потому что я быстро бегаю. Я бы успела спрятаться за углом в коридоре. И потом, в нашем пансионе столько разных переходов, дверей, лестниц... настоящий лабиринт. Я бы без труда спряталась где-нибудь. Ведь за год с небольшим мы отлично изучили, где что находится.

— Ты права, — сказала Анна. — У нас в пансионе — хоть в прятки играй.

— Так вот, когда я приоткрыла дверь класса, — продолжала Тина. — Я увидела полоску света, которая падала на пол из-за другой двери, той, что вела в комнату учителя. Мисс Джонстаун стояла возле доски, а из комнаты выглядывал мистер Спеншоу. И он говорил: «Нет, мисс Джонстаун. Вы меня приглашаете на чашку чая, огромное вам спасибо. Но я не могу принять ваше приглашение. Я чертовски устал сегодня. И вообще, я не думаю, что это хорошая идея».

Тина замолчала.

— Он так и сказал? — спросила Скарлетт.

— Да, — кивнула Тина. — Это его слова.

— А что мисс Джонстаун?

— Она извинилась и пошла вон из класса. Я едва успела отбежать от двери, — Тина усмехнулась и добавила: — Я не знаю, может быть, она даже покраснела. Было темно, я не видела.

Скарлетт задумалась.

— И это все? — спросила Барбара.

— Ну да! — Тина посмотрела на нее. — А чего бы ты еще хотела?

— Ну, не знаю, — улыбнулась Барбара. — Как-то все обыденно получилось.

— Ты ничего не понимаешь, милочка, — важно произнесла Анна Сент-Уайт. — О таких вещах никто никогда не говорит открытым текстом. Из слов, которые произносятся вслух, надо делать выводы.

— И какие же выводы можно сделать из всего услышанного Тиной? — прищурилась Барбара.

— Ну, во первых, — Анна загнула палец. — Мисс Джонстаун — аморальная особа. Она набралась наглости посетить мужчину среди ночи! Даже если это был вечер! Ведь все равно было темно, — Анна обвела взглядом подруг. — И это можно заключить еще не анализируя разговора старой девы с учителем.

Девушки согласно закивали. Мисс Сент-Уайт загнула другой палец:

— А во-вторых, мужчинам нельзя верить, — продолжала она. — Вы поняли, как мистер Спеншоу ответил? Он заявил: «Я сегодня не могу, я сегодня устал»! Он подчеркивал слово «сегодня»! Фу, как это все противно!

Анна закрутила головой.

— Ты жуткая моралистка, милочка, — сказала Скарлетт. — Но при этом ты слушаешь невнимательно! Тина ведь сказала, что дальше мистер Спеншоу говорил о том, что вообще не одобряет действий Элеоноры Джонстаун!

— Где ты это слышала? — сварливо воскликнула Анна.

— Как где? — отозвалась Скарлетт. — Наш учитель сам об этом сказал. Тина! Разве мистер Спеншоу не говорил, что «эта идея не хороша»?

— Да, — кивнула мисс Тейлор. — Это были именно его слова. Я хорошо запомнила.

— Ну вот, видишь! — Скарлетт повернулась к Анне. — А ты в чем-то обвиняешь мистера Спеншоу!

— Ну знаешь! — едко протянула та. — Ты делаешь из слов мужчины далеко идущие выводы.

Скарлетт засмеялась. За ней захихикали и другие девушки.

— Анна, милая, — произнесла мисс О'Хара. — Но ведь ты сама призывала нас делать эти выводы из сказанных вслух слов!

Длинный стол стоял буквой «П». Во главе стола были места миссис Хиггинс, учителей, священника, мисс Джонстаун. Воспитанницы же обычно сидели за боковыми столешницами. Как всегда, обед начался с молитвы, и пока все стояли. Священник уже прочитал «Отче наш» и закончил молитву словам:

— Очи всех на тебя, Господи, уповают, и ты даешь им пищу во благовремении, отверзаешь ты щедрую руку твою и исполняешь всякое животное благоволение...

Закончив молитву и осенив крестным знамением себя и всех присутствующих, священник первым опустил на свое место. Сопровождаемые шушуканьем и шорохом платьев, присели и все остальные: сначала хозяйка пансиона, потом преподаватели, и последними — воспитанницы.

Сегодня у всех была причина пошептаться: и преподаватели и девочки были под впечатлением недавнего урока литературы, проведенного новым учителем; и тем и другим не терпелось его обсудить.

— Все-таки я не могу понять этого мистера Спеншоу, — сказала Клара Ковальски. — Он приказал нам рвать книгу — а это святое...

— Брось, Клара, — перебила ее Скарлетт. — Такую чушь, какая была написана в этой книге, не мог бы понять ни один нормальный человек. Я считаю, что все наши учебники только наносят вред здоровью, но уж такую невообразимую ерунду вырвать из книги — дело святое! Мистер Спеншоу был совершенно прав! Я бы на его месте еще больше проредила наши учебники, чтобы не забивать ученикам головы ненужными премудростями...

— По-моему, ты за свою можешь быть совершенно спокойна, Скарлетт. У кого-кого, а у тебя все эти премудрости задерживаются в голове не более чем до следующего урока, а потом благополучно выветриваются. Вот почему у тебя всегда такой цветущий вид! — ехидно сказала Клара.

— Чего нельзя сказать тебе, милочка, — спокойно ответила Скарлетт. — Если ты хотела меня задеть, то будь уверена: тебе это не удалось. Каждому, кто посмотрит на нас с тобой, станет абсолютно ясно: лучше ветер в голове, розовые щеки и блестящие глаза, чем зазубренные истины и пугающая бледность.

Клара закусила губу: Скарлетт явно побеждала, и мисс Ковальски решила обратиться за возможной поддержкой к остальным:

— А вы как думаете, девочки, правильно ли поступил новый учитель?

Барбара Форман по обыкновению промолчала, лишь неопределенно пожав плечами. Видимо свое мнение у нее отсутствовало.

Марианна в новом коллективе еще боялась высказывать мысли вслух и предпочитала слушать других, более бойких.

Тина Тейлор конечно молчать не собиралась. Она никогда не упускала возможности проявить свой острый ум, если таковая возможность ей предоставлялась.

— Ой, Клара, ты знаешь, у меня на самом деле случилось расстройство здоровья от этой ерундистики, которую читала Марианна. Я бы даже сказала тебе, какое именно, но за столом про это не говорят...

Барышни фыркнули, благовоспитанная Клара покраснела до корней волос, а на другом конце стола, услышав непопуганные за столом разговоры, строго нахмурила брови и

вытянула шею в сторону девочек мисс Джонстаун. Заметив ее грозный взгляд, девочки уткнулись в свои тарелки и наконец приступили к еде. По правде говоря, Скарлетт была этому очень рада: литература интересовала ее очень мало, а вот хорошо поесть она никогда не отказывалась.

На «взрослом» конце стола прошедший скандальный урок литературы тоже служил предметом застольного разговора. Миссис Хиггинс подумывала, не слишком ли революционные изменения она внесла в мирную жизнь пансиона, пригласив нового учителя — мистера Спеншоу. Тем не менее она постаралась сгладить происшествие и достаточно миролюбиво обратилась к учителю литературы:

— Я должна извиниться за внезапное вторжение воспитательницы к вам на урок...

— Ну что вы, миссис Хиггинс, — возразил молодой человек, — не стоит извиняться!

— Но она смутила вас...

— Нет, не смутила, что вы!

— Ну, если это действительно так, то я должна вам признаться, что рассказ мисс Джонстаун смутил меня. Вы позволите сделать вам одно замечание?

— Ради Бога, прошу вас, миссис Хиггинс!

— Может быть вы и преподаете литературу нашим девочкам с помощью каких-то ультрасовременных методик, мистер Спеншоу, — начала хозяйка пансиона, — однако мне кажется, что методы не должны быть до такой степени революционными. Все-таки у нас пансион благородных девиц, а не столичный университет или колледж. Я не вмешиваюсь в ваши уроки, хотя некоторые преподаватели мне говорят, что стоило бы вмешаться. Я пригласила вас на службу именно потому, что была наслышана о ваших передовых методах обучения. Я хотела внести в атмосферу нашего пансиона струю свежего воздуха. Но прошу вас, старайтесь нас хотя бы не шокировать. Сдерживайте свой молодой запал...

— Это в каком смысле? — поинтересовался мистер Спеншоу.

— В том смысле, что если по существу ваши уроки передовые, то по форме они должны сохранять какую-то сдержанность, благообразие, хороший тон, присущие нашему пансиону с первых дней его существования. А вообще-то... — миссис Хиггинс замолчала, подбирая слова.

— Ну что же вы, продолжайте, миссис Хиггинс, я внимаю каждому вашему слову. Обещаю, что прислушаюсь к вашим замечаниям.

— Раз вы настаиваете, я, пожалуй, продолжу, — сказала хозяйка пансиона. — Вы что же, мистер Спеншоу, хотите разбудить души девочек, чтобы из них получились поэтессы, художницы или актрисы? Вы хотите, чтобы они стали творческими людьми?

Моррис Спеншоу задумался.

— Да, наверно, вы правы.

— В таком случае должна предупредить вас, что вы ходите по лезвию ножа. Не думаю, что их родители скажут вам «спасибо» за такую услугу. Ведь наш пансион со дня основания был призван готовить из девочек будущих примерных жен, хозяек поместий, матерей. А разве может стать таковой художница или актриса? Разве настоящие леди могут заниматься такими искусствами? К тому же...

Миссис Хиггинс сделала многозначительную паузу и продолжила:

— Если вы хотите из них сделать гениев, это тоже чревато для вас худыми последствиями.

— Но почему?!!

— Ведь в конце концов девушки не прыгнут выше головы — они поймут, что не гениальны и обидятся на вас. А может случиться, что особо чувствительные натуры и проклянут. Они вспомнят, что именно вы им это показали и таким образом явились причиной их несчастий и чувства неполноценности, да и просто плохого настроения.

Учитель литературы внимательно слушал рассуждения старой леди. Он не решался ничего возразить, поскольку считал, что должен с максимальным вниманием и учтивостью отнестись к словам хозяйки пансиона, давшей ему возможность преподавать в этом деликатном заведении.

Миссис Хиггинс пристально и как бы с сожалением посмотрела сначала на молодого учителя, потом на тарелку с остывающей едой, и решила все-таки добавить:

— Я вам еще раз повторяю: вы сильно рискуете, мистер Спеншоу.

После этого пожилая женщина как бы забыла про Морриса, оставив его наедине со своими мыслями, а сама переключила все внимание на артишоки.

* * *

— Посмотрите, девочки, что я нашла!

Скарлетт обернулась. В дверях стояла Анна Сент-Уайт и держала в руках потрепанную старую тетрадь.

— Что это?

— Я нашла эту тетрадь в библиотеке пансиона! — затараторила Анна. — Это дневник брата одной из живших тут ранее воспитанниц. Представляете, девочки: этот брат учился в том самом университете и в то же самое время, что и наш новый учитель литературы, мистер Спеншоу! Ума не приложу, что в нашей библиотеке делала эта тетрадка!

— О, это очень интересно! — радостно воскликнула Скарлетт.

Анна бухнулась на кровать Марианны, забыв про свою обычную взрослость и манерность. Скарлетт тут же перескочила к подругам, и они втроем с интересом уставились в пожелтевшие страницы дневника, которые перелистывала по праву старшей Анна.

Страницы старой тетради были исписаны довольно мелким и неаккуратным почерком молодого человека, который явно не заботился о том, чтобы кто-нибудь другой мог легко прочитать его записи.

— О, оказывается наш мистер Спеншоу был большим повесой!

— Да, но он еще был и большим любителем поэзии, и даже сам писал стихи!

— А как вы думаете, теперь он пишет их? — неожиданно спросила Марианна.

Анна подняла глаза и внимательно посмотрела на подругу, потом пожала плечами и сказала:

— Нет, не знаю.

— А почему бы тебе самой не спросить у господина учителя об этом? — добавила Скарлетт.

— Что ты, милая Скарлетт! Да я никогда не осмелюсь задать учителю такой вопрос. Уж лучше ты попробуй — ты у нас такая отважная и бойкая... У тебя даже хватило храбрости пригласить его на танец!

Скарлетт улыбнулась словам подруги, а сама подумала: «А что, почему бы и не спросить?»

— Читайте дальше, смотрите, что здесь написано! — вмешалась Анна, которая за это время успела пробежать глазами целую страницу. — Оказывается, мистер Спеншоу — в то время просто Моррис — был инициатором и организатором создания в университете среди своих однокурсников «Клуба сумасшедших литераторов»!

— Это на него похоже... — засмеялась Скарлетт.

— Как это — сумасшедших литераторов? — недоумевала Марианна.

— А про это тоже лучше расспросить самого учителя, милочка. Скарлетт, когда будешь спрашивать у мистера Спеншоу про донжуанство и стихи, не забудь уточнить и насчет этого клуба!

Скарлетт рассмеялась, а сама опять подумала: «А что, возьму да и утру нос этим маленьким ехиднам! Подойду к учителю, как тогда, когда приглашала танцевать, да и спрошу про все!..».

* * *

Ранним утром Моррис Спеншоу вышел подышать свежим воздухом перед занятиями.

Было начало осени, еще теплой и очаровательной какой-то едва уловимой грустью. Кусты, которые росли по периметру газонов перед пансионом, были еще совсем зелеными, но уже закончили свой рост, и садовник неспешно подстригал их большими ножницами в последний раз в этом сезоне.

Моррис глубоко вздохнул и расправил плечи. Ему захотелось пробежаться по чисто выметенным дорожкам двора, но мешал дворник и незримое присутствие десятков глаз, которые учитель угадывал за тусклыми стеклами окон. За время работы в пансионе Моррис Спеншоу так и не смог научиться чувствовать себя естественно в таких ситуациях. Ему постоянно приходилось вести себя так, как будто за ним каждую минуту следили блестящие глаза молодых воспитанниц. Он был молод и хотел быть свободным в своих поступках, но как учитель не мог себе такого позволить. Особенно в женском пансионе, где молодые мужчины встречались очень редко и потому должны были быть весьма осторожными. На этот раз его опасения оправдались: из-за ближайших кустов вынырнула Скарлетт и решительно подошла к преподавателю.

— Доброе утро, господин учитель! — Скарлетт присела в реверансе, а потом продолжала: — Посмотрите, что мы нашли вчера в библиотеке!

Девушка протянула Спеншоу потрепанную тетрадку, найденную накануне.

Беря из рук девушки дневник, Моррис посмотрел за нее и увидел в отдалении возбужденно перешептывавшихся Анну Сент-Уайт и Марианну Мак-Коунли. Заметив, что учитель смотрит на них, девушки замолчали и сделали вид, что рассматривают свежесоборванный куст акации. В этот момент молодой человек заметил, что Скарлетт уже не протягивает ему тетради. За долю секунды она успела передумать и решила не давать мистеру Спеншоу читать дневник его однокурсника. Дело в том, что девушки не все еще разобрали и прочитали в нем, а Скарлетт боялась, что учитель его заберет насовсем. Чтобы сгладить неловкость, Скарлетт очаровательно улыбнулась, блеснув при этом белоснежными зубками, и, придав своим зеленым глазам невинное выражение, поспешно сказала:

— Ах, извините, мистер Спеншоу, что я хотела дать вам в руки эту неопрятную тетрадь. Лучше я сама вам расскажу, что мы в ней прочитали.

Скарлетт на мгновение потупилась, но потом опять решительно подняла глаза на учителя и продолжила:

— Это записки одного студента, который учился с вами в университете на одном курсе. Кроме всего, он пишет, что вы создали у себя на курсе «Клуб сумасшедших литераторов». Нам стало очень интересно, и мы хотели бы узнать, что это такое?

Моррис Спеншоу задумался. Видя, что он не накричал на Скарлетт и не вырвал из ее рук тетрадь, Анна и Марианна тихонько подошли и тоже приготовились слушать ответ учителя.

Мистер Спеншоу наконец поднял голову, обвел взглядом настороженных девушек и сказал:

— Я не думаю, что эта идея насчет «Клуба сумасшедших литераторов» понравится хозяйке вашего пансиона миссис Хиггинс.

— Но почему? — удивилась Скарлетт.

— Все-таки расскажите нам про вашу затею, — попросила обычно безмолвная Марианна.

Девочки и учитель удивленно посмотрели на нее. Марианна покраснела от собственной смелости.

Тут учитель сделал нечто неожиданное. Нагнувшись к девушкам и понизив голос, он прошептал:

— А вы умеете хранить тайны?

Глаза девушек загорелись. Тайна! Какое сладкое слово, как много за ним стоит!

— О, да! — взволнованно ответила за всех зачинщица Скарлетт.

— Тогда слушайте. «Сумасшедшие литераторы» посвятили свою жизнь тому, чтобы «высасывать сладкий мозг из косточек самой жизни».

Девушки сделали круглые глаза. Видя их искреннее недоумение и внутренне посмеиваясь, мистер Спеншоу терпеливо разъяснил:

— Эти слова принадлежат одному из поэтов древности. Мы повторяли их перед началом каждого из наших заседаний. Мы собирались глубокой ночью в комнате одного из наших однокурсников. Мы читали стихи, мы обсуждали их. Но не только. Самое главное — мы самостоятельно рассуждали о жизни и читали свои, а не только чужие произведения. Да, да, мы и сами писали стихи...

— Для чего вы все это делали? — спросила учителя Анна Сент-Уайт.

Скарлетт взглянула на подругу и удивилась. Выражение глаз у Анны было такое, как будто она хотела услышать от преподавателя что-то сокровенное и важное, саму тайну жизни, и понять ее.

— Понимаете, девушки, — сказал учитель, — в какой-то момент поэзия переставала быть для нас просто литературой. Она становилась каким-то чудом. Мы сами не понимали, что с нами творится, но мы почему-то начинали по-иному чувствовать жизнь.

— И вы просто сидели ночью в комнате вокруг свечи и читали друг другу стихи? — спросила Скарлетт. Для нее это звучало как чистое безумие.

— Нет, мы не были обычными читателями поэзии, — сказал Моррис Спеншоу. — Мы были как бы действующими лицами...

Учитель вздохнул, мечтательно глядя поверх голов воспитанниц в голубое утреннее небо. Видимо воспоминания о студенчестве бередили ему душу.

— Мы конечно были еще мальчишками, — продолжал он, вернувшись на землю, — мы

были романтиками. Но все-таки это нас научило как-то иначе относиться к жизни и к самим себе. Мы не просто читали стихи — мы их смаковали. Дух воспарял, девушки падали без чувств. Так рождались новые идеи. Мы представляли собой как бы тайное общество — о нас никто не знал, и мы никому не стремились поведать о своих занятиях. Мы постепенно, но неуклонно менялись, и для остальных людей причина изменения наших характеров к поведения оставалась тайной. Для нас это тоже было несколько необычно, но мы были рады преподнести всем окружающим такой сюрприз.

Тут Скарлетт подумала, что неплохо было бы сыграть в эту новую игру. Конечно, поэзия ее мало интересовала, но возможность верховодить в тайном кружке показалась очень заманчивой. Только вот как агитировать остальных участвовать в этой игре?

Скарлетт внимательно поглядела на стоявших рядом подруг и поняла, что их агитировать уже не придется: это сделал за нее мистер Спеншоу.

Моррис достал из нагрудного кармана часы, похожие на луковицу на золотой цепочке, озабоченно взглянул на них и сказал девушкам:

— Ну что, я достаточно полно ответил на ваш неожиданный вопрос?

— О, да, — улыбнулась Скарлетт.

— В таком случае, мне пора. Да и вам тоже: через пять минут начинаются занятия. Поспешите, а то опоздаете на утреннюю молитву.

* * *

Скарлетт очень трудно было высидеть на занятиях до того момента, когда можно было наконец рассказать остальной компании потрясающую новость. Новость эта жгла изнутри ее щеки раскаленным орешком, и очень трудно было удержать ее во рту. На перемене мисс Джонстаун попросила Тину и Молли помочь в трапезной расставлять приборы к ленчу, а одной Барбаре рассказывать было неинтересно, и Скарлетт с трудом дождалась конца этой пытки. Прежде чем сообщать остальным о своей идее создания в пансионе поэтического кружка, Скарлетт решила поговорить со свидетельницами тайного разговора с учителем.

— Итак, «Клуб сумасшедших литераторов»? — заговорщицки шепнула Скарлетт Анне и Марианне.

— Что-что? — недоуменно спросила наиболее рассудительная Анна. — Ты в своем уме? Ты задумала возродить этот студенческий клуб на нашей почве?

— А почему бы и нет? — задорно спросила Скарлетт.

— Ну, хорошо, — неожиданно поддержала ее Марианна. — А где мы будем собираться? В комнате кого-то из девочек, как это делали студенты?

— Нет, — хитро блеснула глазами Скарлетт, — я знаю одно очень подходящее место!

— Где же это, интересно?

— Думаю для вас не секрет, что сад за пансионом не заканчивается каменной оградой. Он простирается и дальше, но та часть его, что расположена за стеной, заброшена, никто за ней не ухаживает уже много лет, и сад превратился в настоящий рай для любителей тайн и приключений.

— Да, но как мы туда попадем? Неужели ты думаешь, что мы полезем через ограду?

— Ты, Марианна, здесь новичок, а мы-то хорошо изучили скудные окрестности пансиона за прошлый год. Так вот, в ограде есть пролом, достаточно широкий, чтобы семь

отчаянных девушек могли по ночам свободно пробираться сквозь него в заброшенную часть сада. Сад тянется еще на пару миль вдоль реки — есть где разгуляться! Но главное то, что в саду есть чудесный грот, поросший диким хмелем и плющом, так что его непросто найти непосвященному. Вот там мы и будем собираться. Там можно разводить костер и читать эти самые стихи — так романтично!

Ошарашенные такой перспективой, девушки сразу не нашли, что ответить.

— В любом случае нам предстоит еще уговорить участвовать в этом деле остальных: Тину, Барбару, Молли, и даже, может быть, Клару.

* * *

Скарлетт, Анна и Марианна ворвались в комнату к Барбаре Форман, где сидели остальные девушки и что-то вяло обсуждали. Видя возбужденные лица подруг, Барбара, Тина, Молли и Клара поняли, что сейчас последует сообщение о чем-то весьма интересном.

Так и произошло. Скарлетт первая не вытерпела и принялась рассказывать:

— Мы только что разговаривали с мистером Спеншоу...

— Как? Все вместе? — перебила Тина.

Скарлетт непонимающим взглядом посмотрела на нее.

— Что ты хочешь этим сказать? Что я должна была разговаривать с мистером Спеншоу одна? Что у нас с ним есть темы для частных бесед?

— Ну конечно, ты же с ним танцевала!

Скарлетт взяла себя в руки и даже довольно ядовито улыбнулась.

— Перестань, Тина, припоминать мне этот момент. В конце концов я могу подумать, что ты просто мне завидуешь. Я почти не сомневаюсь, что так и есть...

Тина надула губки.

— Ну вот, теперь я вижу, что нахожусь недалеко от истины, — со снисходительной улыбкой промолвила Скарлетт. — Ладно, я не буду развивать эту тему. Так вот, мистер Спеншоу мне, — Скарлетт посмотрела на Анну Сент-Уайт и Марианну Мак-Коунли и быстро поправилась, — нам рассказал одну весьма интересную вещь. Оказывается, он был большим поклонником женского пола и, к тому же, настоящим заводилой среди ровесников...

— Когда это было? — зевнув, спросила Барбара.

— Когда мистер Моррис учился в университете... Он выступил инициатором создания... Чего бы вы думали?

Скарлетт мастерски сделала паузу. Все девушки, как одна, нетерпеливо завертели головами.

— ...Клуба сумасшедших литераторов! Представляете, как звучит?

— Клуба сумасшедших литераторов, — задумчиво повторила Молли. — А что это такое? Название действительно какое-то сумасшедшее.

— Это было такое общество, — продолжала Скарлетт. — Они собирались тайно и читали стихи...

— Запрещенные? — перебила Тика.

Рассказчица пожала плечами.

— Не знаю, мы с ним об этом не говорили, — призналась она. — Может быть... Хотя

не понимаю, с чего это ты взяла, что стихи могут быть запрещены? Ну да ладно. Так вот, они собирались тайно по ночам в комнате одного из студентов, читали стихи и другие произведения...

— Про любовь! — ахнула Барбара, всплеснув руками.

— Послушай, дорогая подружка! — укоризненно произнесла Скарлетт. — Если ты меня все время будешь перебивать, мне будет очень трудно рассказывать.

— Больше не буду, — пообещала Барбара.

— Они сидели при свечах и смаковали каждое слово. Они спорили до утра, обменивались мыслями. И мистер Спеншоу сказал, что там была такая атмосфера, что воспарял дух, а девушки падали без чувств.

— Заметьте, — вставила Анна. — Там у них были и женщины.

— Да, — откликнулась Скарлетт. — Хотя не понимаю, почему они падали без чувств...

— Скарлетт предлагает сделать у нас что-то такое же, в том же духе, — сказала Анна. — И мы пришли к вам спросить, что вы думаете по этому поводу?

Сидевшие в комнате задумались.

— Не знаю, — наконец ответила Барбара. — А зачем нам это надо?

Тут в разговор включилась Марианна.

— Как зачем? — воскликнула она. — Как можно вот так сидеть в этом проклятом пансионе и скучать? Ведь мы просто теряем наши дни. Детство, молодость, юность... Не успеешь оглянуться, как станешь взрослой женщиной, а вспомнить-то нечего!

Скарлетт с удивлением смотрела на соседку по комнате. От привычной задумчивости и подавленности у Марианны не осталось и следа. Лицо девушки раскраснелось, она говорила громко, вдохновенно и уверенно.

Обрадованная этим, Скарлетт О'Хара горячо поддержала подругу:

— Марианна говорит правильно! Мы вырастем, но будем вспоминать эти два года как дурной, кошмарный сон. А если мы сотворим что-то такое, вроде этого Клуба сумасшедших литераторов, то вспомним пансион с улыбкой. Или хотя бы без горечи.

— К тому же через какое-то время мы все выйдем замуж, — сказала Марианна. — Нас так упорно к этому готовят, словно мы рабыни, которым предназначена определенная судьба. Я не против, нужно создавать свою семью, но при этом неплохо оставаться человеком. Даже если ты родилась не мальчиком.

— И потом, девочки, ведь это же так интересно! — сказала Анна. — Представьте: ночь, все укладываются спать, да и ты, как и остальные, ложишься. Но знаешь, что через некоторое время, когда дом погрузится во тьму и тишину, ты встанешь и совершишь такое, о чем остальные даже не догадываются...

— И за что тебя потом исключат из пансиона с превеликим позором! — воскликнула Клара Ковальски.

Скарлетт неприязненно посмотрела на нее.

— Послушай, Клара, — обратилась девушка к подруге. — Что с тобой творится в последнее время? Ты стала такой жутко правильной, что от тебя просто житья нет! Если не хочешь, не участвуй в наших делах, только не надо выливать постоянно на наши головы ведра противной ледяной воды!

— Нет, почему же, — усмехнулась Клара. — Я посижу, послушаю, мне это все интересно...

— Ладно, ты и раньше была не такая, как все мы, — продолжала Скарлетт. — Я

понимаю, у тебя очень развито чувство ответственности перед старшими, ты славилась своей дисциплинированностью. Но, по-моему, ты преувеличиваешь. Никто ничего не узнает.

— Как это никто не узнает? — удивилась Клара. — В нашем пансионе слухи распространяются с ужасающей быстротой...

— Если ты этому способствуешь, — пробормотала Молли.

— Что-что? — не расслышала мисс Ковальски.

Скарлетт поняла тихие слова Молли, но не хотела дальнейшего выяснения отношений именно сейчас, в эту торжественную минуту. Перспектива нового интересного — и даже в чем-то опасного — занятия целиком захватила все ее существо. У нее просто горели руки быстрее во всем убедить подруг и начать действовать, не откладывая.

— Нет, Клара, в самом деле, посиди и послушай, если тебе интересно, — примирительным тоном произнесла Скарлетт. — Девочки, вы только задумайтесь — там творилось что-то такое, от чего женщины, по словам мистера Спеншоу, падали без чувств!

Она посмотрела на толстенькую подружку.

— Барбара! Ну скажи, разве тебе не хочется испытать нечто такое, от чего другие так волновались, что падали в обморок?

— И при этом доказать, что ты — не такая, как они, что ты сможешь спокойно отнестись к этому и перебороть все свои страхи? — с энтузиазмом добавила к сказанному свою лепту Марианна Мак-Коунли.

Скарлетт решила подлить масла в огонь.

— Это будет жутко романтично, и кроме того, если об этом узнает кто-то из молодых людей, они все просто без ума от тебя будут!

Произнесенные слова возымели ожидаемое действие. Барбара особенно заинтересовалась последней фразой, ее глаза так и загорелись.

— Ладно, я согласна! — без обиняков заявила она.

Скарлетт услышала, как Марианна глубоко и удовлетворенно вздохнула.

— А где мы будем собираться? — спросила Молли.

— Я уже говорила девочкам, — начала Скарлетт, но ее перебила Анна:

— Скарлетт предлагает собираться в гроте, который есть в заброшенном саду за пансионом. Не знаю, но именно это мне и не нравится!

— А что ты предлагаешь? — повернулась к ней Марианна.

Мисс Сент-Уайт пожалала плечами:

— По моему мнению, нужно поступить проще. То есть так, как поступали друзья мистера Спеншоу и сам он в молодости. Мы могли бы собираться в одной из наших комнат.

— Но послушай, глупышка! — закричала Скарлетт. — Ведь, как говорит Клара, в пансионе быстро распространяются слухи. Нас здесь сразу же обнаружат. Не получится никакой тайны!

Мисс Ковальски, потрясенная тем, что на нее только что сослались, во все глаза смотрела на заводилу теской девичьей компании.

— К тому же не будет никакой романтики, — сказала Марианна. — Совершенно не интересно собираться в комнатах, которые опостытели нам еще в прошлом году. Разве это не так?

Она обвела взглядом подруг.

Девушки задумались.

— Я не знаю, — проговорила неуверенно Молли. — Зачем нам этот грот... Кстати, где

он находится?

Девушка встретила уверенный взгляд зеленых глаз.

— Мы уже говорили. Достаточно зайти за здание пансиона и пролезть через дырку в заброшенный сад. Там развалена стена. В самой середине сада когда-то был грот для гуляющих. Они там прятались от дождя. Теперь этот грот пустует: как и в саду, там никто не бывает.

— Знаю я этот грот, — неожиданно сказала Тина. — Как-то я случайно забрела туда.

— Вот видишь, Тина! — с торжеством в голосе проговорила Скарлетт. — И ты грешила тем, что гуляла за территорией пансиона. Соглашайся скорее, да и вы, девочки, соглашайтесь!

— А когда ты хочешь туда отправиться в первый раз? — спросила Барбара.

Скарлетт решительно произнесла:

— Я сказала бы, что туда нужно отправиться сегодня вечером.

— Сегодня вечером? — воскликнула Клара. — Да перестань ты!

— Ну и Бог с тобой, — сказала Скарлетт. — Не хочешь — не иди. Только держи язык за зубами.

— Но это ужасно рискованно, — промямлила Молли.

Скарлетт видела, что маленькая симпатяга уже почти готова согласиться. Нужен последний толчок.

— Но мы сделаем все, чтобы не попасться, — девушка прижала руки к груди. — Молли, поверь мне, это будет очень интересно. Мы разведем там костер.

Мисс Харрисон сделала последнюю попытку призвать на помощь здравый смысл.

— Но огонь увидят, и нас найдут! — воскликнула она.

Скарлетт даже рукой махнула.

— Ерунда, ведь будет ночь.

Подумав еще несколько секунд, Молли кивнула.

— Ладно, я тоже иду с вами.

— А ты, Тика? — спросила Анна.

— Я? — мисс Тейлор сморщила маленький носик. — Мне не впервой идти за стеку пансиона, вы же слышали. Так что я с вами.

— Ура, у нас уже два человека, которые знают дорогу! — воскликнула Скарлетт, хлопнув от радости в ладоши.

Марианна посмотрела на Клару Ковальски:

— А ты что собираешься делать ночью?

— Не знаю, — ответила та, — все-таки я останусь.

Я буду спать.

— Но почему? — спросила Мак-Коунли.

— Разве ты не хочешь поучаствовать в этом вместе со всеми? — присоединилась к Марианне Тина.

— Понимаете, — заговорила Клара, болезненно морщась. — Там нужно будет читать стихи. Но я... Я не могу. У меня не лежит к этому душа.

— А-а-а, — протянула Марианна понимающе. — Значит, для тебя это проблема, да?

Клара смущенно пожала плечами.

— Да ладно, — махнула рукой Скарлетт. — Оставьте ее. Не хочет — пусть спит...

— Подожди, — остановила соседку мисс Мак-Коунли. — Клара, ты не замечаешь, что

отдаляешься от нас?

Ковальски усмехнулась и с горькой иронией произнесла:

— А разве вы не против этого?

Марианна серьезно посмотрела на нее.

— Мы — против.

— А Скарлетт?

— Я уверена, что и Скарлетт против, — ответила мисс Мак-Коунли. — Так что стихи ли для тебя проблема?

— Да нет, стихи не проблема, — замялась Клара.

Ей было неловко находиться в центре внимания.

— Просто я не хочу этого делать, вот и все, — наконец сформулировала свою мысль Клара. — Ясно?

Марианна поняла, чем Клара смущена.

— Ладно, — ответила она.

Мисс Ковальски вдруг решительно добавила:

— Из нас только одна читает книги. По крайней мере, я только Анну видела за чтением. Чем вы там будете заниматься? Какие стихи читать?

Скарлетт покачала головой:

— Глупышка. Стихи — ведь это так, это вовсе не обязательно! Ты можешь рассказать какой-нибудь случай из жизни. Или просто посидеть и послушать.

— Но ты-то сама, — не унималась Клара, — ты ведь не будешь читать стихов, я тебя знаю. Почему ты загорелась этой идеей?

— Потому что идея в самом деле интересная! — ответила Скарлетт. — И если я и не буду рассказывать стихов по памяти, то я смогу вам всем столько рассказать из своей жизни! Вы просто обалдеете!

— Неужели? — улыбнулась Молли.

— Да, моя жизнь была жутко богата событиями, — ни мало не смущаясь, тряхнула головой мисс О'Хара.

— Ладно, — сказала Анна и поднялась. — Так что мы решили? Идем?

— Идем! — хором прозвучало в ответ.

— Сегодня вечером? — спросила Скарлетт.

— Ночью, — уточнила Молли.

— Правильно, — кивнула Тина. — Только тогда, когда все уснут.

Перед ужином Скарлетт прогулялась на кухню и под разговор с болтливой поварихой незаметно стащила спички. Потом она успела зайти в библиотеку, где взяла книгу «Четыре века поэзии».

«Надо находиться на высоте, — рассудила Скарлетт. — О своей жизни я всегда успею рассказать».

Коричневые форменные платья воспитанниц пансиона как нельзя лучше подходили к тому делу, что задумали подруги. Одежда светлых тонов была бы заметна в ночной темноте. Скарлетт за темный цвет форменного платья мысленно поблагодарила миссис Хиггинс.

Никем не замеченные, девушки вышли во двор пансиона и, следуя вдоль стены, обошли здание кругом. Одна за одной они приблизились к месту, где стена, окружающая их пансион, имела пролом.

Здесь Скарлетт позволила себе зажечь свечу. Она стояла, прикрывая рукой дрожащее пламя до тех пор, пока все девушки не преодолели препятствие.

Затем сама последовала за подругами.

Из-за ночных облаков показалась луна, и Скарлетт погасила свечу. Девушкам вполне хватало призрачного света ночного светила.

Тина шла впереди и показывала дорогу. Скарлетт замыкала вереницу воспитанниц пансиона, решившихся на рискованный ночной поход. Она уже радовалась, что настояла на том, чтобы пойти в этот грот, потому что чувствовала, как сладко замирает сердце от сознания того, что они с подругами делают что-то запрещенное.

С самого детства, когда она еще с соседскими мальчишками лазила по деревьям, мисс О'Хара обожала это чувство притаившейся рядом опасности. Тогда опасность заключалась в родителях, которые могли заметить, чем занимается их старшая дочь, и крепко отругать, а то и наказать девочку.

Теперь же шалость Скарлетт как бы вышла на новый уровень. Ночной поход! Об этом можно было только мечтать. И опасности, подстерегающие девушек в этом походе, также находятся на новом уровне.

Скарлетт особенно было приятно осознавать, что опасность больше чем наполовину придумана ею самой. Ну кто еще кроме них будет бродить ночью по заброшенному саду? Всерьез бояться, получалось, и не следовало. Ко Скарлетт воображала, что боится, воображала, что сражается с собой и побеждает страх. Именно это ей и нравилось.

Барбара, шедшая впереди, вдруг обернулась и тихо произнесла:

— Ай-й-й... А ведь здесь довольно мокро.

— Да, трава густая, ведь в саду никто не бывает и, следовательно, траву никто не косит. Но, хоть роса и выпала, сама ночь пока еще теплая, мы не замерзнем.

— Но мы намочим платья.

— Ничего страшного! — заверила подругу Скарлетт. — Мы вернемся, и платья успеют высохнуть до утра. Ведь у нас в комнатах так тепло, что даже жарко.

— Так тепло, что даже жарко! — Барбара повторила заковыристую фразу, произнесенную Скарлетт, и засмеялась от восторга.

Через пару шагов Барбара снова обернулась.

— Я уже промочила ноги, — призналась она.

— Я тоже, — кивнула Скарлетт. — Но мы сможем высушить туфли у костра.

— А как ты зажжешь костер? — спросила Барбара. — Откуда у тебя спички?

— Ты забыла, что я уже зажигала свечу? — насмешливо проговорила Скарлетт. — Как, по-твоему, я могла ее зажечь, если бы у меня не было спичек?

Барбара хлопнула себя ладошкой по лбу.

— Неизвестно, о чем я думаю, — прошептала она. — Я и вправду совсем забыла.

— Смотри под ноги, — посоветовала Скарлетт. — Не то назад нам придется нести тебя на руках. Или вызывать мистера Спеншоу.

— Ой, нет, — испугалась толстушка. — Не надо его будить. Пусть спит.

Дальнейший путь она проделала молча, в самом деле глядя все время себе под ноги.

...Возле входа в грот Тина остановилась. Когда девочки подтянулись, мисс Тейлор обратилась к Скарлетт:

— Вот мы и пришли, госпожа предводительница. Или, точнее, мисс Президент Клуба сумасшедших литераторов.

«Все идет по плану, — подумала Скарлетт. — Вот они уже признали мое верховенство в этой затее».

Но вслух хитрая плутовка сказала:

— Так уж и мисс Президент! Я полагаю, выборы президента нам еще предстоят.

Скарлетт, как всякой девушке, хотелось, чтобы ее уговаривали. Она почти не сомневалась, что подруги будут за то, чтобы она стала главной.

Так и случилось. Барбара воскликнула:

— Слушай, Скарлетт, мы никого выбирать не будем! У нас есть ты — и нам этого достаточно.

— Да, мы просто счастливы, что у нас есть ты, — добавила Тина Тейлор.

— В самом деле? — спросила Скарлетт.

— Именно так, — кивнула Тина и добавила:

— А теперь, уважаемая мисс Только-Что-Выбранный-Президент, не соблаговолите ли вы первой войти в эту таинственную обитель?

Тина кивнула на чернеющий вход в грот, откуда потягивало холодом и сыростью.

— Тем более, дорогуша, что у вас есть свеча! — воскликнула Молли.

Все засмеялись, Скарлетт тоже.

Она достала спички и зажгла свечу, потом прикрыла пламя рукой от небольшого встречного сквозняка и осторожно ступила в грот.

Дрожащий свет выхватил из темноты неровные каменные стены, которые смыкались над самой головой девушки. Скарлетт невольно пригнулась: ей показалось, что какой-нибудь из камней, торчащих из потолка, может вдруг вывалиться и придавить ее своей тяжестью.

Однако это была всего лишь иллюзия. Грот был довольно просторным — как раз таким, чтобы семеро искательниц приключений могли разместиться в нем. Узкие у входа, стены постепенно расходились и образовывали неправильный овал, в центре которого Скарлетт заметила оставленный кем-то деревянный поломанный ящик.

«Вот и отлично, — подумала она. — Это послужит нам столом!»

На стенах грота было несколько уступов. На один из них Скарлетт поставила свечу и пошла к выходу.

Девушки встретили ее нетерпеливыми вопросами:

— Ну, как там?

— Стоит заходить, или же пойдём назад?

— Там не сыро?

— А там есть, где присесть? — спросила Барбара. — Я, должна признаться, устала.

Вместо ответа Скарлетт отступила в сторону и сделала приглашающий жест рукой:

— Я думаю, мне, как самой главной над любительницами сумасшедшей литературы, следует позволить вам зайти в это помещение! Вы все увидите сами!

Девушки зашли в грот. Скарлетт последовала за ними и почувствовала что-то похожее на гордость. Она словно пригласила подруг в собственный дом. Свеча, так удачно поставленная ею на выступ стены, придавала гроту некоторый уют. Ее пламя словно излучало вместе со светом тепло, и желание усесться в кружок и поговорить о самом сокровенном охватило всех без исключения.

— А здесь ничего, — шмыгнув носом, произнесла Барбара. — Молли, давай сюда одеяла!

Мисс Харрисон настояла, чтобы девушки позаботились о том, на чем будут сидеть в гроте.

— Не будем же мы проводить первое заседание Клуба сумасшедших литераторов стоя? — говорила она. — Не настолько же мы сумасшедшие?

— А почему бы и нет? — возражала Скарлетт, у которой еще не выветрились из головы воспоминания разбойного детства, когда она думала о своем внешнем виде и аккуратности лишь постольку-поскольку.

Попасть в натуральные и ничем не облагороженные природные условия Скарлетт считала особенно романтичным.

Но после нескольких доводов Тины и других девушек О'Хара поняла, что пора избавляться от беспечного детского отношения к жизни, и приняла их сторону.

Молли Харрисон и Барбара Форман разложили два свернутых одеяла вокруг ящика, после чего пригласили остальных девушек присесть.

Скарлетт уселась естественно «во главе стола».

— Итак, дамы и... еще раз дамы, — начала, улыбаясь, она. — Откроем первое заседание Клуба сумасшедших литераторов.

— Минуточку! — прервала ее Марианна.

Она поднялась и переставила свечу на ящик. Таинственные тени от фигур девушек заплясали на стенах грота.

Обстановка была как раз такой, к которой и стремилась мисс О'Хара.

— Я думаю, для первого раза мы не станем разводить костер, — сказала Скарлетт. — Потом посмотрим. Может стать гораздо холоднее. Тогда по дороге придется наломать веток для костра... Барбара, ты как?

— Что? — не поняла толстушка.

— Потерпишь без огня? Ты очень промокла?

Форман пренебрежительно махнула рукой.

— Ладно, Скарлетт, я в самом деле потерплю. Я никогда не была склонной к простудам.

Скарлетт кивнула.

— Тогда я продолжаю. Собрания буду вести я, — девушка обвела взглядом подруг, — а также другие присутствующие здесь. Мисс Марианна будет вести протоколы собраний. Ты

как, Марианна, не против?

Мак-Коунли улыбнулась и, отрицательно покачав головой, дала понять, что она не возражает.

— Я хотела бы открыть это заседание следующими строками...

Скарлетт положила перед собой книгу «Четыре века поэзии» и придвинула поближе свечу.

— «Я ушел в лес, потому что хотел жить мудрой и глубокой жизнью, — стала читать девушка. — И сосать сладостный мозг из косточек жизни... Я это совершил потому, что не хотел обнаружить на пороге смерти, что я так и не жил». Мы присоединяемся к этим словам?

Вопрос был неожиданным. Девушки переглянулись и ничего не ответили.

— Присоединяемся, — ответила за всех Марианна Мак-Коунли. — Только, Скарлетт, читай не так заунывно. А то меня не покидает впечатление, что мы находимся на одном из проклятых уроков в пансионе.

— Хорошо, — рассмеялась О'Хара. — Я читаю дальше: «Это была темная, холодная ночь. Старая дама, которая любила разгадывать головоломки, сидела одна в пустом зале и завершала свою последнюю шараду. Она раскладывала на столе, покрытом черным сукном, разноцветные кусочки. И, постепенно завершая картину, она с ужасом обнаружила, что получаемый рисунок полностью соответствует очертаниям ее комнаты. И, когда головоломка была почти полностью разложена, дама увидела в середине фигуру женщины. Это была она сама...»

Скарлетт постепенно понижала голос. Последние слова она произнесла шепотом.

— «Дрожащими руками она положила последние четыре кусочка, — снова возвысила голос Скарлетт, — и замерла в ужасе. Она увидела в окне перекошенное от злобы лицо жуткого безумца...»

Кто-то из девушек явственно задрожал. Скарлетт прервала чтение.

— Ой, — произнесла Молли. — Как страшно!

Испуганными глазами она огляделась вокруг.

Барбара Форман прошептала:

— Да, теперь я понимаю, почему девушки падали без чувств...

— Хорошо, что мы сидим, — заметила Тина Тейлор. — Падать некуда!

Скарлетт решила читать дальше:

— «Последнее, что услышала старая дама, это был шум разбитого стекла...»

— Ой, хватит! — выдохнула Барбара. — Достаточно, я больше не выдержу!

Скарлетт перевела дух. Признаться, у нее самой нервы были не на месте от прочитанного отрывка.

— Ничего страшного, — вдруг раздался уверенный голос Тины Тейлор. — Я знаю кое-что лучше!

Девушки зашевелились и недоуменно переглянулись.

— Правда-правда! — произнесла Тика.

Только Скарлетт, поскольку сидела к Тине ближе всех, успела заметить на губах девушки хитрую улыбку.

— Вот послушайте, — откашлялась Тина. — Пара молодоженов ехала на повозке ночью по лесу. Вдруг им повстречался пастор, который попросил его подвезти. И они поехали дальше. Но через некоторое время раздался страшный вой...

Скарлетт поняла, что Тина задумала все превратить в шутку. Она рассказывала старую смешную историю, которую Скарлетт слышала еще в детстве от отца. Джеральд смешил этой историей одного из своих приятелей.

Другие девушки также поняли, о чем решила поведать веселушка Тейлор.

— Ой, хватит, хватит! — раздалось со всех сторон. — Все это знают. Эта история уже набила оскомину...

— Правда? — как бы недоумевая переспросила Тина.

— Представь себе! — за всех ответила Скарлетт.

— Если хотите самую новую страшную историю, — неожиданно подала голос Молли Харрисон. — То я могу рассказать ее вам.

— Мы ее не знаем? — спросила Барбара Форман.

— Нет!

— А если знаем? — не унималась Барбара.

— Говорю же — нет! — воскликнула Молли. — Слушайте: у одного человека была страшная-престрашная жена. Она только и делала, что донимала его своими капризами. После этого человек невзлюбил всех женщин...

— Как? — Барбара сделала круглые глаза. — Всех женщин сразу?

— Да, представь себе! — прикрикнула на нее Молли. — Всех, сразу! И тебя! И меня!

Барбара невольно съежилась от резкого крика. — И вот этот человек, — продолжала Молли Харрисон, неотрывно глядя Барбаре в глаза, — однажды темной-претемной ночью решил задушить свою жену...

— Ой, — жалобно пискнула Барбара.

— И задушил ее, — неожиданно спокойным голосом сказала Молли. — А звали этого человека — мистер Вильям Спулл...

Девушки захохотали. Барбара обиженно посмотрела на подруг.

— Ну вот, вы снова подшучиваете надо мной...

— Нет, — сказала Скарлетт. — Не над тобой, Барби. Эта хитрюга Молли обманула всех нас. Мы все ждали от нее страшного рассказа.

Скарлетт сурово сдвинула брови на переносице и закончила голосом мисс Джонстаун:

— А она обманула каши ожидания!

Подруги снова засмеялись.

— Хватит, — сказала Скарлетт после паузы. — Данной мне властью я лишаяю слова Тину Тейлор и Молли Харрисон. Пусть они теперь посидят и послушают других. Например, Анну Сент-Уайт. Давай, Анна, расскажи нам что-нибудь.

Но Анна медлила.

— А хотите, я настоящее стихотворение прочту? — спросила Марианна Мак-Коунли.

— Конечно! — отозвались девушки.

Все увидели, что Марианна встает и оглядывается вокруг.

— Что ты хочешь? — спросила Скарлетт.

— Я хочу стоя прочесть, — сказала девушка, — и ищу лучшее место.

— Но ты могла сделать это и сидя, — предложила Скарлетт. — К чему эти сложности?

— Нет, такое стихотворение нужно читать только стоя, — не уступала мисс Мак-Коунли. — Подождите, и вы все сейчас увидите!

Девушки и в самом деле заинтересовались. Вытянув шеи, они следили, как их подруга отошла к стене грота, туда, где света от маленького пламени почти не было, и повернулась

лицом к сидящим.

Потом Марианна откашлялась и заявила:

— Дело в том, что это мое стихотворение.

— Как это твое? — задала свой обычный вопрос Барбара. — Ты его сама написала, что ли?

— Да, — тихо сказала девушка.

Скарлетт присвистнула.

— На, давай, Марианна. Читай, мы не будем смеяться.

Мисс Мак-Коунли сама решилась на этот поступок. Она стала говорить тихо, но постепенно голос ее приобретал силу и выразительность:

Обучать меня, как жить?

Подумай лучше, милый мой!

Я сама могу придумать,

И сказать тебе порой,

Как прожить на этом свете...

— Дальше я не успела сочинить, — призналась со вздохом Марианна.

Девушки загалдели.

— Тихо! — попросила Скарлетт. — Слушай, ты действительно сама это сочинила?

— А то кто же? — пожала плечами мисс Мак-Коунли.

— О, послушайте, это хорошие стихи! — воскликнула Тина Тейлор. — Но самое главное то, что у кашей Марианны явно есть молодой человек, о котором она и написала!

— Правильно, — поддакнула Барбара. — Такие стихи можно придумать только о предмете ночных вздохов и страданий!

Она хихикнула в кулачок:

— Слушай, Марианна, а почему бы тебе не рассказать нам о кем... ну, о том, для кого сочинила?

Остальные поддержали Барбару.

— И правда, Марианна, расскажи, — попросила Молли. — Ведь я рассказала о Чарли Криггсе.

— Расскажи, расскажи, — стало доноситься со всех сторон.

Но Марианна Мак-Коунли неожиданно поникла головой и села на свое место.

— Извините, девочки, — проговорила она твердо. — Но я ни о чем рассказывать не буду.

Воспитанницы замолкли. Одни, как Анна, думали, что чем-то обидели подругу, другие, как например Клара, злились на Марианну за скрытность.

Одна Скарлетт поняла, почему Марианна не захотела ничего рассказывать. Ведь она написала стихотворение о своем отце, с которым не могла найти общий язык.

— Хорошо, — сказала Анна Сент-Уайт. — Теперь я вам почитаю. Только это белые стихи.

— А что такое белые стихи? — сразу же поинтересовалась Барбара.

— Стихи, которые не имеют рифмы, — ответила Анна. — Это тоже из древних.

И девушка принялась читать:

Еще не поздно открыть новый мир
Я предлагаю вам идти далеко за горизонт
И даже если у нас закончатся желания
В дальние дни, когда перестанут
Двигаться звезды
Мы останемся все теми же
Обыкновенными людьми
С сердцами, полными героизма
Сохраним же волю бороться
И не сдаваться...

Анна замолчала.

— Как красиво! — воскликнула Барбара. — Ну и умели же древние выражать свои мысли...

Она восхищенно трясла головой.

— Интересно, а что мешает выразить твои мысли тебе самой? — ехидно спросила Тина Тейлор.

— Очевидно, проблема возникает тогда, когда существует недостаток в мыслях, — неуклюже пошутила Скарлетт и сразу сказала, чтобы Барбара не успела обидеться:

— Анна, почитай, пожалуйста, еще. У тебя здорово получается...

— Хорошо! — согласно кивнула мисс Сент-Уайт. — Вот послушайте:

Охваченная верой и видениями
Я бежала от скорби
Я достигла берега реки
И зарылась головой в землю
И золотым языком
Срезала леса...

— Ох! — сказала вдруг Марианна. — Перестань, Анна. Я не могу выносить больше...

Воспитанницы переглянулись.

— Что такое? — тревожно посмотрела на соседку Скарлетт. — Тебе плохо?

— Нет, ничего страшного, — ответила Марианна, поднимаясь на ноги. — Мне просто надо выйти подышать свежим воздухом...

С этими словами девушка вышла из грота.

Оставшись без Марианны, подруги некоторое время молчали. Потом Скарлетт попросила:

— Барбара, пожалуйста, выйди к Марианне. Помоги ей, я боюсь за нее...

Толстушка кивнула и быстренько выбежала наружу.

— Ну что же, — тем временем произнесла Скарлетт. — Мне кажется, что мы достаточно интересно провели здесь время. Не правда ли?

— Да, нам пора возвращаться в пансион! — сразу же откликнулась Клара.

Скарлетт отметила про себя, что это были первые слова Клары за все время пребывания

в гроте. «Характер кашей Клары на изменяется ни при каких обстоятельствах, — с досадой подумала девушка. — Однако, я эту игру придумала, я и должна развести подруг по комнатам. Хотя бы потому, что уже поздно. Время вышло. По-моему, на сегодня хватит».

— Таким образом, — повысила голос Скарлетт, — первое заседание Клуба сумасшедших литераторов можно считать закрытым.

Она задула свечу. Как только пламя погасло, наступила непроглядная темнота. Только в той стороне, где был выход, еле заметным сиянием пробивался лунный свет.

Девушки прошли к выходу. Скарлетт покинула грот последней и увидела, как Марианна и Барбара стоят неподалеку у дерева.

Скарлетт сделала пару шагов вперед и внимательно посмотрела на свою соседку по комнате. Против ожидания, на лице Марианны не было следов слез.

«Барбара успела утешить нашу впечатлительную подругу», — подумала Скарлетт с облегчением.

— Нам пора возвращаться, — сказала девушка, обращаясь к Барбаре и Марианне.

— Да, пойдем, Скарлетт, — согласно кивнули они.

Девушки потянулись назад, туда, где за призрачными контурами ночного сада виднелись не менее призрачные очертания здания пансиона.

Скарлетт шла последней. В ее душе все пело. Она думала: «Еще неизвестно, к чему приведет эта затея с Клубом сумасшедших литераторов. Однако, судя по первому вечеру, дело это будет весьма интересным».

Воспитанницы брели по ночному саду, но в их душах уже не было прежнего страха, который они испытывали всего час назад.

* * *

Шел урок литературы. Мистер Спеншоу вызвал к доске Барбару и пытался задавать ей вопросы:

— Человек, не слишком усталый. Это что такое?

— Изможденный! — уверенно отвечала толстушка.

Скарлетт переглядывалась с подругами. У всех, кто находился прошедшей ночью в гроте, под глазами были темные круги. Но на настроении девушек это не отражалось. Некоторые позевывали, но все равно улыбались.

Скарлетт — шире всех. Ее буквально распирало от гордости — у нее и подруг была тайна!

Девушке больше всего не свете хотелось сейчас встать и рассказать мистеру Спеншоу о ночном походе, об образовании Клуба сумасшедших литераторов. Услышать, как он восхитится смелостью своих учениц, как обрадуется, что его давнишняя затея получила такое неожиданное продолжение.

Однако Скарлетт оставалась сидеть на месте, прекрасно понимая, что тайна только тогда останется тайной, когда о ней не будут знать посторонние. А мистер Спеншоу был как раз таким посторонним.

Учитель тем временем отчитывал Барбару:

— Нет, мисс Форман. Вы абсолютно не правы. Нужно всегда находить хорошие, наиболее точные слова. Развивать свой язык. Вот вам, мисс Форман, для чего нужен язык?

Барбара стала беспомощно оглядывать класс в поисках поддержки. Клара Ковальски показала свой длинный розовый язык и сделала жест рукой, будто подносит ложку ко рту.

— Язык нужен, чтобы есть! — заявила Барбара.

Перекрикивая раздавшийся взрыв хохота, смущенная толстушка попробовала исправиться:

— Я хотела сказать — чтобы принимать пищу...

— И для этого тоже! — нашелся мистер Спеншоу. — Но не только, мисс Форман, и не столько для этого.

— Чтобы быть средством общения? — выкрикнула с места Анна.

— Для того, чтобы дразниться! — осмелела Скарлетт.

Но ни у кого почему-то не нашлось желания снова засмеяться.

— Нет! — ответил на эти остроты учитель совершенно серьезно. — Сегодня мы поговорим о Вильяме Шекспире...

— Как, о том самом? — спросила Скарлетт, привставая с места.

— Совершенно верно, мисс О'Хара, о том самом человеке, именем которого вы изволили меня назвать около месяца тому назад...

Он прошелся вдоль доски и кивнул Барбаре:

— Можете садиться, мисс Форман...

Дождавшись, когда Барбара займет свое место, мистер Спеншоу продолжил:

— Я знаю, что большинству из вас это имя ни о чем не говорит. Тем не менее, я буду говорить о Вильяме Шекспире. Просто как о человеке, написавшем очень много интересного...

Скарлетт заинтересовалась. А кто, и в самом деле, был тот человек, прибегнув к имени которого она познакомилась с учителем литературы?

— Шекспир написал много пьес, — продолжал мистер Спеншоу. — И если раньше Шекспира играли так, — учитель стал в позу римского оратора и сделал жест, будто запахивает тунику. — О, Титус, приведи своего друга с собой!!!

Фразу, очевидно взятую из пьесы, мистер Спеншоу произнес утрированным и патетическим дискантом, почти пропел. Выглядело это так забавно, что все в классе весело рассмеялись.

Учитель, казалось, того и добивался. Он улыбнулся реакции воспитанниц и проговорил:

— А теперь Шекспира играют так!

После этих слов учитель принял сосредоточенный вид и прошелся, почти пробежал перед первыми партами, как спешащий спрятаться от дождя плантатор.

И речь его теперь напоминала говор местных торговцев пшеницей, которые изо всех сил хотят показать, что они попали в сливки общества:

— Это что такое, эй? Это что — нож? Та штука, которую я вижу перед собой?

Девушки просто покатывались со смеху.

— Я надеюсь, что вызвал в вас некоторое желание... — неожиданно приняв свой обычный вид, сказал учитель.

Смех мгновенно замер. Уж очень бесцеремонной, просто неприличной показалась классу фраза мистера Спеншоу.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросила Скарлетт.

— Я хочу сказать, — поправился мистер Спеншоу, — что надеюсь, вызвал у вас желание прочитать какое-нибудь произведение Вильяма Шекспира.

Привратница взглянула на напольные часы в массивной бронзовой оправе, украшавшие холл пансиона, к, охнув, извлекла из бездонного кармана своей юбки колокольчик. Пронзительный до оскомины звон наполнил здание. Вялые разговоры, тихий, усыпляющий гул которых, казалось, вот-вот совсем затихнет, вдруг набрали силу и актуальность. Перспектива долгого вынужденного молчания придавала вкус пустой праздной беседе.

— Постепенно литература вытесняет остальные предметы, — поделилась со Скарлетт своими мыслями Марианна. — По крайней мере, я ни о чем не могу думать, как только о мистере Спеншоу.

— Это точно, — ответила соседка, подумав при этом, что она думает об учителе литературы с самого момента его появления в пансионе.

— Признаться, я с нетерпением жду его очередного урока, — сказала мисс Мак-Коунли. — Интересно, какой сюрприз он приготовит нам в этот раз?

Это короткое оживление было прервано повторным звонком. Прошуршав форменными платьями, воспитанницы пансиона вошли в класс.

Рассевшись по местам и притихнув в ожидании учителя, девушки скоро обнаружили, что мистер Спеншоу не очень спешит на урок. Его место за кафедрой все еще пустовало. Скарлетт попыталась представить себе, как он, запыхавшись, войдет в класс и, извинившись, с улыбкой скажет: «Итак, сегодня я не намерен мучить вас пересказом «Сэра Рэндала» или «Романа о Лисе». Я принес замечательную книгу о двух влюбленных, которые...»

Неожиданно Тика Тейлор тронула Скарлетт за локоть:

— Я думаю, что мистер Спеншоу не боится миссис Хиггинс, как остальные учителя. Вот спорим — он был на какой-то вечеринке, где отдохнул и повеселился вволю, вовсе не заботясь о том, как сегодня будет втолковывать нам свою литературу и как будет потом говорить с хозяйкой пансиона. Я бы на его месте поступала так же.

— Мне тоже кажется, что он мало похож на обычного учителя пансиона. Гораздо легче представить его преподавателем университета или даже писателем, издающим толстый журнал о книгах, путешествиях и еще о чем-нибудь интересном. Но я, например, никогда не смогу представить себе мистера Спеншоу в военной форме.

Тина сморщила лицо:

— А вовсе необязательно, чтобы каждый мужчина был похож на военного.

Эта мысль почему-то вдруг понравилась Скарлетт, хотя, услышь она ее раньше, обязательно бы поспорила. В ее доме, как и полагается, военная служба считалась святой обязанностью.

Прошло около десяти минут с начала урока, а мистер Спеншоу все не появлялся. Класс, тем временем расслабившись, занимался своими делами. Клара Ковальски извлекла из ранца какую-то книгу, обернутую вошеной бумагой, и, прикрываясь рукой, погрузилась в чтение.

Скарлетт была уверена, что Клара читает любовный роман — уж больно увлеченный был у нее вид. « Попрошу ее дать на время эту книжку, — подумала Скарлетт, — хотя вряд ли Клара признается мне в своем увлечении».

Марианна Мак-Коунли рисовала на клочке бумаги, Барбара Форман что-то жевала, шумно вздыхая.

Тина, отвернувшись от Скарлетт, уже делилась своими догадками насчет мистера

Спеншоу с Молли Харрисон. Та с самым заинтригованным видом кивала головой.

Неожиданно открылась маленькая дверь в дальнем конце классной комнаты, за которой находился учительский кабинет с небольшим письменным столом и вытертым кожаным диваном. Оттуда неспешным шагом вышел Моррис Спеншоу. Не глядя на класс, сосредоточенный на каких-то своих размышлениях, он дошел до доски и некоторое время стоял, повернувшись спиной к девушкам.

Потом вдруг резко обернулся, словно фокусник, и ученицы увидели, что мистер Спеншоу улыбается.

То, что произошло потом, девушки запомнили надолго. Учитель, все так же улыбаясь, не спеша приподнял левую брючину у колена, согнул ногу и поставил ее на стул. Потом одним легким движением вскочил на святая святых — свой стол, приближаться к которому без лишней надобности не рисковала даже неумная Тина Тейлор. Мистер Спеншоу пристально оглядел притихший класс, словно проверяя результат какого-то научного эксперимента.

А результат был на лицо: девушки сидели, оцепенев, с застывшим на лицах немым изумлением. Все взгляды были прикованы к коричневым ботинкам учителя: мистер Спеншоу забрался на стол прямо в обуви!

К слову сказать, не всех так поразил именно этот вопиющий факт.

Скарлетт не могла прийти в себя от того, что сбылось ее предчувствие — этот урок и в самом деле начался не обычно, и даже куда необычней, чем она могла вообразить. С самого утра смутное предчувствие не давало ей покоя. Разглядывая учительский ботинок с медной бляшкой, на которой был выбит фабричный знак, она думала, что видела все это когда-то во сне и отчаянно пыталась вспомнить, чем же должно кончиться это видение.

Марианна Мак-Коунли была взволнована не меньше. Легкий румянец окрасил ее бледное лицо. Девушка была уверена, что в каком-нибудь из спектаклей Ла-Скала обязательно должна быть такая сцена, где главный герой бросает дерзкий вызов... Не важно — чему. Сердце Марианны лихорадочно билось, мысли смешались: «Это и есть настоящее, неподдельное, беспритворное!»

Всегда насмешливая Тина, казалось, была не на шутку озадачена. Она словно обронила свою маску слегка циничной насмешницы и просто смотрела, широко раскрыв удивленные глаза. Впрочем, она первая решила перевести свой взгляд с ног на лицо учителя.

— Как вы думаете, почему я сделал это? — прервал всеобщее изумленное молчание мистер Спеншоу, заметив, что волна оцепенения начинает спадать.

— Вы хотели нас удивить, и это вам удалось, — уверенно заявила умная Анна Сент-Уайт.

Но ее слова почему-то одинаково покоробили Скарлетт и ее соседку Марианну. Мак-Коунли даже как-то вся передернулась:

— Причем здесь удивить, разве это главное? — возмутилась девушка, еще больше заливаясь румянцем.

Скарлетт тоже хотела что-то сказать, чтобы учитель обратил на нее внимание, и уже открыла было рот, но тут снова заговорил мистер Спеншоу:

— Юные леди, удивлять вас вовсе не было главной целью моего поступка. Я не сошел с ума. Но кто-то же должен научить вас смотреть на вполне привычные вещи под другим углом зрения.

Казалось, девушки что-то поняли: еще ни разу им не приходилось так высоко поднимать

головы, чтобы увидеть глаза своего учителя.

— Вы сотни раз смотрели на этот класс, сидя за партами или входя в дверь. Но вы ни разу не попытались взглянуть на него с высоты, превышающей ваш рост. Вот я, например, рассказывая урок у доски, видел все уже по-другому. Но я тоже не пытался посмотреть на наш класс с вашей точки зрения или с чьей-нибудь еще.

— А с чьей точки зрения вы смотрите на нас сейчас? — снова осмелела мисс Тейлор.

Класс недовольно загудел, сочтя этот вопрос неуместным. Моррис Спеншоу мягко улыбнулся:

— С точки зрения учителя литературы, взобравшегося на стол.

Тут все засмеялись, сначала негромко, словно облегченно вздыхая, а потом все смелее и звонче. Но это был не просто хохот, как могли бы смеяться злые мальчишки над промашкой своего товарища, это был искренний, неудержимый смех, в котором слышалось обожание.

«Такое мог вытворить только он, только он, — восторженно думала Скарлетт, не сводя глаз с красивого лица учителя. — И как все просто: учитель встал на стол и мы смеемся над ним, нет вместе с ним, он тоже смеется. Он совсем как мальчишка. В нем ни грамма нет высокомерия или наставничества, мы и в самом деле увидели его другими глазами, мы увидели, что он просто человек!»

Словно услышав мысли Скарлетт, Моррис Спеншоу, смеясь, сказал:

— И знаете, мне все увиделось по-другому! — Он продолжал улыбаться. — Будто сместились плоскости, в которых мы с вами находимся, все осталось таким же и в то же время что-то неуловимо изменилось, приоткрылась какая-то тайная завеса, и я взглянул немного вглубь. Совсем немного.

Он помолчал, словно мысленно сверяясь, то ли было сказано.

Девушки слушали, затаив дыхание. Учитель наклонился и легко спрыгнул на пол.

— Человеку не дано видеть все глазами Господа, но если человек научится видеть окружающих его людей и предметы иначе, чем это принято или привычно, иначе, чем он смотрел на это до сих пор — так, как ему было удобно, — если человек научится этому, то, осмелюсь сказать, он немного приблизится к ангелу.

Моррис прошелся вдоль доски, заложив руки за спину, и продолжал:

— Все великие поэты и писатели умели это делать, это необходимое условие всякого творчества...

Учитель встал у стола, едва касаясь его поверхности длинными тонкими пальцами.

— Но помните, что творчество — это не только литература, театр, живопись. Вся наша жизнь — это тоже творчество. Нельзя об этом забывать. Хотя порой, согласен, это очень трудно.

Он замолчал, медленно переводя свой спокойный взгляд с одного юного лица на другое. Девушки не опускали глаз, и Моррис счел это хорошим знаком.

«Если не поняли, то почувствовали, а это, пожалуй, еще важнее, — думал Моррис. — Настоящее знание — это знание, пропущенное через душу. Пусть не все, пусть только пятеро или даже трое из двадцати, но если они что-то вынесут для себя из этого класса, что-то светлое и хорошее, как их сегодняшней смех, как молчание, то и это будет совсем неплохо».

— А можно мне попробовать? — заливаясь густым румянцем, вдруг спросила Скарлетт.

— Конечно, но для этого вовсе не обязательно забираться на стол, для начала вы можете просто попробовать взглянуть на класс глазами учителя, скажем, вот с этого места. Прошу вас, — и он немного посторонился.

Скарлетт порывистым движением встала из-за парты и, шурша своим форменным платьем, быстро прошла к столу учителя.

Сначала ей казалось, что у нее воспламенятся внутренности под взглядом двадцати пар глаз. Ей даже показалось, что запахло паленым. Но тут Скарлетт увидела, что поднялась со своего места Марианна и идет к ней. А следом за Марианной — Барбара Форман, потом Молли Харрисон, Тина Тейлор с самым серьезным видом, и даже Анна Сент-Уайт, высоко подняв голову.

Задвигались стулья, зашуршали подолы, вскоре за партой не осталось ни одной девушки. Скарлетт стало даже немного жаль, что все так дружно последовали ее примеру, она чувствовала, что этот коллективизм лишает ее особенности, отвлекает от нее внимание учителя.

«Достаточно было бы и одной Марианны, — с досадой подумала девушка, — теперь же я все увижу не его глазами, а глазами стада глупых девчонок!»

Наконец шорох платьев смолк, и классная комната снова наполнилась тишиной.

«Интересно, о чем они думают? — пытался угадать мистер Спеншоу. Но он не спешил прерывать молчание. — Пусть сначала сами разберутся в своих ощущениях, а потом можно будет их и спросить».

Марианна легонько коснулась руки своей подруги, и Скарлетт с благодарностью взглянула на нее, девушки взялись за руки и стояли молча, глядя впереди себя.

Они видели простую классную комнату, тяжелые столы и стулья, чернильницы, беспорядочно брошенные книги и перья — ничего особенного. Но особенным был сам урок, и девушки упивались этим, каждой клеточкой своего существа они жаждали необычного, волшебного, из ряда вон выходящего.

Только такое они понимали и согласны были принять. Тут молодой учитель попал в точку. И каждая пятнадцатилетняя девушка была благодарна ему за это.

«Важно не забывать, что жизнь — это творчество, — мысленно повторяла слова учителя Марианна. — Но это так трудно! Ах, я это знаю».

Скарлетт украдкой оглядывала ровесниц. Интересно, все ли чувствуют то же, что и она?

Но тут дверь приоткрылась, и в класс заглянула мисс Элеонора Джонстаун. Она совершенно круглыми, переполненными ужасом глазами посмотрела сначала на девушек, потом на пустые стулья, потом снова на девушек, и произнесла негодующим голосом:

— Что у вас здесь происходит, в конце концов?! Опять? Уже во второй раз? Первый раз вы рвали книги, а чем занимаетесь сейчас?

Ощущение было такое, что эта старая дева простояла у дверей с самого начала урока. Девушки не на шутку испугались за своего любимого учителя, только Клара Ковальски оглянулась на мистера Спеншоу, как бы спрашивая: и в самом деле, что тут происходит?

— Не волнуйтесь, мисс Джонстаун, это я пригласил девушек к доске, — невозмутимо произнес Моррис.

Воспитательница перевела удивленный взгляд на учителя. Она явно ждала объяснений, но похоже, мистер Спеншоу не считал нужным что-либо объяснять Элеоноре Джонстаун. Он, невинно улыбаясь, смотрел на стареющее лицо воспитательницы, словно говоря: «Ну что тут может быть еще не ясно, милая мисс?»

— Ах, вы здесь? — неожиданно сладко спросила мисс Джонстаун. — А я опять вас сначала не заметила, подумала, что с вами что-то случилось, и девочки в классе одни.

Улыбнувшись еще раз, воспитательница поспешно вышла в коридор.

Посмотрев на захлопнувшуюся дверь класса, мистер Спеншоу с тоской подумал: «Что-то подобное уже случилось!» Он вздохнул и начал говорить:

— На любой предмет нужно уметь взглянуть с обратной стороны. Даже если вам кажется, что вы предмет хорошо знаете, вы должны все равно взглянуть на него с обратной стороны, с другой перспективы. Пусть этот предмет непонятен, полон абсурда, вызывает отвращение. Нет, вы все равно должны попробовать. Если вы читаете книгу, но не понимаете ничего в ней, кроме фамилии автора, вы должны принимать во внимание то, что думаете сами. Вы должны драться за то, чтобы найти свой собственный голос. Вы должны это делать как можно раньше, потому что чем позже вы начнете, тем больший риск, что вы уже не сможете. Поймите, то, что многие люди живут жизнью тихого отчаяния, не должно вас успокаивать. Вы должны восстать! Восстать против самой себя, против всех, кто говорит вам, чтобы вы подчинились...

Надо отметить, что Скарлетт и через много лет после этого урока отчетливо помнила каждое слово Морриса Спеншоу. Но сейчас она его слушала, затаив дыхание. С ней еще никто так не разговаривал.

— Вы должны рисковать, должны искать новые пути! — говорил учитель. — И потому я приготовил вам задание. Не проклиняйте меня, потому что это задание я даю вам, милые леди, искренне любя вас всем сердцем.

Учитель сделал паузу и потом сказал:

— Вы должны написать стихотворения. Каждая — свое. К следующему уроку литературы, который будет, если не ошибаюсь, завтра, вы должны принести их сюда.

Шумный вздох пронесся по классу.

Скарлетт округлила глаза и посмотрела на мистера Спеншоу взглядом, который буквально излучал ужас. Учитель встретил этот взгляд Скарлетт, но только улыбнулся в ответ.

— Я просто уверен, что вы принесете мне завтра шедевры! — воскликнул мистер Спеншоу. — А теперь — всего хорошего, урок окончен.

Захлопали крышки парт. Девушки поспешили к выходу.

Скарлетт нарочно медлила, рассчитывая поговорить с учителем, когда все выйдут.

И она своего дождалась.

— Мисс О'Хара! — произнес Спеншоу, когда последняя девушка покинула помещение. — Только не делайте вид, что я жутко напугал вас этим заданием!

— Почему — вид? — попробовала возразить девушка. — Я действительно думаю, что у меня ничего не получится, впрочем, как и у всех нас. Вы забаву себе придумали, господин учитель.

— Но у вас даже теперь на лице написано, что вы страшно талантливый, мисс О'Хара! — возразил Моррис, — только я пока не скажу, потому что не знаю, какого рода этот талант и когда он проявится! Ступайте, он может проявиться сегодня вечером, во время выполнения моего задания!

* * *

Скарлетт казалось, что она вступила с мистером Спеншоу в поединок. Характер рода О'Хара ясно стал заявлять о себе. Скарлетт решила даже не садиться за написание

стихотворения. «Как это я буду его радовать? — думала девушка. — Он небось и не представляет, какой это труд».

Еще Скарлетт думала, правда, между делом, избегая признаваться себе, что если она будет в разряде двоечниц, молодой учитель станет уделять ей больше времени.

«К чему я и стремлюсь», — неожиданно прямо подумала плутовка.

Она будто дала сама себе обязательство изучать литературу, не открывая ни единой книжки.

...Марианны в комнате не было. Скарлетт весь вечер провела одна, она была не в духе. Не хотелось идти к другим девочкам, хотя она и заходила пару раз к ним спросить о Марианне.

Соседка явилась, когда стемнело. Она осторожно открыла дверь и прошмыгнула в комнату.

Но Скарлетт не спала и потому сразу спросила:

— Эй, подружка, где ты была?

— Тс-с-с! — Марианна приложила палец к губам. — Если хочешь, скажу, только обещай, что это останется между нами.

— Хорошо, если ты так хочешь, — ответила Скарлетт, приподнимаясь на подушке.

— Так вот, я была в городе! — прошептала Марианна.

— Ого! — искренне изумляясь, ахнула Скарлетт. — Это же громадное преступление! Миссис Хиггинс знала? Или мисс Джонстаун?

— Ни та, ни другая, — успокоила ее Марианна. — Я ходила скрытно.

У Скарлетт просто не укладывалось в голове, как тихая и задумчивая Марианна Мак-Коунли могла решиться на такой шаг. И самое главное — из-за чего? Ведь пойти вечером в город — это еще опаснее, чем прогуляться ночью на часок в грот и обратно!

— Куда же ты ходила? — осторожно поинтересовалась Скарлетт.

Она бы особенно не удивилась, если бы Марианна не стала ей отвечать. Однако соседка быстро пересела на кровать к Скарлетт и стала шептать ей на самое ухо:

— Понимаешь, Скарлетт, я такая счастливая, такая счастливая! Мне предложили роль...

— Какую роль? — воскликнула Скарлетт. — Откуда вдруг роль?

— Помолчи, а то не буду рассказывать, — шептала Марианна. — Миссис Штикк сказала мне на днях, что в городском театре будет ставиться новая пьеса. Ну, пьеса-то, допустим старая, постановка новая. И для этой постановки режиссер пробует молодых людей и девушек.

Скарлетт отпрянула от Марианны.

— И ты пошла, чтобы участвовать в отборе?

— Да! — кивнула мисс Мак-Коунли.

— Но почему?

— Я хочу стать актрисой! — горячо воскликнула Марианна. — И я всегда хотела ею стать. Помнишь о моем первом разговоре с отцом? Вспомни, мы ведь поссорились из-за театра!

Скарлетт грустно кивнула.

— Именно из-за отца я не хочу, чтобы об этом кто-нибудь знал! — сказала Марианна. — Если ему кто-то скажет, он меня убьет.

— Так уж и убьет! — недоверчиво протянула Скарлетт.

— Не убьет, так отдаст в школу при монастыре. А там я умру от тоски.

Скарлетт положила руку подруге на плечо.

— Постой-постой... Но ведь тебе только предложили роль. Это не окончательно.

— Ты хочешь сказать, что будет лучше, если меня не утвердят? — воскликнула Марианна громко, в запальчивости забывая о своем же желании сохранить все в тайне. — Да я буду дни и ночи напролет зубрить эту роль, чтоб только мне ее дали! Я не посмотрю ни на какого отца, тем более, что отец этого всего попросту не узнает!

Скарлетт ласково посмотрела в глаза подруге.

— Но как ты собираешься играть, если твой отец против? Не будешь же надеяться всю жизнь, что он останется в неведении! Так не бывает!

Марианна несколько замялась.

— Ну, понимаешь... Вот мистер Спеншоу нам твердит, что мы должны поступать, как считаем нужным, потому что так поступают все взрослые люди. Но ведь мы с тобой уже взрослые, правда? Значит, я — сама я — знаю, что имею право так поступать. А мой отец этого еще не знает. Я думаю, мне нужно просто убедить его в том же, в чем нас убедил мистер Спеншоу.

— Может быть, ты и права, — задумчиво ответила Скарлетт.

— Во всяком случае, я намерена вначале заполучить роль, — твердо сказала Марианна, поднимаясь с кровати Скарлетт и переходя на свою, — а потом уже подумать о том, как быть с отцом.

— Нет, так нельзя! — возразила Скарлетт. — Ты проявишь неподчинение? Или скроешь?

— Скорее — второе!

— Но так нельзя! Это совсем то же самое, что и обычный обман!

— Но первого мне пока нельзя делать! Отец меня не поймет, ты же помнишь его!

— А почему бы тебе не написать ему и все не рассказать?

— Ха, я не стану этого делать!

— Почему?

— Писать — значит просить. А просить его я больше ни о чем не намерена.

— Но ты так долго не проживешь. Ведь материально ты во всем зависишь от своего отца...

— Послушай, — сказала Марианна, прищурившись. — В конце концов, ты на чьей стороне?

Скарлетт ошеломленно замолчала.

— Ладно, Скарлетт, — подруга увидела, что ее последняя реплика получилась слишком жестокой и поспешила обнять соседку, — я ведь еще в самом деле не получила роль. А потом все решим.

Скарлетт вздохнула.

— Ты даже не представляешь, как я за тебя переживаю.

— Я все понимаю, — улыбнулась Марианна. — Просто нам надо не спорить, а подождать. Может быть, и проблемы-то не будет.

* * *

Марианна напомнила:

— Сегодня после обеда состоится собрание!

— Ага! — отозвалась Скарлетт. — Хорошо, что вовремя сказала.

— Пойдешь? — спросила Марианна.

— Конечно, ответила Скарлетт. — А ты?

— Я тоже! — кивнула мисс Мак-Коунли.

— Послушай, — сказала вдруг Скарлетт О'Хара, приняв серьезный вид. — Я намерена серьезно поговорить с Кларой Ковальски.

— Поговори, — пожал плечами, ответила Марианна. — Только я тут при чем?

— Ну как, — начала объяснять Скарлетт. — Мы с тобой сейчас живем в одной комнате. А раньше я жила с Кларой. Правда, она была неважной соседкой. Но все-таки мы прожили вместе целый год. Мы были с ней как сестры. И я хочу выяснить, почему она стала отдаляться от нас.

— Но ведь это ты первая отдалилась от нее! — воскликнула Марианна.

— А вот и нет! Вспомни, как было дело. Нас поселила вместе мисс Джонстаун.

Марианна скривила губы в иронической усмешке.

— Выходит, ты тут и ни при чем?

— Выходит так! — Скарлетт развела руками.

— Так вот, нет! — воскликнула Марианна. — Я так не считаю. Если бы ты хотела, ты бы смогла настоять на том, чтобы Клара жила с тобой и дальше. А меня поселили бы с Тинной Тейлор. И никто бы не пострадал.

— Но ведь все дело в том, — смущенно проговорила Скарлетт, — что так было бы, если бы я хотела... А мне надоела такая соседка.

— Вот теперь Клара и обижается!

— Ты хочешь сказать, что это я во всем виновата?

— Да, мне кажется, ты совершила ошибку. Поговори с Кларой.

— Я сейчас же с ней поговорю!

Скарлетт в диком порыве чувств бросилась искать Клару Ковальски, но ее нигде не было. Девушке пришлось спуститься вниз и поискать во дворе.

Скарлетт догнала долговязую Клару в саду и с ходу задала вопрос:

— Пойдешь сегодня во второй половине дня на собрание?

Клара посмотрела на Скарлетт, прищурившись.

— Не знаю, может быть.

Она пожала плечами. Теперь сузила глаза Скарлетт.

— Тебе не нравится то, о чем говорит мистер Спеншоу, не так ли? — спросила она зловеще.

Клара сделала шаг назад.

— А почему ты мне это говоришь?

— Но ведь ты — одна из нас! — искренне воскликнула Скарлетт.

И машинально обернулась, ища за спиной подруг, которых не было.

Видя это, Клара Ковальски усмехнулась.

— А быть одной из вас — значит любить то, о чем говорит Спеншоу?

— Это значит — принимать то, о чем говорим мы! — отрезала Скарлетт. — Нет, ты так и не стала частью нашего общества. Понимаешь, я хочу, чтобы мы все семеро были вместе, а ты этого не хочешь.

Клара шумно вздохнула и посмотрела на Скарлетт, как той показалось, с неприязнью.

— Послушай, Скарлетт, — сказала Клара подчеркнуто любезно. — Мне очень приятно, что ты интересуешься мной. Но я не такая как ты, понимаешь? И не такая, как остальные девчонки из вашей, а по существу, чисто твоей компании!

Скарлетт открыла рот, стремясь прервать разбушевавшуюся Клару, но та не унималась:

— Когда ты открываешь рот, тебя все слушают! А я не такая!

— Но ты можешь стать такой? — спросила Скарлетт с улыбкой.

Она хотела показать Кларе, что даже сейчас согласна, чтобы Ковальски влилась в их компанию.

Но Клара отрезала:

— Нет!

И видя растерянность Скарлетт, затараторила:

— Дело в конце концов не в том, что я сторонюсь вас. Вот ты, Скарлетт. Ты бралась за многое в течение всего времени, что мы с тобой вместе учимся. Ведь раньше мы жили с тобой в одной комнате, ты помнишь это? Я хорошо изучила тебя, твой характер. Ты увлекалась всем подряд, у тебя ничего не получалось. А я не такая. Я точно знаю, что мне в этой жизни надо, к чему я стремлюсь, что я умею.

Скарлетт растерянно смотрела в сторону. Наконец спросила:

— И как же ты представляешь, что будешь делать в жизни?

— Как что? — переспросила Клара. — Я советую тебе вспомнить наши с тобой прошлогодние разговоры, подружка. Тогда ты относилась к жизни гораздо более трезво, чем сейчас. Припомни, о чем мы с тобой тогда говорили. Перед летом, в самом конце учебного года...

Скарлетт наморщив лоб, принялась вспоминать те дни. Как это было тяжело, ведь прошло столько времени. И если кому-то может показаться, что год занимает в жизни немного, то для Скарлетт последний год, за который она из девочки вдруг стала стремительно превращаться в девушку, был просто равным целому веку.

Ведь столько событий успело произойти!

— Ходить на охоту, — решила напомнить Клара. — Ну? Вспоминай!

Бывшая соседка несмело улыбнулась, напоминая Скарлетт их прошлогодние слова.

— Ходить на охоту, — начала припоминать О'Хара. — Но без винтовки, вооруженная только глазами...

Широкая улыбка Клары свидетельствовала о том, что Скарлетт все вспомнила правильно.

— Ты просто молодец, подружка! Так вот этим я и думаю заниматься в жизни.

— А разве можно всю жизнь посвятить только этому занятию? — последовал вопрос.

— Можно! — ответила Клара.

— Но почему ты говоришь так твердо? Ты абсолютно убеждена в этом?

Клара посмотрела на Скарлетт как на маленькую.

— А ты не уверена? Я вообще не знаю, в каких облаках ты витаешь! Для меня служит примером моя мать. Она и меня научила, как я теперь совершенно осознанно полагаю, правильному отношению к жизни.

— Но Клара! — сказала Скарлетт. — Мистер Спеншоу говорит нам другое.

— Теория мистера Спеншоу годится для мужчин, хоть он и проповедует ее нам, словно священник какой, — парировала Клара. — Я думаю, все закончится тем, что миссис Хиггинс поймет: мистер Спеншоу находится не на своем месте. И тогда она уволит его, уж будь в

этом уверена.

Молли Харрисон не сиделась в комнате. Она честно пыталась сочинить что-нибудь такое, что можно было бы завтра предъявить на суд мистера преподавателя литературы. Однако у девушки просто не было настроения. Карандаш буквально валился из рук.

Молли сунула тетрадку по мышку, зажала в кулачке карандаш и вышла в сад. «На природе думается легче, — решила девушка. — Не просто так же все поэты любили бродить по садам и лесам. У них на головах были венки из этого... из лавра! Понятно почему — листики прошелестят над ухом — вдохновение и приходит!»

Молли была весьма остроумна.

«Почти как Тина!» — говорила иногда о себе девушка с гордостью.

Так, рассуждая сама с собой о роли поэзии в жизни, мисс Харрисон незаметно оказалась в том месте сада, где в стене, служащей в качестве ограды пансиона, был пролом.

Молли вспомнила, как они с подругами ходили в грот ночью, и ей захотелось побывать там сейчас. Молли стала всерьез обдумывать, не сделать ли ей небольшое отклонение от дозволенного маршрута прогулки в запретную сторону.

И вдруг Молли вздрогнула. Она увидела парня с грустными черными глазами, который вышел из-за стены и смотрел прямо на нее.

— Ой, — вырвалось у Молли.

Это был не кто иной, как Чарли Криггс.

— Извините, мисс Харрисон, — пролепетал бедный молодой человек, мучительно краснея. — Только не убегайте, ведь я не сделаю вам ничего плохого. И не нужно поднимать шум, посмотрите, я стою по эту сторону ограды, к вам даже и не приближаюсь. Вам совершенно нечего бояться, уверяю вас, поверьте!

Молли глубоко вздохнула. «И поди ты разберись в один момент: нравится мне, что он пришел сюда, или же нет?» — растерянно подумала девушка.

Вслух она сказала:

— Нечего приписывать себе качества, которых у вас нет. Я вас совершенно не боюсь.

— Правда? — просиял молодой человек. — Значит вы не убежите? Не будете звать на помощь?

— Да что с вами, Чарли? — всерьез перепугалась Молли. — Я точно помню, как нас с вами знакомил ваш отец, уважаемый мистер Криггс. Я помню вас как галантного кавалера и внимательного, а также интересного собеседника. Вы так бережно держали меня под руку, когда провожали назад в пансион, что мне было абсолютно не страшно идти с вами по ночному Фейетвиллю.

Молли сморщила свой очаровательный носик в хитрой гримасе:

— Так что же вы теперь, мистер Чарльз Криггс-младший, говорите мне какие-то непонятные вещи?

— Ну, — замялся молодой человек. — Я налетел так неожиданно. Можно сказать, из-за стены.

— Из-за стены — это точно! — подхватила Молли. — Вы действительно в первый момент меня напугали. Не скажу, что очень, но все-таки...

— Вот видите, мисс Харрисон! Я был прав, когда просил прощения...

«Вот зануда!» — подумала Молли и поняла, что влюбленный парень готов

разговаривать на одну и ту же тему весь вечер.

«Ведь ему, если внутри у него такой же сумбур, как и снаружи, — рассудила девушка, — совершенно все равно, о чем со мной разговаривать. Нет, надо это прекращать, иначе может далеко зайти».

— А не кажется ли вам, — произнесла Молли. — Что нам пора заканчивать нашу беседу?

Когда девушка подняла глаза на молодого человека, она даже испугалась. Мертвенная бледность покрыла румяные гладкие щеки Чарли Криггса.

Внезапно он зашатался и чуть не упал.

— Что с вами? — встревоженно воскликнула Молли. — Умоляю вас, осторожнее!

Но юноша уже взял себя в руки.

— Ради Бога, простите, — сказал он. — Ведь я стоял здесь с самого обеда...

«Ого! — подумала девушка. — Тогда с ним надо и в самом деле обращаться аккуратней. Он просто-напросто голоден. Еще упадет от неосторожного слова и покалечится».

— Мисс Харрисон, — сказал Чарли. — Я вас вот о чем хотел бы попросить. Ну, во-первых, я сразу же уйду. Только вот эта просьба...

— Какая просьба? — заинтересовалась Молли.

— Это для меня очень важно, — сказал юноша тихо. — Я могу даже и не отважиться...

— Да что с вами? — воскликнула девушка. — Я просто вас не узнаю. Тогда, на вечере в вашей семье, вы держались молодцом. На вас можно было опереться. Теперь же что-то произошло. Сейчас опираться на кого-то необходимо вам самому!

Юноша тяжело вздохнул.

— Это все по одной причине, дорогая мисс Харрисон. Тогда я еще был здоров. Но болезнь началась, как только я познакомился с вами. И вот теперь вы видите перед собой совершенно разбитого человека, который только и может, что ожидать встречи с вами...

Молли предостерегающе подняла руку.

— Только не надо делать меня виноватой, мистер Криггс-младший. По-моему, я не давала вам повода... Излагайте вашу просьбу поскорее, и не сочтите за труд удалиться. Не то у меня как и у вас будут неприятности. Ну! Я жду! — притопнула ножкой Молли, видя, что молодой человек словно чего-то ожидает.

Несколько минут юноша стоял совершенно неподвижно. Потом на него будто снизошло озарение:

— Мисс Харрисон, моя просьба может показаться вам странной. Но тем не менее, я ее должен вам изложить, поскольку совершенно не могу без этого ни есть ни спать ни спокойно относиться к работе...

— Ой, ой, ой, мистер Криггс, — отозвалась в тон парню Молли. — Я согласна заранее на любые ваши просьбы — в известных рамках, естественно — с тем только, чтобы вы успокоились и подумали о своем здоровье.

— Так вот, мисс Харрисон, — сказал решительно Чарли. — Можно ли попросить вас позволить мне называть вас по имени?

Девушка покачала головой.

— Все-таки как вы, аристократы, витиевато выражаетесь... А в том, что касается вашей только что высказанной просьбы — нет, мистер Криггс. При обращении к воспитаннице пансиона, да будет вам известно, единственно уместной является лишь одна форма: со словом «мисс» и фамилией воспитанницы после этого слова.

Молли Харрисон совершенно забыла все свои мысли относительно Чарли Криггса, которыми делилась с подругами. Теперь, в данную минуту, девушку занимало только одно — как показать собеседнику, что она может вертеть им как захочет.

О том, что юноше это мучительно больно, Молли, как и большинство ее сверстниц, совершенно не задумывалась.

— Вы режете меня ножом по сердцу, — прошептал молодой человек, задыхаясь от волнения.

— Прекратите представление! — сказала Молли. — Все будет так, как я сказала!

Проговорив эти слова, девушка повернулась и стала удаляться в глубь сада.

Вслед ей раздавались приглушенные рыдания. Это плакал несчастный влюбленный Чарли Криггс.

* * *

Очередной урок литературы начался с того, что мистер Спеншоу появился из своего кабинета с небольшим мячом в руках.

Весь класс не отрываясь смотрел на учителя. Все были озадачены его необычным появлением.

«Ну и оригинал этот мистер Спеншоу, — подумала Скарлетт. — Какое отношение имеет мяч к уроку литературы? Опять он что-то задумал...»

Поприветствовав воспитанниц, преподаватель весело заговорил:

— Некоторые леди считают, что то, чему они посвятили свою жизнь — лучшее из всех занятий. Одни без ума от музыки, другие от танцев, третьи — от литературы. Я же считаю, что все эти занятия по-своему хороши. Сегодня я не случайно принес в класс этот мяч. Урок литературы будет сегодня и физическим упражнением, и игрой. Сейчас я буду задавать вам вопросы и бросать мяч той, от кого хочу услышать ответ. Вы будете быстро отвечать на этот вопрос и бросать мяч мне назад. Договорились?

Девушки нерешительно закивали, недоуменно глядя на учителя.

— Вот, например, сейчас я задам вопрос и брошу мяч... — он задумался, обводя взглядом учениц и выбирая свою первую «жертву». Скарлетт замерла в напряжении.

— ...Хотя бы мисс О'Хара.

С недавних пор Скарлетт стала замечать в себе странную способность: стоило ей посмотреть на мистера Спеншоу долгим внимательным взглядом и крепко-крепко подумать о чем-нибудь, и учитель реагировал так, будто она окликнула его или тронула за плечо: Причем он реагировал даже тогда, когда не смотрел в ее сторону.

Скарлетт едва успела поймать мяч, который мистер Спеншоу бросил ей. «Невероятно, — думала она, — неужели он все-таки чувствует мой взгляд?»

— Я бы мог устроить сегодня небольшой экзамен для вас, — долетел до Скарлетт голос учителя, — и раздать вам листки с вопросами, а в конце урока, как водится, собрать ответы и должным образом оценить уровень ваших знания... Но лично мне эта процедура кажется скучноватой. Если вы не против, то давайте попробуем и поиграть и позаниматься одновременно. Только предупреждаю: вопросы будут трудными.

— Итак, первый вопрос, мисс О'Хара, — Моррис Спеншоу посмотрел на Скарлетт, — готовы ли вы добиваться своего в жизни без страха? Покажите же мне, что вы не боитесь и

бросьте в меня этот мяч изо всех сил.

— Но ведь я могу попасть вам в лицо, мистер Спеншоу!

— Правильно. Именно это вы и должны сделать. Я прошу вас, а вернее требую, поскольку я учитель, чтобы вы бросили мяч изо всех сил, причем постарались попасть прямо в мой нос.

— Но если я действительно попаду, меня выгонят из пансиона!

— Во-первых, я не собираюсь никому жаловаться, — с улыбкой сказал учитель литературы, — а во-вторых, вам придется постараться, чтобы бросить мяч с силой и попасть при этом в меня. Вот что главное. Мне очень хочется, чтобы вы были старательной ученицей. Я заинтриговал вас? Ну, давайте, бросайте!

Скарлетт, успев пожалеть о том, что ей удалось мысленно окликнуть мистера Спеншоу, крепко зажмурила глаза и изо всех сил бросила мяч в ту сторону, где, по ее расчетам, должен был стоять учитель. Она готова была услышать его крик: с детских лет Скарлетт помнила, как невыносимо болит разбитый нос...

Но вместо этого послышался только стук тугого мяча о ладони. Все еще напуганная, Скарлетт осторожно открыла один глаз, потом другой. Улыбающийся мистер Спеншоу уже повернулся к Марианне Мак-Коунли.

— Вопрос, который я адресую вам, будет еще труднее, Марианна. Что вы скажете, если я предложу вам стать хозяйкой своей собственной судьбы?

Мяч полетел к Марианне.

— Своей судьбы? — переспросила она, положив руку с мячом на парту. — Я вполне могу представить себя хозяйкой в собственном доме. Вернее, в доме, который купит мой будущий муж...

Запнувшись, Марианна попыталась представить на месте мистера Спеншоу своего отца. Но нет, ничего не выходило. Ее отец никогда бы не задал подобный вопрос. Он считал, что у женской судьбы всегда найдется полновластный хозяин — муж или отец — который все решит сам. Женщина — лишь инструмент для удовлетворения каких-то чисто мужских прихотей.

— Вот что, мистер Спеншоу, я ответила бы вам: да, я чувствую в себе желание стать хозяйкой своей судьбы!

С этими словами Марианна бросила мяч учителю литературы. Спеншоу, поймав его, с удовлетворением кивнул.

— А вы, мисс Ковальски, что скажете вы, если вам предложат всего добиваться в этой жизни самой?

Клара, поймав мяч, бойко ответила:

— Я с радостью приму любую ношу, уготованную мне судьбой.

Снова мяч был в руках у учителя.

— Мисс Харрисон, как вы думаете, нужно ли молодой девушке учиться не только вести хозяйство, но, скажем, еще и разбираться в ценных бумагах?

Молли, поймав мяч, с удивлением посмотрела на Спеншоу:

— Так ведь обычно мужчины распоряжаются и деньгами и всеми бумагами...

— А разве не интересно научиться этому?

— Не знаю, может и интересно, но я об этом не думала.

— Так подумайте, — все так же улыбаясь, предложил учитель.

— А можно я отвечу на какой-нибудь вопрос? — поднялась с места Тина Тейлор.

— Извольте, мисс, — Спеншоу бросил ей мяч и скрестил руки на груди:

— Считаете ли вы, Тина, что, закончив учебу в пансионе, станете вполне взрослой?

— Честно говоря, иногда мне кажется, что я уже взрослая, — с вызовом ответила Тина.

— Это просто замечательно, — неожиданно серьезно сказал Спеншоу. И резко повернулся к Барбаре Форман:

— Как вам кажется, мисс Форман, нужно ли взрослеть раньше, чем окончишь пансион?

Барбара беспомощным взглядом окинула класс и медленно встала. Учитель вложил мяч ей в руки.

— Прошу вас, мисс Форман, — сказал он. — Оцените мое терпение. Я как бы ответил на половину самим же заданного вопроса!

Девушки нерешительно захихикали.

— Ну вот, — оглянулся на них учитель. — Остальные воспитанницы показывают мне, что я не так уж ошибаюсь...

Барбара смотрела на учителя и девушек большими испуганными глазами и мяла в руках мяч.

— Ну давайте, давайте, мисс Форман, — стал подгонять ее мистер Спеншоу. — И не думайте, что мы хотим видеть в вас того, кого вы в себе видите сами. Мы думаем, что вы сможете преодолеть все свои трудности...

И взгляд Барбары постепенно приобретал осмысленное выражение. Она начинала улыбаться, что-то почти уверенно отвечала, бросала мяч назад...

С каждым таким вопросом Скарлетт все серьезней понимала, что ей действительно следует больше рассчитывать на свои силы и если и принимать рассуждения матери и теперешних преподавательниц пансиона о том, что женщина должна добиваться всего в жизни исключительно через удачное замужество, то лишь до определенной степени.

Поистине революционная мысль мистера Спеншоу о том, что женщина может быть сама хозяйкой своей судьбы, запала в сердце Скарлетт, хотя она, никому этого не говорила.

Но именно из-за такой мысли мисс О'Хара решила, что сможет посещать уроки литературы, ни разу не открыв ни одной книги. Иной раз впоследствии Скарлетт казалось, что это было едва ли не основным, что она вынесла из этих уроков.

* * *

В комнату вбежала радостная Марианна Мак-Коунли. Она сжимала в руке серый конверт из плотной бумаги и размахивала им, как флагом.

Скарлетт, увидев соседку в столь радостном настроении, вскочила с кровати:

— Марианна? Что? Что случилось?!

Мисс Мак-Коунли была в полном восторге.

Она кричала:

— Скарлетт, Скарлетт! Мне дали роль! Мне дали ее, у меня это получилось!

Мисс О'Хара удивленно посмотрела на свою соседку по комнате.

— Я тебе не говорила, что это за роль, — продолжала Марианна. — Но она, похоже, будет самой главной ролью в моей жизни! Это моя самая большая удача! Мне сразу, в первый раз — и дали такую роль. Ведь это просто чудо — роль Джульетты!

Она несколько успокоилась, подошла к Скарлетт и присела рядом с ней на корточки.

— Я учила монолог Джульетты, сказала Марианна, заглядывая в глаза Скарлетт снизу вверх. — Мне тогда на прослушивании ничего не сказали, кроме того, что они «вызовут-меня-если-понадобится», — девушка произнесла фразу скороговоркой. — И вот они решили, что я была самой удачной исполнительницей!

Она помахала конвертом перед носом Скарлетт и не удержавшись, бросилась обнимать и целовать подругу:

— Ой, я так рада!

Она повалила Скарлетт на кровать и едва не задушила в своих чересчур радостных объятиях. Мисс О'Хара, как могла, отбивалась, оглушительно смеясь за компанию.

— Ну хорошо, хорошо! — сказала Скарлетт, когда страсти немного поутихли. — Давай просто так поговорим.

Соседка перешла на свою кровать. Она подтянула ноги к подбородку и обхватила колени руками.

— Что нужно для того, чтобы ты смогла спокойно сыграть эту роль? — спросила Скарлетт, неожиданно заметив на лице Марианны оттенок глубоко затаенной грусти. — Ты ведь хочешь, я уверена, и в дальнейшем принимать участие в постановках театра?

Марианна протянула руку и положила письмо на стол.

— Да, Скарлетт, ты права, — вздохнула мисс Мак-Коунли. — Здесь начинается самое трудное. Помнишь, я говорила тебе, что если мне предложат роль, только тогда я буду думать над теми трудностями, которые появятся? Вот теперь и надо думать, потому что трудности появятся из-за моего отца. Да! Они уже появились, — девушка грустно посмотрела в окно. — Кто знает, что лучше? Если бы меня не приняли на эту роль, не было бы никаких проблем...

Марианна повысила голос:

— Дело в том, что для этой роли требуется разрешение моего отца, поскольку я несовершеннолетняя... Мне пятнадцать лет, это прекрасный возраст во всех отношениях, кроме того, что самостоятельно нельзя ничего решить! Джульетта, кстати, была даже младше меня... — Соседка посмотрела в простоватое лицо Скарлетт и спросила: — А ты вообще-то слышала, что это такое? Я имею в виду «Ромео и Джульетту»? Ты слышала эти имена?

— Нет, — призналась Скарлетт. — Никогда это не было для меня интересным.

Марианна принялась вкратце пересказывать Скарлетт историю несчастной любви двух молодых людей, разлученных из-за вражды родителей.

Закончив горестный рассказ, Марианна вздохнула. Но Скарлетт, поскольку грустить было не в ее натуре, воскликнула:

— Постой, постой, Марианна! Это бесспорно, хорошая история, но нам не нужно отвлекаться. Ты же сказала, что и собственных проблем хватает... Давай будем практичней! Ответь мне, что ты предпримешь для того, чтобы получить разрешение отца?

Марианна задумалась.

— Я так понимаю, — продолжала Скарлетт, — что ты не собираешься показывать ему это письмо. Но не ошибаешься ли ты? Поговорила бы с ним на эту тему, глядишь — он и позволил бы. Ведь если он здравомыслящий человек, он должен оценить то, что ты понравилась режиссеру, что у тебя нашли талант. Что тебе доверяют главную роль. Если он нормальный человек, он это все оценит и разрешит тебе участвовать в спектакле...

Слушая длинные рассуждения праздно болтающей Скарлетт, Марианна спрыгнула с

кровати, подошла к столу и села за него. Потом она достала чистый лист бумаги и положила перед собой.

— Что ты собираешься делать? — спросила удивленная Скарлетт, прервавшись на полуслове.

Марианна хитро улыбнулась.

— Я собираюсь написать письмо режиссеру от имени отца, — объяснила она.

— Что ты задумала? — ужаснулась Скарлетт. — Ведь это будет настоящий подлог!

— Ничего страшного, — покрутила головой Марианна. — Отец об этом даже не узнает.

Я уверена, что он мне все равно не разрешит... К тому же я хорошо знаю почерк отца!

И она принялась писать: «Уважаемый господин режиссер, я пишу вам это письмо по поводу моей дочери Марианны Мак-Коунли...»

Девушка прикусила зубами кончик пера и задумалась, глядя в окно. Потом она покрутила перо в пальцах и стала писать дальше: «Я согласен дать разрешение моей дочери участвовать в вашей постановке...»

— Но это же гениально! — восхитилась Марианна сама собой и, возбужденная, вскочила со стула.

Она схватила лист бумаги с наполовину написанным текстом и принялась показывать письмо недовольной Скарлетт:

— Подружка, ты только посмотри! Это же решит все мои проблемы, и отец ничего не узнает! Так будет проще и для отца, и для меня! Получается, все будут довольны. Это просто прекрасно, что я придумала написать сама за мистера Мак-Коунли!

Скарлетт попробовала еще раз призвать к совести Марианны, но соседка совершенно не слушала. Мисс Мак-Коунли с горящими от радости глазами кружилась по комнате:

— Я буду играть на сцене!..

* * *

А на завтра мистер Спеншоу сказал:

— Помнится, я вас просил, милые леди, попрактиковаться в стихосложении? Я дал вам время, теперь ваша очередь. Порадуйте меня своими успехами.

По рядам прокатилась волна шушуканья. Девушки переглядывались, спрашивали друг у друга шепотом, написал ли кто-нибудь хоть что-то.

Среди всеобщего волнения только Скарлетт чувствовала себя спокойно. Ей почему-то казалось, что ее не вызовут. «Во всяком случае, если меня и вызовут, — думала девушка, — я не буду молчать. У некоторых хорошо получается придумывать на ходу. Попробую и я».

Учитель сел за стол, несколько минут молча смотрел на класс. Первой он вызвал Молли Харрисон.

Маленькая симпатичная девушка вышла к доске с тетрадкой в руках.

— Ого! — вырвалось у Марианны. — Судя по тому, что у нее в руках тетрадь, она что-то написала.

Скарлетт кивнула, не отрывая взгляда от Молли.

— Итак, мисс Харрисон, — повернулся к вызванной мистер Спеншоу. — Попробуйте начать. Не бойтесь, я вас не съем. Я думаю, все совершенно спокойно воспримут то, что у вас получилось.

Молли кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Только разрешите прочитать мне по тетрадке. Вы ведь не задавали нам учить стихотворение наизусть.

Моррис поднял брови.

— Разве вам трудно прочитать по памяти то, что написали вы сами? Ну ладно, если вам так удобнее, я не против. Пожалуйста.

Девушка открыла тетрадь и стала декламировать:

Я вижу сладкую улыбку и свет на его лице
Передо мной открываются бескрайние дали
Когда я думаю о том, что он живет рядом...

В классе кто-то засмеялся. Молли сразу смутилась и перестала читать.

— Мне очень жаль, — пробормотала она. — Я плохо написала, я знаю...

— Это еще как сказать, — возразил мистер Спеншоу. Во всяком случае, хорошо, что ты попробовала.

Скарлетт с немим изумлением смотрела на маленькую Молли Харрисон. «Я бы так никогда не сумела, — подумала О'Хара. — А то, что сделала Молли — просто какое-то чудо».

— Но ведь это выглядит глупо! — воскликнула Молли. — Надо мной смеются!

На глазах девушки мистер Спеншоу увидел слезы. Молли сделала руками движение, чтобы смять и порвать тетрадь со стихотворением.

Мистер Спеншоу быстро встал и отнял тетрадь у не успевшей опомниться девушки.

— Вот этого не следует делать! — горячо принялся увещевать ее учитель. — Вы попробовали! Вы сделали это! Это только ваш первый опыт, но он не такой уже и неудачный! Вы затронули очень важную тему — любовь. Эта тема фундаментальна не только для стихов, но и для самой жизни! А на то, что кто-то не выдержал, — он обвел класс грозным взглядом из-под насупленных бровей, — не обращайтесь внимания. Я вызову всех, и та неумная барышня, которая смутила вас, также будет иметь возможность выступить у доски и показать нам свое умение и способности.

Душа Скарлетт при этих словах учителя опустилась в пятки. «Ого! — подумала девушка. — Значит и мне предстоит выходить к доске. Что же, можно начинать придумывать стихотворение...»

Она загрустила, но скоро успокоилась, наблюдая за другими воспитанницами. Мистер Спеншоу отпустил Молли успокаиваться на ее место, и стал одну за другой вызывать девушек и спрашивать домашнее задание.

— Ну вот, — сказала Скарлетт самой себе. — Все ближе и ближе ко мне. А вдохновения как не было, так и нет.

Напрасно девушка морщила лоб в старательных поисках хотя бы нескольких слов, которые можно было бы поставить рядом.

Лист бумаги, лежащий перед ней, так и остался чистым, когда мистер Спеншоу остановил на Скарлетт свой уже несколько усталый взгляд и произнес:

— И наконец, мисс О'Хара. Прошу вас!

Большинство воспитанниц и в том числе подруг Скарлетт уже прошли через эти муки, и

теперь кто со злорадной, кто со снисходительной усмешкой смотрели, как тяжело Скарлетт встает с места и направляется к доске.

— Так что, мисс О'Хара, — повернулся учитель к ней, — вы порадуете нас чем-нибудь сегодня или нет? Как у вас было насчет вдохновения?

Скарлетт принялась лихорадочно соображать как быть. Вот так стоять и ничего не отвечать? Это выглядит как-то нехорошо. И ей самой к тому же немного стыдно перед учителем. Нет, надо показать, что она что-то пыталась сделать, но у нее ничего не получилось...

Девушка вытянула вперед руку и проговорила торжественно, с расстановкой:

Кот...

сидит...

на крыше...

Она действительно видела вчера из своего окна кота на крыше церкви. Животное сидело на самом краю, но нисколько не боялось. Кот был занят вылизыванием лапок и не обращал вокруг себя никакого внимания.

Если класс при первых словах Скарлетт затих, ожидая, что она расскажет нечто серьезное, то после того, как девушка неожиданно, но основательно замолчала, последовал взрыв хохота.

Скарлетт сделала реверанс.

— Все? — спросил мистер Спеншоу.

— Все! — кивнула девушка.

— Ну что ж, оригинальное стихотворение, — подумав, сказал учитель. И оригинальность его заключается в том, что на графике мистера профессора Лотвудамладшего — помните, мы проходили такого? (девушки радостно закивали) — составит ноль. Ничего!

Мистер Спеншоу посмотрел еще раз на опустившую голову Скарлетт и смилостивился над ней:

— Садитесь, мисс О'Хара.

Потом он прошелся по классу и принялся рассуждать:

— Простые слова не всегда означают простые мысли. Иной раз можно затронуть такие простые темы, как кот, — учитель нарисовал руками в воздухе кота, — солнце, — мистер Спеншоу показал за окно, — небо... Самое главное, чтобы была искра откровения. Старайтесь, чтобы ваши стихи не были банальными. Впрочем, я советовал бы вам всем, милые дамы, самим стремиться к тому, чтобы вы не были банальными.

Мистер Спеншоу замолчал. Скарлетт задумалась. Краем глаза она заметила, что Марианна Мак-Коунли сидит и не шелохнется.

Соседка смотрела на мистера Спеншоу во все глаза. «Она как бы пребывает в другом мире, — решила Скарлетт, — в мире, где есть только стихи, театр, она сама, а все взрослые думают, разговаривают и поступают не иначе, как наш мистер Спеншоу».

Чтобы вывести соседку из состояния оцепенения, Скарлетт толкнула ее локтем в бок.

— Эй, — шепнула она Марианне, — проснись!

Та с досадой оглянулась на Скарлетт.

— Ты с ума сошла. Мне ведь больно!

И потеряла рукой место, куда ткнула Скарлетт.

— Так, — тем временем сказал учитель. — Кто там у нас остался? Чья теперь очередь? Его взгляд остановился на Кларе.

— Мисс Ковальски? Я смотрю, вы чувствуете себя неловко. Потому что из всех я не спрашивал только вас. Пожалуйста, давайте на вас и закончим. Прошу к доске, мисс Ковальски.

Клара поднялась с места, но выйти к доске не спешила.

— Нет, — пробормотала она и умоляюще посмотрела на мистера Спеншоу. — Мне не хотелось бы...

Учитель поднял брови.

— Наша уважаемая мисс Ковальски считает: то, что находится внутри нее, не имеет совершенно никакого значения для окружающих. Собственная душа смущает ее. Не так ли, мисс Ковальски?

Он подошел к девушке почти вплотную и с интересом уставился на нее.

— Нет, мисс Ковальски. Я считаю, что внутри вас спрятано то, что имеет огромную ценность для всех нас. Не только для меня или, скажем, для остальных воспитанниц нашего пансиона. Нет! Для всех людей.

Клара опустила голову. Она снова покраснела от того, что к ней было приковано внимание многих людей.

— Хорошо, мисс Ковальски, — сказал, помолчав несколько секунд, мистер Спеншоу. — Я сделаю для вас подарок. Я не стану вас вызывать к доске. Но... Я спрошу вас на месте. Скажите, вы не находите, что ваше смущение мешает вам нормально жить?

Клара не ответила, лишь пожала плечами.

— Я делаю вывод, что вы согласны со мной, мисс Ковальски. А согласны ли вы с такой мыслью: ваше смущение будет вам мешать жить и в дальнейшем?

На этот раз Клара кивнула, и даже произнесла тихо:

— Да, согласна.

— Отлично! — обрадовался учитель. — Тогда я бы хотел помочь вам преодолеть смущение.

— Но как? — подняла Клара на Морриса страдальческие глаза.

Хотя мисс Ковальски были выше всех остальных воспитанниц пансиона, мистер Моррис Спеншоу был все-таки еще выше. Поэтому девушке приходилось смотреть на учителя снизу вверх.

— Вот вы сейчас подняли на меня глаза, — сказал преподаватель литературы. — Я могу предположить, что вы всю жизнь только и делали, что смотрели на всех снизу вверх. А вспомните, как я вам предлагал несколько уроков назад посмотреть на окружающий мир сверху!

Скарлетт заулыбалась, припомнив необычный урок Морриса. Оживились и другие девушки.

— Нет, мисс Ковальски, залезать на стол не надо, — сказал улыбнувшись, учитель. — Просто представьте, что вы это сделали. Ведь не будете же вы залезать на стол каждый раз в жизни, когда потребуется перебороть смущение.

Клара, смотрящая в веселые глаза мистера Спеншоу, улыбнулась и отрицательно покачала головой:

— Нет не буду.

— Важно запомнить чувства, которые вы испытали, стоя на столе. Ну-ка, вспомните те чувства, мисс Ковальски, прошу вас...

Клара честно наморщила лоб.

— Ну как? — спросил Моррис. — Припоминаете?

Сосредоточенное лицо девушки озарилось счастливой улыбкой.

— Припоминаю... Честное слово, господин учитель, я припоминаю!

По виду Клары теперь стало заметно, что она в самом деле готова вскочить на стол.

— Вот и прекрасно! — громко воскликнул мистер Спеншоу. — Замечаете, что вашего смущения поубавилось? Кстати, я это уже заметил, да и другие девушки, думаю, тоже.

Клара обвела заинтригованным взглядом класс.

— Точно! — вырвалось у Скарлетт. — Клара, да ты сама на себя не похожа!

Мисс Ковальски непонимающе подняла брови.

— В хорошем смысле, — поправилась Скарлетт. — Ты даже сутулиться перестала!

— И прекрасно! — кивнул мистер Спеншоу. — А теперь я попросил бы вас, мисс Ковальски, закрепить ваши ощущения. Ощущения, при которых у вас отсутствует смущение!

У Клары пересохло во рту.

— Но как? — дрогнувшим от волнения голосом спросила она.

Мистер Спеншоу отошел от девушки на несколько шагов, круто развернулся и выпалил:

— Крикните что-нибудь!

Клара округлила глаза:

— Крикнуть?

— Да! Ну, не хотите кричать, взвизгните!

Девушка беспомощно огляделась вокруг.

«Ну и неумека, — думала в это время Скарлетт. — Уж если бы ко мне обратились с такой просьбой, я бы не ударила лицом в грязь...»

— Нет, так не пойдет! — воскликнул мистер Спеншоу. — Ваша смелость снова спряталась в тень. Вас пугает то, что в классе много слушателей и зрителей. В лесу бы вы не задумываясь исполнили мою просьбу, мисс Ковальски!

Он подскочил к Кларе и сказал:

— Ну, если хотите, давайте вместе!

И, не давая опомниться девушке, учитель закричал:

— Эй! Ого!! Эге-гей!

Клара издала какой-то писк, но мистер Спеншоу уже снова говорил:

— Мобилизуйте все свои силы, соберите волю... Итак, я слушаю, давайте!!!

Девушка крикнула.

— Молодец! Еще!

— Эй!! — крикнула Клара значительно громче.

— Прекрасно! — оценил учитель. — А теперь — изо всех сил!

Мисс Ковальски сделала свирепое лицо и пронзительно завизжала.

У сидящих в классе заложило уши. Скарлетт восхищенно проговорила:

— Ну дает! Ну у нее и горло!

— Я от нее тоже такого не ожидала! — отозвалась Марианна Мак-Коунли.

Воспитанницы развеселились.

— Если хотите, можем попробовать преодолеть смущение вместе, — предложил

учитель. — Хотите?

— Да!!! — раздалось со всех сторон.

— Тогда поехали! Три, четыре...

После этих слов поднялся такой визг, что в окнах задрожали стекла. Мистер Спеншоу с растянутым в улыбке от уха до уха ртом опустил на стул, зажав руками уши и зажмурив глаза.

Потом махнул рукой, командуя перестать визжать.

— Достаточно! Прекрасно! — прокричал он. — Вы все заслуживаете самых высоких оценок!

Дверь класса отворилась, и на пороге появились бледные мисс Джонстаун и миссис Хиггинс.

Возникла неловкая пауза.

Воспитанницы, только что и с таким успехом демонстрировавшие, как они умеют избавляться от смущения, все, как по команде, покраснели и опустили головы.

— Что у вас происходит? — спросила хозяйка пансиона. — Мистер Спеншоу, потрудитесь объяснить.

Учитель поднялся и ответил:

— Что происходит?.. А что происходит? Идет обыкновенный урок литературы...

Моррис сел, раздосадованный. Почти ни один его урок не проходил без появления встревоженных женщин. Как тяжело было работать в такой обстановке!

* * *

После этого урока авторитет Морриса Спеншоу среди воспитанниц неизмеримо вырос. Скарлетт заметила, что девушки перестали называть учителя литературы обидными прозвищами, какие сохранили за другими преподавателями пансиона.

На уроки литературы стали ходить с большей охотой, слушали учителя с большим вниманием. Нередко по вечерам обсуждали то, что слышали в классе.

Скарлетт решила, что настало время провести второе заседание Клуба сумасшедших литераторов. «А не пригласить ли в грот самого мистера Спеншоу? — подумала девушка. — Ведь ему было бы приятно и интересно».

Но она рассудила, что это будет слишком смелым и даже рискованным шагом. Все-таки, каким бы близким и симпатичным ни казался им учитель, он был взрослым. Он принадлежал к клану воспитателей! «Нет, — рассудила Скарлетт. — Пусть подруги сами решат позвать его или нет, я настаивать не буду».

Одновременно с такими мыслями мисс О'Хара все отчетливей чувствовала ревность. Да, она ревновала к своим подругам мистера Спеншоу! Ведь было время, когда только она говорила всем им, что он стоящий человек. Никто с ней тогда не соглашался. А теперь, когда воспитанницы готовы были носить его на руках, Скарлетт просто зеленела от злости, когда например Клара Ковальски или Анна Сент-Уайт, широко раскрыв глаза начинали говорить:

— А еще мистер Спеншоу мне сказал на перемене...

Скарлетт умом понимала, что молодой учитель стал девушкам кем-то вроде старшего брата, но ее все равно коробило общее внимание всех воспитанниц к предмету ее давних симпатий.

Итак, у мисс О'Хара возникла идея провести второе заседание Клуба сумасшедших литераторов. Скарлетт высказала свое предложение Марианне и с удивлением услышала:

— Слушай, а ведь я тебе то же самое хотела сказать. Ты буквально с языка сняла эту идею.

Глаза подруги светились от предвкушения предстоящего ночного похода.

Нечего и говорить, что остальные девушки приняли на ура предложение очередной раз посетить грот.

Отправились тем же вечером. Скарлетт заметила, что Тина несла что-то объемное, завернутое в материю. Но она не стала приставать с расспросами. «Тина сама все расскажет, если захочет, — подумала Скарлетт. — А если не захочет, то расспрашивать бесполезно».

Тайна выяснилась сразу же. Когда девушки расселись, как и в первый раз, на одеялах вокруг ящика, Тина с торжественным видом распаковала и поставила на импровизированный стол старую керосиновую лампу.

— Вот! — объявила она. — Как вы думаете, что это такое?

— Как что? — пожалала плечами Барбара. — Лампа!

— Нет, — усмехнулась мисс Тейлор. — Это бог грота!

С этими словами Тина поднесла зажженную спичку к фитилю. Появился маленький огонек. Он увеличился, когда девушка покрутила фитиль.

— Вот, — сказала она. — Теперь этот бог на нас смотрит.

Веселушка стояла, сцепив ладони у груди и любовалась результатом своего труда.

— Ну и ну, — проговорила Молли. — Ты стала поэтессой.

Другие девушки восхищенно вздыхали.

— Да, — вдруг проговорила Молли Харрисон. — Все это красиво: бог грота, ночные походы, романтика, стихи... Но я не могу жить без одного молодого человека, и при этом не могу с ним разговаривать...

— Что? — не поняла Скарлетт. — Что это ты такое мудришь?

— Попытаюсь объяснить, — горестно промолвила Молли. — Я не знаю, со мной это творится уже давно. Я все молчала, подружки. Но теперь... Может быть, это грот на меня так подействовал?

— У тебя был молодой человек, — подсказала Марианна Мак-Коунли. — Если я не ошибаюсь, его звали Чарли Криггс. Что изменилось с тех пор? Тебе понравился другой?

— Бог мой, как ты могла подумать такое? — воскликнула Молли. — Нет, я говорю все о том же Чарли Криггсе. Но вот что происходит. Хоть я постоянно думаю о нем, я не могу проговорить с ним и пяти минут...

— Как это? — спросила Тина.

— А вот так! — кивнула Молли. — Чарли несколько раз уже подкарауливал меня то у ворот, то у этого самого пролома в стене, через который мы ходим сюда. И я не скажу, что не жду встреч с ним. Но только он открывает рот, как я ничего не могу с собой поделаться. Меня просто душит желание поскорее отправить его домой. А он только обижается...

Скарлетт посмотрела на девушку ободряюще:

— Но ведь он приходит снова?

— Приходит, — кивнула та. — Но, думаю, что скоро его терпение иссякнет. Как он сможет узнать, что на самом деле он мне не безразличен? Он решит не быть назойливым.

— Но я не понимаю, — сказала Скарлетт. — Что с тобой происходит?

— Если бы я знала, — вздохнула Молли. — Я бы тогда решила свои проблемы сама.

— А по-моему, — предположила Тина. — Ты, подружка, просто смущаешься. Точнее говоря, ты боишься своего молодого человека. Только сама себе не признаешься в этом. Так сказать, не осознаешь. Боишься его, и потому стремишься избавиться от предмета страха.

— От страха? — наморщилась Молли.

— Именно!

Молли хотела что-то сказать, но тут в разговор вступила Клара:

— Но ведь ты же кричала тогда на уроке вместе с нами! Ты можешь преодолеть свое смущение!

— Так то — на уроке! — протянула Молли. — Ведь там мы были все вместе!

— Нет, так не пойдет, милая, — покачала головой Скарлетт. — Тина, по-моему, права.

Нельзя так смущаться.

— Если бы я могла потренироваться, — захныкала маленькая мисс Харрисон. — Вот как Клара. С третьего раза закричала. Я бы тоже, немного потренировавшись, пересилила бы себя.

Скарлетт хитро посмотрела на Молли, потом на подруг.

— Немного потренировавшись? — и тряхнула головой. — Хорошо! Мы устроим тебе тренировку! Марианна!

Мисс Мак-Коунли подняла голову:

— Что?

— У тебя это должно лучше получиться... Ты у нас будешь Чарли Криггсом...

Марианна оценила то, что Скарлетт не выдала тайны ее увлечения театром. Но все же предложение соседки по комнате было неожиданным.

— Что? — воскликнула Марианна. — Но я даже не видела его!

— Ну и что? — парировала Скарлетт. — Молли его тебе опишет! Молли!

— Что?

— Какой из себя твой Чарли?

Молли задумалась.

— Он... красивый, — наконец, произнесла она.

Скарлетт издала стон.

— Красивый? Марианна, понимаешь? Будешь изображать красивого молодого человека!

Марианну стала захватывать идея Скарлетт. Она улыбнулась и кивнула:

— Молли скажет, получается у меня или нет.

Мисс Мак-Коунли встала и прошла по пещере.

Девушка постаралась передразнить походку делового человека, который куда-то спешит, совершенно не думая ни о чем постороннем, как только о своей работе. Подбородок у груди, плечи опущены, спина согнута. И при этом утрированно широкие шаги.

Девушки захихикали.

Правда, Марианне было нелегко изобразить этого абстрактного молодого человека, так как площадь грота была невелика. Пролетев вышеописанным образом несколько шагов, девушка уткнулась в стену.

Вдобавок она ударила коленку и присела, морщась от боли.

— Искусство требует жертв! — констатировала Тина. — Послушай, Марианна, у тебя настоящий талант!

— Скажешь тоже! — простонала, преодолевая боль, Марианна. — Ну как, Молли, хоть немного похоже?

Но мисс Харрисон отрицательно покачала головой.

— Нет, нисколько.

— Черт возьми, — вздохнула Марианна. — Вот и я чувствую, что не очень-то у меня мужчина получился.

Скарлетт, отсмеявшись свое, сорвалась с места.

— Это все потому, что ты в платье, а мужчины ходят в штанах. Поверь мне, от этого все неприятности!

— И то, что я ударилась, — мрачно пошутила мисс Мак-Коунли.

— Не исключено! — парировала Скарлетт. — Я вообще удивляюсь, как это ты, летая туда-сюда в этой полутьме, не запуталась в подоле и не упала. Тебе нужно просто освободить ноги. Получится полное ощущение, что ты — мужчина!

— А ты-то откуда знаешь? — спросила недоверчивая Барбара Форман.

— Знаю, — кивнула Скарлетт. — Мне приходилось в детстве бегать в штанишках. К тому же, один мой сорванец-приятель надевал на спор мою юбку. Он подробно мне рассказывал о своих ощущениях. Так что в случае с Марианной нужно только эти рассуждения зеркально перевернуть. Результат тот же.

Девушки захихикали.

— Но я не смогу здесь снять платья! — с улыбкой отмахнулась мисс Мак-Коунли. — Давай как-нибудь обойдемся без этого!

— А зачем снимать? — воскликнула Скарлетт. — Смотрите, как можно сделать! Ведь оно прекрасно задирается!

С этими словами девушка вскочила на ноги и, сжав в кулачках подол платья, подняла его выше коленок и завела руки за спину.

Получилось, что на Скарлетт платья будто бы и нет. То есть оно сверху есть, а ниже пояса — панталончики с кружевными оборками.

— Ой, какие у тебя ножки! — пропищала восхищенная Барбара. — Мне бы такие!

Мисс О'Хара нагнулась и посмотрела на свои коленки.

— Ноги как ноги! — она пожала плечами.

Потом Скарлетт, не отпуская подола платья, прошлась по гроту, повторяя ужимки Марианны.

Девушкам снова стало весело, заулыбалась даже Молли.

— Ну как? — спросила Скарлетт. — Я себя чувствую мужчиной. Честное слово. Ко как это выглядит со стороны?

Молли взмахнула рукой и проговорила:

— Ладно, Скарлетт, хватит! Я ценю твою идею, но мне достаточно будет обычного вида Марианны.

— Точно, — сказала Тина. — Пусть Марианна опустится на одно колено. Как делают в романах...

— Только не на больное! — с жаром воскликнула мисс Мак-Коунли.

— Естественно, — заверила Тина, прижимая руки к груди. — Как ты могла подумать, что я не беспокоюсь о твоём здоровье!

Хихиканье.

Скарлетт посмотрела на подруг и отпустила подол. Через секунду платье приняло первоначальный вид, благо, оно было сшито из плотной материи.

— А ты, — Скарлетт повернулась к втянувшей голову в плечи мисс Харрисон. —

Представь, что перед тобой твой Чарли. Как он к тебе обращается?

— Мисс Харрисон, — подала голос Молли.

— О Боже! Он даже не зовет тебя по имени!

Скарлетт не могла спокойно говорить от возмущения — ее всю колотило.

Мисс Харрисон, напротив, была преисполнена самого натурального спокойствия.

— Да. Я ему не разрешила.

— Молли, положительно ты дурочка, — процедила сквозь зубы Скарлетт. — Каменный век. Парень ей нравится, а она держит его в черном теле.

Мисс О'Хара оглянулась на подруг, как бы предлагая присоединиться к осуждению такого поведения.

— Она делает все, чтобы от него избавиться! — добавила Барбара.

— Нет, так нельзя, — заявила Клара Ковальски.

— Конечно, — кивнула Скарлетт. — Если меня не хочешь слушать, то послушай их! — она показала рукой на девушек. — Ты должна перебороть себя. Мы с Марианной сейчас тебе поможем. Проведем, так сказать, игру... Марианна, начни пожалуйста. Представь, что ты — это Чарли. Молли, что там такое тебе Чарли говорит всегда?

— Ой, нет, — замахала руками мисс Харрисон. — Я не могу. Нет, не могу.

— Перестань, — сказала Марианна. — Мы поможем тебе. Ты еще сама потом будешь благодарить нас. Ну, если не хочешь играть, как в театре, тогда просто расскажи, зачем Чарли приходил к тебе в последний раз. Кстати, а когда это было?

— Вчера вечером! — сказала Молли.

— И чего он хотел?

— Пригласить меня на свой день рождения.

— А ты?

— А я отказала. Как всегда. Сказала, что ни за что не пойду.

В разговор Марианны и Молли вмешалась Клара Ковальски.

— У тебя что, просто язык не поворачивался согласиться? — мисс Ковальски говорила на повышенных тонах. — Ведь это так легко — согласиться! Поставь себя на место мужчины — им гораздо труднее, потому что надо упрашивать. А тебе что? Согласилась — и все!

— Давай все-таки попробуем, — Марианна подошла к Молли и взяла ее за руки. — Вот смотри, я — это Чарли... Не могли бы вы, мисс Харрисон, согласиться посетить меня?

Молли посмотрела на Марианну, шмыгнула носом и вдруг заговорила:

— Посетить? А по какому поводу?

Слова давались ей сперва с трудом. Молли оглядывалась на подруг, потом постепенно перестала замечать их и уже говорила с одной Марианной:

— Почему это вы меня решили пригласить к себе, мистер Криггс-младший?

— Но у меня день рождения! — ответила Марианна. — Вы сделаете мне огромное одолжение, если согласитесь на этот визит, дорогая мисс Харрисон.

Молли смотрела, как на лице собеседницы плясали тени. Марианна старалась говорить басом, чтобы больше походить на мужчину.

— Я давно слежу за вами, мисс Харрисон, — говорила молодая артистка, все больше входя в роль. — Я каждый день прихожу к этим — девушка показала рукой на стену грота, — камням, чтобы хоть на один момент иметь счастье увидеть ваш лик. Не откажите мне, мисс Харрисон, потому что вы осчастливите меня до конца дней моих...

Молли смотрела не мигая, но со стороны казалось, что она смотрит не на Марианну, а

куда-то дальше. Видимо мисс Харрисон действительно представляла перед собой настоящего Чарли Криггса.

— Боже мой, как красиво-то! — вздохнула Барбара. — Молли, ну ответь ты ей... ему!

Глаза той, к кому обращалась Барбара, постепенно наполнились слезами.

— Чарли, я согласна! — прошептали губы Молли.

Она опустила голову под внезапно раздавшиеся аплодисменты девушек.

— Ну вот и все, Молли! — сказала Анна Сент-Уайт. — Видишь, ты сейчас сделала две вещи, причем абсолютно спокойно. Ты назвала своего молодого человека по имени и согласилась прийти к нему на день рождения. Почему бы тебе не повторить ему эти слова, когда он посетит тебя в очередной раз? Ты так обрадуешь его!

— Точно, Молли! — поддержала Анну Скарлетт. — Ты запомни эти чувства, которые у тебя возникли в момент твоих слов. А если трудно, мы запросто сможем повторить. Правда, Марианна?

Юная актриса посмотрела на Скарлетт, потом на Молли и молча кивнула.

Молли встретила взглядом с той, которую только что принимала за Чарли.

— Ты, Марианна, здорово мне помогла. Но не надо больше изображать Чарли, ведь он совсем не такой. Да и я все запомнила. А тебя я готова расцеловать.

И мисс Харрисон подошла к соседке Скарлетт, порывисто обняла ее и чмокнула в щечку.

Марианна потупилась, а когда снова подняла глаза, ее лицо приняло обычное чуть насмешливое выражение. Скарлетт посмотрела на свою соседку с настоящей гордостью:

— Марианна, ты просто молодец! Я так рада за тебя! Я уверена, что из тебя выйдет прекрасная актриса!

Скарлетт сказала и тут же осеклась. Но девушки не поняли, что мисс О'Хара проговорила. Они оценили актерский талант Марианны Мак-Коунли и подумали, что Скарлетт сказала комплимент подруге в общем смысле.

Иного мнения была сама Марианна. Она просияла и взволнованно заговорила:

— Ну вот, правда! Теперь у меня в запасе мужская роль!

И, посмотрев на соседку, добавила:

— Да ладно, Скарлетт, я думаю, давно можно было сказать о том, что я собираюсь стать актрисой.

— Ты? Актрисой? — недоверчиво протянула Барбара Форман. — А где ты будешь играть?

— Как где? — воскликнула она. — В нашем городе есть театр!

— Ну и что? — не сдавалась Барбара. — Театр сам по себе! Мы ведь живем в пансионе. Нас туда не выпустят даже на просмотр спектакля! Ты не сможешь сейчас проникнуть в театр! Только если таким же образом, как в этот грот. Ты что же, Марианна, намерена ждать окончания курса обучения?

— Нет, — ответила мисс Мак-Коунли. — Дело в том, что я на свой страх и риск предприняла кое-какие шаги. И, самое удивительное, получила положительный результат.

— О чем это ты? — заинтересовалась Тина.

— Городской театр будет ставить пьесу Вильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». Я решила попробоваться на роль Джульетты...

— И что? — не дослушала до конца Барбара.

— Режиссер написал мне, что ему я понравилась больше всех...

Тина подскочила к Марианне и принялась тормошить ее.

— Так ты действительно будешь актрисой? Тебя заметили? Мы учимся рядом с гениальностью?

— Отстань, Тина, — вяло отмахивалась Марианна. — Какая там гениальность...

— Мы видели, какая! — говорила мисс Тейлор.

Марианна напустила на себя страшно недовольный вид, но Скарлетт была все равно уверена, что соседке приятна реакция подруг.

И причиной всего надо было считать оригинального учителя литературы, который меньше месяца назад принялся доказывать девушкам, что они вовсе неординарные особы.

В один прекрасный день мистер Моррис Спеншоу озадачил девушек тем, что предложил им всем покинуть класс и выйти во двор.

Девушки вышли и стали перед клумбой. Через несколько секунд на ступенях пансиона показался учитель. Он быстро подошел к воспитанницам и проговорил:

— Так, прекрасно. Вы догадываетесь, зачем я перенес урок литературы сюда?

— Нет! — ответила за всех Скарлетт.

Мистер Спеншоу посмотрел ей в глаза.

— Неплохо, — оценил он. — Неплохо, что вы набрались смелости сказать за ваших подруг. Сегодня мы говорить не будем. Мы будем ходить.

И учитель, не замечая удивленно-недоуменных взглядов, которые устремились на него со всех сторон, продолжил:

— Для начала я попрошу мисс Скарлетт пройтись вокруг этой клумбы. А все постоят и посмотрят.

Скарлетт сделала круг степенной походкой.

— Спасибо, — поблагодарил учитель. — Минутку терпения, и вы все поймете. Теперь пусть пройдет мисс Анна Сент-Уайт...

В течение непродолжительного времени мистер Спеншоу заставил каждую девушку обойти клумбу. Остальные, до предела заинтригованные, наблюдали.

— Вы обратили внимание, что каждая из вас двигается по-своему? — спросил учитель, когда последняя из воспитанниц, Барбара Форман, семеня, приблизилась к классу с другой стороны клумбы. — Анна Сент-Уайт идет спокойно, думая, что рано или поздно она достигнет цели. А мисс О'Хара, например, думает: как бы скорее добежать?

Девушки захихикали.

— Но я вас попросил пройтись не для того, чтобы исправить вам походку, — сказал учитель. — Этим занимается мистер Спудл на уроках танцев. Меня интересует другое. Меня интересует, как ваши души, милые леди, соответствуют вашим походкам.

Он передохнул и окинул взглядом шутившихся на солнце девушек.

— Я хочу успокоить вас, молодые дамы, — улыбнулся учитель. — Вы ходите просто великолепно. Занятия танцами пошли вам на пользу. Вы грациозны, независимы, привлекательны... Особенно мисс О'Хара и мисс Харрисон... Когда-то вы сюда приехали неловкими пухленькими девчушками?

Воспитанницы переглянулись.

— А я хочу сказать, что душа находится в связи со всеми частями тела, милые воспитанницы. Да, да, мисс Форман, не морщите ваш очаровательный носик! И на моих уроках вы можете не только развить чувства души, но и, как следствие, добиться еще более отточенной походки... — Мистер Спеншоу усмехнулся. — Как я понимаю, вас всех это серьезно интересует.

— Конечно! — сказала Скарлетт, набравшись смелости. — Мы просто не сможем спать спокойно, если вы нам не отточите походку!

Все засмеялись.

— Хорошо, — кивнул учитель. — Если честно, мне просто надоело находиться все время в классе. Что это такое — однообразные уроки...

Девушки зашушукались, отмечая необычную откровенность мистера Спеншоу.

— А теперь урок окончен, — неожиданно объявил учитель. — Погода прекрасная! Можете пройтись по двору и отработать вашу походку. А можете присесть на скамейку с книжкой и порадовать душу. И если вам такая мысль по душе — можете наградить меня аплодисментами.

Девушки весело переглянулись и стали хлопать в ладоши.

— Мы тоже можем сказать вам честно! — воскликнула Тина Тейлор. — Побольше бы таких уроков литературы, господин учитель!

Моррис поблагодарил девушек за откровенность и распустил класс. Он не видел, что из окна второго этажа за ним и его уроком наблюдала хозяйка заведения миссис Хиггинс, тщетно пытаясь разгадать причину досрочного окончания занятий по литературе...

* * *

Молли Харрисон вышла в сад, потому что в глубине души чувствовала: Чарли сегодня придет наверняка. «Его не было уже три дня! — думала девушка. — Почему он не приходил сюда? Потому что обиделся на мое поведение? На то самое, от которого девушки отучали меня в гроте? Но ведь он отходчив, мой Чарли! Неужели он не придет? Я просто не выдержу, если он не появится сегодня вечером!»

Молли в эти три дня каждый вечер пребывала примерно в том же настроении. Она гуляла по саду, по двору. Подходила к воротам, выглядывала на улицу. Подходила к пролому в стене и долго оставалась там.

Чарли все не было, не было даже никакой записки от него.

И вот настал третий вечер. Молли даже не сразу отважилась направиться к пролому в стене. Она размышляла: «А может быть мне лучше не стремиться увидеться с ним? Что принесет мне это свидание? Я готова ему признаться в любви, а он может быть появится только для того, чтобы объявить мне о своем согласии по моим настойчивым просьбам отступить от меня. Не лучше ли оставить все так как есть?»

Тяжелы и мучительны были эти размышления! Но в конце концов Молли сама не заметила, как ноги принесли ее в заброшенный уголок пансионного сада.

— Эй! — раздался вдруг тихий голос. — Мисс Харрисон! Добрый вечер!

Молли оглянулась. Чарли Криггс выходил из-за дерева. Оказывается, он уже проник на территорию пансиона некоторое время назад и на свой страх и риск решил совершить путешествие по пансионному саду.

Молли не рассердила, наоборот, ее рассмешила форма неожиданного обращения к ней парня. «Эй!» — сказал он безо всяких вежливых ухищрений, потому что не этот возглас шел из глубины души. Чарли как только увидел девушку, так сразу и крикнул, опасаясь, что Молли его не заметит.

— Добрый вечер! — приветливо отозвалась Молли. — Что случилось?

Она постаралась вести себя так, словно перед ней была одна из ее подруг.

— Ничего, — ответил Чарли. — Просто сегодня мой день рождения.

Молли округлила глаза:

— Так это сегодня ваш день рождения? — она встряхнула головой. — Вот уже не думала, что успею вас поздравить... Вы ведь мне говорили об этом довольно давно...

— Правильно, — кивнул Чарли, — говорил давно, потому что хотел пригласить заранее. Но сам день рождения — именно сегодня. Мисс Харрисон, — юноша покраснел, но не отвел пристального взгляда от лица девушки, — а вы в самом деле хотите меня поздравить с праздником?

— Да!

— Тогда поздравьте, если вам не трудно, — попросил Чарли. — Знаете, для меня это так важно...

— Ну что же, — сказала, чуть помешкав, Молли. — Поздравляю от души...

Она подошла к юноше, взяла его за руку и легонько пожала холодные дрожащие пальцы. Как только Чарли почувствовал ладонь девушки, он перехватил ее, опустился на колени, и припал губами к девичьей руке.

Молли, сама не зная отчего и удивляясь собственной смелости, принялась гладить молодого человека по голове.

— Мой дорогой Чарли, — бормотала она. — Мой дорогой Чарли...

По щекам девушки текли слезы.

— Что? — вскричал молодой человек. — Мисс Харрисон! Не ослышался ли я?

— Нет, Чарли, нет, — принялась повторять Молли. — Ты не ослышался, мой дорогой. Я зову тебя по имени, и ты тоже можешь обращаться ко мне так. Пожалуйста, не надо больше мисс Харрисон, пусть будет просто Молли...

Юноша поднялся с колен и посмотрел девушке в глаза.

— У тебя сегодня день рождения, — сказала Молли. — Прости меня, я чувствую себя последней дурой. Ведь я не смогу пойти к тебе. Меня никто не отпустит.

Чарли Криггс смотрел на Молли во все глаза. Он все еще боялся поверить своему счастью. Ведь все произошло так неожиданно...

А Молли продолжала:

— Хотя нет, о чем это я? Если хочешь, я сейчас же пойду к миссис Хиггинс и все ей расскажу. Я скажу, что вернусь в пансион еще до наступления темноты, и, я уверена, она меня отпустит. А если она вдруг будет против, то я скажу, что за мной присмотрит миссис Штикк. Ведь она будет у тебя сегодня вечером?

— Молли, Молли, — с грустной улыбкой остановил ее молодой человек. — Ничего не будет, я попросил отца и мать отменить праздничный вечер...

— Но почему?

— А ты не догадываешься? Потому, что ты не хотела соглашаться прийти ко мне. Понимаешь? Зачем мне праздник, если я не смогу увидеть там тебя? Я все рассказал отцу, и он меня понял. Он сказал матери: не надо мучить Чарли.

Молли от изумления молчала целую минуту.

— Чарли? Я и не подозревала, что доставляю тебе столько боли. Милый мой, прости меня, пожалуйста, ну прошу тебя.

Молодой человек порывисто обнял ее.

— Не стоит, дорогая моя, теперь об этом говорить. Что было, того уже не вернуть...

Потом он оживился:

— Но ведь это в конце концов не важно! Теперь я чувствую, что мне не нужен этот праздник дома.

— Правда? — отстранившись от него, спросила девушка. — Ты действительно так думаешь?

— Конечно, дорогая, — сказал Чарли. — И я не грущу, совершенно не грущу. Ты только что мне сделала настоящий подарок.

— Но чем же?

— Как чем? Своими словами! Скажи, Молли, — Чарли принял серьезный вид и даже немного заволновался. — А это значит, что ты не будешь отправлять меня, когда я буду приходить к тебе?

— Конечно не буду! — воскликнула мисс Харрисон. — Хватит, я достаточно тебя помучила. Теперь ты можешь приходить ко мне в любое время, только не во время уроков, конечно, и настала твоя очередь помучить меня!

— Мучить тебя? — молодой человек счастливо рассмеялся. — Нет, я не буду тебя мучить. Я тоже был порядочный зануда. Приходил сюда, когда мне вздумается, подстерегал тебя... Да кто угодно мог начать бояться такого преследования, не только ты, моя маленькая...

И он снова привлек девушку к себе.

— Теперь я не буду преследовать тебя, уж я тебе обещаю, — продолжал юноша. — Я буду появляться, только если ты меня позовешь. Правда, я не знаю...

Он в нерешительности замолчал.

— Что, милый? — спросила девушка.

— Я не знаю, позовешь ли ты меня? — сказал Чарли.

Он отважно взглянул собеседнице в лицо, ожидая сурового приговора.

— Позову, — кивнула Молли. — Обязательно позову.

Юноша тихо застонал, потом отошел на полшага от девушки и опустился на густую траву. Он лег на спину и уставился в небо. Потом закрыл глаза.

— Что случилось? — забеспокоилась Молли. — Тебе плохо?

Не открывая глаз, молодой человек вместо ответа отрицательно качнул головой. Потом вновь заговорил:

— Мне, наоборот, слишком хорошо, — ответил он. — Подожди, маленькая моя, не спрашивай. Дай мне привыкнуть к тому, что произошло.

Молли замолчала. Она присела рядом с Чарли, сорвала травинку и стала бездумно грызть ее.

— Но что с тобой случилось? — спросил наконец Чарли. — Почему ты так резко изменила отношение ко мне? Я еще до сих пор не верю, что ты — это ты!

Молли вздохнула.

— Это я, — тихо сказала она. — Но и не только я...

Чарли привстал на локте.

— Как это?

— Понимаешь, — принялась объяснять девушка. — Ведь ты всегда мне нравился. У меня просто смелости не хватало сказать тебе об этом. Ко мне помогли мои подруги.

— Ты им рассказала обо мне! — воскликнул юноша.

Молли кивнула.

— Ну да, а что мне оставалось делать? Я чувствовала, что поступаю плохо, неправильно... Но ничего не могла с собой поделать.

— А они?

— Они мне объяснили, что я — самая настоящая дура, — горестно усмехнувшись, проговорила Молли. — И, знаешь, перебороть себя мне помог еще один человек...

— Как?! Еще один!

— Ты сердишься?

Чарли ласково посмотрел на нее.

— Пожалуй, нет. Но кто еще помог тебе, что это за история?

— Это наш учитель литературы. Он совершенно особенный человек. Он нас всех, не только одну меня, заставил посмотреть на самих себя с другой стороны. Заставил поверить в собственные силы...

— Ох, Молли! Ты рассуждаешь, как мужчина!

Девушка улыбнулась.

— Тебя это пугает?

— Нет, — покачал головой Чарли. — Но это все так необычно.

Он сел и положил руку девушке на плечо.

— Молли, как его зовут?

— А зачем тебе? Нет, пойми меня правильно, Чарли, я вовсе не хочу сказать, что не доверяю тебе. Но зачем тебе знать имя учителя?

— Я скажу миссис Штикк, чтобы она как-то отметила этого вашего учителя. Судя по твоему рассказу, он в высшей степени высокородный и, главное, талантливый человек!

— Ты еще с ним познакомишься, я уверена. Но говорить что-либо ни миссис Штикк, ни кому-то другому не следует, — подумав, решила девушка. — Знаешь, у него, этого учителя, некоторые сложности с миссис Хиггинс.

— Нелады? Да этого человека надо носить на руках!

— Это ты так думаешь, и так думаем мы, воспитанницы. Потому что мы молодые люди, у нас нет предрассудков. Но мне кажется, что миссис Хиггинс думает иначе. По ее мнению, у нас в пансионе должны сохраняться добрые старые традиции. Пансион благородных девиц! Этим все сказано.

— Но ведь это она пригласила вашего учителя на работу?

Молли кивнула.

— Да, но пусть она лучше не будет знать, как этот человек проявляет себя. Насколько он прогрессивен. Мне кажется, он просто обогнал свое время...

— Послушай, — Чарли смотрел на девушку восхищенными глазами, — я и не предполагал, что ты у меня такая умная! Твои рассуждения о времени...

— Они шокируют тебя?

— Признаться, да...

— Хорошо, я буду молчать, если ты хочешь. Я не хочу выглядеть умнее тебя.

— Перестань, — засмеялся молодой человек. — Ты слишком плохо думаешь обо мне. Мне будет только приятно, если я буду нравиться такой образованной и разумной девушке как ты!

Молли нерешительно посмотрела на юношу.

— А твои родители?

Вопрос мисс Харрисон поверг юношу в изумление. «Она думает о моих родителях, значит она всерьез относится ко мне! — мелькнуло в голове молодого человека. — Боже мой, чем я заслужил такое счастье!»

— Молли, дорогая, уверяю тебя, что мои родители — порядочные люди и самых прогрессивных взглядов.

— Нет, — лукаво улыбнувшись, покачала головой девушка. — Знаешь, как бывает —

человек проявляется в конкретных обстоятельствах...

— Не надо бояться, Молли. У тебя есть защитник, это я. К тому же, если папа или мама что-то плохое подумают о тебе, я поссорюсь с ними на всю жизнь.

— А как они думают обо мне сейчас?

— Уверяю, они души в тебе не чают! Ты на них произвела самое благоприятное впечатление!

— Неужели?

— Представь себе!

Молли закрыла глаза.

— Им хватило одного вечера...

— Но они знакомы с твоими родителями, — напомнил ей молодой человек.

Девушка недоверчиво усмехнулась.

— Знаешь, если на то пошло, я могу тебе открыть один секрет, — сказал, поколебавшись, Чарли.

— Да?

— Ты понравилась моему отцу, — заявил Чарли.

— С самого первого момента...

— С какого это момента?

— С самого начала. Особенно с нашей первой встречи.

— Но почему? — растерянно спросила Молли, вспомнив свое первое смущение на пороге дома Кризисов.

— Он смотрел тогда не столько на тебя, сколько на меня. И когда он увидел, что я краснею, то есть, что ты мне нравишься, он отозвал меня в тот же вечер (помнишь, ты тогда танцевала с этим, как его... с Френком Галузой) и сказал мне: эта девушка — что надо! Обрати внимание на нее, сынок, сказал отец, и ты не прогадаешь...

Молли покраснела.

— Не могу в это поверить, — прошептала она.

— И тем не менее, это правда!

— Но я держалась как дура!

— Зато естественно.

— Я постоянно попадала впросак, Чарли! Это был мой первый вечер, до этого я даже в гости никогда не ходила.

— Этого никто не заметил!

— А те барышни?

— Какие?

— Которые сидели напротив нас! Они смотрели на меня как будто я явилась к вам голая!

— Они просто напыщенные бабенки с пустыми головами. Родители приглашают их, потому что надо поддерживать светские контакты с городским обществом.

— Я до сих пор не могу их забыть. Просто в дрожь бросает, когда их вспоминаю. Они держались так, словно меня нет, а когда я открывала рот, они усмехались. Очевидно думали, что я служанка какая-то, которая не умеет вести себя за столом.

— Я скажу родителям, чтобы никогда больше не приглашали их к нам.

— Правда?

— Клянусь тебе!

Парень прижал руки к груди.

— Ты просто душка, Чарли!

Девушка счастливо засмеялась и чмокнула оторопевшего молодого человека в щеку.

— А сейчас иди, Чарли Криггс! — воскликнула она, не давая юноше опомниться.

Молли вскочила на ноги и несколькими взмахами расправила платье.

— Мы провели здесь слишком много времени, — сказала мисс Харрисон. — Надеюсь, что я воздала тебе с лихвой за все прежние случаи, когда отправляла тебя ни с чем. Но боюсь, как бы меня не хватились. Хоть у нас сейчас и свободное время, но это только так называется. Так и представляю, как эта ужасная мисс Джонстаун рыщет по этажам, разыскивая, куда же это запропастилась одна из воспитанниц пансиона.

— За вами следят так строго? — спросил Чарли, глядя на девушку снизу вверх. — Признаться, я хотел еще поговорить с тобой. Ты просто не представляешь, Молли, какое у меня сейчас чувство! Мне так много надо рассказать тебе! Так бы и сидел всю ночь.

— Почему не представляю? У меня у самой такое чувство! Но я думаю, что у нас с тобой еще будет время.

— Молли, обещай мне, что ты примешь мое приглашение в первый же выходной посетить нашу семью!

— Не знаю, как на весь выходной, — сказала девушка, — а на один вечер, пожалуй, смогу вырваться. В воскресенье, если только за мной заедут и предупредят миссис Хиггинс. Знаешь, пусть это лучше будет твой отец.

— А почему не я?

— Миссис Хиггинс, думаю, будет спокойней...

— А, понимаю! — воскликнул весело юноша. — У моего отца такой представительный вид.

— Вот-вот! — кивнула девушка. — К тому же, ему это будет приятно, если я тебя правильно поняла.

— Да, я сказал правду.

С этими словами молодой человек поднялся с земли. Он улыбался, но оказавшись на ногах, вдруг побледнел, закрыл глаза и зашатался. Чтобы не упасть, Чарли схватился за ствол дерева, под которым они сидели.

— Что такое? — встревожилась Молли. — Что с тобой? Тебе плохо?

Щеки юноши постепенно стали снова розоветь. Он открыл глаза и улыбнулся:

— Не обращай внимания. Это скоро проходит, хоть и случается со мной иногда.

— Ты нездоров?

Чарли заволновался.

— Уверяю тебя, Молли, я здоров как бык. А это...

Криггс проклинал себя за резкое движение, из-за которого едва не потерял сознание. Но было поздно, девушка заметила его болезнь.

— Молли, — сказал молодой человек умоляющим тоном. — Тебе надо идти.

— Да! — кивнула девушка. — Но я уйду не раньше, чем ты мне объяснишь причину того, что с тобой только что приключилось.

Чарли жалобно посмотрел на юную воспитанницу пансиона.

— А ты не изменишь своего отношения ко мне, Молли?

Девушка передернула плечами.

— Что ты такое говоришь, Чарли Криггс! — возмутилась она. — Как ты мог обо мне

подумать подобное?

Молодой человек заговорил:

— Понимаешь, я болел... Я долго болел, Молли, но теперь я здоров. Я действительно здоров. А это... Это мне иногда напоминает о болезни. Но я могу дать тебе слово, что такие случаи прекратятся прежде, чем ты закончишь обучение в пансионе.

Он замолчал, не зная, что сказать еще.

Молли вздохнула. Она решила не мучить молодого человека расспросами.

— Я поинтересовалась, потому что беспокоюсь за твое здоровье, Чарли, — пояснила Молли. — Например, я теперь не знаю, как ты дойдешь до дома.

— Дорогая моя девочка, уверяю тебе, не стоит волноваться! Все прошло и сегодня больше не повторится.

— Обещай мне, — властно сказала Молли, — что ты будешь идти осторожно. И вообще, береги себя.

— Конечно, конечно, Молли, — повеселел юноша. — Позволь мне на прощание задать тебе только один вопрос.

— Какой?

— Как зовут вашего учителя литературы?

Молли всплеснула руками.

— Чарли, ты опять за свое! Я могу подумать, что ты просто уводишь разговор в другую сторону, чтобы я не говорила о тебе.

— Нет, Молли, это не так. Но почему бы тебе не назвать его имя? Я все равно могу узнать у миссис Штикк...

— Не надо ни о чем спрашивать миссис Штикк! — испугалась за мистера Спеншоу девушка. — Наша учительница музыки — подруга миссис Хиггинс, причем болтливая подруга. Нет, не говори с ней.

— Хорошо, — ответил Чарли.

Он стоял, бледный, перед Молли и желваки играли на его скулах.

Девушке стало жаль молодого человека.

— Хорошо, я скажу, если ты мне пообещаешь, что это останется между нами. Обещаешь?

Чарли прямо смотрел на девушку. В его глазах читалась порядочность и твердость.

— Обещаю! — сказал молодой человек.

Молли вздохнула.

— Моррис Спеншоу, — сказала она.

— Моррис Спеншоу, — повторил Чарли. — Я запомню это имя. Но никому не скажу, не волнуйся.

— Я и не волнуюсь, — возразила девушка. — Я тебе доверяю.

Она улыбнулась и протянула молодому человеку руку.

— Что ты делаешь? — жалобно воскликнул тот.

Он со страхом смотрел на руку девушки.

— А что? — не поняла Молли и тоже посмотрела на свою руку. — Мне действительно надо идти, Чарли. Мне давно надо было идти... Я прощаюсь с тобой.

— Разве ты не позволишь мне поцеловать тебя на прощание? — спросил Чарли. — Я уже не могу просто пожимать тебе руку. Я не засну ночью.

— Ах, мой милый! — воскликнула Молли. — Ты напугал меня!

Она позволила Чарли обнять себя и подставила для поцелуя щеку.

— Молли! Что это ты?

Чарли смотрел на девушку с укоризной.

— А что? — Молли не поняла или, скорее, сделала вид, что не поняла причины недовольства юноши.

Молодой человек вздохнул.

— Давай поцелуемся нормально, Молли... Неужели тебе это так противно...

Девушка внезапно поняла, что это ей несколько не противно, что, наоборот, она желает этого всей душой. Поставляя Чарли губы для поцелуя, мисс Харрисон с иронией вспомнила свои давние слова насчет нежелания целоваться с мужчинами. «Какая я была дура!» — промелькнуло у нее в голове.

Молодой человек только легко и очень бережно коснулся своими губами губ девушки. После этого он отступил на шаг и воскликнул:

— Спасибо тебе, Молли! Спасибо за то, что ты есть!

Не дожидаясь ответа, он повернулся и стал удаляться по направлению к пролому в стене. Молли захотелось окликнуть парня, но она снова вспомнила мисс Джонстаун и сдержала порыв чувств.

Покинув территорию пансиона, молодой человек оглянулся и помахал девушке рукой.

Молли помахала в ответ.

— До воскресенья, Чарли Криггс, — тихо шептали губы мисс Харрисон.

Она и не предполагала, что видит молодого человека в последний раз.

* * *

...Мистер Криггс-старший приехал в пансион задолго до назначенного часа. Он спросил у находившейся во дворе мисс Джонстаун:

— Простите... Где я могу найти мисс Харрисон?

— Мисс Харрисон? — переспросила воспитательница, — вы имеете в виду Молли?

Она посмотрела на мистера Криггса и вспомнила, что именно этот джентльмен забирал Молли как-то вечером к себе в гости. Он доводился мисс Харрисон не то родственником, не то другом семьи...

— Да, Молли Харрисон...

Воспитательница вспомнила еще и свое препирательство с Молли из-за этого похода. Она хотела сказать обратившемуся к ней мужчине о недопустимости такого поведения воспитанницы пансиона, но бледное лицо мистера Криггса, а также его черный строгий костюм заставили ее сдержаться.

— Мисс Харрисон, если не ошибаюсь, у себя. Она готовится к вечеру, который должна провести у вас. По-моему, она даже не начала собираться... Но, извините, почему вы приехали так рано?

Мужчина не ответил. Он сжал зубы и замотал головой. Мисс Джонстаун заметила в его глазах слезы, которые мистер Криггс сдержал усилием воли.

— Позовите, пожалуйста, мисс Харрисон, — попросил он. — Мне абсолютно необходимо ее видеть...

— Ну, если вам так нужно...

Ничего не понимая, воспитательница поднялась на второй этаж и сказала Молли, что ее внизу ждет седовласый джентльмен.

— Тот самый, что приезжал за вами раньше, — добавила мисс Элеонора, внимательно наблюдая за Молли.

Девушка охнула и схватилась руками за голову.

— Но почему он приехал так рано? — вскрикнула она. — Я еще не готова!

— Он сказал, что у него дело спешное и совершенно необходимое...

— Сейчас же бегу!

Молли появилась во дворе. Почти вприпрыжку она приблизилась к отцу Чарли Криггса. К отцу ее Чарли...

Увидев прекрасную взволнованную Молли, старик больше не смог себя сдерживать. Слезы закапали у него из глаз. Он достал платок и приложил к лицу.

— Что случилось, мистер Криггс? Почему вы плачете? И где Чарли? Он все-таки остался дома, чтобы сохранить тайну, как он говорил?

Девушка еще улыбалась, но глаза ее уже расширились от ужаса. Она заметила то, что не бросилось в глаза подслеповатой мисс Джонстаун.

Черная ленточка на отвороте...

Мистер Криггс обнял Молли за плечи и прижал к широкой груди.

— Мужайся... — пробормотал он. — Мужайся, дитя мое...

Внутри у Молли все заколотилось. Она стала судорожно рыдать, потому что поняла — случилось непоправимое...

— Наш мальчик, — глухо проговорил старик. — Наш Чарли... Сегодня утром...

У Чарли Криггса утром внезапно пошла горлом кровь. Послали за врачом, но пока доктор приехал, все было кончено. Судорожные и торопливые усилия местного врача оказались напрасными.

— Он так любил тебя, — говорил мистер Криггс, глядя трясущиеся плечи девушки.

Ему пришлось усадить Молли на скамейку, стоящую во дворе. Ноги не держали девушку.

...Скарлетт увидела эту сцену из окна. Она сразу поняла: что-то случилось. Решив не беспокоить увлекшуюся чтением Марианну, мисс О'Хара выбежала из комнаты и через секунду была во дворе.

— Что случилось? — спросила она у старика.

— Присядьте, мисс, — сдавленным голосом ответил ей мистер Криггс. — Ваша помощь потребуется Молли. Вы здесь, как я понял, по-настоящему умеете помогать друг другу...

Молли Харрисон отказалась ехать на похороны, да и мистер Криггс не настаивал на этом. Только сильные нервы могли выдержать весь ужас траурной церемонии.

...Через несколько дней миссис Хиггинс отпустила Молли и Скарлетт в сопровождении мистера Криггса на кладбище.

Светило солнце. Природа словно восставала против обязанности уступать дорогу холодам, зиме. По-летнему пели птицы.

Скарлетт подвела подругу к свежей могиле. Молли прочитала надпись, и плечи ее затряслись.

— Боже мой, Скарлетт! — воскликнула она. — Мое сердце не выдержит! Он прожил только двадцать четыре года...

Скарлетт О'Хара почувствовала, что силы изменяют и ей. Единственным, что могло ей помочь, была спасительная мысль: «Я не буду думать об этом сейчас. Я подумаю об этом завтра».

Но так Скарлетт могла рассуждать только в отношении самой себя. Теперь же надо было подумать еще и о подруге.

— Мистер Криггс, — обратилась Скарлетт к старику, безмолвно стоящему рядом. — Мы не сможем пробыть здесь долго... Извините, но я боюсь за Молли. Не знаю, успела ли она сказать вам, не знаю даже, поговорила ли она с вашим бедным сыном. Дело в том, что она так любила его...

Отец кивнул.

— Да, они были бы идеальной парой... — сказал он.

...Когда они ехали назад, старик обратился к Молли:

— Послушай, дитя мое. Я знаю, что тебе нелегко сейчас. Если хочешь, приходи к нам хоть каждое воскресенье. Я сам готов заезжать за тобой в пансион. Ведь у нас кроме Чарли нет детей... Миссис Криггс будет так рада...

Он замолчал, ожидая ответа девушки на свое предложение.

Молли было трудно отклонить просьбу старика, но все-таки она это сделала:

— Дорогой мистер Криггс... Чарли рассказывал мне о вас. Из того, что он говорил, я поняла, вы ему были не только отцом. Вы ему были настоящим другом. У вас замечательная семья. Но, если вы понимали своего сына, поймите и меня. Как я могу бывать у вас, если в вашем доме мне все будет напоминать о Чарли...

Старик нахмурился. У него заболело сердце. Но он понял, что девушка права, и не стал повторять свою просьбу...

* * *

Очередное заседание Клуба сумасшедших литераторов проходило без Молли. Барбара также отсутствовала: она была соседкой мисс Харрисон, и Скарлетт настояла на том, чтобы не оставлять Молли одну.

Скарлетт буквально вытолкала девушек за двери пансиона. Ей не нравилось, что в стенах заведения из-за горя Молли царил упадок духа.

«Мы не будем веселиться, — убеждала она себя. — Но в конце концов девушек надо отвлечь. Иначе они все просто умрут, как этот несчастный Чарли Криггс...»

Скарлетт попросила Анну что-либо почитать из книжки, которую когда-то взяла в библиотеке: «Четыре века поэзии». Сейчас, сидя на одеяле рядышком с Марианной и чувствуя ее плечо, Скарлетт ловила себя на мысли, что все-таки не слушает стихов.

Мысли девушки возвращались к Молли. Еще Скарлетт вспоминала, как мистер Спеншоу долго не мог прийти в себя, узнав о смерти молодого человека, возлюбленного одной из его воспитанниц.

Он поначалу даже хотел отпустить Молли со своих уроков. Однако мисс Харрисон сказала Моррису:

— Господин учитель! Вы — один из немногих людей в этом мире, кто может теперь хоть немного поднять мой дух. Позвольте мне остаться.

И Спеншоу вынужден был оставить девушку в классе. Но он стал избегать своих эксцентричных выходов и шуток на уроках, рассказывал о чем-то другом, невеселом. Уроки литературы превратились в грустное зрелище.

Скарлетт порывалась попросить мистера учителя поменять тон уроков, но у нее не хватило духу. В конце концов девушка решила напомнить подругам о Клубе.

И вот они снова в гроте. На столе стояла лампа — «бог грота», как они ее называли в прошлый раз. Огромные тени плясали на стенах.

Скарлетт О'Хара беспокоилась и по другому поводу. Тина Тейлор долго не соглашалась идти в грот, а потом перед самым уходом сказала:

— Идите без меня. Я подойду чуть позже...

Вид при этом у нее был самый загадочный.

На вопросы Скарлетт Тина дала уклончивые ответы типа того, что девушки, мол, сами все увидят. Еще добавила, что их ожидает сюрприз.

«Где же она теперь?» — думала Скарлетт, с тревогой прислушиваясь к звукам, доносящимся извне.

Вдруг из сада послышался тихий говор и звук приближающихся шагов. Скарлетт подняла руку и произнесла:

— Тихо, Анна, послушай!

— Что? — оторвалась та от книжки.

— Сюда кто-то идет, — сказала Скарлетт и приложила палец к губам.

Девушки прислушались, а Марианна Мак-Коунли встала и на цыпочках подкралась к входу.

— Они здесь! — раздался уверенный голос Тины Тейлор. — И не говорите мне, что я вас привела неизвестно куда!

У Скарлетт отлегло от сердца. В последнюю минуту она думала, что к гроту направляются все пансионные преподаватели с миссис Хиггинс во главе.

Но кого привела с собой неугомонная Тина? Ответ на этот вопрос Скарлетт получила через несколько секунд. И ответ совершенно неожиданный.

Тина появилась в сопровождении молодых людей щеголеватого вида.

— Привет сумасшедшим литераторам! — сказал один из юношей, едва вошел в грот.

Другой молча и с большим любопытством поглядывал на романтическую обстановку ночной пещеры и на девушек, сидящих кружком возле старого ящика с лампой на нем.

— Девочки, посмотрите, кого я привела! — торопливо воскликнула Тина. — Эти

симпатичные молодые люди и есть сюрприз, который я вам обещала. Их зовут Сэм Стоун и Герберт Малкин.

Юноши поклонились и даже поцеловали руки спешно поднявшимся девушкам.

— А это — мои подруги, — продолжала Тина с воодушевлением. — Это Анна Сент-Уайт, это Клара Ковальски, это Марианна Мак-Коунли. А это — Тина повернулась к Скарлетт, — наш президент. Ее зовут Скарлетт О'Хара. Жаль, что из-за недостатка света вы не в состоянии оценить ее прекрасные зеленые глаза.

— Но мы видим, что она сама просто чудо, — с галантной улыбкой сказал Сэм.

— Да ладно тебе, Тина, — поморщилась Скарлетт. — Давай без этого сегодня, ладно?

Мисс Тейлор вздохнула.

— Хорошо, Скарлетт, — согласилась она.

Но потом на лице Тины мелькнула какая-то загадочная улыбка.

— Скарлетт, можно тебя на минуточку? — попросила она.

Скарлетт удивленно кивнула.

— Ну вот, — произнес Герберт несколько обиженным тоном. — Не успели мы прийти сюда, как девушки начинают шептаться.

Тина оглянулась на него.

— Я думаю, мистер Малкин, что смогу на несколько минут оставить Анну, Клару и Марианну на ваше попечение.

Девушки вышли из грота.

— Ты с ума сошла! — набросилась Скарлетт на Тину, не дав ей раскрыть рта. — Во-первых, ты нарушила нашу тайну, во-вторых, и это самое ужасное, ты привела сюда мужчин! Я представляю, что о нас подумает мисс Джонстаун, если вдруг нагрянет сюда!

— Мисс Джонстаун давно спит, — спокойно ответила Тина Тейлор. — А этих молодых людей можно не опасаться. Они вполне порядочные.

— Так порядочные они или только вполне? — грозно переспросила Скарлетт.

— Абсолютно порядочны, — кивнула Тина. — Знаешь, зачем я их привела?

— Нет, — зло бросила Скарлетт.

— Не злись, — попросила подруга. — Нам не хватает внимания, нам не хватает молодых людей. Почему нас учат в этом пансионе, что каждый мужчина — потенциальный преступник? Это несправедливо!

Скарлетт раздраженно возразила:

— Ты забыла о мистере Спеншоу.

— Ох! — воскликнула Тина. — Ну конечно, мистер Спеншоу! Нет, я о нем не забыла. Но мы почему-то привыкли думать, что только он может внушать доверие. Он и только он.

— А мистер Криггс?

— Отец несчастного Чарли? Но он мужчина в годах. Я же говорю о наших ровесниках или о тех, кто старше нас не на много.

— Ты говоришь об этих! О Герберте и Сэме!

— Совершенно верно, — подтвердила Тина. — Они умные ребята. Я с ними познакомилась случайно, в одни из выходных. Отнесись к этому снисходительно, Скарлетт, я ведь давно рассказала им обоим о существовании Клуба сумасшедших литераторов.

Скарлетт с трудом подавила гнев.

— Но ведь никто нас сегодня в гроте не подстерегал? — спросила Тика. — Ребята никому не сказали! Им можно верить, ведь мне ты веришь? Сегодня я позвала их потому, что

думала, с нами будет Молли. Ты не представляешь, как Сэм и Герберт опечалились, когда узнали, что в пансионе у Чарли была девушка. Оказывается, они знали несчастного молодого человека. Они проявили столько такта, столько внимания. У них и в мыслях не было начать смеяться над нашей романтической ночной затеей или допускать по этому поводу какие-то грязные мысли. Они согласились проводить меня к гроту... И вот мы здесь!

— Интересно, откуда они тебя провожали к гроту, — проворчала Скарлетт, но в ее словах уже не было прежнего недовольства подругой.

— Это очень просто, — усмехнулась та. — Я набралась нахальства и назначила им встречу прямо у выхода из пансиона!

Скарлетт только головой покачала.

— У какого выхода? Парадного или для прислуги?

— У парадного. Прямо за аркой!

— Ты и в самом деле поступила смело, — оценила выходку подруги Скарлетт.

Польщенная Тина довольно улыбнулась.

— Милые девушки, сколько же можно шептаться? — донесся из грота мужской голос.

— Это Сэм! — определила Тина. — Он несколько нетерпелив, но в остальном, уверяю тебя, прекрасный молодой человек и хороший товарищ.

— Ладно, пойдем, — сказала Скарлетт. — Если уж ты их привела сюда, поговорим с ними. Оценим, права ли ты насчет современных молодых людей!

Они вернулись в грот.

Девушки уступили Сэму и Герберту край одного из одеял. Знакомые Тины присели. Скарлетт заметила, как юноши аккуратно подтянули брюки на коленях и подумала, что мисс Тейлор, возможно, права.

— А почему вы собираетесь тайком в этом гроте? — первым нарушил молчание Сэм.

Он сидел, скрестив ноги по-турецки.

— Как почему? — удивилась Скарлетт. — Это же так романтично!

Молодые люди переглянулись и неожиданно прыснули.

— Нет-нет, не думайте, мы смеемся не над вами! — поспешил успокоить заволновавшихся девушек Сэм. — Просто мы с Гербертом вспомнили, как в детстве играли в индейцев.

— Самое интересное, именно в этом гроте! — добавил Герберт.

Скарлетт обратила внимание, что у него красивый низкий голос.

— Неужели вы считаете себя жутко взрослыми? — спросила она.

Девушка заметила, что Марианна старается присмотреться к новым знакомым повнимательнее, очевидно, стремясь определить их возраст.

— Естественно, мы взрослые люди! — пробасил Герберт. — Кстати, у вас можно курить?

С этими словами юноша вытащил из кармана трубку.

— Курить? — воскликнула Анна. — Молодые люди! Неужели вы думаете, что курение может заставить нас относиться к вам как к взрослым? Признайтесь, ведь вы именно на это рассчитывали.

— Кстати, в любом случае курить у нас нельзя! Не хватало еще, чтобы мы явились завтра на урок, пропахшие табачным дымом! — возмутилась Скарлетт.

— Ваша подруга весьма проницательна! — заметил Герберт, смущенно пряча трубку в карман.

Его товарищ рассмеялся.

— Герберт уже всем надоел со своей трубкой, — сказал он. — Не лишним будет вам рассказать, что он не говорит отцу, что курит...

— Почему же? — спросила Скарлетт.

— Боится нахлобучки!

Герберт метнул разъяренный взгляд на приятеля.

— И не злись, — спокойно добавил Сэм. — Неужели ты не знаешь, что курить в компании дам неприлично?

— Просто невоспитанно! — поддержала юношу Клара.

— Вот-вот, Герберт, слышал? — Сэм, казалось, был только рад, что его товарищ попал в неловкое положение.

— Ладно, молодой человек, перестаньте, — вступилась за юношу Скарлетт, которой стало жаль Герберта. — Если вы хотите знать, то мы здесь собираемся не в первый раз...

— А мы знаем! — ответил Сэм.

— Ах, да, — спохватилась Скарлетт. — Я и забыла, что вам все рассказала о нас мисс Тейлор.

Она была не прочь уколоть подругу за несдержанность.

— Интересно, что же она вам рассказала еще? — продолжила расспросы мисс О'Хара.

— Она сказала, что вы здесь читаете стихи, — проговорил Сэм. — Что вам не нравится ваш пансион.

— Кстати, как вы к этому относитесь? — перебила Марианна.

— К чему? — посмотрел на нее Сэм. — К стихам? Положительно. Весьма положительно.

— Нет, — девушка покачала головой. — К нашему пансиону.

Сэм задумался.

— Ну что вам сказать? Мы, как и все в городе, к нему привыкли. Ведь это старое заведение.

— И это все, что вы можете нам сказать?

— А что бы вы хотели услышать?

Марианна не сдавалась:

— А вы говорите девушкам только то, что они хотят слышать?

— Естественно, — кивнул Сэм.

Он повернулся к Скарлетт, и она увидела хитринку в глазах парня.

Но Марианна этого не заметила и продолжала искренне возмущаться:

— Нет, вы только послушайте себя, мистер Стоун!

— Можно просто Сэм, — вставил парень.

— Нет, мистер Стоун, вы еще не заслужили обращения по имени! — возразила Марианна.

— Какая у вас, однако, сердитая подруга, — обратился Герберт к Скарлетт.

— А мы все такие сердитые! — парировала Скарлетт.

Ей почему-то стало интересно разжечь спор.

— Вот как? — отозвался Герберт. — И можно узнать почему?

Скарлетт пожала плечами:

— В нашем пансионе поживешь — еще не такой станешь. Например, нам говорят, что мы не можем себе позволить сидеть с незнакомыми молодыми людьми в гроте, да еще

ночью!

— А вам не говорят, что вы вообще не должны гулять по ночам? — воскликнул Сэм. —

Ночью ведь всем благородным девицам полагается спать!

— Считайте нас не вполне благородными! — смеясь, воскликнула Тина.

— Нет, не хочу, — возразил Сэм.

— Почему? — заинтересовалась Скарлетт.

— Просто потому, что я привык доверять своим глазам, а не мнению воспитательниц вашего пансиона.

— Воспитательница у нас одна, — сказала Анна.

— Зато какая! — воскликнула Тина.

Она хотела расшевелить компанию.

— Но ведь вы хорошие девушки, — убежденно проговорил Сэм. — Хотя бы потому, что вы не слушаете старых дев. Вы сидите и беседуете с нами, а между тем, я убежден, что вам в пансионе говорят: все мужчины — преступники!

— Потенциальные преступники! — поправила Тина.

Она просто дословно вспомнила одно из восклицаний мисс Джонстаун.

— Ну вот, а вы не считаете нас преступниками! — радостно подхватил Сэм.

— Почему вы так думаете, мистер Стоун? — с иронией спросила Скарлетт.

— А разве я не прав?

— Конечно! — Скарлетт решила дать бой этому самоуверенному молодому человеку. —

Вы попробуйте убедить нас в обратном!

— И попробуем!

— И пробуйте на здоровье! — поддержала соседку по комнате Марианна. — Только у вас это вряд ли получится, потому что в нас заложен солидный заряд плохого отношения к мужскому полу!

— Давайте скрестим наши шпаги, — предложил Герберт. — Например, я утверждаю, что мужчины просто должны бояться женщин!

— Ого! — не поверила своим ушам Скарлетт. — Это почему? Не вы ли угнетаете нас? Заставляете работать по дому? Воспитывать детей?

— А что мы при этом делаем сами? — спросил Герберт. — Вы не могли бы сказать?

— Как что? — изумилась Скарлетт. — Ну вот, я вам буду перечислять, что вы делаете! Вы пропадаете по целым дням неизвестно где! А ваши домашние волнуются. Вы все просто помешались на деньгах. На бизнесе.

— Но ведь деньги кормят вас, милые дамы.

Несмотря на спор, Сэм держался подчеркнуто галантно. Это начинало нравиться Скарлетт, но она не могла просто так сдаться.

— А чего стоят ваши вредные привычки? — мисс О'Хара бросила еще один козырь. — Ваше курение! Трубки, сигары! Дым изо рта — какая гадость! А ваше пристрастие к спиртному! Нет, у меня просто нет слов...

И она замолчала, взволнованная собственной речью.

Сэм Стоун выдержал паузу, давая девушке успокоиться.

— Между прочим, — сказал он, — я не курю. И не употребляю спиртного.

— А ваш приятель? — Скарлетт посмотрела на Герберта, втянувшего голову в плечи.

— Извините, мисс О'Хара! — ответил Герберт. — Но я тоже в том, что касается спиртного, поддерживаю Сэма. Мы с ним ведем, так сказать, здоровый образ жизни...

— Ха-ха! — перебила парня Скарлетт. — Ваш здоровый образ жизни перечеркивается вашей же страстью вдыхать этот противный дым!

— А что если после разговора с вами, прекрасная мисс, я брошу курить? — заявил Герберт.

— Сделайте одолжение!

— И сделаю!

— Вот тогда и поговорим!

— Но тогда вам придется признать, что мужчины не преступники?

Герберт смотрел прямо в глаза девушки.

— Может быть, — сдалась Скарлетт. — Только нам придется встретиться снова, чтобы я смогла проконтролировать, не пахнет ли от вас табаком.

Сказав это, девушка испугалась. Получилось, что она сама назначает свидание молодому человеку.

Но Герберт этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

— Мы были бы счастливы прийти еще раз в этот грот, — сказал Сэм Стоун. — Только знаете что? Почему бы вам не устроить вечер в самом пансионе? Уговорите вашу хозяйку. Кто там у вас самый главный?

— Миссис Хиггинс! — подсказала Марианна Мак-Коунли.

— Вот-вот, — улыбнулся Сэм. — Поговорите с миссис Хиггинс. Подайте ей идею! Престиж пансиона от этого только поднимется!

Скарлетт задумалась. Мысль, поданная Сэмом, ей понравилась. Но она поразмыслила и пришла к выводу, что хозяйка не согласится.

— Нет, исключено! — воскликнула Марианна. — Это не похоже на миссис Хиггинс!

— Нет! — сказали другие девушки.

— Почему вы так единодушны? — удивился Герберт. — Вы только представьте: ваш пансион остается пансионом для девушек. Ничто не меняется. Только иногда, по субботам или воскресеньям вы даете балы. О, вы же не знаете, как мы с Сэмом танцуем!

Скарлетт усмехнулась, вспомнив танцевальное мастерство мистера Спеншоу. Трудно было поверить, что эти молодые люди заткнут за пояс учителя литературы.

— Эй! — воскликнула девушка, весело смеясь. — Мне пока еще не надоели мои ноги, чтобы я позволила вам их оттаптывать!

— Но мы действительно хорошо танцуем, — вроде бы обиделся Сэм.

— И даже вальс?

— И вальс!

— Но вас что — только двое на весь Фейетвилль? — спросила Скарлетт. — В пансионе двадцать воспитанниц. И все хотят танцевать.

Анна подкрутила в лампе фитиль, и Скарлетт заметила, как вспыхнули глаза юношей.

— Вы только уговорите миссис Хиггинс, — сказал Сэм. — А мы приведем для всех ваших девушек прекрасных кавалеров!

— Неужели? — с недоверием воскликнула Скарлетт. — Я не замечала на улицах города молодых парней. Такое впечатление, что они просто вымерли!

Скарлетт выпалила все это на одном дыхании и прикусила язык. «Идиотка, — выругала она себя. — Как я могла такое сказать, когда Чарли умер?»

— Скарлетт, что с тобой? — поежилась Марианна. — Что ты говоришь?

— Ой, извините меня! — сказала девушка. — Просто вырвалось. Честное слово, я не

думала ничего такого!

Она обвела взглядом подруг.

— То-то и видно, что ты не думала, — проворчала Тина. — Думай в следующий раз!

Но юноши оказались более снисходительными. Сэм встал и проговорил:

— Извините и нас. Мы засиделись и заставили юных леди развлекать нас разговорами...

Скарлетт готова была расцеловать этого парня за то, что он перевел разговор на другую тему. Девушки в один голос принялись уверять его, что они сами с большим удовольствием провели время в компании молодых людей.

— Вы правильно сделали, что пришли сюда, — сказала Анна Сент-Уайт. — Без вас мы просто «варились в собственном соку». Честное слово!

— Это все Тина, — смутился Герберт.

Он тоже поднялся. Поднялись и девушки. Скарлетт увидела, как Клара подавила зевок, и лишней раз отметила про себя наблюдательность юношей.

Они, без сомнения, выбрали как раз наиболее подходящий и удачный момент, чтобы закрыть заседание Клуба.

— Но вы нас проводите? — спросила Тина.

— Конечно! — заверил ее Герберт. — До самих ворот пансиона!

— Но мы... — Тина засмузилась. — Мы, наверное, пойдем другой дорогой...

— Через пролом в стене! — в один голос воскликнули молодые люди и, переглянувшись, захохотали.

Засмеялись и девушки.

— Да, нам пришлось освоить именно этот путь, чтобы мисс Джонстаун нас не видела, — сказала Марианна.

— Вы молодцы! — сказал Сэм. — И вообще, вы произвели на нас прекрасное впечатление. Если и остальные девушки в вашем заведении такие же, то мы просто счастливы, что с вами познакомились...

— Мы и так счастливы! — строго поправил приятеля Герберт. — Давайте проводим вас, а то уже и у Сэма язык стал заплетаться.

— Брось ты, — смутился Сэм.

— Однако пора идти, — вздохнула Скарлетт.

По дороге они условились, что девушки все-таки постараются поговорить с миссис Хиггинс о том, чтобы та позволила организовать и провести в пансионе вечер.

— Хотя бы один! — подсказывал Скарлетт Герберт. — Стоит только вашей хозяйке увидеть, что молодые люди города вовсе не страшны, как она растает и позволит устраивать такие вечера каждую неделю.

Хотя юноша разговаривал со Скарлетт, он так и вился вокруг Тины, стремясь идти рядом с ней. Скарлетт также заметила, что Сэм оказывал по дороге знаки внимания Анне, подавал руку девушке в нужных и ненужных местах.

Юноши помогали всем воспитанницам преодолевать опасные места, но Анне Герберт протягивал руку и в местах совершенно безопасных, для чего он то и дело забегал вперед.

Это выглядело смешно, но Скарлетт не имела настроения смеяться. Ее коробило то, что оба юноши выбрали не ее.

Но потом радость за подруг все-таки победила. Скарлетт рассудила, как поступить. Она поговорит с миссис Хиггинс, та разрешит сделать праздничный вечер, и Скарлетт выберет

на нем самого красивого и элегантного кавалера.

Этим она утрет подругам нос.

* * *

На следующий день Скарлетт сказала Марианне:

— Я намерена поговорить с миссис Хиггинс!

— Вот как? О чем же? Я надеюсь, не о той сумасбродной идее, в которой нас убеждали Сэм и Герберт?

Скарлетт посмотрела на Марианну испуганно и недоверчиво.

— Милая моя! Но ведь вчера ты была не против!

— Все вчера были не против! Но сегодня я проснулась, подумала обо всем на свежую голову и решила, что об этом лучше и не заикаться.

— Но почему? — воскликнула Скарлетт.

— Да потому, — ответила Марианна, — что если ты заговоришь об этой затее, тебе придется рассказать и о Клубе сумасшедших литераторов! И о наших ночных походах! И о том, кто нам подсказал эту мысль!

— А ты не предполагала, что я не буду обо всем этом рассказывать? — спокойно спросила Скарлетт. — Ведь можно обо всем поговорить так, будто это мы сами до всего додумались.

— Мы додумались! — Марианна передразнила подругу. — Тогда тебя и нас всех могут исключить из пансиона. Напишут родителям, чтобы они за нами приезжали. Тебе-то, милашка, это ничем не грозит. У тебя прекрасные родители. Но ты вспомни о моем отце! Я лучше останусь в этом пансионе, в таком, какой он есть сейчас, чем поеду домой, где буду иметь большое счастье ежевечерне лицезреть моего папашу!

— Но за что нас исключат? — завопила Скарлетт.

— Из-за того именно, что мы додумались!!! — не осталась в долгу Марианна. — Я здесь только первый год, а ты, хоть и второй, но ничего не замечаешь! А если и замечаешь, то не можешь сделать надлежащих выводов! Как ты не понимаешь, что миссис Хиггинс только внешне такая передовая! Она пригласила мистера Спеншоу: ах, ах, ах! Стоит ей узнать, до чего нас довели его уроки, как или мы, или он полетит из пансиона ко всем чертям! А может и все вместе!

— Но почему, почему? — не понимала Скарлетт. — Я подойду к ней и, ничего не объясняя, попрошу о вечере! Почему она будет против?

Марианна только вздохнула.

— Трудно разговаривать с... непонятливыми!

Марианна хотела употребить значительно более резкое слово, но сдержалась в последний момент.

— Естественно, на первый взгляд миссис Хиггинс — хозяйка нашего пансиона, начала терпеливо объяснять мисс Мак-Коунли. — Пансиона, который, кстати, по сути своей ничем не отличается от того, где я училась раньше. Но это только на первый взгляд она заправляет всем. А теперь представим, что миссис Хиггинс решила поменять профиль своего заведения. Это нереально, этого никогда не произойдет, но мы хотя бы представим! — Марианна повысила голос. — Допустим, миссис Хиггинс объявляет, что с нового учебного года в

пансионе буду учиться не двадцать воспитанниц, а только десять. А на остальные десять мест она возьмет... воспитанников! Мальчишек! Сорванцов, пусть даже из прекрасных семей. Что будет дальше?

Скарлетт молчала. Очень ей хотелось думать, что будет дальше! Марианна сама все сейчас расскажет.

И мисс Мак-Коунли в самом деле продолжала:

— А ничего не будет, кроме того, что миссис Хиггинс прогорит! Родители девушек моментально заберут их по домам! Или переведут в другие пансионы...

— Но почему? — спросила Скарлетт.

— Да потому, что у нашего пансиона вывеска — пансион благородных девиц! — воскликнула Марианна. — И это гарантия для родителей, которые так боятся за своих дочерей. Они отдают нас в пансион для того, чтобы нас держали в черном теле, они хотят воспитать в нас чопорность, презрение к мужскому полу. Они хотят сделать из всех нас много молодых мисс Джонстаун! То есть, таких, как она, но только замужних. Так сказать, миссис Джонстаун.

— Что-то я не думаю, что мои родители отдали меня сюда с этой целью, — засомневалась Скарлетт.

— А то с какой же? — рассмеялась Марианна. — Может быть, в твоей семье это не так выпячивается, хотя суть одна и та же. Что же касается моей семьи... — Тут Марианна вздохнула. — Ты вспомни моего отца. Он только об этом и говорит. И еще говорит, что для нас, девушек, главное — удачно выйти замуж.

— Ну, в этом и я в последнее время стала усматривать какой-то смысл, — подумав, призналась Скарлетт.

Марианна ошарашенно посмотрела на подругу:

— Неужели?

— Да, милая моя. Мне кажется, это не противоречит моему пониманию жизни. Только я воспринимаю это все, наверное, в более широком смысле, чем те родители, о которых ты рассказываешь.

— Все отцы одинаковы! — поморщилась Марианна. — Они выдают замуж или женят детей так, как будто совершают выгодную сделку. При этом стремятся подсчитать, сколько денежек принесет та или иная партия... И вот им, родителям, надо, чтобы мы беспрекословно подчинялись. Тут им сильно помогают такие пансионы, как этот. Мой отец сразу перестанет платить денежки миссис Хиггинс, когда узнает, что у нас здесь есть хоть какие-то контакты с юношами. А ведь он, может быть ты этого и не знаешь, отвалил пару раз кругленькие суммы миссис Хиггинс. За то, чтобы ее пансион был таким, какой он есть. И этим все сказано.

Мисс Мак-Коунли помолчала и добавила:

— Мой отец мне запрещает думать о театре потому, что там, где театр, там есть молодые люди. Значит, есть опасность, что я кого-то полюблю...

Скарлетт упрямо заявила:

— И все-таки я поговорю с миссис Хиггинс. Может быть, не завтра, но я это сделаю. И я поговорю с ней так, что она даже не узнает, с кем разговаривает.

— Как это? — удивилась Марианна.

— А вот увидишь, — загадочно пообещала Скарлетт.

Ни на какие расспросы Марианны Скарлетт больше не ответила. В результате девушки

надулись друг на друга и весь день почти не разговаривали.

А еще через день мисс Джонстаун зашла к девушкам в класс сразу после занятий и сказала:

— Через четверть часа вас всех хочет видеть хозяйка пансиона!

Вид у воспитательницы был весьма свирепым. Она оглядела класс и трясущимися от гнева губами добавила:

— Я надеюсь, она с вами разберется и строго спросит за все! Сидите здесь и не разбегайтесь. Она придет к вам.

Мисс Джонстаун покинула класс, хлопнув дверью.

Скарлетт обернулась к Марианне, которая несмотря на недавнюю размолвку с соседкой, сидела рядом:

— Я догадываюсь, в чем причина, — прошептала мисс О'Хара. — Я подсунула миссис Хиггинс записку, в которой все написала насчет вечера...

Марианна отпрянула и посмотрела на Скарлетт с нескрываемой тревогой:

— Так значит это твоих рук дело?

— Да, моих!

— Но как ты могла? — возмутилась Марианна.

Но потом мисс Мак-Коунли немного успокоилась и поинтересовалась:

— В какой форме ты все изложила?

— Так, как мы говорили об этом тогда, в гроте! И я подписала записку: «Клуб литераторов».

Марианна взорвалась:

— Как ты могла взять на себя такую ответственность? — яростно прошипела она.

— Но ведь никто не знает, что это мы, — возразила Скарлетт. — К тому же я подписала «Клуб литераторов», а не «Клуб сумасшедших литераторов»! Марианна, оцени мою предусмотрительность, я убрала из записки слово «сумасшедших», так как рассудила, что оно может вывести из себя миссис Хиггинс.

— Да, Скарлетт, ты очень предусмотрительна! — язвительно произнесла Марианна. — Ты что же, думаешь, никто не откроет, что «Клуб литераторов» — это мы?

Скарлетт прищурилась.

— Тебя сейчас поднимут и спросят, имеешь ли ты отношение в «Клубу литераторов»! — сказала она. — Так вот я тебя могу научить, как не открыть им, что ты имеешь к этому отношения. Ты просто молчи! — Скарлетт усмехнулась. — Ну, как тебе мой совет?

— Но ты не имела права так поступать! — продолжала возмущаться Марианна.

— Послушай, — сказала Скарлетт. — Мы будем продолжать играть в игрушки или займемся чем-нибудь серьезным? Если ты хочешь только читать стихи, скажи мне: для чего все это?

— Но ты не должна была так опрометчиво поступать, Скарлетт! Как ты смела написать от имени всей группы?

Скарлетт спокойно перевела дух.

— Ты не волнуйся за свою золотую голову, Марианна! — сказала она. — Если что-то

выплывет наружу, я возьму всю вину на себя.

Дверь открылась и в класс вошла миссис Хиггинс. За ней семенила Элеонора Джонстаун.

Воспитанницы поднялись со своих мест и замерли.

Если Скарлетт и Марианна знали, о чем пойдет речь, то остальные девушки, в том числе и члены Клуба сумасшедших литераторов, были не в курсе. Они посматривали на вошедших с любопытством.

Хозяйка пансиона осмотрела класс и кивнула воспитательнице. Та скомандовала:

— Садитесь!

Девушки сели. После этого мисс Джонстаун подвинула к миссис Хиггинс стул. Хозяйка пансиона села за учительский стол, воспитательница осталась стоять.

— Я получила вчера дерзкую и оскорбительную записку, — стала говорить миссис Хиггинс. — Записка была написана измененным женским почерком, на ней была подпись: «Клуб литераторов». Но я не хочу тратить свое драгоценное время и охотиться за виновными. Надеюсь, вы понимаете, что я в любом случае найду их. Или, в чем я более уверена, виновную. Если кто-то из вас знает что-нибудь о происшедшем, вы должны без всяких колебаний встать и рассказать мне. Та из вас, кто написала эту скверную записку, должна знать, что для нее это единственный шанс не быть исключенной из пансиона. Таким образом, я жду.

Девушки втянули головы в плечи. Миссис Хиггинс замолчала. Возникла длинная гнетущая пауза.

Хозяйка пансиона оглядывала класс, стремясь заглянуть каждой воспитаннице в глаза. Скарлетт также произвела свой осмотр.

Она заметила, как одни девушки прятали глаза, другие же честно смотрели на хозяйку пансиона. Среди последних была Клара Ковальски. Скарлетт забеспокоилась, не скажет ли правильная Клара в эту минуту что-то о клубе сумасшедших литераторов.

Но по девушке не было видно, что она собирается как-то проявить себя.

Скарлетт достала бумажку и что-то написала на ней. Потом отложила карандаш, сложила бумагу несколько раз и встала с места.

Марианна изумленно смотрела на подругу. Она не могла понять, что Скарлетт задумала.

Хозяйка пансиона посмотрела на поднявшуюся воспитанницу, нахмутив брови. Одновременно на лице женщины промелькнула тень удовлетворенной улыбки.

— Миссис Хиггинс! — звонко произнесла Скарлетт в полной тишине. — Вам письмо...

— Что? — удивленно вскинула брови хозяйка пансиона.

— Я забыла вам признаться, — торопливо говорила Скарлетт, ловя на себе изумленные взгляды остальных девушек и мисс Джонстаун, — это письмо я ношу с собой с сегодняшнего утра.

— Но от кого это письмо? — недоуменно спросила миссис Хиггинс, подходя к девушке.

— От Господа Бога, — сказала Скарлетт, внимательно глядя женщине в глаза. — Он просит вас разрешить в пансионе проведение танцевальных вечеров...

Ее слова потонули в смехе.

— Тихо! — рявкнула мисс Джонстаун.

Смех оборвался.

Миссис Хиггинс покраснела от негодования. Она резко развернулась и вернулась к учительскому столу.

— Если вы, мисс О'Хара, считаете, что вы первая, кого следует исключить из нашего пансиона, — сказала хозяйка пансиона, — то я охотно предоставлю вам такую возможность!

Она сделала рукой знак мисс Джонстаун и пошла к двери. Воспитательница метнула на Скарлетт полный ненависти взгляд и последовала за хозяйкой.

У двери миссис Хиггинс обернулась и посмотрела на Скарлетт:

— Будьте добры сейчас же зайти ко мне!

Скарлетт поднялась и пошла за женщинами. Те уже были в коридоре, потому девушка в дверях повернулась лицом к классу и, передразнивая миссис Хиггинс, произнесла:

— Будьте добры зайти ко мне... потом, кому это интересно...

Скарлетт поймала тревожные взгляды подруг, но спокойно улыбнулась им и кивнула головой, показывая, что все будет нормально.

...Мисс Джонстаун поджидала Скарлетт у дверей кабинета хозяйки пансиона. Презрительно посмотрев на девушку, старая дева распахнула обитую кожей дверь и сделала пригласительный жест рукой:

— Прошу вас...

— Только после вас, — не осталась в долгу Скарлетт.

— Меня миссис Хиггинс попросила меня не присутствовать на беседе. Полагаю, вам наедине с ней больше достанется...

Скарлетт была иного мнения, однако не стала отвечать воспитательнице («Это ниже моего достоинства!» — подумала девушка) и с гордо поднятой головой прошла в кабинет.

Хозяйка пансиона сидела за столом. Когда Скарлетт прикрыла за собой дверь и подошла к столу, миссис Хиггинс подняла на девушку тяжелый взгляд.

— Итак, мисс О'Хара, вы отличились, — едко проговорила миссис Хиггинс. — Нет смысла, по-моему, отпираться, это вы написали записку...

Она вынула из ящика стола лист бумаги и положила перед Скарлетт, развернув его таким образом, чтобы девушка смогла прочитать написанное.

Женщина думала, что воспитанница не станет читать записку и тем самым выдаст себя с головой. Однако Скарлетт решила сделать вид, что видит записку впервые.

Она с интересом уставилась на бумагу.

— Перестаньте паясничать, — поморщилась миссис Хиггинс.

Она положила ладонь на записку и придвинула ее к себе.

— Не будете же вы читать то, что писали сами...

— Но миссис Хиггинс, — произнесла Скарлетт с дрожью в голосе. — Это не мой почерк...

— Еще раз говорю вам, мисс О'Хара! — хозяйка пансиона встала из-за стола и подошла к Скарлетт. — Перестаньте притворяться!

Она была одного роста со Скарлетт, и потому девушке пришлось опустить голову, чтобы не смотреть миссис Хиггинс в глаза.

— Почерк этой записки ненатурален, — сказала женщина. — Он имеет наклон в левую сторону. Именно такой наклон, который получается, если писать левой рукой...

Скарлетт молчала и рассматривала подол своего платья.

— Если хотите, я могу попросить вас сесть и написать что-нибудь, — продолжала хозяйка пансиона. — Не будете же вы отпираться, говорить, что неграмотны...

— Но миссис Хиггинс! — подняла глаза Скарлетт. — Я пишу с ошибками!

— Прекрасно, мисс О'Хара! — сказала женщина. — Ваша наглость не имеет границ.

Хочу вам сообщить, что в записке три грамматические ошибки.

Скарлетт поняла, что отпираться дальше не имеет смысла.

— Миссис Хиггинс, хорошо, это я написала вам записку, — сказала она, снова уставившись в пол.

— И почему вы это сделали?! — высоким голосом закричала хозяйка пансиона. — Я пока молчу о вашей достойной всякого порицания, просто позорной для нашего пансиона выходке сегодня в классе!

Скарлетт с тоской подумала о мисс Джонстаун, наверняка подслушивающей в этот момент за дверью.

— В записке все изложено, — пробормотала девушка. — А сделала я это потому, что мне надоело терпеть сальные усмешки мистера Вильяма Спулла, когда он проводит с нами уроки танцев!

— Прекрасно, — кивнула миссис Хиггинс. — Вы все сваливаете на танцы. А вы знаете, что я могу вам вообще запретить танцевать? В том смысле, что я уволю мистера Спулла и не буду никого приглашать на его место. Если танцевальные уроки так отрицательно влияют на воспитанниц моего пансиона, их следует отменить!

— Не надо, — ответила Скарлетт.

Ей было досадно, что с этой женщиной не удастся поговорить по душам.

«И зачем я написала эту дурацкую записку, — думала Скарлетт. — От нее все равно никакого толку. Надо было не спорить с Марианной, а пойти к миссис Хиггинс втихомолку. Хотя... Результат мог быть таким же самым. Правда, не было бы огласки... может быть».

— А что это за дурацкая подпись? — миссис Хиггинс взяла со стола записку и поднесла к глазам.

Как все женщины ее возраста, видела она плохо.

— «Клуб литераторов», — прочитала хозяйка пансиона. — Что это еще за клуб такой? А? Отвечайте мне быстрее, и не вздумайте ничего утаивать, потому что я все равно обо всем узнаю!

Скарлетт так и хотелось ответить: «Тогда не спрашивайте, а узнавайте», но она вовремя вспомнила о своем обещании взять всю вину на себя.

Девушка поняла, что для того, чтобы миссис Хиггинс не подумала еще на кого-нибудь, надо быть немного более податливой, дать хозяйке почувствовать, что она понимает свою вину.

— «Клуб литераторов», — сказала Скарлетт виноватым тоном, — это придумала я сама. Я потом даже сожалела, что подписала неудачно, не по назначению, понимаете? Надо было подписать — «Клуб танцоров», что ли...

Миссис Хиггинс внимательно посмотрела на девушку.

— У меня есть кое-какие мысли по поводу вашей подписи, мисс О'Хара, — проговорила неожиданно хозяйка пансиона. — Но я пока не буду ими с вами делиться. Но если они подтвердятся, кому-то будет очень плохо...

Скарлетт со страхом подумала, что миссис Хиггинс или знает, или подозревает о влиянии на их компанию мистера Спеншоу. Она решила перевести разговор в другое русло.

В ее положении это сделать было нелегко, так как тему беседы определяла миссис Хиггинс. И все-таки девушка нашлась, как поступить.

Она заплакала.

— Миссис Хиггинс, — произнесла Скарлетт, картинно всхлипнув. — Простите меня,

пожалуйста, за сегодняшнее поведение. Я так больше никогда не буду...

Скарлетт научилась плакать по своему желанию давно. У нее была богатая практика и масса подходящих моментов, когда, чтобы избежать наказания, которому ее не прочь была подвергнуть мать, она начинала горько плакать. Например когда мать замечала, как ее дочка в компании мальчишек с соседних плантаций лазила по деревьям.

Но хозяйка пансиона увидела слезы воспитанницы впервые и сердце ее несколько смягчилось.

— Вы поступили скверно, мисс О'Хара, — сказала она. — Вы просто выставили меня посмешищем перед всем классом!

Скарлетт распахнула свои зеленые глаза во всю ширь.

— Извините, миссис Хиггинс, — девушка прижала руки к груди. — Я не хотела вас обидеть...

— Вы знаете, что бы с вами сделали, будь вы юношей и пребывай вы в пансионе для молодых людей?

— Нет, — растерянно ответила Скарлетт.

— Вас бы просто высекли!

Скарлетт снова заплакала.

— Да-да! — подтвердила хозяйка пансиона. — Розгами, по мягкому месту!

Плечи девушки тряслись. Она рыдала. Хотя, если быть справедливыми, следовало отметить, что Скарлетт немного утрировала свое горе. Она хорошо помнила, что на миссис Хиггинс слезы — только искренние слезы! — действовали размягчающе.

— Я должна была бы исключить вас из пансиона, — сказала миссис Хиггинс и сделала паузу, давая воспитаннице понять весь ужас такой перспективы.

Но Скарлетт, не переставая рыдать, думала о другом: «Она сказала — должна была бы! Значит, мои слезы действуют!»

Девушка с трудом сдержалась, чтобы не перейти от плача к довольной улыбке. Вместо этого она затрясла плечами еще энергичней.

— Но я, учитывая, что вы первый раз замечены в такой истории и веря вашим объяснениям, что это дело только ваших рук, — миссис Хиггинс говорила это с видом королевы, читающей указ о помиловании, — даю вам испытательный срок. Содержания вашей дурацкой записки я даже не буду касаться, до того она не соответствует духу нашего пансиона...

Скарлетт с грустью вспомнила рассуждения Марианны Мак-Коунли.

— Я не хочу огласки этого дела, — сказала миссис Хиггинс, — и думаю, что если вы в классе принесете извинения...

— Я готова извиниться перед вами, миссис Хиггинс! — с большим жаром воскликнула Скарлетт, перебивая хозяйку пансиона.

— Извиниться не передо мной, — поправила миссис Хиггинс, — а перед пансионом! Вы ведь оскорбили вашим поведением не мою честь, но честь нашего заведения!

Скарлетт молча выслушивала приговор.

— Кроме того, я решила, что напишу о вашем поведении родителям, — продолжала женщина. — Думаю, им будет полезно узнать, как ведет себя их дочь.

Скарлетт закусила губу. «Это неприятно, — подумала она. — Незачем папе с мамой знать обо всем этом. Они еще чего доброго заберут меня. А что подумает Мамушка!»

— Правда, если вы хорошо подумаете и назовете мне тех, кто вместе с вами образует

этот «Клуб литераторов», — неожиданно добавила женщина, — я не буду писать вашим родителям.

Мисс О'Хара вздрогнула.

— А теперь — идите! — распорядилась миссис Хиггинс, возвращаясь за свой стол.

Скарлетт покинула кабинет в растерянности. Она так и не поняла, что же ей сейчас придется сделать. Если извиниться — то когда и где?

— Незачем думать сейчас, если можно подумать завтра, — повторила девушка свою излюбленную поговорку и пошла по коридору.

У окна стояла мисс Джонстаун, за минуту до выхода Скарлетт отошедшая от двери, и смотрела на удаляющуюся девушку.

Когда Скарлетт открыла дверь своей комнаты, она увидела, что там собрались все ее подруги.

— А эта миссис Хиггинс — коварная женщина! — воскликнула мисс О'Хара, падая на кровать.

— О чем она с тобой говорила? — спросила Марианна Мак-Коунли.

Скарлетт пожала плечами.

— Предложила назвать фамилии тех, кто состоит в Клубе сумасшедших литераторов, — сказала девушка. — Тогда она не напишет моим родителям...

— Так тебя оставляют в пансионе? — перебила Клара Ковальски.

Мисс О'Хара коротко кивнула.

— А что ты ответила? — спросила Тина Тейлор.

— Я ничего не ответила, потому что хозяйка предложила мне подумать, — объяснила Скарлетт. — Но я и не подумаю, — она улыбнулась получившемуся каламбуру, — называть чьи-то фамилии. Уж будьте спокойны!

— Мы бы совсем не волновались, — произнесла Марианна, — если бы ты не писала этой записки!

— Брось, Марианна, — сказала, поморщившись, Тина Тейлор, — мы ведь обещали Сэму и Герберту спросить у миссис Хиггинс!

— И что из этого получилось? — едко спросила Марианна.

— Сама видишь, — грустно улыбнулась Тина, — мы спросили...

— Кстати, Скарлетт, — сказала Анна Сент-Уайт. — Мы обо всем рассказали мистеру Спеншоу, если тебе интересно. Встретили его в коридоре и рассказали.

Скарлетт насторожилась:

— И что он?

— Ничего, — ответила Анна. — То есть, он ничего не сказал. Только головой покачал и пошел дальше.

— Интересно, он за нас заступится или нет? — непонятно кому задала вопрос Тина Тейлор.

Молли Харрисон, которая сидела в углу тихо, как мышка, вдруг кашлянула и произнесла:

— Не заступится. Потому что ему дорого его место. Он не будет ссориться с начальством.

— Как ты плохо отзываешься об учителе литературы, — сказала Анна.

— Просто я его поняла бы, — вздохнула Молли. — Ему надо думать о себе. Ведь мужчины — слабые существа...

Все поняли, что Молли еще находится под впечатлением смерти Чарли Криггса, и потому не стали с ней спорить.

— Ладно, девочки, — поднялась Скарлетт. — Давайте займемся своими делами. Теперь уже ничего не поделаешь, просто надо ждать. А там видно будет.

«Конечно, хорошо, если бы все происшедшее осталась тайной для моих домашних, — размышляла Скарлетт. — Но не ценой же предательства!»

Молли Харрисон ошибалась, мистер Моррис Спеншоу вовсе не остался равнодушным к истории, рассказанной ему воспитанницами. Он сам не заметил, как ноги привели его к кабинету миссис Хиггинс.

Он нерешительно постучал.

— Войдите!

Моррис толкнул дверь.

— А? Мистер Спеншоу, — приветствовала его хозяйка пансиона. — Ну что ж, входите. Я как раз подумывала о том, чтобы поговорить с вами.

— Да? — поднял брови Моррис. — Если так, начинайте. Может быть, вам есть что мне сказать...

Вместо ответа миссис Хиггинс встала и подошла к окну. Глядя во двор, она сказала:

— Мистер Спеншоу, а ведь я также преподавала литературу. До вас. Я вела ее двадцать лет.

— Да, миссис, я слышал об этом, — осторожно ответил Моррис.

— Вы знаете, продолжала миссис Хиггинс, — мне тяжело было расстаться с этой работой...

Она повернулась к молодому учителю и продолжила, глядя Моррису прямо в глаза:

— До меня дошла информация о некоторых необычных методах вашего преподавания литературы. Кроме того, если помните, как-то я заглянула в класс на вашем уроке...

— Вы считаете, что это может иметь отношение к выходке одной из воспитанниц? — спросил Моррис.

Миссис Хиггинс удивилась.

— Как, вы уже об этом слышали?

Она подумала, что поступила правильно, решив пресечь распространение информации о поступке Скарлетт О'Хары.

— Нет, я так не думаю, — ответила женщина. — Я знаю, что дети в этом возрасте очень впечатлительны.

— Да, я согласен, — ответил молодой человек. — Ваша реакция на записку весьма впечатлила мисс Скарлетт!

Это выглядело безрассудно. Но слова сами собой вырвались из уст, и теперь оставалось только ждать ответного хода хозяйки пансионата.

Миссис Хиггинс скривила рот.

— А позвольте узнать, что происходило на днях во дворе? Девушки ходили под вашим руководством, хлопали в ладоши...

— Ну, я пытался продемонстрировать воспитанницам их характеры исходя из различий в походках...

— Мистер Спеншоу, — перебила его женщина. — Вы прекрасно знаете, что существует программа преподавания литературы в нашем пансионе. Если вы начнете подвергать ее сомнению, то и девушки начнут сомневаться в ней!

Моррис размышлял, что случилось бы с этой старой женщиной, скажи он ей сейчас, что давно не оставил камня на камне от этой программы.

— Я хотел добиться того, чтобы они начали думать самостоятельно, — произнес

Спеншоу еще одну неосторожную фразу.

— Да ни в коем случае! — воскликнула миссис Хиггинс. — Вы забываете, какой у нас пансион! Дисциплина, традиция... Готовьте их к будущей семейной жизни. Выполняйте программу, а остальное все само собой уляжется...

Моррис кивнул.

— Хорошо, миссис Хиггинс, — сказал он. — Я прислушаюсь к вашему совету. Но у меня есть одна просьба.

— Какая?

— Обычно в таких случаях пишут родителям провинившегося ученика...

— Воспитанницы, мистер Спеншоу, воспитанницы!

— Извините, миссис Хиггинс, разумеется, воспитанницы. Я просто оговорился... Так вот, может не стоит этого делать, если вы именно так решили наказать мисс О'Хара?

Хозяйка пансиона посмотрела на молодого учителя очень внимательно.

— У меня такое впечатление, что вы — ясновидящий, мистер Спеншоу, — сказала женщина. — Я именно так и решила поступить с этой невоспитанной девчонкой.

— Понимаете, я хочу попробовать разобраться собственными силами, — сказал Моррис. — Если вы напишете родителям, то, получится, что мы не смогли сами решить эту простую проблему...

Миссис Хиггинс задумалась.

— Может быть, вы и правы... — Она сделала паузу. — Но я сказала мисс Скарлетт, что не напишу о ее поведении, если она расскажет мне о «Клубе литераторов»!

У Морриса пересохло во рту.

— О Клубе литераторов? — переспросил он.

— Да, так была подписана записка этой воспитанницы...

Девушки описали Моррису ситуацию только в общих чертах, о подписи и о «Клубе литераторов» они не упомянули. «Сумасшедшие девчонки, — подумал Спеншоу. — Вот что они задумали. Вспомнили нашу старую университетскую игру. Боже, но они же играют с огнем. Стоит этой воспитательнице старой закваски узнать об их безобидной затее, как они все жестоко пострадают...»

— Знаете что, миссис Хиггинс, — сказал Моррис Спеншоу. — Я попробую поговорить с воспитанницами и об этом. — Он сделал вид, что был в курсе. — Но писать домой не стоит. Это мое твердое убеждение...

И опять пожилая женщина задержала на учителе проницательный взгляд.

— Хорошо, мистер Спеншоу, — согласилась она. — В конце концов, для меня важнее результат. Попробуйте поговорить с ними. Это все, что вы мне хотели сказать?

— Да, а вы мне?

Моррис галантно улыбнулся, когда хозяйка пансиона произнесла сухо:

— Я вас больше не задерживаю...

Сразу же из кабинета он направился в тот конец коридора, где располагались комнаты девушек. Надо было безотлагательно поговорить с ними.

Моррис постучал в дверь комнаты Скарлетт.

— Можно?

Скарлетт и Марианна были вдвоем, когда услышали голос учителя литературы. Девушки лихорадочно вскочили и стали поправлять прически и отряхивать платья.

— Одну минуточку... Можно!

Моррис улыбнулся, почувствовав, что за дверью только что произошел небольшой, чисто женский переполох. Он открыл дверь и вошел к воспитанницам.

— Это была дешевая бравада, мисс О'Хара! — сказал он, глядя Скарлетт в глаза.

— Как? — удивилась та. — Значит, вы согласны с миссис Хиггинс?

— Конечно! — огорошил девушек учитель.

— А как же ваши слова, которые так часто мы слышали на уроках?

— Эти слова не означают, что позволительно совершать глупости, — ответил Моррис. — Есть время для смелости и время для осторожности. И умная девушка умеет различать эти два понятия, мисс О'Хара.

— Вы хотите сказать, мистер Спеншоу, что я глупа? — с негодованием воскликнула девушка.

— Нет, — Моррис улыбнулся. — Мисс О'Хара, вы всегда были разумной девушкой. Но впредь вам следует быть еще разумнее...

— Спасибо, мистер Спеншоу, — горько рассмеялась Скарлетт. — Вы в весьма оригинальной форме объяснили, кто я такая.

— Но вы, господин учитель, согласны с тем, что она сделала? — неожиданно спросила Марианна.

Моррис замахал руками:

— Нет, нет! На мой взгляд, добиться того, чтобы тебя исключили из пансиона это глупость. Здесь хоть чему-то учат. Пусть далеко не в лучшей форме, но вы здесь приобретаете знания. Вы, мисс О'Хара, можете потерять золотые возможности...

— Какие же? — язвительно спросила Скарлетт.

— Ну, во всяком случае, возможность посещать мои занятия! — парировал учитель.

Скарлетт замолкла.

— Не совершайте глупостей, милые леди, — попросил Моррис. — И передайте это, пожалуйста, вашим подругам. Вам понятна моя просьба?

— Да, господин учитель, — сосредоточенно кивнула Скарлетт.

* * *

Через несколько дней Марианна получила письмо из театра. Режиссер просил ее приступить к репетициям. Тон письма был не особенно тревожным. В театре помнили, что Марианна Мак-Коунли еще во время прослушивания наизусть знала всю роль Джульетты, но близилось время премьеры.

Марианна упросила мистера Спеншоу нанести визит миссис Хиггинс и замолвить за нее словечко. Одновременно Молли Харрисон через мистера и миссис Криггс попросила о том же миссис Штикк.

В результате разрешение посещать театральные репетиции воспитанницей пансиона было получено.

— Марианна, помните, что я позволяю вам это только в виде исключения! — сказала девушке миссис Хиггинс. — Я надеюсь на ваше благоразумие и воспитанность.

Теперь Марианна каждый вечер проводила в театре. Режиссер не чаял души в молодой начинающей артистке и после репетиций самолично привозил ее в пансион.

Все шло хорошо до того момента, пока неожиданно не приехал отец.

Марианна молча смотрела на него и не могла открыть рта. Ей просто нечего было сказать.

Отец был в бешенстве. До него дошли слухи, что его дочь посещает репетиции в городском театре. Он приехал разобраться во всем на месте и решительно запретить девушке подобное своеволие.

— Мне очень жаль, что ты потратила столько времени на это, — мистер Мак-Коунли остановился, подбирая слово посильнее, — безумие! Пойти на сцену! Словно девица легкого поведения!!!

Он нервно ходил из угла в угол. Скарлетт в это время сидела в комнате у Молли Харрисон.

— Папа! Ну зачем ты так говоришь! — вскричала Марианна.

— Я знаю, что говорю! — холодно возразил отец. — И, прежде всего, ты обманула меня! Как ты могла поступить так? Написать это письмо от моего имени! У меня просто нет слов. Кто тебе внушил, что я могу согласиться на эту... на эту чудовищную авантюру?!

Мистер Мак-Коунли подошел к дочери и приподнял ее голову за подбородок.

— Отвечай, кто тебе вскружил голову? Этот новый учитель? Кажется, его зовут Моррис Спеншоу?

— Нет! — покачала головой Марианна.

Отец отошел от нее, но девушка видела, что он не верит ей. И потому она торопливо заговорила:

— Мне никто не кружил голову. Я просто хотела сделать тебе... сюрприз!

— И ты думала, что я ничего не узнаю? — грозно спросил мистер Мак-Коунли. — Я пришел как последний дурак в театр и встретился с этим невоспитанным недоумком, с этим режиссером. И что я услышал от него? «О, конечно, ваша дочь просто гениальна! Она так хорошо играет! Она просто рождена для сцены!»

Отец остановился и посмотрел на девушку.

— Полнейшая чушь! Я ему ответил, что моя дочь никогда не будет играть в театре! Никогда, слышишь?

Марианна заплакала. Но ее слезы нисколько не тронули черствое сердце отца.

— Ты заставила меня солгать! — продолжал мистер Мак-Коунли. — Я сделал вид, что был в курсе всего, в курсе твоих репетиций. О, как мне было тогда стыдно! И не за себя, а за тебя в первую очередь! И только потом уже за всю нашу семью...

Отец сделал паузу, подошел к дочери вплотную и жестко произнес:

— Ты завтра же пойдешь к ним и скажешь, что ноги твоей больше не будет в этом театре!

— Нет!!! — закричала Марианна. — Я не могу так сделать! Я не могу покинуть труппу, ведь у меня главная роль! Завтра вечером премьера!!!

Мужчина схватил девушку за плечи и с силой потряс ее.

— Даже если наступит конец света, — процедил он сквозь зубы, — завтра ты пойдешь в театр и покончишь с этой комедией! Тебе понятно?

Марианна молчала. Она закрыла глаза и закусила губу. Крупные слезы текли по ее щекам.

— Да, папа, — неожиданно ровным голосом произнесла она. — Хорошо, папа...

Отца не обеспокоила внезапная перемена в поведении Марианны. Он услышал обычные слова, которые дочь говорила всегда, когда после таких размолвок подчинялась ему.

И потому мистер Мак-Коунли перевел дух.

— Мне пришлось пожертвовать очень многим, чтобы послать тебя в пансион, — проговорил он. — И ты не должна разочаровать меня.

Сказав это, отец открыл дверь и, не произнеся больше ни слова и даже не попрощавшись, вышел в коридор.

Марианна сидела на кровати и со слезами на глазах смотрела на захлопнувшуюся дверь.

* * *

Моррис Спеншоу писал письмо матери, когда услышал звук открывшейся и закрывшейся двери класса.

Следом за нерешительными шагами в классе раздался тихий стук в дверь его комнаты.

— Открыто! — крикнул Моррис, не отрываясь от письма.

— Простите, мистер Спеншоу, — раздался девичий голосок. — Я отрываю вас...

Моррис повернулся и увидел Марианну Мак-Коунли. Присмотревшись повнимательнее, Спеншоу заметил на лице девушки следы недавних слез.

— Вы нисколько не помешали мне, мисс Мак-Коунли, — сказал учитель. — Садитесь, пожалуйста.

Он снял стопку книг с кресла, стоящего рядом со столом и, обернувшись, переложил их на диван.

Марианна присела на краешек.

— Мисс Мак-Коунли? — Моррис с ласковой улыбкой посмотрел на девушку. — Что случилось?

— Простите, пожалуйста... — начала девушка и запнулась.

Нервы изменили Марианне, и она снова заплакала.

— Боже мой, Марианна, — встревожился мистер Спеншоу. — Выпейте воды...

Он налил из графина и протянул ей стакан. Трясущимися губами девушка припала к краю и, выпив всю воду, поставила стакан на стол.

— Итак, что случилось? — повторил свой вопрос учитель. — Рассказывайте, мисс Мак-Коунли.

Но девушка взяла себя в руки. Она внезапно засомневалась, правильно ли поступила, придя в комнату учителя поздно вечером.

Марианна оглянулась и с неловкой улыбкой произнесла:

— У вас небольшая комната.

— Да, — откликнулся Моррис. — Это часть кодекса монаха — жить в келье. Разные светские безделушки не отвлекают от преподавания литературы...

Он решительно не знал, о чем можно говорить с воспитанницей во внеурочное время.

Марианна заметила на столе учителя портрет девушки.

— Симпатичная, — кивнула она на рисунок.

— Да, — согласился Моррис, — но живет в Филадельфии, что очень все осложняет.

Он снова замолк.

— Как вы все это переносите? — неожиданно спросила Марианна.

Моррис удивился:

— Переносу что?

— Вы можете отправиться, куда угодно, — начала говорить Марианна, — делать все, что угодно. Как вы можете жить в нашем пансионе?

Спеншоу вздохнул.

— Мне нравится преподавать, — попробовал объяснить он. — Я не хочу жить в другом месте... Послушайте, Марианна, что случилось? Вы ведь неспроста пришли ко мне! Да еще расплакались...

Девушка всхлипнула.

— Я поссорилась с отцом, — невнятно пробормотала она.

Учитель с трудом разобрал тихие слова.

— Поссорилась с отцом? — переспросил он. — Из-за театра?

Марианна кивнула.

— Он хочет, чтобы я ушла из театра. Только что он со мной говорил об этом.

— А вы? — осторожно поинтересовался учитель.

Марианну будто прорвало.

— Но сцена для меня — это все!! — с жаром воскликнула она. — Он не понимает, он совершенно не знает меня!

— Да, конечно, — согласился Моррис.

— Мне кажется, что сама я его понимаю, — продолжала девушка. — Я ведь не из богатой семьи, как некоторые. Но он распланировал мою жизнь до самого конца... Он не видит ничего иного, как отдать меня замуж за того, кого он сам выберет! Он никогда не пробовал спросить меня, что я хочу получить от жизни, к чему стремлюсь.

— А вы можете поговорить со своим отцом так, как теперь говорите со мной?

Девушка покачала головой.

— Он просто не хочет меня слушать. У меня не получается.

— Почему?

— У меня не получается говорить с ним так...

Плечи девушки затряслись. Моррис понял, что сейчас последует новый приступ рыданий. Надо было утешить Марианну, что-то посоветовать ей.

Но что?

— Тогда сыграйте, — неожиданно предложил он.

Девушка широко распахнула глаза.

— Сыграть?

— Ну да! — Моррис оживился. — Представьте, что вы на сцене. Сыграйте роль верной дочери.

Он замолк, но Марианна молчала тоже.

— Я знаю, что вам кажется это невозможным. Но вы должны объяснить ему, что с вами происходит. Что внутри вас. Понимаете? Если вы можете объяснить со сцены то, что находится внутри вас зрителям, то считайте отца одним из зрителей! Вы понимаете меня?

— Не совсем, — нерешительно произнесла девушка. — Отец не захочет ничего понимать. Просто он не такой человек, какие ходят в театр.

— Перестаньте, Марианна, — остановил девушку учитель. — Ведь в театр ходят разные люди. Вы не знаете, кто на вас смотрит. Но вы на сцене находитесь для того, чтобы затронуть душу любого, понимаете, любого человека! Попробуйте сыграть перед своим отцом.

— Но я знаю, что он скажет! — жалобно воскликнула мисс Мак-Коунли. — Он скажет,

что это все — каприз, скажет, чтобы я перестала, скажет, что рассчитывает на меня. Скажет, что я должна забыть об этом ради моего же блага. Нет, у меня не получится...

— Но ведь вы же не рабыня! Вы должны убедить его, понимаете? Своей уверенностью!

Он немного помолчал и сказал другим тоном:

— Но если вам это трудно сделать сейчас, то вы можете сначала закончить пансион, а потом делать все, что пожелаешь!

При этом Моррис пожал плечами.

Но девушка снова покачала головой.

— Нет. Не получится — ведь премьера завтра вечером.

— Значит, вам нужно переговорить с ним раньше! — с облегчением воскликнул учитель.

Марианна заколебалась.

— А по-другому никак нельзя? — с надеждой спросила она.

Моррис резко ответил:

— Нет!

Девушка посмотрела на учителя литературы затравленно и неожиданно начала смеяться.

— Я попала в западню! — сказала она.

— Это не так, — возразил Спеншоу. — Поверьте мне, это только так кажется...

* * *

Премьера должна была состояться вечером. Марианна пропала куда-то сразу после занятий. На уроке Моррис видел ее спокойное улыбающееся лицо и подумал, что у девушки все в порядке.

После обеда учитель все-таки спросил Скарлетт:

— Послушайте, мисс О'Хара. Где ваша подруга?

Скарлетт посмотрела по сторонам.

— Вы знаете, мистер Спеншоу, она просто пропала и все. Но ведь у нее сегодня премьера! Кстати, вы не отведете нас в театр?

Моррис Спеншоу с удивлением уставился на воспитанницу.

— А вы считаете, что миссис Хиггинс не будет против?

— А давайте и ее пригласим с нами. Ей будет приятно, что ее воспитанница на сцене. Ведь все говорят, что Марианна просто гениальная актриса. И потом, вы можете объяснить хозяйке пансиона, что этот поход в театр явится достойной заменой вечеру, о котором я тогда писала в записке. Скажите миссис Хиггинс, что мы не будем настаивать на вечерах, только пусть она с нами сходит на премьеру!

Моррис нерешительно переступил с ноги на ногу.

— А что, это идея! — кивнул он. — Только... Скажите, мисс О'Хара, вы не в курсе, как у вашей соседки дела с отцом?

— А что у Марианны с отцом? — удивилась Скарлетт. — Я знаю, что он приходил к ней вчера, но я пошла к подругам, чтобы дать им возможность поговорить. А потом все было хорошо...

Скарлетт не знала о ссоре Марианны и мистера Мак-Коунли. Вчера у Молли она

заболталась до позднего вечера, а когда вернулась в комнату, Марианна уже спала.

А утром соседка вела себя как обычно.

Моррис удовлетворенно кивнул. Он подумал, что Марианна уладила свои семейные дела.

— Ну что ж, я попробую, мисс О'Хара, претворить в жизнь вашу очередную сумасбродную идею, — сказал учитель. — Может быть, и получится...

Скарлетт запрыгала от радости и захлопала в ладоши.

— Только я еще пока ничего не обещаю, — предупредил учитель.

— Но я все равно скажу девочкам, — сообщила Скарлетт, — вы ведь понимаете, осталось не так много времени. А нам надо успеть подготовиться.

— А если ничего не выйдет? — попытался урезонить ее мистер Спеншоу.

Скарлетт вздохнула.

— Тогда мы просто посидим вечерок в своих комнатах нарядными. Вы ведь знаете, мистер Спеншоу, как приятно девушкам носить нарядные платья...

* * *

И чудо произошло. Миссис Хиггинс разрешила воспитанницам посетить театр.

Далось это с большим трудом. Мистер Спеншоу уговаривал старую даму около получаса. Он проявил настоящие чудеса красноречия. Через некоторое время миссис Хиггинс стала поддаваться уговорам учителя литературы.

Она сказала:

— Мистер Спеншоу, вы будете отвечать за девушек головой! И если я увижу, что хотя бы одна из моих воспитанниц смотрит на какого-нибудь молодого человека...

— Дорогая миссис Хиггинс, — остановил ее Моррис. — Дело в том, что если в труппе узнают, что в театр придет наш пансион в полном составе, да еще во главе с вами, директор театра нам запросто уступит пару первых рядов! Таким образом, девушкам просто будет некуда смотреть, кроме как на сцену.

Учитель усмехнулся и добавил:

— А если вы сами проявите желание понаблюдать за воспитанницами вне стен пансиона, то легко определите, кто из них нарушает правила поведения. Надо будет лишь следить, чтобы девушки не оборачивались назад.

— Вы так думаете? — хозяйка пансиона подняла брови. — А в самом деле, это прекрасная идея! Только я заставлю наблюдать за девушками мисс Джонстаун, а сама буду смотреть спектакль.

Мистер Спеншоу представил, как Элеонора Джонстаун выполняет задание хозяйки пансиона, для чего вынуждена сидеть вполоборота к сцене, и с трудом удержался от смеха.

— Скажите, — спросила помолчав женщина. — А мисс О'Хара, мы ее также возьмем с собой?

— Она ведь лучшая подруга мисс Мак-Коунли, — осторожно заметил Моррис.

Старая женщина пожевала губами.

— Ну что ж, — сказала она, обращаясь скорее к самой себе, чем к собеседнику, — придется и ее взять.

— Не волнуйтесь, — поспешил успокоить ее мистер Спеншоу. — Эта девушка мне

обещала исправиться. Она производит самое благоприятное впечатление.

— Ну, тогда решено! — объявила миссис Хиггинс. — Эх, давненько я не была в театре!

Не удивительно, что мистер Спеншоу летел к воспитанницам как на крыльях.

Девушки буквально запрыгали от радости. Они с трудом сдержались, чтобы не броситься любимому учителю на шею.

...В театр воспитанницы отправились пешком. Из окрестных домов выглядывали удивленные жители, не помнившие на своем веку, чтобы кто-либо выходил из пансиона, да еще при таком параде.

Зал обещал быть полным, но, несмотря на это, директор театра согласился посадить прибывших из пансиона гостей на лучшие места.

Скарлетт с любопытством оглядывалась вокруг. Она впервые была в театре. Она хотела рассказать о своих впечатлениях мистеру Спеншоу, который присел на кресло рядом с ней.

Но Скарлетт передумала. Ей показалось, что учитель чем-то встревожен и просто не находит себе места.

Моррис действительно чувствовал себя не в своей тарелке. Он вспомнил о вчерашнем визите Марианны. Почему девушка пропала из пансиона так таинственно? Не случилось ли с ней чего-нибудь, и прежде всего, как у нее дела с отцом? Эти вопросы и не давали покоя учителю.

Наконец, он решился. «До начала спектакля еще есть некоторое время, — подумал Спеншоу. — Я успею найти Марианну».

Он кивнул Скарлетт и вышел из зрительного зала. Быстро пройдя за кулисы, Моррис без проблем отыскал мисс Мак-Коунли, которая стояла за занавесом и через дырочку рассматривала зал.

Спеншоу приблизился к девушке и спросил:

— Я что-то не пойму, мисс Марианна. Вы поговорили со своим отцом?

— Да, мистер Спеншоу, — потупив взор, ответила девушка. — Его не будет. Он уехал на пару дней в Сан-Франциско. Но он не против, не думайте, — Марианна не сводила с Морриса честных глаз.

И он поверил.

— Хорошо, — кивнул мистер Спеншоу, — в таком случае, желаю вам хорошо сыграть ваш первый спектакль!

— Спасибо, — отозвалась Марианна.

Учитель вернулся на свое место.

Большинство воспитанниц пришли в театр, как и Скарлетт, впервые. Девушки никак не могли успокоиться. Они постоянно хихикали, перешептывались и крутились. Всех смешила мисс Джонстаун, которая, постоянно вытягивая шею, оглядывала ряды с воспитанницами пансиона. Никакие ее самые грозные взгляды не могли унять возбужденных девушек.

Прозвенел третий звонок, но пансионерки не переставали щебетать.

— Тихо, тихо, — сказала Анна. — Начинается действие.

Ее слова были обращены к Тине и Барбаре, которые разговаривали почти в полный голос.

— Да замолчите вы, — поддержала подругу Скарлетт. — Вы же пропустите первое появление Марианны.

Занавес поднялся. На сцену вышел мужчина, одетый шутком и проговорил:

— Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте...

Спектакль начался. Для Скарлетт он являл собой настоящее чудо. Море света, красивые актеры, яркие костюмы. В сочетании с торжественной обстановкой в зрительном зале этого было даже чересчур много для впечатлительной девушки. Ко всему прочему примешивалось волнение за соседку. Нервы просто невозможно было успокоить, мисс О'Хара с удивлением замечала, что дрожит мелкой дрожью.

...Едва на сцене появилась Марианна, Скарлетт толкнула локтем Тину Тейлор, с которой сидела рядом:

— Ты только посмотри...

Марианна была прекрасна. Действие происходило на маскараде, и внезапно вспыхнувшее чувство к Ромео Марианна сыграла очень убедительно. Поистине, она была прирожденной актрисой!

...Одна лишь в сердце ненависть была —
И жизнь любви единственной дала.
Не зная, слишком рано увидела
И слишком поздно я, увы, узнала.
Но победить я чувство не могу:
Горю любовью к злейшему врагу,

— звучали слова роли.

Через некоторое время Скарлетт успокоилась. Она поняла, что волновалась совершенно напрасно — Марианна уверенно чувствовала себя на сцене, играла легко, без напряжения. Казалось, что на подмостках зрители видели самую настоящую Джульетту...

Действие увлекло миссис Хиггинс. Она с волнением смотрела на сцену. Элеонора Джонстаун заметила, что хозяйка почти не отрывает от артистов взгляда, и сама стала больше внимания уделять спектаклю.

Пользуясь этим, Скарлетт смотрела не столько на сцену, сколько в зрительный зал. Ее интересовало все: громадная красивая люстра под потолком (как же там зажигают свечи? — думала девушка), знатные дамы на балконах в дорогой одежде, подтянутые юноши в партере.

...Из-за своего желания охватить сразу всю палитру театральных впечатлений, мисс О'Хара почти не следила за сюжетом. Она помнила его по короткому рассказу Марианны, и ее это вполне удовлетворяло.

Но все сцены с участием подруги Скарлетт смотрела внимательно. Ей доставляло радость сознавать, что эту артистку она знает: живет с ней в одной комнате, делится самыми сокровенными мыслями и переживаниями, спорит...

Особенно понравилась Скарлетт сцена на балконе, когда Ромео случайно подслушал признание Джульетты. Марианна вела свой монолог тихо, но так, что каждое слово долетало до зрителя и буквально западало в душу:

... О милый мой Ромео, если любишь —
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, —
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет».
Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!

Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, — и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет...

Был момент в спектакле, когда Скарлетт замерла от страха. Это случилось, когда Джульетту посчитали мертвой. С замиранием сердца мисс О'Хара слушала слова взрослой артистки, играющей роль синьоры Капулетти:

...Дай поглядеть. Увы! Похолодела!
Застыла кровь, и члены онемели!
С ее устами жизнь давно рассталась.
Смерть, как мороз безвременный, убила
Прекраснейший из всех цветов в саду...

Скарлетт передернула плечами. Какое счастье, что это только спектакль...
Под конец действия многие плакали. Всплакнула и Скарлетт, но быстро отвлеклась, заметив бледные щеки мистера Спеншоу.

«Какой он красивый!» — подумала девушка.

Спектакль закончился. Зрители поднялись, аплодируя изо всех сил. Воспитанницы едва не отбили ладони, стремясь оглушить друг друга и артистов аплодисментами.

Овация не стихала очень долго. Артистов снова и снова требовали на сцену.

Но больше всего почестей досталось на долю молодой исполнительницы роли Джульетты. Марианна стояла на сцене усталая, бледная, с горящими глазами и счастливо улыбалась.

Когда занавес опустился в последний раз, девушки бросились за кулисы. Миссис Хиггинс и учитель литературы также пошли поздравлять Марианну. На своем месте осталась лишь мисс Джонстаун...

Шумной толпой подруги окружили Марианну, которая еще даже не сняла грима и стали наперебой кричать:

— Потрясающе!

— Здорово!

— Просто прекрасно!

— Молодец, мисс Мак-Коунли!

— Ты у нас просто красавица была сегодня вечером!

— Как?! Только сегодня вечером? — пошутила Марианна.

— Да нет! — поправилась Барбара. — Ты у нас всегда красавица.

— Эй, Марианна! — окликнула девушку миссис Хиггинс. — Твой отец ждет тебя!

И тут Марианна увидела отца, который зашел за кулисы и искал дочь глазами. Все похолодело у нее внутри.

Отец молча подошел к ней и не очень-то учтиво растолкал окруживших Марианну подруг.

— Папа, — растерянно промолвила Марианна.

— Пойдем! — коротко бросил вместо приветствия отец.

И как всегда, не дожидаясь реакции дочери на свои слова, повернулся и пошел по длинному коридору театра.

Девушка бросилась за ним. Она еле успевала — походка у мистера Мак-Коунли была широкая, уверенная. Неожиданно он притормозил и спросил:

— Где тут твоя уборная?

— Там, — кивнула Марианна в сторону.

— Давай побыстрее, — сказал отец.

У дверей уборной он добавил:

— Даже не хочу заходить туда. Быстро переодевайся и идем.

— Куда?

— Как куда? Нас ждет экипаж! Мы едем домой.

— Но мы сейчас думали идти отмечать премьеру!

— Еще чего! — передернул плечами отец.

Нечего и говорить, как Марианне не хотелось ехать домой.

— Но папа! — воскликнула она. — Здесь же наши девушки из пансиона! Позволь мне пойти с ними вместе!

— В пансион ты больше не вернешься! — отрезал отец.

Он втолкнул дочь в уборную и прикрыл дверь.

— Поторопись! — сказал он в щель.

Марианна заплакала. Глотая соленые слезы, она стаскивала с себя платье Джульетты и одевала форменное, пансионное, коричневое.

Марианна лишалась теперь даже пансиона. Жестокий отец решил забрать ее домой. Что делать?

Девушка вспомнила о вчерашнем разговоре с мистером Спеншоу и подумала, что попробует подчиниться, чтобы дома все попытаться объяснить родителям.

«Возможно, мне поможет мать!» — решила Марианна и даже несколько успокоилась.

Она быстро переделась.

На улице возле театра зрители образовали живой коридор. Когда артисты шли по нему, зрители буквально забрасывали их цветами.

Прошли по этому коридору и Марианна с отцом. Едва Марианна появилась на улице, в ее честь раздались овации.

— Это она! — шептали вокруг.

— Это исполнительница главной роли, роли Джульетты!

— Такая молодая! И такая талантливая!

— Ей столько же, сколько было Джульетте! Какая прелесть!

Ноги Марианны сами собой замедлили ход. Она приостановилась и стала было раздавать автографы, уступая желанию поклонников и поклонниц. Однако отец, шедший следом, грубо подтолкнул девушку в спину.

Тогда Марианна закусил губу и пошла вперед не оглядываясь.

Возле угла театра стояли Скарлетт, Молли, Тина и мистер Спеншоу.

Скарлетт призывно помахала Марианне рукой:

— Эй! Марианна! Иди к нам!

— Нет, не могу, девочки! — ответила Марианна.

— Но почему?

— Я еду с отцом...

— Да ты что?

К Марианне подскочил взволнованный Моррис:

— Послушайте, мисс Мак-Коунли. Я не очень-то верил в ваш талант, но сегодня я увидел настоящее чудо. Послушайте, вы просто рождены для сцены. Люди верят вам, когда вы играете. Нет, это просто сверхъестественно...

Отец Марианны тронул учителя литературы за плечо:

— Извините!

— Что такое? — спросил Спеншоу.

Мистер Мак-Коунли смерил молодого человека презрительным взглядом.

— Мы очень спешим! — холодно проговорил он.

Марианна горько улыбнулась и прошла мимо подруг и оторопевшего учителя.

За ней следовал отец с совершенно каменным лицом.

— Марианна! — попробовал окликнуть девушку учитель.

— Мистер Спеншоу, — обернулся к нему Мак-Коунли, — не смейте подходить к моей дочери!

И он взмахнул тростью.

— Марианна! Марианна! — закричала Скарлетт и сделала движение, чтобы догнать подругу.

— Не надо, мисс О'Хара, — мягким движением руки остановил ее учитель. — Не будем все ухудшать...

Они увидели, как мистер Мак-Коунли посадил дочь в экипаж и поднял верх. Кони с места взяли вскачь, и экипаж быстро скрылся из виду.

...Мистер Спеншоу постоял еще немного, глядя в ту сторону, куда увезли Марианну.

— Ну что же, пойдете! — сказал учитель, поворачиваясь к воспитанницам. — Я отвечаю за вашу безопасность перед миссис Хиггинс, и поэтому мы сейчас пойдём в наш пансион...

Миссис Мак-Коунли всегда гордилась тем, что у дочери с ней больше сходства, чем с отцом. Те же правильные черты лица, те же светлые волосы.

Только характер у Марианны оказался отцовским, упрямым. Правда, из спорных ситуаций всегда победителем выходил отец. Но мать чувствовала: дочь уступала только потому, что не могла спорить со взрослым.

Но дочь также взрослеет. А теперь эта история с театром. Когда муж уехал в город, на нем лица не было. Судя по всему, сейчас он привезет Марианну домой.

Миссис и мистер Мак-Коунли прожили вместе долгое время, и женщина хорошо знала, чего можно ожидать от мужа. Поэтому она не удивилась, услышав за окном звук подъехавшего экипажа.

Двумя минутами позже муж ввел заплаканную девушку в комнату.

— Марианна! — бросилась к дочери миссис Мак-Коунли.

Но муж остановил ее властным жестом.

— Мы долго думали, почему ты отказываешь нам в своем доверии, — обратился отец к Марианне. — Но как бы там ни было, мы тебе не позволим испортить себе жизнь. Я завтра же забираю твои бумаги из Фейетвилльского пансиона. Ты пойдешь в Трактоновский, тот, что при монастыре. Там тебе будет спокойней, дурь быстро выветрится из головы.

— Папа, — пробормотала Марианна.

Она плакала от бессилия, все было как всегда! Она не могла реализовать пожелание мистера Спеншоу. Отец... Можно ли назвать отцом человека, который отказывается выслушать свою дочь?

— Не надо, — поморщился мистер Мак-Коунли. — Это не трагедия, мы не говорим о смертном приговоре. Ты даже не отдаешь себе отчета, Марианна, насколько ты не права.

— Но я хочу сказать тебе, что я думаю, — тихо произнесла девушка.

— Ну давай, скажи! — отец издевательски захохотал. — Я давно ждал, когда ты что-нибудь скажешь! Смотри ты, мать, наша дочь уже выросла настолько, что может нам с тобой что-то сказать...

Марианна открыла рот, чтобы ответить, но отец снова перебил ее:

— Что, ты будешь говорить снова о том же? Об актерской карьере? — Он сузил глаза и заиграл желваками. — Об этом можешь забыть навсегда!!!

Эхо его возгласа долго отдавалось в коридорах пустого дома. Мистер Мак-Коунли выждал паузу.

— Ну, так почему ты молчишь? — спросил он через несколько секунд. — Что ты хотела сказать мне?

Но Марианна не издала ни звука. Что-то оборвалось в ней, раз и навсегда.

Девушка стала на удивление спокойной.

— Я ничего не хочу сказать, — холодно ответила Марианна, даже не глядя в сторону отца. — Мама, проводи меня в мою комнату. Я хочу спать...

Отец смотрел на дочь удивленно и будто растерянно. Но это продолжалось не дольше секунды, и Марианна не заметала взгляда отца.

— Ну что же, — сказал мистер Мак-Коунли. — Спать так спать.

И он вышел из комнаты.

Миссис Мак-Коунли отвела дочь в спальню на втором этаже. Она уложила Марианну и присела рядом с ней на кровать. Девушка молча смотрела в потолок.

— Ты не пожелаешь мне спокойной ночи? — спросила мать.

Марианна оставила без внимания просьбу матери. По щеке девушки катилась слеза.

Миссис Мак-Коунли тяжело вздохнула и пошла к выходу. По дороге она еще раз оглянулась, но Марианна все так же смотрела в потолок.

— Ты сама погасишь свечу, — сказала женщина и покинула спальню.

Очень тихо за ней закрылась дверь.

... Марианна не стала гасить свечу. Казалось, девушка вовсе забыла о ней. Свеча оплавилась и потухла сама.

Марианна на спала. Стояла глубокая ночь, ни один звук не нарушал покоя большого просторного дома.

Девушка тихо встала, босыми ногами ступила на деревянный пол. Потом подошла к окну и широко распахнула его.

Ночной ветер ворвался в комнату, освежил лицо, разметал распущенные волосы. Марианна посмотрела на ночное небо. Оно было полно маленьких мерцающих звезд.

Девушка положила руки на низкий подоконник и вдохнула полной грудью. Истерический судорожный смех вырвался из горла Марианны.

— Он не стал слушать меня! — воскликнула девушка. — Он просто не стал слушать!

Ее смех внезапно перешел в кашель, который стал душить девушку, выворачивать наизнанку. Но Марианна не обращала на кашель внимания: кашляя, она продолжала смеяться.

Потом ей стало плохо. Она схватилась обеими руками за живот, наклонилась вперед ниже... Ниже...

...Мистер Мак-Коунли проснулся среди ночи. Он не мог объяснить причины тревоги, внезапно охватившей его. Резким рывком он поднялся и сел в кровати. Потом опустил ноги на пол и тронул жену за плечо:

— Ты ничего не слышала?

— А? Что? — не поняла спросонья та.

Мистер Мак-Коунли накинул халат и встал. Тревожное чувство не покидало его. «Марианна, — подумал он. — Что с Марианной?»

Он зажег свечу и поднялся на второй этаж, где была спальня дочери. Открыть дверь помешал сильный сквозняк. Мистер Мак-Коунли приналег на дверь плечом, одновременно укрывая свечу от ветра.

В ужасе он вбежал в комнату. Постель дочери была пуста, окно распахнуто. Свеча погасла.

Чертыхаясь, мистер Мак-Коунли снял с полки лампу и зажег фитиль. Теперь можно было перестать бояться сильного ветра.

Мистер Мак-Коунли подумал, что девушка убежала из дому. «Видимо, она сперва открыла окно, но увидела, что здесь высоко. Но она не могла убежать обычным путем — я же запер входную дверь...»

Он решил, что надо спуститься вниз и осмотреть кухню и вход для прислуги. Но прежде

надо было закрыть окно.

Мистер Мак-Коунли поставил лампу на пол и взялся руками за створки. При этом он почти по пояс высунулся наружу. Взгляд его упал вниз, и мистер Мак-Коунли почувствовал, как его охватила непонятная дрожь.

Он мгновенно поднял с пола лампу и осветил ею землю у дома. Хриплый возглас вырвался у него из груди.

Внизу лежало тело его несчастной дочери...

* * *

Весть о смерти Марианны Мак-Коунли повергла в ужас всех воспитанниц пансиона.

— Девочки, она выпала из окна! — воскликнула Скарлетт.

В глазах ее были слезы.

— Это все из-за ее отца! — убежденно воскликнула Тина. — Это он довел ее до самоубийства!

— Ты не можешь так говорить! — возразила Клара Ковальски. — Здесь нет логического объяснения...

Скарлетт со страхом смотрела на пустую кровать в своей комнате. Мисс Джонстаун еще утром забрала белье, теперь на кровати лежали голый тюфяк и подушка.

В пансионе был траур, уроки были отменены. По распоряжению миссис Хиггинс девушки собрались в классе.

— Мисс Марианна Мак-Коунли была одной из лучших воспитанниц нашего пансиона, и нам ее будет не хватать, — сказала хозяйка.

Потом она вздохнула и переключилась на другую тему:

— Я посоветовалась со всеми преподавателями, чтобы прояснить ситуацию. Также был приглашен мистер Мак-Коунли, отец Марианны. По просьбе мистера Мак-Коунли я намерена провести подробное расследование этого дела. Я ожидаю от вас полного сотрудничества.

Все были потрясены и подавлены. Миссис Хиггинс после этих слов отпустила девушек, приказав им сидеть в своих комнатах и никуда не уходить, потому что она будет вызывать их по одной к себе в кабинет.

Но по комнатам сидеть просто не было сил. Все собрались у Анны.

Первой вызвали Клару Ковальски. Скарлетт оценила ход миссис Хиггинс — это был верный шанс узнать всю подноготную их компании.

Клара вернулась, и Скарлетт сразу поняла по выражению ее лица, что что-то не так.

— Ты рассказала ей о Клубе сумасшедших литераторов?

— Да, — ответила Клара.

— Предательница! — крикнула Скарлетт. — Как ты могла?

Мисс Ковальски, словно не замечая презрительного взгляда зеленых глаз, спокойно пожала плечами:

— Миссис Хиггинс и так многое знает. Эта старая дева, мисс Джонстаун шпионила за нами, за мистером Спеншоу. Мне так сказали: если я подписываю бумагу, то остаюсь в пансионе, а если нет — вылетаю с треском!

— Какую бумагу? — воскликнула Скарлетт и подскочила к Кларе, потрясая кулачками.

— Постой! — остановила девушку Анна. — Надо разобраться. Какую бумагу?

— Отец Марианны и все они, — Клара поморщилась, — утверждают, что во всем виноват мистер Спеншоу. Что он вредно воздействовал на нас, вбил Марианне в голову идею насчет театра. Они хотят уволить его и поместить статью в местной газете. И для этого им нужны наши подписи...

— Но ведь это неправда! — воскликнула Скарлетт. — Мистер Спеншоу не виноват, и мы все это прекрасно знаем!!!

— погоди, — опять остановила ее Анна. — Тут следует поразмыслить, поможет ли мистеру Спеншоу то, что мы откажемся подписывать бумагу против него...

Скарлетт застонала.

— У меня нет сил видеть все это! — воскликнула она. — Я буду у себя...

С этими словами Скарлетт вылетела из комнаты, сильно хлопнув дверью.

Она успела, может быть, тысячу раз повторить свою поговорку: «Я не буду думать об этом сегодня, подумаю завтра», когда в комнату к ней зашла Анна Сент-Уайт и мрачно усмехнулась:

— Нас всех уже вызывали, Скарлетт... Осталась одна ты...

Идя по коридору, Скарлетт чувствовала, что еще немного — и она не выдержит. Как ей это все надоело!

Совершенно измученная девушка толкнула тяжелую дверь.

Сидящие по другую сторону стола слились для Скарлетт в одно сплошное белое пятно. В ушах стоял непрерывный шум. Потом мисс О'Хара услышала голос хозяйки пансиона:

— Все подписали, мисс Скарлетт. Остались только вы! Прочтите внимательно этот документ...

На стол перед Скарлетт легла бумага. Сколько ни старалась сосредоточиться бедная воспитанница, она не могла разобрать ни строчки. В глазах стояли только подписи: Клара Ковальски, Тина Тейлор, Молли Харрисон, Барбара Форман, Анна Сент-Уайт...

— Так каким же будет ваше решение, мисс О'Хара? — раздался над ухом назойливый голос.

* * *

Прошло три дня.

Шел урок литературы. Миссис Хиггинс рассказывала о Байроне. Теперь литературу будет вести она — до тех пор, пока не найдется какой-нибудь не слишком образованный джентльмен, обладающий даром приспособления и хоть крупницей знания предмета, которая могла бы ему позволить называться преподавателем литературы. Старушка была сыта по горло выпускниками университетов, у которых семь пядей во лбу.

Скарлетт О'Хара вдруг почувствовала острую неприязнь к Байрону — такому, каким он представлялся ей со слов миссис Хиггинс. Хромой, занудливый и почему-то очень старый — долгие годы потом Скарлетт представляла себе великого поэта именно таким.

— Мисс О'Хара, — окликнула ее хозяйка пансионата, — вы себя хорошо чувствуете?

Скарлетт подняла глаза и встретила с сухим, изучающим взглядом миссис Хиггинс. Девушка растерялась — ей показалось, что учительница уже давно прервала свой рассказ и смотрела на нее.

— Извините, миссис Хиггинс, — тихо сказала Скарлетт, — кажется, у меня начинает болеть зуб.

— Вы очень невнимательны, — будто не расслышав ее последних слов, ровным голосом произнесла хозяйка пансиона и отвела взгляд от Скарлетт.

Урок продолжался. Голос учительницы, словно шелест пожухлой листвы, убаюкивал класс. Скарлетт почувствовала, что цепенеет от этого звука. Она тряхнула головой и посмотрела в окно. Пара пирамидальных тополей, припудренных тонкой пылью, и выцветшее небо — все это она видела уже сотни раз. «Я просто хочу научить вас смотреть на вещи под непривычным углом зрения...» — вспомнились ей слова Морриса Спеншоу. А если забраться сейчас на подоконник, открыть массивную раму и выглянуть из окна, то картина окажется совсем иной?.. Или — все те же пыльные тополя, только не под окном классной комнаты, а всюду, куда хватает взгляда?

Может, именно это и увидела Марианна Мак-Коунли, прежде чем броситься из окна?

Кажется, неприятности, как гончая собака, взявшая след, преследуют это мрачное здание. Скарлетт посмотрела на пустующее сиденье рядом с собой. Марианна до своей смерти не занимала столько места в ее душе, сколько теперь. Скарлетт заметила, что порой, сама того не замечая, мысленно разговаривает с подругой, спорит с ней. А многие давние разговоры с Марианной, казавшиеся обычными и ничего не значащими, всплывают, наполненные глубинным смыслом.

Однажды вечером подруги опять разговорились о Моррисе Спеншоу.

— А ты хотела бы, чтобы твой отец был похож на нашего учителя литературы? — спросила тогда Скарлетт.

— Конечно. Но ты даже не представляешь, насколько они разные, Скарлетт. Иногда мне становится жалко отца оттого, что он никогда не поймет, чем отличается от мистера Морриса Спеншоу.

— Неужели ему ни разу не хотелось поговорить с тобой по душам? Ведь он наверняка замечает, как тебе трудно.

— Что ты! Даже если он это замечает, то считает только меня виноватой во всех моих трудностях. Он считает, что если бы я была такой, какой он мечтает меня видеть, и не забивала себе голову высокими материями, то была бы счастлива. А если я попрошу его поговорить со мной на чистоту, то разговор этот обязательно закончится руганью. Пойми, Скарлетт, он не смог бы понять и поддержать меня, даже если бы захотел. Но он, правда, и не хочет.

Марианна тогда долго сидела, молча разглядывая и разглаживая складки на платье, а потом вдруг подняла свою белокурую голову и спросила:

— А ты, Скарлетт, хотела бы иметь такого отца, как мистер Спеншоу?

Скарлетт смутилась и неуверенно произнесла:

— Наверное, нет. Мой отец совсем не такой, нет. Я очень люблю его и горжусь им.

— Так твой отец лучше мистера Спеншоу?

— Понимаешь, отец — он отец. А мистер Спеншоу — это учитель. Их трудно сравнивать. Я не могу объяснить тебе почему.

— Наверное, я завидую тебе, Скарлетт... — сказала Марианна, глядя куда-то в сторону.

После этого разговора прошло много дней. Скарлетт успела потерять и подругу, и любимого учителя.

Барбара Форман задремала, оперев голову на согнутую в локте руку, так что издали

могло показаться, будто она внимательно слушает миссис Хиггинс. Тина Тейлор попыталась было пошептаться с соседкой по парте, но, словно испугавшись своего голоса, осеклась и замолчала. Анна Сент-Уайт сидела с непроницаемым выражением на лице, хотя монотонный рассказ учительницы нисколько ее не интересовал — мысли ее витали где-то далеко.

Миссис Хиггинс чувствовала настроение класса. Многих девочек наверняка ждали неприятности.

— Мисс Форман, будьте добры назвать мне дату смерти поэта! — голос хозяйки пансиона вдруг стал неприятно резким и громким.

Толстушка Форман с некоторым опозданием очнулась от дремы и медленно встала, щуря заспанные глаза. Клара Ковальски растянула в улыбке тонкие губы и с интересом наблюдала за близящейся расправой. Молли Харрисон открыла было рот, чтобы подсказать Барбаре, но тут же обнаружила, что, оказывается, сама не запомнила из этого урока ни одного слова.

— Так вы ответите мне что-нибудь?

Миссис Хиггинс подошла вплотную к Барбаре и, не отрываясь, смотрела на нее. Девушка, часто моргая, что-то произнесла, но так тихо, что этого не услышала даже ее соседка по парте.

— Громче, пожалуйста! Пусть вас слышит весь класс! — голос учительницы был неумолим.

Барбара Форман начала говорить дрожащим голосом, грозившим в любую минуту перейти в плач:

— Великий английский поэт Джордж Гордон Байрон окончил свой жизненный путь...

Она намеренно растягивала предложение, будто надеялась, что какое-то чудо еще способно спасти ее от гнева учительницы.

— Он... окончил его... в году, когда...

Клара Ковальски, единственная из класса, слушавшая этот бесконечный урок и, разумеется, зная ответ на вопрос, откровенно наслаждалась сценой. Клара чувствовала, что миссис Хиггинс начинает осуществлять план мщения и будет поднимать всех подряд, задавая один к тому же вопрос... Когда очередь дойдет до Клары, она встанет и громко, четко даст правильный ответ. Единственная из всех!

— В тысяча... восемьсот... — бормотала бледная как мел Барбара Форман.

И тут чудо все-таки произошло. Раздался негромкий стук в дверь классной комнаты, и через секунду на пороге появился Моррис Спеншоу.

Он был одет в дорожный костюм. Большой черный саквояж мистер Спеншоу опустил на пол.

«Он уезжает, — мгновенно пронеслось в голове Скарлетт. — Он уезжает навсегда!»

Это поняли все. За исключением, пожалуй, одной толстушки Форман, которая, все еще не в силах поверить в свое избавление, широко открытыми глазами смотрела на преподавателя, как на мессию.

— Извините, миссис Хиггинс, за вторжение, — произнес мистер Спеншоу, — но мне необходимо пройти в мой кабинет: там остались кое-какие вещи, а дилижанс, на котором я должен уехать, отправляется через четверть часа... Я обещаю долго не тревожить вас.

Вежливо улыбнувшись и не дожидаясь ответа хозяйки пансиона, Моррис Спеншоу прошел между рядами парт, направляясь к маленькой двери своего кабинета. Девушки

невольню пригнулись над книгами, не в силах побороть жгучее чувство стыда перед учителем. Он, даже покидая их, помогает избавиться от гнева чопорной миссис Хиггинс. Скарлетт, Барбаре, другим девушкам и в голову не пришло, что это чистая случайность. Все увидели в нем своего доброго ангела-хранителя, которому они собственноручно подрезали крылья.

Миссис Хиггинс растерялась. Она смутно почувствовала, что спальный преподаватель будет путать ей карты до тех пор, пока о нем помнят в пансионе. То, что он сделал с этими доверчивыми девицами, исправить вряд ли удастся. Пансион, который стал частью миссис Хиггинс, в котором размеренно билось ее сердце, возможно, сделанное из того же материала, что и безупречно ровная кладка стены, пансион этот оказался зараженным опасной болезнью. И мистеру Спеншоу, несмотря на его официальное отлучение от городка, достаточно появиться на краткий миг в своем бывшем классе, чтобы урок был практически сорван.

— Миссис Хиггинс, миссис Хиггинс! — пыталась обратить на себя внимание Клара Ковальски.

Маргарет Хиггинс, словно очнувшись, посмотрела на класс. Девушки склонились над партами. Вид у них был испуганный и подавленный. Если бы хозяйка пансиона знала, что они испугались ее гнева — все было бы в порядке. Но ведь совсем другая сила заставляет их сейчас прятать глаза — стыд перед этим Спеншоу!

— Миссис Хиггинс, я хочу сказать! — отчаянно тянула руку Ковальски. Учительница наконец заметила ее:

— В чем дело?

— Я знаю, в каком году умер Джордж Байрон, — с торжествующей улыбкой сообщила Клара Ковальски.

Еще секунда — и обычно сдержанная хозяйка пансиона сорвалась бы на крик. Но тут, оказав еще одну невольную услугу, вышел из кабинета мистер Спеншоу со стопкой книг и тетрадей в руках.

— Прошу прощения, миссис Хиггинс, — произнес он, направляясь к выходу.

Девушки так к не посмели поднять на него глаза, хотя это, похоже, была их последняя встреча с учителем. А он будто и не замечал их, обращаясь к одной хозяйке. Миссис Хиггинс, поджав губы, молчала, пропуская извинения Спеншоу мимо ушей и давая понять, что лишняя любезность только отнимает время, отпущенное для занятий.

Скарлетт с болью вспоминала, как она подписывала злосчастную бумагу. Да, она была последней, но легче от этого не становилось. Наоборот, получалось так, что ее подпись оказалась решающей. «Господи, — думала она, — надо было просто убежать, спрятаться где-нибудь, сказать себя больной, разреветься в конце концов... Разве я могла предполагать, что будет так тяжело?»

Мистер Спеншоу, бросив озабоченный взгляд на свои часы, взял саквояж и открыл дверь.

— Секунду, — вдруг произнес он, — а ключи? Кажется, я чуть не прихватил с собой ключи от кабинета...

Учитель, опустив на пол книги и саквояж, порылся в карманах и достал ключи. Миссис Хиггинс, высоко подняв голову, смотрела в сторону от него, словно опальный учитель совершает чудовищно бестактный поступок, замечать который не пристало воспитанной даме.

Спеншоу, пожав плечами, положил ключи на кафедру, и тут Скарлетт, подняв глаза, обнаружила, что он смотрит на нее. Дыхание ее перехватило. Скарлетт почувствовала, что если не попытается хоть что-то сказать учителю в свое оправдание, то разрыдается сейчас перед всем классом.

В лице Морриса Спеншоу не было ни обиды, ни упрека, ни разочарования. Его губы тронула улыбка, немного грустная, но без всякого оттенка неприязни.

Ну-ну, мисс О'Хара, читала Скарлетт в его глазах, не принимайте все слишком близко к сердцу. Подумаешь, не выдержали этот маленький экзамен... Сколько я видел людей, куда более взрослых и сильных, чем вы, которые спотыкались и в более простых ситуациях. Все к вам еще придет. Надо только немного подрасти...

«Но ведь я не маленькая! — хотелось закричать девушке. — Я прекрасно знала, что делаю, когда ставила свою подпись под теми ужасными словами! Я оказалась еще хуже, чем эта Клара Ковальски, которая поступила низко, но по крайней мере искренне — ведь она и в самом деле не любит ни вас, ни меня, вообще никого. А я... Я вас люблю, дорогой мистер Спеншоу...»

Скарлетт показалось, что она произнесла последние слова вслух. Зажмурившись от ужаса, девушка приготовилась к самому худшему. Но видимо, ее слов никто не расслышал. В классе стояла мертвая тишина, которую нарушил один только звук — скрип двери, которую, уходя, закрывал за собой Моррис Спеншоу.

Вот теперь Скарлетт испугалась по-настоящему.

— Мистер... Мистер Спеншоу! — крикнула она ему вслед. — Я не хотела... Меня заставили это сделать!

Дверь, готовая уже закрыться, замерла. Удивленный, учитель обернулся к Скарлетт, и дыхание ее снова перехватило от этого взгляда.

Первой очнулась миссис Хиггинс.

— Мисс О'Хара, — громовым голосом объявила она, — вам никто не давал слова!

Скарлетт часто задышала, чувствуя страх и в то же время невероятное облегчение от того, что решилась на эти слова. Но миссис Хиггинс, решив-таки взять ситуацию в свои руки и пресечь зло в самом его зародыше, подошла к Скарлетт и, схватив ее за руку, потащила к доске.

— А вам, мистер Спеншоу, следует поспешить на дилижанс, — бросила хозяйка, — иначе вряд ли вы найдете ночлег в нашем городе.

Спеншоу, забыв освободить руки от багажа, решительно двинулся к Скарлетт. Но та уже вырвалась из цепких пальцев учительницы и подбежала к своей парте.

— И что же? — переводя дыхание, спросила миссис Хиггинс. — Что дальше, мисс О'Хара?

Конечно же, она не будет гоняться за Скарлетт по классу, как девочка. Покрасневшая, с выбившейся на лоб прядью, ошарашенная выходкой Скарлетт, миссис Хиггинс тем не менее не собиралась сдавать позиций. «Вам некуда больше бежать, глупенькая мисс О'Хара, — говорил ее снисходительный вид, — убедитесь сами, в какое глупое положение вы себя поставили...»

Почувствовав на себе взгляды всего класса, Скарлетт внутренне съежилась. И вправду, что же ей делать?

Растерявшись, стоял с саквояжем и книгами в руках мистер Спеншоу, как раз на полпути между входной дверью и Скарлетт.

С холодным презрением в глазах смотрела на нее хозяйка пансиона, а за ее пергаментно-желтым лбом уже наверняка созревал план расправы над дерзкой воспитанницей.

По испуганным лицам Барбары, Молли и других девочек трудно было судить об их поддержке или неодобрении. Клара Ковальски вся подалась вперед и, казалось, поела глазами Скарлетт. От Клара исходили только страх и ненависть.

«Сейчас меня предадут так же, как я предала мистера Спеншоу», — пронеслось в голове Скарлетт. И тут она решилась.

Зажмурившись от страха, девушка забралась с ногами на свою парту. Потом открыла глаза.

Прямо перед ней стояла удивительно маленькая миссис Хиггинс. Ее лицо, покрывшееся красными и лиловыми пятнами, находилось на уровне колен Скарлетт. На макушке хозяйки было заметно большое уродливое родимое пятно, еле прикрытое жидкой прядью седых волос. Миссис Хиггинс открывала рот, но слова почему-то не долетали до Скарлетт.

Девушка посмотрела за окно, где, как она и ожидала, были только тополя. Тополя до самого горизонта, насколько хватало глаз. Лишь вдалеке стоял крохотный дилижанс, ожидающий мистера Спеншоу. Лошади перебирали копытами, возница на козлах спал, запрокинув голову.

— О'Хара! Харрисон! Форман! Сейчас же слезайте с парт! — вдруг донесся до Скарлетт визг миссис Хиггинс.

Удивленная, Скарлетт оглядела класс. Ее подруги с самым решительным выражением на лицах забирались на столы. Вот полная Барбара Форман неожиданно грациозно балансирует на парте, качающейся под ее ногами. Тина Тейлор, всегда такая бойкая, стоит, поставив ногу на стул и нерешительно поглядывает на Скарлетт. Потом одним легким движением вскакивает на парту и удивленно оглядывается. Анна Сент-Уайт, убедившись, что процесс оседлания парт зашел достаточно далеко, решает присоединиться к остальным подругам. Ее платье цепляется за гвоздь на стуле и чуть не рвется. Анна аккуратно освобождает платье, разглаживает его и с улыбкой взгромождается на свой стол.

Через минуту весь класс стоял на партах. Кроме Клара Ковальски, которая, опустив лицо, нервно исписывала вензелями титульный лист учебника.

— Что... Что происходит?! — совершенно выйдя из себя, кричала миссис Хиггинс. Она металась между рядами и стучала указкой по ногам. Молли Харрисон чуть не упала с парты, кто-то из подруг в последний момент схватил ее за тонкую руку.

— Видите, мистер Спеншоу, что вы сделали с девушками? — Хозяйка повернула раскрасневшееся старческое лицо к бывшему учителю.

— А по-моему, это вы рискуете покалечить их, миссис Хиггинс.

— Я рисковала, когда приняла вас на работу и доверила вам этих девиц. Теперь же мне придется заняться их лечением, и если при этом кому-то придется несладко, то виноваты в этом будете только вы! Мне очень хочется, чтобы класс об этом знал!

Девушки не проронили ни слова. Оки во все глаза смотрели на миссис Хиггинс, неожиданно оказавшуюся такой невзрачной, маленькой и беспомощной. Они смотрели на этот класс, вдруг съезжившийся до размеров детской комнаты. Страх, который сковывал их здесь в течении целого года, показался девушкам таким же глупым, как детские истории про Черного Джека.

«Как просто...» — подумала Скарлетт.

Моррис Спеншоу ласково улыбнулся и ободряюще кивнул ей головой.
— Спасибо вам, девушки, — сказал он и, не оглядываясь, вышел из класса.
Навсегда.

* * *

Из пансиона никого из воспитанниц не исключили. Боязнь огласки взяла свое, и миссис Хиггинс оставила непокорных девушек в заведении.

После описанных событий у компании Скарлетт пропала охота к какой-либо деятельности. Клуб сумасшедших литераторов больше не собирался, миссис Хиггинс распорядилась заложить дыру в стене...

Нельзя сказать, что Скарлетт очень обрадовало «помилование», которым ее в числе других наградила хозяйка. Мисс О'Хара обнаружила, что после того, как из ее жизни ушли Марианна и мистер Спеншоу, стены пансиона стали ей попросту ненавистны.

Однако родители настаивали на завершении обучения, и Скарлетт никак не могла уговорить их передумать, хотя посылала слезные письма домой чуть ли не каждый день.

Одинаковые серые дни тянулись один за другим, уходили в никуда. Только через год дилижанс увез девушку из пансиона.

Скарлетт О'Хара покинула Фейетвилль безо всякого сожаления и впоследствии старалась по возможности не вспоминать этот мрачный период своей жизни.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.